

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ I.

- I. НАРОДНОСТЬ.
- II. ЖИЗНЬ.
- III. ДОМОВОДСТВО.
- IV. НАРЯДЪ.
- V. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.
- VI. МУЗЫКА.

Сост. А. Терещенки.
Tereshchenko
"

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1848.

DK32

T4

v.1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 7 марта
1846 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

ВЕРНО
1846

СОДЕРЖАНІЕ.

I. НАРОДНОСТЬ.

Свойства людей. Раздѣленіе людей по очерку лица и образованію тела. Славяне, коренные Европейцы. Свойства Славянъ. Свойства русскихъ Славянъ. Воинственность. Набожность. Веселость, гостепріимство и храбрость, суть отличительныя качества Русскихъ. Возрастаніе княжескихъ дѣтей среди битвъ. Замѣненіе наукъ пастырскимъ ученіемъ. Ожесточеніе воинственности. Слѣдствія отъ междоусобія князей. Всеобщее уныніе и униженіе. Измѣненіе многихъ благородныхъ качествъ отъ униженія. Мнѣнія предковъ о невозможности освобожденія изъ-подъ ига. Время возрожденія Россіи. Неожиданное приращеніе Россіи. Бѣдствіе возвеличило Русскихъ. Неизмѣнное свойство веселости. Сохранившаяся народность въ древнихъ сочиненіяхъ. Непоколбимость народа и его слава. Дѣйствіе народности. Вліяніе языка на народъ. Способности Русскихъ къ просвѣщенію. Сохраненіе народныхъ мыслей въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, и уклоненіе отъ самобытности. Мѣтныя отличія и наклонности Русскихъ, не мѣшаютъ народности. Заключение.

II. ЖИЛИЩА.

Превосходство европейскаго климата предъ прочими частями свѣта. Древнѣйшія свѣденія объ Россіи. Жилища Славянъ. Зданія деревянные, и каменные хоромы В. К. Ольги. Живообразное построеніе и расположеніе комнатъ. Освѣщеніе. Каменные палаты. Простота въ построеніи и украшеніи комнатъ. Появленіе каменныхъ домовъ. Жилые покои въ XV и XVI вѣкахъ. Построеніе высокихъ деревянныхъ домовъ, ихъ внутренность и важность высокихъ хоромовъ. Избы и простота

сельской жизни въ самой столицѣ. Распространеніе каменныхъ домовъ. Строеніе домовъ и избъ, въ половинѣ XVII вѣка. Украшеніе покоевъ, сады и рыбные пруды. Появленіе ягодъ, плодовъ и махровыхъ розъ. Пышность хоромовъ, превозносимая пѣснями. Истребленіе деревянныхъ домовъ отъ пожаровъ. Мѣры для предупрежденія пожаровъ. Строеніе по плану. Улучшеніе домовъ содѣйствовало перемѣнѣ образа жизни. Избы изъ срубовъ. Курени, мазанки и хаты. Построеніе богатыхъ зданій, поселило расточительность. О числѣ домовъ во всей Россіи. Улучшеніе городовъ.

III. ДОМОВОДСТВО.

Древнѣйшая пища. Медъ. Хлѣбъ и квасъ. Пиво и перваръ. Изобиліе въ състныхъ произведеніяхъ. Пряности. Мельницы. Пища простолудиновъ. Ввозъ винъ и плодовъ изъ Царьграда. Хлѣбное вино или водка. Ерофвичъ. Старинныя попойки. Дѣйствіе водки на умственные способности. Буза. Неупотребленіе въ пищу нѣкоторыхъ животныхъ, особенно зарѣзанныхъ рукою женщины. Кушанье, преимущественно рыбное; батвинья, окрошка, блины и алады. Изобиліе състныхъ припасовъ. Соблюденіе постовъ. Время кушанья и отдыха. Содержаніе по службѣ. Печеніе разнаго хлѣба. Обѣды. Богатство серебра, золота и драгоценностей. Званые обѣды. Музыка и звонъ, во время обѣда. Столы въ XVII вѣкѣ. Закуска или десертъ. Давность сахара. Порядокъ подаванія кушанья. Разведеніе нѣкоторыхъ плодовъ и овощей. Взварецъ и пуншъ. Кофе. Чай. Табакъ. Картофель.

IV. НАРЯДЪ.

Древнѣйшая одежда Славянъ. Древняя одежда Русскихъ. Поясы, сапоги, порты и рубашки. Бороды. Серги, ожерелья, монисты, кольца и перстни. Лапти. Одежда XI вѣка. Поясы, кушаки и война за поясъ. Нарядъ въ XIII вѣкѣ. Отзывы путешественниковъ о наружности Русскихъ, конца XV и начала XVI вѣка. Наряды начала XVI вѣка. Рукавицы. Извѣстія объ нарядахъ, половины XVI вѣка. Страсть къ румянамъ. Придворная одежда. Боярская одежда. Богатство Царской одежды. Награда одеждою за заслуги и дареніе одеждою. Нарядъ боярынь,

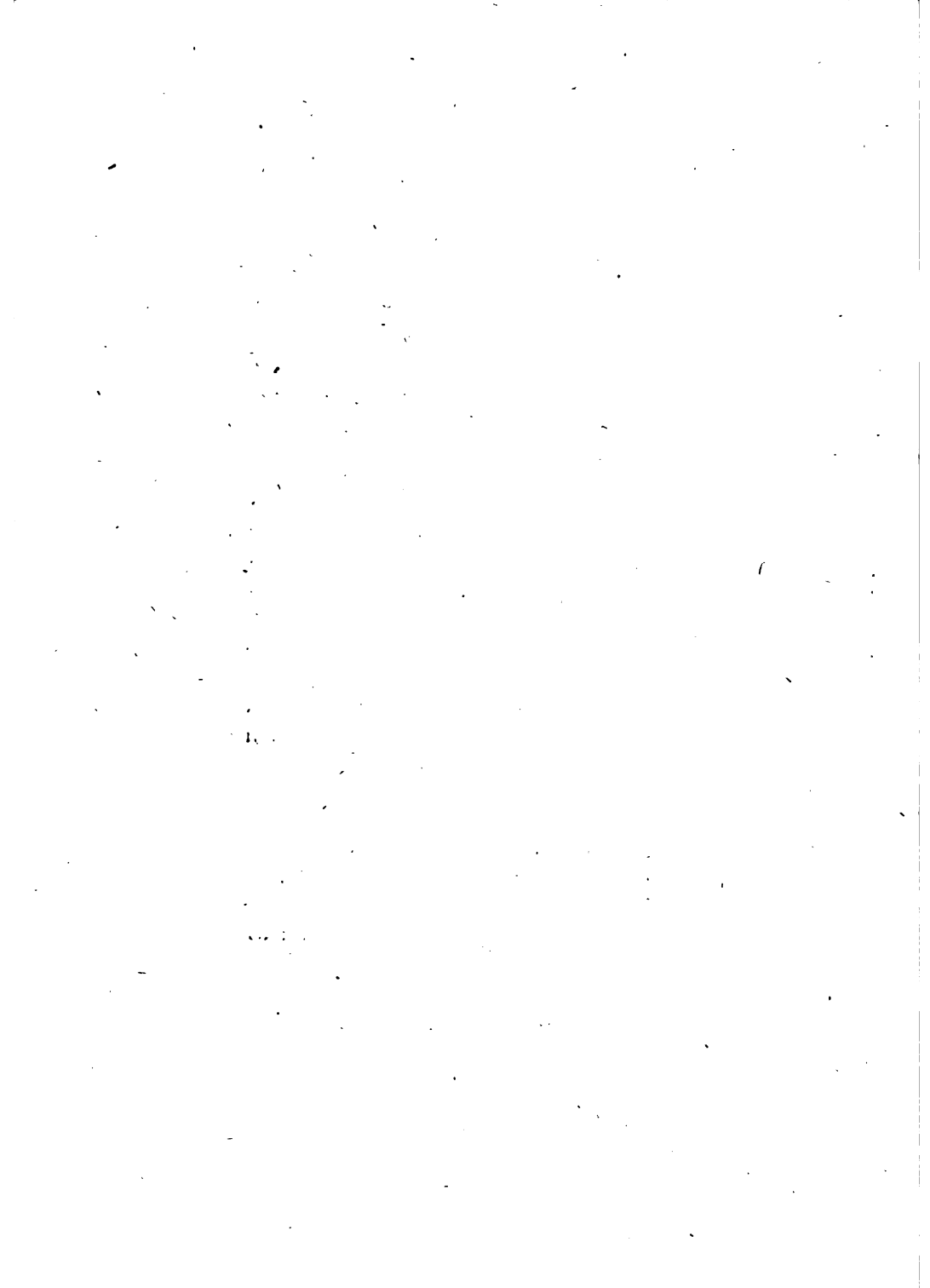
Уборъ Царицы Ирины. Одежда женская духовнаго сословія. Нарядъ дѣвичій. Единообразіе одежды обонхъ половъ. Ношение иностранцами русской одежды. Запрещеніе иностранцамъ носить русскую одежду. Одежда въ половинѣ XVII вѣка и пристрастіе къ румянамъ. Постепенное введеніе иностраннаго. Введеніе иностранной одежды и запрещеніе носить русскую. Гражданская, военная и престопаодная одежды. Введеніе новыхъ нарядовъ и благовоній. Стриженіе бородъ и усовъ. Произведенія русской выдѣлки, съ самыхъ древнихъ временъ. Единообразіе въ жизни и одеждѣ, между простолюдинами.

V. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Похвальныя свойства Славянъ. Хлѣбосоольство. Набожность. Отзывы иностранцевъ о свойствахъ Русскихъ. Занятіе женскаго пола. Удовольствіе въ пѣніи. Уединенная жизнь. Постель. Супружеская вѣрность. Доказательство любви чрезъ побои. Обращеніе въ общежитіи. Высокомѣріе дворянъ. Верховая ѣзда. Звѣриная и птичья охота. Шуты. Жизнь великокняжескаго дома. Поцѣлуйный обрядъ. Появленіе свободы женскаго пола. Свободное обращеніе. Введеніе баловъ и танцовъ. Каррусель. Театры. Тялеги и сани. Каптань, рыдваны и колымаги. Кареты и коляски. Бани.

VI. МУЗЫКА.

Любовь Славянъ къ музыкѣ. Древнѣйшая музыка Славянъ. Трубная музыка и мѣтвіе о музыкѣ и пѣніи. Появленіе другихъ инструментовъ. Природное свойство Русскихъ къ веселію. Бандуристы. Цымбалы или кимвалы. Музыкальная извѣстность Чеховъ.

Иностранцы смотрѣли на наши нравы и образъ жизни; по большей части изъ одного любопытства; но мы обязаны смотрѣть на все это не изъ одного любопытства, а какъ на исторію народнаго быта, его духъ и жизнь, и почерпать изъ нихъ трогательные образцы добродушія, гостепріимства, благовѣйной преданности къ своей родинѣ, отечеству, православію и самодержавію. Если чужеземные наблюдатели удивлялись многому и хвалили, а болѣе порицали, то мы не должны забывать, что они глядѣли на насъ поверхностно, съ предубѣжденіемъ и безъ изученія нашего народа, поэтому впадали въ большія заблужденія, часто вдавались въ заключенія странныя, переходили отъ одной крайности къ другой, такимъ образомъ, что одинъ писатель выставлялъ похвальнымъ и прекраснымъ, то другой находилъ, тоже самое, порочнымъ и смѣшнымъ; что одинъ списывалъ изъ разсказовъ, то другой дополнялъ несбыточными своими истолкованіями и всегда направлялъ ихъ въ дурную сторону. Перечитывая описанія, повѣствованія и сказанія на многихъ европейскихъ языкахъ, вы постоянно читаете, — и не безъ улыбки, — что всѣ иноземные писатели какъ бы условились,

II

однажды и навсегда, хулить и бранить насъ, и эта страсть до того проникнута въ ихъ сочиненіяхъ, что нѣтъ ни одной книги, которая бы при имени Россіи не восклицала: *варварская Московія! земля дикая, народъ въ ней раскольниковскій и совершенно отступившій отъ чистой католической вѣры.*— Всякій, знакомый съ исторіею своего отечества, знаетъ, что эти приписки на предковъ нашихъ, истекли отъ непреклонности ихъ подчиниться игу католическихъ проповѣдниковъ и ихъ верховному представителю, который, вмѣстѣ съ ними и легкомысленными писателями, называлъ еще насъ: *погибшими гадами, отверженными дѣтьми отъ Бога, овцами безъ пастыря*, а по этому не могущими наследовать Царствія небеснаго и наслаждаться благами здѣшней жизни.—Таковыя нареканія суть слѣдствія страстей, а не истины; движенія изувѣрныхъ мыслей, а не чистоты Евангельской; таковыя злословныя провозглашенія относятся къ чести нашихъ предковъ, а не къ безславію ихъ: они отстаивали свое право и достоинство, и перенесли умно всѣ осужденія, которыя пали на головы нашихъ хулителей.

Оставивъ людскія страсти, которыя мы относимъ къ понятіямъ вѣка, намъ уладительно вспомнить, что предковъ жизнь, несвязанная условіями многосторонней образо-

важности, излилась изъ сердечныхъ ихъ ощущеній, истекла изъ природы ихъ отчизны, и этимъ напоминаетъ патриархальная простота, которая столь жива въ ихъ дѣйствіяхъ, что какъ будтобы это было во всякомъ изъ насъ. Кто хочетъ изслѣдовать бытъ народа, тотъ долженъ восходить къ его юности и постепенно снисходить по ступенямъ измѣненій всѣхъ его возрастовъ. Тогда міръ нашихъ предковъ не будетъ для насъ безжизненнымъ, мертвымъ: онъ представится сильнѣе нашему воображенію, со всѣми его причудами и понятіями; тогда увидимъ всѣ стороны картины: суровой и гордой, воинственной и мирной, несчастной и торжествующей, печальной и добродѣтельной; на ней увидимъ предковъ увнчанныхъ славою, и сердце наше забьется крѣпче!

Давно я имѣлъ намѣреніе изобразить жизнь нашей Руси, но всегда былъ останавливаемъ мыслию: трудъ не по моимъ силамъ. Эта мысль, — дѣйствительно справедливая, — отнимала у меня всякую надежду приступить когда нибудь; но разсуждая, что и слабое ознакомленіе, по возможности точное, не должно быть порицаемо, — я рѣшился напечатать его въ *Бытъ русскаго народа*. Не безъ робости представляю его моимъ соотечественникамъ. Если они найдутъ его достойнымъ своего вниманія, то буду радоваться съ ними.

Признаюсь, занимаясь съ любовію изложениемъ *Быта русскаго народа*, я укрѣплялся еще надеждою, что даровитые люди разовьютъ современемъ это сочиненіе, которое, по скудости собранныхъ свѣдѣній, раздѣлено на VII частей, и въ нихъ помѣщено:

Въ части I—I. Народность. II. Жилища. III. Домоводство. IV. Нарядъ. V. Образъ жизни. VI. Музыка.

Въ части II—Свадьбы.

Въ части III—I. Времясчисленіе. II. Крещеніе. III. Похороны. IV. Поминки. V. Дмитріевская суббота.

Въ части IV—Забавы: I. Игры. II. Хороводы.

Въ части V—Простонародные обряды: I. Первое марта. II. Встрѣча весны. III. Красная горка. IV. Радуница. V. Запашка. VI. Кукушка. VII. Купало. VIII. Ярило. IX. Обжинки. X. Бабье лѣто. XI. Братины.

Въ части VI—I. Обрядные праздники. II. Недѣля вай. III. Пасха. IV. Русальная недѣля. V. Семикъ. VI. Троицынъ день. VII. Первое апрѣля. VIII. Первое май.

Въ части VII—I. Святки. II. Масляница.

Нѣкоторые изъ отечественныхъ писателей занимались изслѣдованіями русской жизни, обычаевъ и забавъ, и въ началѣ первыхъ своихъ трудовъ обѣщали многое; потомъ, встрѣтивъ трудности, охладѣли въ своемъ усердіи. — Вскорѣ заняли ихъ мѣста два ревностные писателя: г. Снегиревъ и г. Сахаровъ. Первый, издавъ *Русскіе простонарод-*

ные праздники и суевѣрные обряды, въ теплѣ-
 рехъ выпускахъ, остановился. Второй, пред-
 ставивъ скромно *Сказанія русскаго народа*,
 расширилъ ихъ въ послѣдствіи дополненіями и
 новыми свѣдѣніями. Его сказанія, одно изъ от-
 радныхъ явленій въ нашей словесности, об-
 ратили на себя справедливое вниманіе люби-
 телей народнаго быта, но къ сожалѣнію, въ
 нихъ есть недостатокъ, и въ этомъ не г. Са-
 харовъ виновать, но постоянныя препятствія
 въ собираніи свѣдѣній; трудность въ изложе-
 ній, по чрезмѣрной разнообразности объ од-
 номъ и томъ же предметѣ; мѣстныя измѣ-
 ненія и переименованія одного и того же об-
 ряда или забавы, не только по всей Россіи,
 но въ одной даже губерніи,—мало этого, въ
 одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ что дѣлается
 въ одномъ селеніи, то въ другомъ, того же
 уѣзда, или уже изгнано или совсѣмъ отпра-
 вляется противоположно. При этомъ еще не-
 избѣжная борьба съ суевѣрными людьми, ко-
 торые никакъ не соглашаются пересказывать
 свои обычаи, и не всегда можно положиться на
 вѣрность передаваемыхъ ими извѣстій, не го-
 ворю уже объ игрѣ или о пѣснѣ, которая пере-
 мѣняется ими быстро, какъ хамелеонъ. Пѣснь,
 только что пересказанная вамъ и записанная
 вами,—и вы радуетесь, думая, что она пол-
 ная,—станете же выслушивать ее отъ другого,

выходитъ разница, не въ однихъ словахъ, но въ разстановкѣ стиховъ и въ порядкѣ самаго содержанія, такъ что, если бы вздумалось кому либо исправлять одну какую нибудь пѣснь, черезъ пересказы многихъ пѣвцовъ, то не было бы конца поправкамъ и исправленіямъ. Сколько неприятны и не тяжелы подобнаго рода источники, столько они важны: ими только можно убѣдиться, что народъ нашъ сочиняетъ непрерывно пѣсни, не воображая, что онъ живетъ своей жизнью и своей поэзіею; что народъ нашъ высказываетъ въ нихъ самого себя, не гоняясь ни за честію, — чтобы быть стихотворцемъ, ни за славою, — чтобы слышать рукоплесканія въ большомъ свѣтѣ. Онъ передаетъ себя живо, и часто восторженно: что чувствуетъ неиспорченное сердце его и что мыслить доморощенной его умъ.

Изложить бытъ народа, сколько можно съ должной вѣрностію, нѣтъ возможности одному человѣку: это трудъ многихъ. Я старался представить его, сколько могъ по своимъ силамъ, и отнюдь не думаю, чтобы мой трудъ не былъ измѣненъ, даже въ самое короткое время, и надобно желать, чтобы любители отечественнаго, дополнили его новыми, еще богатыми источниками. — Если бы мѣстные жители собирали туземныя свѣдѣнія и дѣлали ихъ доступными, то можно-

бы достигнуть общаго описанія русскаго быта. Только при содѣйствіи мѣстныхъ собирателей, въ состояніи объясниться нашъ народъ. Иначе, все излагаемое о немъ, останется въ однихъ очеркахъ, въ каковыхъ и я представляю здѣсь. Ктоже лучше можетъ знать и долженъ знать свой край, какъ не тотъ, кто родился въ немъ и живетъ въ немъ?—Ему извѣстны всѣ уловки и изгибы своего земляка, а этотъ землякъ и важенъ въ своей самобытности.

При собираніи мною свѣдѣній, я встрѣчалъ бесчисленные противорѣчія и постоянныя исправленія, особенно въ пѣсняхъ. Отъ того многія изъ нихъ неполныя, сбивчивыя или уже сходныя съ напечатанными; но много достоинства утрачено въ нашихъ пѣсняхъ еще тѣмъ что онѣ напечатаны безъ объясненія обрядныхъ нашихъ дѣйствій. Находятся десятки пѣсельниковъ, подъ названіемъ: полныхъ, новыхъ и полнѣйшихъ, которые большей частью лишены поясненій: при какихъ случаяхъ поются, помѣщенные въ нихъ пѣсни? какое ихъ назначеніе, ихъ духъ, сила и какой ихъ обрядъ?—Всѣ наши пѣсни слагались по случаю какого либо печальнаго или радостнаго событія, которое гремѣло въ разгулѣ веселія, на свадьбѣ, въ игрѣ, забавѣ и хороводахъ. Ни одна изъ нихъ не составлена произвольно,

безъ причины. Пѣсни, безъ изьясненія обрядныхъ ихъ дѣйствій: скучны и утомительны. Правда, онѣ любопытны, занимательны и поучительны, за то потеряно невозвратно дѣйствительное ихъ значеніе.— Можно догадываться и выводить объ нихъ заключенія, но можно ошибаться и выводить ложныя заключенія. Этими примѣрами служатъ всѣ сборники пѣсней. Конечно, они дорогой запасъ,— должно радоваться и благодарить любителей за собраніе, но нельзя не сознаться, что этотъ дорогой запасъ подобенъ алмазамъ, неимѣющимъ блеска и немогущимъ получить своего сіянія, безъ руки художника. Если въ настоящее время не объяснятся пѣсни обрядными своими назначеніями, то и въ будущемъ останутся не объясненными: примѣромъ тому собраніе древнихъ стихотвореній Кириши Данилова и другихъ.

Я боролся еще съ напуганностію простолудиновъ и ихъ предрасудками. Случалось, что если кто пересказывалъ свой обрядъ, или передавалъ свою пѣснь; то вскорѣ пробуждалось въ немъ раскаяніе, робость и его стращали, что за то, что пересказалъ, отдадутъ его подъ судъ! Нашъ народъ такъ боится судовъ, что одно ихъ имя, заставляетъ трепетать его. Случалось, что когда записывалъ пѣснь и потомъ станешь поправлять ее, тогда

раскащикъ блѣднѣлъ и произносилъ жалобно-просительнымъ голосомъ: батюшка! не пиши. — Отъ чего? — Почитай пишешь меня: коли узнаетъ городничій, аль земскій, бѣда мнѣ! — Нѣкоторые даже думаютъ, что пересказывать пѣсни стыдно и грѣхъ, и эта мысль до того поселилась въ головѣ многихъ простолудиновъ, что никакъ не разувѣришь ихъ въ противномъ, и слышишь однѣ отговорки да мнѣ стыдно и грѣхъ. Когда я была молода, тогда я была неразумная и пѣла по глупости своей, а теперь, говорятъ старые люди; пѣть грѣшно. — Отъ чего же грѣшно? — Да такъ грѣшно. — Да отъ чего же такъ? — Добрые люди говорятъ. — Вишь наемни пригрозилъ мнѣ кономарь: Марфушка! не пой. — Да отъ чего же батюшка? спросила я его, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: ты согласишь не своимъ голосомъ. — Случалось еще слышать, что кто пересказываетъ пѣсню, тотъ пересказываетъ ее по дьявольскому наущенію. Повѣря однажды пѣсню одного раскащика съ другимъ, одинъ изъ нихъ началъ смотрѣть пристально на мою бумагу, потомъ спросилъ: скажи батюшка, кто у насъ теперь Царь? — не пишешь ли ты по антихристову велѣнію? — Въ народѣ есть мнѣніе, что со списываніемъ пѣсней, явится антихристъ, котораго велѣнія исполняетъ списывающій, невольно и противу своего вѣдѣ-

дѣл, и что это уже вѣрный признакъ наступающаго представленія свѣта.

Въ изложеніи быта нашего народа, я пользовался устными разсказами, и самъ былъ свидѣтелемъ многихъ обрядовъ и забавъ. Не многіе доставили мнѣ, что обѣщали, а обѣщали золотыя горы. Многіе и очень многіе не исполнили своего обѣщанія, быть можетъ по ихъ легкомыслию, а другіе, какъ мнѣ извѣстно, пренебрегли важностію предмета, думая что хорошаго, описывая бытъ нашего мужика. И выйдетъ все мужицкое!— Да простятъ Богъ таковыхъ мыслителей.— Изъ не обѣщавшихъ, но исполнившихъ больше обѣщанія, я могу поименовать только г. Френева, и благодарю его отъ души. Этотъ молодой человѣкъ дѣлился со мною радужно своими источниками.

I. НАРОДНОСТЬ.

*Народность есть выраженіе
любви къ отечеству.*

Всѣ обитатели земнаго шара, согрѣваемые *Свойства*
однимъ солнцемъ, живущіе подъ однимъ все- *людей.*
мірнымъ небомъ, представляютъ въ своихъ
наклонностяхъ и дѣйствіяхъ большое разно-
образіе. Климатъ, рѣзко выказывающійся во
всемъ существующемъ въ природѣ, отпечатлѣ-
вается равномерно въ умственныхъ и физиче-
скихъ свойствахъ челоѣка: въ его способно-
стяхъ и дѣятельности, ростѣ и силѣ.—Жители
жаркаго пояса, разслабляемые нестерпимымъ
зноемъ, нечувствительно предаются нѣгѣ и
безпечности. Съ воображеніемъ пламеннымъ,
съ начинаніями рѣшительными, они весьма ско-
ро охладѣваютъ, въ случаѣ неудачъ, къ своимъ
предпріятіямъ. Разсудокъ ихъ постоянно за-
лушается страстями. Мстительность и отчаяніе,
лукавство и малодушіе,—вотъ главные качества
этихъ племенъ, не выдерживающихъ въ се-
бѣ высокаго достоинства и благородной цѣ-
ли въ общественной жизни. Поэтому народы,

живущіе подъ экваторомъ, ничего доселѣ не создали величественнаго и историческаго. Обитатели умѣренныхъ поясовъ, въ конхъ сосредоточивается вся Малая Азія и большая часть Европы, ознаменовали себя поучительными событіями: науки и художества, изобрѣтенія и утонченность вкуса проистекли отсюда. Съ крѣпкою и благоразумною волей, съ чувствомъ возвышеннымъ и благороднымъ, съ сознаниемъ заблужденій и съ исправленіемъ ихъ, они шли впередъ; дружно стремились къ усовершенствованіямъ и соперничествовали другъ предъ другомъ въ утвержденіи общественнаго благосостоянія.—Аравитяне, Персы и Армяне были водимы по большей части огненными страстями; за то, гибельныя послѣдствія ихъ дѣйствій, остались спасительными уроками для другихъ народовъ: Европейцы воспользовались ими, и основали на ихъ ошибкахъ свое величіе. Люди сѣверныхъ поясовъ, испытывая всѣ ужасы холода, находились въ всегдашнемъ движеніи, посему дѣятельность, бодрость и мужество суть отличительныя ихъ качества. — Крѣпкіе и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающіе, они твердо идутъ впередъ и достигаютъ своей цѣли.

Самая наружность людей высказывает *Разделение*
умственные и тѣлесныя силы, которыя легко *людей по*
распознаются по очерку лица и образованію тѣ- *очерку ли-*
ла. Поэтому безошибочно кажется, можно раздѣ- *ца и обра-*
лить ихъ на пять породъ: 1) монгольскую, 2) ма- *зованію тѣ-*
лайскую, 3) негрскую, 4) американскую и 5) кав- *ла.*
казскую. 1) Монгольская занимаетъ всю восточ-
ную и сѣверную часть Азіи: ея порода цвѣтомъ
желто-черная и оливково-темная; волоса черные,
рѣдкіе и жесткіе; лице приплюснутое, подъ
скулами широкое, подбородокъ узкій; глаза
маленькіе, носъ небольшой, уши большіе и от-
вислые, голова четверугольная и челюсть вы-
давшаяся. 2) Малайская заселяетъ всѣ острова
Восточной Индіи, Великаго Океана и часть Океа-
на. Здѣсь порода цвѣтомъ черная, волоса вью-
щіеся, лобъ возвышенный, носъ короткій и ра-
сплюснутый, ротъ очень большой, челюсть нѣ-
сколько выдавшаяся; росту средняго, талія пра-
вильная. 3) Негрская обитаетъ собственно въ
Африкѣ и большей части Океаніи. Наружность
сажевидная, волоса смолистые, лоснящіеся и
курчавые, какъ войлокъ, лобъ узкій и сжатый,
глаза круглые и влажные, носъ курносый
и какъ-бы отрубленный, губы одутловатыя.
4) Американская, принадлежность собственно
Америки, исключая Эскимосцевъ и нѣкоторыхъ
поколеній сѣверовосточной ея части, отличает-

ся флегматическимъ характеромъ; жители рослые, крѣпкіе и гибкіе. Наружностію весьма пріятные, цвѣтъ лица сходствуетъ съ красною мѣдью, носъ орлиный, ротъ средній, губы европейскія, глаза большіе и черные, волосы черные, лоснящіеся и жесткіе. 5) Кавказская расселена по всей Европѣ, за исключеніемъ Самоѣдовъ, Финновъ, Лапландцевъ, Маджаровъ и Венгерцовъ. Она занимаетъ большую часть западной Азіи и сѣверные берега Африки, отличается отъ всѣхъ прочихъ бѣлизною тѣла, лбомъ возвышеннымъ, лицомъ круглообразнымъ, носомъ продолговатымъ подѣ угломъ отъ 80 до 90°, ртомъ умѣреннымъ, губами небольшими и пріятными, глазами открытыми, свѣтлыми, большими и голубоватыми, волосами тонкими, мягкими и длинными, ростомъ высокимъ, поступью гордою, таліею привлекательною, силою и умомъ гибкимъ.

*Славяне,
коренные
Европейцы.*

Къ этой породѣ принадлежатъ наши предки, Славяне. Ошибочно мнѣніе тѣхъ изъ нашихъ писателей, которые выводятъ ихъ изъ глубины Азіи. Наружность Славянъ противурѣчитъ догадочному выводу. Изъ исторіи мы видимъ, что въ тоже самое время, когда въ Малой Азіи и Африкѣ славялись политическимъ устройствомъ своимъ, многочисленныя республики и монархіи, (за 2000 л. до Р. Х.);

тогда Италия, вся Германия до Дуная и Крымъ, имѣли уже свои цвѣтущіе города: слѣдовательно народы жили здѣсь уже давно, и если они не возвышались до мудрости мало-азійской и египетской, то причиною тому былъ недостатокъ сообщенія между тогдашними народами. Однако мудрость Миносовъ, критскихъ царей, столь была извѣстна, что жрецы и философы Малой Азии и Египта, приходили въ Критъ изучать ее. А это было весьма въ отдаленной древности, именно, за 1500 л. до Р. Х. — Конечно, мы ничего не можемъ сказать въ пользу нашихъ предковъ, какъ они жили тогда, или чтобы славилась уже своими дѣлами; но то должно быть достовѣрно, что они издревле заселяли Европу, и по этому суть коренные Европейцы. Здѣсь не надобно даже ссылаться на сочиненія многихъ писателей, подтверждающихъ эту истину; довольно сказать, что Славяне наружностію и умомъ, ни въ чемъ не уступаютъ прославленнымъ коренымъ Европейцамъ — Германамъ и Франкамъ; что они очеркомъ лица, бѣлизною тѣла, станомъ и душевными силами, суть настоящіе Европейцы; что они, въ первыя столѣтія своей извѣстности, бѣдствовали, лили кровь за свою свободу, гибли отъ раздоровъ иноземныхъ, но и среди дютыхъ испытаній и переворотовъ не упали духомъ,—

были тверды и непоколебимы, какъ скала среди бурнаго моря, и что они, своими вѣковыми несчастіями, проложили путь къ будущему величію ихъ потомковъ.

*Свойства
Славянъ.*

Славяне, живя первоначально разсѣянно по всей Европѣ и въ приморскихъ мѣстахъ Анатолиі, презирали зной и холодъ, привыкали ко всякой нуждѣ и ко всѣмъ лишеніямъ. Дикая пища казалась имъ вкусною, сырая земля была обыкновеннымъ ихъ ложемъ. Они гордились крѣпостью силъ и нимаго не заботились о наружности: часто въ грязи и пыли тѣснились толпами на сборныхъ мѣстахъ, и разсуждали не объ украшеніяхъ и богатыхъ одеждахъ, но о томъ, что всё достоинство человѣка состоитъ въ силѣ, мужествѣ и быстротѣ, съ помощію коихъ взлетали они на крутыя вершины скалъ, бросались во рвы и переплывали глубочайшія рѣки. — Загорая отъ лучей солнца, они были смуглы и волоса имѣли по большей части русые, подобно Европейцамъ. Искусно бились въ ущельяхъ, скрывались въ травѣ и изумляли непріятелей неожиданнымъ нападеніемъ; таились еще въ рѣкахъ и дышали въ нихъ свободно, посредствомъ сквозныхъ тростей, торчавшихъ изъ воды; жили въ норахъ и лѣсахъ и ужасали сосѣдей по Дунаю своими набѣгами; попадаясь непріятелямъ въ руки,

переносили истязанія безъ воплей и стога; умирали въ мукахъ, не открывая врагу ни своихъ жилищъ, ни своей силы (*). Византійскіе писатели, которые знали ихъ еще въ VI в. (**), удивлялись ихъ геройской неустрашимости, превозносили ихъ стройность, высокій ростъ и мужество. Оставляя кровавыя битвы, они возвращались домой съ рѣдкимъ добродушіемъ; снимая съ себя смертоносное оружіе, они забывали своихъ непріятелей. Кротость и гостепріимство снова водворялись въ ихъ уютныхъ жилищахъ. Славяне дышали престою, не знали ни злословія, ни коварства. Пльвнскихъ не тяготили вѣчной неволею, подобно Германамъ и Франкамъ, но опредѣляли сроки для ихъ свободы, которую они могли выкупать и потомъ возвращаться на свою родину, или оставаться между ними, пользуясь всѣми правами дружбы.— Балтійскіе Славяне были мирны, избѣгали войнъ и любили музыку. Они наслаждались тишиною, когда Гунны громили Европу, а Германь блуждали по лѣсамъ. Чехи и дунайскіе Славяне, попеременно воевали съ непріязненными имъ Нѣмцами и Аварями. Подпавъ подъ власть послѣднихъ (въ VII в.), они терпѣли

(*) Strit. Mem. popul. T. II. c. 59.

(**) Прокон. и Мавракій: см. Мемог. popul. ч. I. с. 29, у Стриттера.

всевозможныя насилія угнетателей, которые впрягали самыхъ женъ въ телѣги, вмѣсто воловъ и коней. Но эти варвары *тѣломъ великіе, умомъ гордые*, исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы, и гибель ихъ обратилась въ половицу: *погибоша аки Обри, ихъ же нѣсть ни племени, ни слѣдокъ* (*). Нѣтъ ни одного народа, восклицаетъ одинъ писатель XI в., честиѣе и благосклоннѣе Славянъ (**). — Путника встрѣчали Славяне съ чрезвычайною лаской, пеклись о его здоровьи и съ особенною заботливостію передавали его отъ мѣста къ мѣсту. Если же, по какому либо небреженію, прохожій подвергался обидамъ, то сосѣди мстили за него (***) . — Хозяинъ, выходя изъ дому, ставилъ на столъ приготовленную пищу, которою пользовался всякій путникъ. Бѣдный чело-вѣкъ, не имѣвшій способо-въ угостить неужи-

(*) Несторъ по кенигсб. сп. «Аще повзаши быше Обрину, не даваше впрячи ни коня, ни вола; повеляша впрячи три, или четыре, или пять женъ въ телгу и повести Обрина.» — с. II.

(**) Ad. Бремен. ut nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri, — кн. II. гл. 12, изд. Линденб.

(***) Маврикій: «Sunt quoque adversas perigrinos benigni maguoque studio servant incolumes salvosque, de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per incuriam ejus, que servare tale debent, accidit, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicines ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum.»

даннаго пришельца, могъ унести съѣстные принасы отъ зажиточнаго, чтобы накормить странника. Самое воровство не считалось въ этомъ случаѣ за порокъ. Удивительная черта гостепрѣимства!—Всѣ славянскія племена любили пѣсни и музыку, услаждавшія ихъ въ самомъ горѣ. Пѣсни воспламеняли сердца мужествомъ, а музыка смягчала дикость нравовъ. Сердечное удовольствіе отражалось въ пляскахъ и играхъ, состоявшихъ въ борьбѣ, кулачныхъ бояхъ, конскихъ скачкахъ, въ прыганьѣ, топаньѣ ногами и въ присядку: а это не есть ли выраженіе душевнаго веселья и крѣпости тѣлесныхъ силъ?

Наши предки, расселенные по обширной нынѣшней имперіи, отличались самостоятельностью и единодушіемъ, не терпѣли иноземнаго владычества: пока дѣйствовали согласно, дотолѣ не знали ни переворотовъ, ни междоусобій.—Каждое племя славянское имѣло свой нравъ и свои обычаи, и это отличало ихъ между собою. Поляне были стыдливы, тихи и кротки; почитали супружескія связи. Древляне жили звѣрски и скотообразно: убивали другъ друга, ѣли все нечистое, не соблюдали никакого брака. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне вѣдали въ лѣсахъ, какъ звѣри; ѣли все нечистое, срамсловили предъ отцами, не знали брака,

*Свойства
русскихъ
Славянъ.*

который замѣняли игрищами (*), забавлялись нѣніемъ пляскою.—Вообще нравы сего времени, изображаютъ смѣсь добродушія съ дикостію. Впослѣдствіи свѣтъ Вѣры смягчилъ грубость Славянъ.

*Воинствен-
ность.*

Отъ Рюрика до Владиміра I (**), мы видимъ удалство воиновъ и постоянное опустошеніе ими константинопольскихъ предѣловъ. Добыча и корыстолюбіе, награждали и обогащали и воиновъ и Великихъ Князей. Отважные Игори и Святославы, умѣли вселить въ душу своихъ сподвижниковъ рѣшимость — почти невѣроятную. Кто не знаетъ краснорѣчивыхъ словъ любимаго воинами вождя—Князя Святослава, произнесшаго ихъ на полѣ битвы, и въ коихъ рѣзко выражено безстрашіе и честь воинственной доблести: «не посраимъ земли русскія! ляжемъ здѣсь костями: мертвымъ нѣтъ срама! Если побѣдимъ, то позоръ намъ. Станемъ крѣпко (***)!» Этотъ духъ понынѣ живетъ въ русскихъ. Византійскіе писатели свидѣтельствуя, что подъ крѣпостію Доростелемъ (****) герои наши оказывали чудеса храбрости, кото-

(*) О бракахъ этихъ племенъ, см. свадьбы ч. VIII въ статьѣ: Обзоръ свадебныхъ обрядовъ.

(**) Отъ пол. IX. до кон. X в.

(***) Нестор. по кеннigsб. сп., с. 62.

(****) Нынѣшняя Силистрія.

рая доходила до остервененія. Когда не могли противостоять оружію непріятелей, тогда они вонзали сами себѣ мечи въ сердце, думая, что убитый врагомъ долженъ служить ему на томъ свѣтѣ, а потому хотѣли сохранить свою вольность и въ будущей жизни (*).

Владиміръ озарилъ Россію истинной *Набож-
ность.* Вѣрою. Начали строить церкви и монастыри, и укрываться въ нихъ отъ превратностей мірскихъ. Нерѣдко дѣти знаменитыхъ бояръ, кончали жизнь въ уединенной монастырской кельи. Духовенство господствовало надъ умами народа.

При всемъ благочестіи наши предки не *Веселость,
гостепрі-
имство и
храбрость,
суть отли-
чительныя
качества
русскихъ.* забывали и веселой жизни. Набожный Владимиръ пировалъ по недѣлямъ въ кругу гражданъ, и однажды онъ сказалъ: *веселіе русскаго —
питье, — безъ него мы не можемъ (**).*

За княжескими столами кипѣлъ медъ, любимое тогдашнее питье. Въ этихъ угощеніяхъ Государь былъ окружаемъ своимъ семействомъ, — народомъ. Пили медъ, но хвалили трезвость, какъ добродѣтель; любили веселье, игры, забавы, музыку и пляску. Бо-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 4. с. 186.

(**) Нест. по кенгсб. сп. с. 73. «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ него быти . . . «свиинны не ѣсти, вина не пити» было противно веселію и обычаю русскимъ.

яры, воеводы, знаменитые сановники и духовенство, забывая свой верховный санъ, угощали другъ друга; простой гражданинъ сидѣлъ на ряду съ бояриномъ и пилъ съ нимъ изъ одной чаши. Вельможа гордился не пышнымъ титуломъ, но братствомъ; сердца всѣхъ сливались въ одно чувство любви къ отечеству и престолу. Ратоборство не усыплялось тукомъ роскоши; войны, поборая за отечество, гремѣли славою побѣдъ. Церковные уставы укрѣпляли доблестные подвиги: воинъ предъ днемъ похода, освобождался отъ всякой эпитиміи и принималъ тайны причащенія (*).

Возрастание княжескихъ дѣтей среди битвъ.

Княжескія дѣти росли на браномъ полѣ, и едва протекали ихъ младенческія лѣта, они уже съ мечемъ сидѣли на борзыхъ коняхъ. Святославъ I. будучи еще отрокомъ (въ 946 г.), металъ копьемъ въ враговъ—Древлянъ (**). Десятилѣтній Георгій и пятилѣтній Владиміръ,

(*) См. Впрошеніе Кирика у новгород. епископа Нифонта, и другихъ (сочин. XII. в.): а еже человекъ будетъ въ опитеми, а пойдетъ на великій путь, молитва раздръпшная дати ему, но отъдржитъ заповѣдь. Аще ли на рать пойдетъ, или разболиться; то дати причащеніе.

(**) Нестор. с. 49—50. И изидоша Древляне противу и снемшисъ объема полкомъ на сокупь, и сууу копьемъ Святославъ на Древляны, и копье летъ сквозь уши коневи, и удари въ ногу коневи; бѣбо дѣтекъ.

сыновья В. К. Всеволода III, были подъ осадою г. Пронска (*).

Святители и пастыри церкви, учили народъ и государей. Наука считалась тогда сверхъ-естественнымъ знаніемъ. Честность и благородство души, справедливость и совѣсть, руководили простымъ, но свѣтлымъ умомъ. *Замѣненіе наукъ пастырскимъ ученіемъ.*
Да будемъ золоты, яко золото, говорили наши предки, вмѣсто клятвы (**). Митрополитъ кіевскій, Никифоръ, славившійся душеспасительными наставленіями, такъ писалъ къ Владиміру Мономаху: «умъ есть око души. Ты, государь мудрый, управляешь своимъ народомъ чрезъ воеводъ, а душа управляетъ тѣломъ, посредствомъ пяти чувствъ. Твой умъ постигаетъ смыслъ каждаго слова: мнѣ ли предписывать тебѣ законы умѣренности? Властитель земли сильной! твоя десница ко всѣмъ простерта. Ты не таишь ни серебра, ни золота; но раздаешь ихъ. Благодать Божія пребываетъ съ тобою. Скажу одно: душа обязана повѣрять

(*) Рязанской губ., въ 1207 г. сент. 22. Нест. по кенигсб. сп. с. 280; Кар. И. Г. Р. т. 3, пр. 125.

(**) Нест., по кенигсб. сп., с. 65. Азь же (Святославъ) и иже со мною и подъ мною, да имвемъ клятву отъ бога, и въ него же вѣруемъ въ Перуна, и въ Волоса, скотья бога, да будемъ золоты яки золото, и своимъ оружіемъ да изъчезы будемъ.

дѣйствія своихъ чувствъ, а государь своихъ слугъ. Испытай Князь, помысли объ изгнанныхъ, осужденныхъ и презрѣнныхъ неправдами. Вспомни, кто кого оклеветалъ и самъ суди. Не печалься моею рѣчью и не думай, чтобы кто приходилъ ко мнѣ печаленъ и просилъ, чтобы я писалъ къ тебѣ. Пишу только для воспоминанія, ибо твоя власть великая, требуетъ великаго отчета; пишу какъ церковь повелѣваетъ пастырямъ, говорить правду Князьямъ. Знаю, что и мы грѣшники, покрытые грѣховными струнами, нуждаемся въ изцѣлѣннѣ; но слово Божіе въ насъ: намъ должно наставлять безъ искушенія и истязанія. Человѣкъ въ лицѣ, а Богъ въ сердцѣ» (*). Россія вскорѣ прославила Нифонта, новгородскаго епископа, запечатлѣвъ его имя названіемъ *поборника всей земли русской*; ибо онъ мирилъ Князей и хранилъ православіе. Когда онъ померъ въ Кіевѣ, находясь адѣсь по дѣламъ церкви, тогда всѣ плакали по немъ, и современный лѣтописецъ Новгорода восклицаетъ: «за грѣхи наши, мы лишились здѣсь видѣть гробъ его (**)!»!

(*) Митрополитъ Никифоръ померъ въ 1120 г. Его мѣсто занялъ Никита, который, управляя церковью семь лѣтъ, не замѣнилъ его достоинствъ.

(**) Посланія митрополита Никифора, наход. въ синодальной биб., въ книгѣ Меодія патерійскаго, подъ No 375, съ сѣмъ заглавіемъ: *посланіе отъ Никифора митрополита*

Воинственный духъ нашихъ предковъ носитъ уже, во время междоусобныхъ браей, отпечатокъ безчеловѣчія и звѣрства. Удѣльные князья, князя злобою другъ на друга, убивали безоружныхъ, поражали мирныхъ гражданъ смертоноснымъ оружіемъ; предавали селенія мечу и огню, и тщеславились опустошеніемъ отечества! Таковыя событія должно приписать ожесточенію, мести, необузданности и непросвѣщенію князей; но, какъ должно судить объ нихъ потомство? Оно произноситъ безпристрастный судъ надъ виновниками несчастія. Но не одна отечественная исторія наша памятна событіями грустными: мы находились еще въ полуобразованномъ состояніи. А лучше ли насъ въ этомъ отношеніи исторія Европы, тѣхъже вѣковъ? Грабежи, истребленія цѣлыхъ городовъ, кровавыя дѣла безразсуднаго рыцарства, постоянное возстаніе вассаловъ, кровожадность принцевъ и королей, безнравственность духовенства и его сластолюбіе, ознаменовали эти самыя времена.

Несчастія, происходившія отъ раздоровъ нашихъ удѣльныхъ князей, были естествен-

Ожесточеніе воинственно-сти.

Слѣдствія отъ междоусобія князей.

киевского къ Владимиру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярослава. Сочиненіе Никонта помѣщ. Въ Харат. Кормчей книгѣ, подъ именемъ: впрашеніе Кириково, еже впраша епископа Никонта и ивъхъ. Часть посланій Никифора и сочиненій Никонта, помѣщ. Кар. И. Г. Р. т. 2. пр. 243, 380. изд. 1846 г.

нымъ слѣдствіемъ всеобщаго бѣдствія: наше-
ствіе Татаръ поглотило Россію. Тогда разстрои-
лось гражданское благосостояніе и самое человѣ-
чество унизилось; тогда отечество, обагренное
кровію, утѣшалось еще тѣмъ, что оно могло
оплакивать бѣдственное событіе калкской
битвы (*). Наши праотцы были осуждены на
рабство! Отрядъ Чингисъ-ханова войска, ос-
тервененный сопротивленіемъ Великаго Князя
кіевскаго, Мстислава Романовича, рубилъ жи-
телей безошадно, и все обращалъ въ пепелъ.
Этотъ князь, дѣстойный имени Мстислава, явилъ
на себѣ примѣръ воинственной гордости. За-
слонивъ берега рѣки Калки, съ небольшою
дружиной, онъ рѣшился умереть съ своими
воинами. Три дня бились съ нимъ лютые вра-
ги и не могли одолѣть; но, прибѣгнувъ къ
льстивымъ обѣщаніямъ пропустить, если онъ
оставитъ поле битвы, устремились на отсту-
павшихъ и вѣроломно изрубили всѣхъ въ куски;
трехъ князей задушили подъ досками и про-
вали на трупахъ истребленнаго полчища. Вотъ
чѣмъ ознаменовалось первое бѣдствіе; за нимъ
послѣдовало зло, гораздо ужаснѣйшее, это —
иго! Суевѣріе носило молву, что Татары суть
предтеча разрушенія міра. Народъ стоналъ и

*Всеобщее
уныніе и
униженіе.*

(*) Случившейся въ 1224 г. мая 31, въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской губерніи, близъ Мариуполя.

съ волею обращаясь къ Богу: «Всевышній! ты караешь Русь въ своемъ приведенномъ гнѣвѣ, но откуда же сѣи страшные привидѣцы? Ты одинъ знаешь, великій Боже! — Мудрыя книжки вѣдаютъ, но мы не постигаемъ, кты они? Мы знаемъ ихъ, но нашими страданіями» (*) — Страхъ былъ повсюдный: всѣ постились. Духовенство день и ночь возсыладо молитвы къ Тому, который однимъ маховеніемъ сокрушаетъ величіе царствъ. Прощались съ здѣшнимъ міромъ, готовились къ послѣднему суду. Всѣ думали, что близокъ часъ разрушенія воеденной! Толпами стекались въ мирныя кельи, надѣвали монашескія одежды, и вѣрили, что она ихъ спасетъ. Молились, чтобы Богъ помядилъ ихъ отъ мечей татарскихъ, подражной мѣрѣ для принесенія раскаянія въ своихъ грѣхахъ. Этотъ ужасъ былъ подобенъ тому, какой распространяли Норманны въ VI вѣкѣ, когда они свободно опустошали Англію, Шотландію, Францію, Андалузію и Италію. — Но царьамъ тогда читали установленную молитву: «Спаси насъ, Господи, отъ ярости Нор-

(*) Новгородская лѣт. с. 99. — «Богъ единъ вѣсть, кто суть и откогда взыдоша. Премудрїя мужа вѣдаютъ я добръ, кто книги разумѣтъ, мы же ихъ не вѣмы, кто суть, на здѣшнемъ о нѣтъ, памяти ради рускіихъ.» — Троицк. лѣтоп.

манновъ» (*). Униженные наши праотцы не находили заступниковъ. Головы князей падали въ Ордѣ, по одному взгляду хановъ. Многіе изъ князей запечатлѣли свою жизнь мученической смертью. Романъ, князь рязанскій, неосторожно говорившій въ Ордѣ объ Алкоранѣ, былъ потребованъ къ отвѣту Мангу-Тимуромъ. Князь смѣло говорилъ свое мнѣніе. Озлобленные поклонники Алкорана, заткнули ему ротъ, изрѣзали его по суставамъ и содравъ съ его головы кожу, воткнули голову на копье. — Русскіе плакали по своемъ князѣ, но славили умершаго за православную вѣру. (**)— Все трепетало предъ именемъ хана; что онъ не приказывалъ, все повиновалось раболѣпно. — Только говорили: «царь велитъ, царь приказываетъ, да будетъ его воля!» Изъ этихъ словъ произошла древняя пословица: «близъ царя, близъ смерти.» Князья наши ѣздили въ Орду, какъ на страшный судъ. Представляясь царю, они не ручались за свою жизнь. Ласкаемые и угощаемые ханомъ, они не были еще увѣрены, какъ ихъ отпустить царь. Нерѣдко, послѣ милостиваго принатія, слѣдова-

(*) A furore Normannorum libera nos, Domine. Chron. de Gregor. de Tour.

(**). Князь Романъ померъ отъ рукъ мучителей, въ 1270 г., іюля 19.

ла смерть. И тотъ былъ счастливъ, кто могъ возвратиться въ отечество съ головою! Потому всѣ наши князья, вельможи и сопровождавшіе ихъ, отправляясь въ Орду, принимали Тайны Св. Причастія, прощались навсегда со всѣми родными и знакомыми, и писали духовныя завѣщанія (*).

Не утомляя вниманія читателей изображеніемъ тогдашнихъ бѣдствій, не можемъ однакожъ пройти молчаніемъ о томъ униженіи, какое должны были совершать наши князья, при приѣмѣ пословъ. Когда ханъ отправлялъ посла въ Москву, тогда Великій Князь встрѣчалъ его за городскими воротами, какъ самого царя, и подносилъ ему чашу кобыльаго молока. Князь наблюдалъ предъ нимъ величайшее почтеніе, безотчетную покорность и не смѣлъ предъ нимъ садиться. Когда посолъ садился на коня, тогда Князь наклонялъ предъ нимъ свою спину, а тотъ, ставъ на нее ногами, взлѣзалъ на лошадь (**). Этотъ обычай прекратился въ концѣ XV вѣка. Софія, супруга В. К. Іоанна III, убѣдила его не встрѣчать ордынскихъ по-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 4. с. 215.

(**) A brief treatise of the great Duke of Moscovia, his geneology; помѣщ. въ собр. Галякюта, т. I. с. 247. изд. 1819 г.

смерть (*). Никто не избѣгалъ угнетенія и никто не былъ увѣренъ ни въ своей собственности, ни въ своей жизни. Богачи лишались имѣній безъ всякой вины; матери осклаивали честь дочерей: враги презирали невинность! Часто жены и дѣвицы, защищая свою добродѣтель, бросались съ высокихъ хоромовъ, и все поражали себя ножами! Часто Татары, въ глазахъ родителей, топтали младенцевъ конями и смѣялись надъ воплями несчастныхъ; часто, въ присутствіи дѣтей, они вырывали внутренность отцевъ и матерей и сдирали съ живыхъ кожу. О, тогда живые завидовали мертвымъ! Гордые нѣкогда боярыни, преклоняли съ трепетомъ свои головы предъ повелѣніями та-

(*) Ордынскіе послы имѣли обыкновеніе привозить съ собою *басму* т. е. болвана, деревянное изображеніе хава. Князья московскіе выходили пѣшкомъ за городъ на встрѣчу посламъ; кланялись имъ, подносили кубокъ кобыльаго молока, подстилали мѣхъ соболій подъ ноги хавскаго чтеца и слушали чтеніе грамоты съ колѣно-преклоненіемъ. Намѣсть, гдѣ происходила эта встрѣча, Софія выстроила церковь во имя Сваса, именуемаго досель: Спасъ на болвановѣ. Она, не терпя татарскихъ пословъ, жившихъ въ особомъ домѣ въ Кремлѣ, кои слѣдили за поступками Великихъ Князей, послала богатые дары Ахматовой жепѣ и писала лукаво, что она, имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать храмъ на ордынскомъ подворьѣ, и просить уступить ей. Царица согласилась: домъ посольскій разломали, и Татары, выхвативъ изъ него, остались безъ приставища. Кар. И. Г. Р. т. 6. с. 92.

тарскихъ жемъ; нося прежде золотыя ожере-
лья и шелковыя одежды, едва уже прикрыва-
ли наготу рубищемъ; нѣкогда окруженныя
голою слугъ, онѣ сами содѣлались рабыня-
ми татарокъ: носили для нихъ воду, мелели
хлѣбъ, готовили пищу въ дымной избѣ, въ
коей закуривали свои нѣжныя, бѣлыя лица
черною неволи; тогда уже никого не разли-
чали. Потушали самую честь, которая драго-
цѣнна только при благоденствіи.

Наши праотцы, повинувшись всему, искали
облегченія; но варвары слѣдовали другому
образу мыслей: они думали, что покоренные
не могутъ быть друзьями побѣдителей; что
истребленіе первыхъ, необходимо для успокое-
нія послѣднихъ. Отъ таковыхъ дѣйствій азіат-
ской политики, измѣнился народный духъ: угне-
теніе, страхъ и раболѣпная покорность, уни-
зили благородныя свойства. Обманъ уже не
былъ порокомъ, клевета не казалась гнуснымъ
поступкомъ. Лишеніе женской свободы, введе-
ніе холопскаго состоянія, браніе взятокъ, на-
казываніе кнутомъ на торговыхъ мѣстахъ,
калейшаніе воровъ за кражу, вѣшаніе преступ-
никовъ и всеобщее невѣжество, достались
въ удѣлъ отъ поработителей. Самыя благо-
роднѣйшія чувства стыда, чести и совѣсти, ис-
чезли: мы пресмыкались и низкими доносимами

*Измѣненіе
многихъ
благород-
ныхъ ка-
чествъ, отъ
угнетенія.*

губили единокровныхъ. Разоряли даже собственные свои владѣнія. Мы гибли отъ самихъ себя, а татарскіе мечи довершали наше горе. Побѣдные вѣйки нашихъ предковъ, не пленяли угнетенныхъ. Нѣкогда витязи говорили своей дружинѣ: «станемъ за отечество и смертію испкупимъ его, а нынѣ и послѣдняя искра любви угасла. Горе намъ, горе!» восклицаютъ современные лѣтописцы. «Защитники доблые исчезли; ничто не ратоборствуетъ за насъ; кровь льется за хана. Прошли тѣ благословенные годы, когда Великіе Князья не разоряли насъ, не грабили единокровныхъ владѣній. Сокрылись навѣкъ отъ насъ покой и гражданское счастье! Баскаки сидятъ у насъ на тронѣ, наши Государи преклоняютъ колѣна предъ ними, а съ нами они поступаютъ какъ съ презрѣнными, осужденными на вѣчное рабство: закладываютъ, продаютъ и убиваютъ безъ суда». — Понятіе о чести и справедливости такъ измѣнилось тогда, что князь липецкій, Святославъ, почитался нами за злодѣя, потому что отражалъ насиліе Татаръ; а князь рильскій, Олегъ, вонзившій въ его грудь свой мечъ, былъ похваляемъ современниками. Самые нравы носили тогда отпечатокъ азіятской свирѣпости. Одно великокняженіе Василія темнаго, ознаменовано многими злодѣйствами. Князь

Василій косою, отсѣкъ руку и ногу Роману, кн. переславскому; В. К. Василій и племянникъ его Василій косою, ослѣплены; кн. Шемяка и кн. литовскій Михаилъ, отравлены. Чернь безъ всякаго суда топчила и жгла людей. Кн. Иоаннъ Можайскій, осудивъ на смерть боярина Андрея Дмитриевича, всенародно сжегъ его на кострѣ съ женою, за мнимое волшебство. Вѣрные гибли, гражданское бытіе исчезло, порядокъ и тишина, необходимыя средства для возрастанія благосостоянія, нарушались еще постоянными набѣгами и внутренними смутами. Дѣти Великихъ Князей спорили о наследствѣ престола, а племянники съ дядями; вѣроломство слѣдовало за вѣроломствомъ, разбой за разбоями, въ коихъ отличился хищный князь Борисъ Александровичъ тверскій (1445). Такъ поступилъ и Дмитрій Шемяка, нарушавшій постоянно спокойствіе Великаго Княженія, и давно содѣлавшійся ненавистнымъ народу. Духовенство вступалось за бѣдствія отечества, напоминало Шемякѣ, что онъ не живетъ въ мирѣ, грабитъ бояръ, тайно сносится съ врагами. Въ несчастныхъ временахъ Россіи, православные пастыри являлись ей утѣшителями. Они укрѣпляли народъ вѣрою и грозили небесною карой губителямъ благосостоянія. Они безтрепетно напоминали князьямъ ихъ долгъ,

и сами свято выполняли свое призваніе: говорили истину, не страшась гнѣва. «Ты вѣдаешь» писали наши святители къ жестокосердому Шемякѣ (1449 г.) «сколько трудился твой отецъ, чтобы присвоить себѣ Великокняженіе: лить кровь Россіянъ, сѣсть на престолъ и долженъ былъ оставить его; выѣхалъ изъ Москвы съ пятью слугами, и самъ звалъ Василія на Государство; снова похитилъ престолъ и долго ли пожилъ? Едва достигъ желаемого и скрылся въ могилѣ, осужденный людьми и Богомъ; но что случилось съ братомъ твоимъ? Въ гордости и высокоуміи онъ рѣзалъ христіанъ, — благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни и свои дѣла! Когда безбожный Махметъ стоялъ у Москвы, ты не хотѣлъ помогать Государю, и былъ виною пролитія Христіанской крови. — Сколько сожжено храмовъ, убито людей, поругано дѣвицъ и монахинь! Ты, ты будешь отвѣтствовать Всевышнему! — Великій Князь молилъ тебя идти съ нимъ на врага, — но тщетно. Пали вѣрные воины въ крѣпкой битвѣ: имъ вѣчная память, а на тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ Василія отъ неволи, но ты, второй Каннъ и Святополкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ Великаго Князя, истерзалъ его: на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли господствовалъ, и въ тишинѣ ли? Волнуемый бая-

преставлене стражомъ, ты не находишь покоя
днемъ и не знаешь ночью сна, отъ страшныхъ
сновидѣній: искалъ Великаго Книженія и по-
губилъ свой удѣлъ. Великій Князь снова на
престолахъ: даннаго Богомъ не отниметь чело-
вѣкъ! — Но ты и нынѣ не выполняешь клят-
венныхъ условій мира: именуешь себя Вели-
кимъ Княземъ и требуешь отъ Новгородцевъ
войска, будто бы для изгнанія Татаръ, при-
званныхъ Василіемъ для своей защиты. Они
немедленно будутъ высланы изъ Россіи, когда
докажешь свое миролюбіе къ Государю. Онъ
знаетъ всѣ твои происви.—Мы, служители ол-
тарей, молимъ тебя, господице князь Дмитрій,
очисти совѣсть, удовлетвори праведнымъ тре-
бованіямъ Великаго Князя, готоваго простить
и жаловать тебя, изъ уваженія къ нашему хо-
датайству, если обратишься къ раскаянію. Ко-
гда же, въ безумной гордости, носыбьешься надъ
клятвами, тогда не мы, а самъ возложишь на
себя духовную тяжесть: будешь чуждъ Богу,
Церкви, Вѣрѣ, и проклятъ на вѣки со всѣми
своими единомышленниками.» — Эти убѣж-
денія не подѣйствовали на Шемяку. Онъ
началъ войну, и въ битвѣ подъ Галичемъ
потерялъ свой удѣлъ. (*) Пастыри духов-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 5. с. 324—327. изд. 1817 г.

ные проповѣдовали миръ и желали благо-
денствія народу. Св. Іосифъ, основатель воло-
коламскаго монастыря, сильно изобличалъ даже
тѣхъ изъ духовныхъ, которые вводили раско-
лы. Такъ онъ писалъ къ суздальскому епис-
копу Нифонту, по случаю распространеннейшей
жидовской ереси: «древніе орлы вѣры, святи-
тели наши, возвѣщали истину въ вертоградѣ
церкви.» Въ важныхъ случаяхъ, гдѣ требова-
лось приговора рѣшительнаго, возвышался го-
лосъ достойныхъ пастырей. (*)

*Миллія
предковъ о
невозможности
освобожденія изъ
подъ ига.*

Европейскія государства въ XIV в., когда
мы стонали въ оковахъ собственнаго плѣна,
стремились къ просвѣщенію.—Какое же срав-
неніе нашего состоянія съ европейскимъ? Не-
вѣжество, грубость и забвеніе сознанія, что
мы новелѣвали нѣкогда обширными и богаты-
ми странами, овладѣло нашими умами до суе-
вѣрія. Мы думали, что нельзя возстать проти-
ву угнетателей, что одна небесная сила, а не
человѣческая, могла бороться съ врагами Вѣры
и народности. Утрата независимости обезору-

(*) Жидъ Схарій прибылъ изъ Кіева въ Новгородъ,
1470 г.; познакомился здѣсь со многими знатными сановни-
ками и духовными, и хитрымъ языкомъ обольстил ихъ сво-
ею вѣрой. Іосифъ Волоцкій, возсталъ противу его ученія.
Архіепископъ новгородскій, Геннадій, объяснилъ эту ересь
Іоанну III, и соборомъ, созваннымъ въ Москвѣ 1490 г., осу-
дилъ заблудившихся и уничтожилъ секту.

живала насъ, и мы, какъ низкіе неслоненши, не смѣли замышлять о справедливой свободѣ: деспотизмъ давилъ! Народъ и Государя, смирился по необходимости, страдали и безмолствовали. Казалось, что нельзя уже было надѣяться, кто бы напомнилъ имъ о прежнемъ ихъ величїи и могуществѣ, кто бы воспламенилъ ихъ самоотверженіемъ. Хотя побѣды невскїя и раковорскїя, свидѣтельствовали Монголамъ о силѣ нашего меча; но мы не возставали противу нашихъ поработителей. Умъ Александра невскаго блеснулъ во мракѣ, а раковорская битва оставила одни печальные слѣды воспоминанїя (*). Всякъ заботился о сохраненїи своей жизни; казалось, что никто не хотѣлъ слышать, что другъ его, его соотечественникъ, гибнетъ отъ руки татарина; что по стогнамъ льется кровь безъ наказанїя; что княжалъ дерзкаго самоуправителя, разсѣкаетъ съ звѣрской радостїю, вѣрныхъ поборниковъ отечества; что прекрасныя и добродѣтельныя жены пре-

(*) Раковорская битва одержана Новгородцами (1268 г. февр. 18), подъ предводительствомъ кн. Дмитрія, сына невскаго, который совершенно разбилъ магистра вѣмцакаго ордена. Сраженїе было столь жестокое, что «ни отцы, ни дѣды наши» говорить летописецъ, «не видали такой жестокой свѣчи». Три дня стояли русскїе на костяхъ, т. е. на мѣстѣ сраженїя. — Эту кровопролитную битву долго помнили въ Новгородѣ и Ригѣ. — Кар. И. Г. Р. т. IV. изд. 1817 г. 94—96.

даны поруганію; что свобода мыслей уничтожена, и цѣли рабства заглушали повсюду святую любовь къ родинѣ, отечеству, своей собственной жизни, — въ неволѣ было не до просвѣщенія! Отъ Владиміра Равноапостольнаго до смерти Владиміра Мономаха, былъ у насъ славнѣйшій періодъ благосостоянія и просвѣщенія. Отъ Мономаха до донскаго (*), — горестное воспоминаніе! — это періодъ нашихъ бѣдствій: тутъ мы совершенно загрубѣли отъ татарскаго ига. Россія не уцѣлѣла бы отъ окончательнаго уничтоженія, если бы не снесобствовали ей внутренніе раздоры въ Ордѣ.

Славяне мужественные, сильные, вѣрные, безтрепетно взиравшіе на смерть, думали ли когда нибудь, что ихъ потомки будутъ стѣнать въ рабствѣ! Отдаленная будущность ничего не предвѣщала имъ ужаснаго. Ихъ будущее мы только знаемъ, прошедшее изучиваемъ, настоящее насъ радуетъ. А что таинственное будущее, готовитъ нашимъ потомкамъ?

*В р е м я
возрожденія
Россіи.*

Народъ объясняется событіями, и если мы въ продолженіи двухстолѣтняго рабства, не лишились своей самобытности, то не менѣе обязаны, кромѣ раздорамъ въ Золотой Ордѣ, дѣйствию Вѣры: въ униженіи мы любили оте-

(*) Періодъ благосостоянія и просвѣщенія былъ съ 980—1125 г., а періодъ бѣдствій съ 1125—1362 г.

чество, какъ землю Православія; пресмыкался въ-ордѣ, мы тихо и медленно подкапывали до-вѣрію властелиновъ. Князья ослѣпляли хановъ золотомъ, бояре и народъ почитали его своимъ царемъ. Великія княжества, Владимірское на Клязьмѣ и Московское, болѣе всѣхъ научены опытомъ междоусобія стремились къ государственной цѣлости. Утверждалось наследственное право, удѣлы присоединялись къ Великому Княженію. Мы шли впередъ постепенно, но вѣрно: такъ началъ В. К. Данилъ, въ нач. XIII в., первый Великій Князь московскій; сынъ его Георгій, зять хана Узбека, усилья его родствомъ и преданностію, расширялъ свои владѣнія. Братъ его Іоаннъ калита, снискалъ полную довѣренность Узбека (въ началѣ XIV вѣка); внукъ его Дмитрій донской, рѣшился на битву съ Мамаемъ. Наши предки, исчисляя всѣ бѣдствія, претерпѣнныя отъ угнетателей, пробудились отъ глубокаго сна и долговременнаго ужаса, Они сами дивились постыдному терпѣнію, своихъ отцевъ. Всѣ вспоминали древнюю свою независимость и ревновали сбросить цѣпи рабства, — одни мечемъ, другіе молитвою. Мужи в юности точили оружіе; жены и старцы молились въ храмахъ; богатые раздавали милостыню, бояре и граждане собирали войско, а народъ готовился

умереть за отечество. Наступила куликовская битва (1380 г. сентября 6), заря освобождения, и все говорили: «часъ суда Божіаго наступилъ; умремъ братія за отечество!» Решительная битва увѣнчала общій порывъ. Виновники славы, кн. Владиміръ Андреевичъ, внукъ налиты, прозванный храбрымъ, и Дмитрій Михайловичъ волинскій, побѣдитель Олега и Болгарь, воодушевили полки. Хотя эта битва не доставила никакихъ существенныхъ выгодъ, кромѣ славы; однако она произвела благодѣтельное дѣйствіе въ умахъ: стали думать, что враги не суть непобѣдимые, что тирановъ истребить можно, что самъ Мамай разбитъ и бѣжалъ (*).—Наслѣдникъ Дмитрія, Василій, былъ уже ласкаемъ и чтимъ въ Ордѣ: ханы требовали одной только покорности. Народъ поздравлялъ другъ друга, что до-

(*) Отъ куликовской битвы прошло 467 лѣтъ, но имя Мамай доселѣ осталось въ памяти народа. Вся Россія его знаетъ, а въ заболжской странѣ, преимущественно царскомъ уездѣ саратовской губерніи, все мѣста именуется мамаевскими. При изслѣдованіи Сарая, столицы Золотой Орды, которой остатки донинѣ видны въ окрестностяхъ Царева, простой народъ говоритъ, что тутъ жилъ Мамай; что въ развалинахъ кроются мамаевскія деньги; что въ нихъ погребены большія сокровища и клады, которыя бережетъ самъ Мамай; что раскапывать ихъ опасно, потому что злой духъ Мамай поселился здѣсь. — Все находимыя и отрываемыя деньги и вещи, называются у нихъ безъисключенія мамаевскими; отрываемые покойники, кто бы они ни были, и сколько бы ихъ ни было, зовутся *Мамаеми*. Одважды на-

жилъ до временъ столь счастливыхъ, и считалъ Мамаево побойще выше альтской и невской. И действительно, это событіе, до временъ Полтавской битвы (1709 г. іюня 27), есть весьма важное въ исторіи нашей: оно доказывало возрожденіе силъ русскихъ, и подкрѣпило его въ несомнительномъ освобожденіи. Самыя добродѣтели воинскія, запечатлѣваемыя Вѣрою, внушали безотчетную преданность къ отечеству. Измѣна наказывалась примѣрной строгостію, въ виду враговъ. Намѣстникъ смоленскій, князь Василій Шуйскій, узнавъ, что злоумышленники государства заманили Литовцевъ подъ Смоленскъ, велѣлъ схватить заговорщиковъ, одѣлъ ихъ въ собольи шубы и бархатъ; потомъ, привязавъ имъ на шею жалованныя кородемъ Сигизмундомъ серебряные коники и чары, вывелъ на городскую стѣну и повѣсилъ въ глазахъ непріятелей! Граждане и воины славили справедливость намѣстника, и доказали свое усердіе къ отечеству мужественнымъ отраженіемъ враговъ (*). Духъ народной гор-

шли въ каменной гробницѣ нѣсколько мужскихъ и женскихъ скелетовъ, обитыхъ въ парчу, и на вопросъ: кто это? было отвѣтомъ: *Мамай съ Мамайшею*. Если при раскопываніи попадались кости или скелеты, то говорили: *нашли мамаевскія кости, или нашли Мамай*.

(*) Кн. Константинъ острожскій осаждал Смоленскъ въ 1514 г., и все усилія взять его, даже при содѣйствіи ало-

дости былъ уважаемъ даже врагами. Но воз-
вращеніе Россіи предназначено было Іоанну
III, хотя менѣе счастливому, однако Великому.
Доблестные полководцы его: Колмсій, Стры-
га и Щена поражали враговъ, а онъ, сидя
дома, утверждалъ государственное бытіе въ-
шней и внутренней политикою, восстанавливалъ
свободу и цѣлость Россіи; искалъ орудій для
собственныхъ выгодъ и никогда не служилъ
орудіемъ для другихъ; дѣйствовалъ, какъ ве-
ликій мужъ безъ страстей въ политикѣ; имѣлъ
въ виду одно благосостояніе и достигалъ его.
Отъ хижинъ до престола, все спѣшилъ къ
своей независимости: бояре и духовенство, во-
ины и земледѣльцы, славили вънѣ Іоанна III,
который разительно сходствуетъ съ Петромъ
Великимъ: первый былъ творецъ, а второй
преобразователь Россіи. Оба ревностно вводи-
ли искусство образованныхъ народовъ, и оба
освѣдали ея могущество.

*Неождан-
ное прира-
щеніе Рос-
сіи.*

Сверхъ тяжкихъ опытовъ судьбы, сверхъ
бѣдствій удѣльнаго правленія и ига Монголовъ,
наше отечество должно было испытать грозу
Іоанна IV; но съ любовію къ самодержавію,
оно повиновалось ему. Въ смиреніи великоду-
шномъ, умирали доблестные сыны отечества и

царствы ихъ людей, были напрасны. Они принуждены были
сдаться съ великою потерей, а король искалъ мира.

мирные граждане; духовенство и жены (*).
Всѣ говорили о долгѣ и чести, и подѣ осадою
гор. Вендена (въ 1578 году октября 21, въ
Ливлянді) — это подтвердилось на самомъ

(*) Заступники беззащитныхъ: Сильверстъ и Адашевъ,
кончили жизнь плачевно; безъ суда и основательной причины
погибли: Даниль, братъ Адашева, родственникъ его Иванъ
Шишкинъ съ женою и дѣтьми, кн. Ам. Оболенскій — Овчи-
на, кн. Михаилъ Рвнинъ, кн. Юрій Кашинъ, кн. Дмит.,
Курлятевъ, кн. Мих. Воротынский, побѣдитель казанцевъ;
бояр. Ив. Шереметевъ, ужасъ крымцевъ; братъ его Ники-
та Шереметевъ; коюшій Феодоровъ, мужъ украшенный сла-
вою и сединою; кн. Ив. Андр. Куракинъ-Булгаковъ, кн. Ам.
Ряполовскій, князя Ростовскіе, кн. Ив. Турунтай-Пронскій,
казначей Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ, кн. Мих. Черкасскій,
братъ Царицы; печатникъ Казаринъ-Дубровскій, митроп.
Филиппъ, проименованный Святымъ; кн. Вас. Пронскій, пе-
чатникъ Ив. Мих. Висковатый, казначей Ив. Фувиковъ, дум-
ные сов. Зах. Ив. Овчина-Плещеевъ, Хабаровъ-Добрынскій,
Ив. Воронцовъ, Вас. Разладинъ, Кирикъ Тырновъ; защитникъ
Лаиса, Андр. Капкаровъ; воев. варскій Мих. Мать. Лыковъ;
воев. михайловскій, Никита Казариновъ-Голохвостовъ. Ожи-
дая смерти, онъ ухладъ изъ Москвы и посхимился въ мона-
стырь на берегу Оки. Царь прислалъ за нимъ опричникковъ,
онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и сказалъ: я тотъ, кого
ищете. — Царь велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороху. — Погиб-
ло десять Колычевыхъ, кн. Ив. Шаховскій, князя Прозо-
ровскіе, Ушатые, Зоболотскіе, Бутурлины, князя Мошчерскіе,
кн. Никит. Ром. Одоевскій, бояр. Мих. Яковл. Морозовъ съ
сыновьями и супругою, кн. Петр. Анд. Куракинъ, бояр. Ив.
Андр. Бутурлинъ; Гр. Собакинъ, дядя Царицы Марѣы, ея
братъ Вас. Собакинъ; кн. Ив. Девтелевичъ; игумень пекон-
скій, Корнилий, его ученикъ Вассіанъ Муромецъ; вятгород-
архіеп. Леонидъ; архим. Феодоритъ, игумень соловецкой оби-
тели, другъ Са. Александра Свирскаго, и убитъ собственнѣй

дѣлъ: воеводы: кн. Вас. Андр. Сипкій, окольнічій Василій Федосѣевичъ Воронцовъ, Дан. Бор. Салтыковъ, кн. Мих. Вас. Тюфякинъ, не хотѣли сдаться, и нашли смерть подъ ея стѣнами; а московскіе пушкари, тѣмъ же одушев-

рукою Царя, наследникъ престола, Іоаннъ. Здѣсь представлена тысячная доля таковыхъ мужей, которые погибли совершенно безъ вины, служа отечеству со славою. Угрызаемый безпрестанно совѣстію и пугаемый тѣнію убиваемыхъ, онъ для успокоенія нечистой души, служилъ по церквамъ и монастырямъ синодики или поминовенія. Въ синодикахъ поминается объ истребленіи княжескихъ, боярскихъ и дворянскихъ родовъ; объ другихъ ни слова.

Въ сочиненіи памяти москов. древност., г. Снегирева, тетрадь I стр. С. XXXV. сказано между прочимъ, объ Александровской слободы ютъ слободы его (Іоанна IV), обнесенной каменной оградой, не осталось и слѣдовъ: въ 1582 г. въ праздникъ Рождества Христова, она сгорѣла отъ молніи. Откуда взято шмъ, это невѣроятное явленіе въ мірѣ? — Многіе, читающіе безъ разбора, и зврующіе всему печатному безусловно, добродушно пріймутъ за истину, и нѣкоторые вѣрятъ досель, что слобода сгорѣла отъ молніи, въ день Рождества Христова, среди трескучей зимы!! Тѣмъ болѣе этому вѣрятъ, что въ этомъ событіи видятъ гавъ Божій. Нѣкоторые изъ монаховъ знакомыхъ до того были убѣждены, что они согласились лучше вѣрить, нежели подумать, что это было невозможное. Если бы это дѣйствительно случилось, то какъ событие необыкновенное, не могло бы сокрыться отъ наблюдателей природы, и непременно сдѣлалось бы предметомъ изслѣдованій, и ученые въ Европѣ, не оставили бы безъ вниманія, необыкновенное дѣйствіе, какъ переворотъ сверхъ-естественной въ природѣ, не смотря, что протекло 265 лѣтъ. — Но никто изъ нихъ не думалъ объ этомъ, считая для вымысломъ каковаго нибудь легкомысленнаго, или

ленвые, повѣсились на своихъ орудіяхъ. Эти люди не искали славы, но думали о чести; имена ихъ неизвѣстны, но ихъ подвигъ служить трогательнымъ примѣромъ доблести воинской.

сказкою, выдуманною для дѣтей. Прошли тѣ времена, когда всему вѣрили; когда многіе думали, что есть люди на четырехъ ногахъ, съ бычачьимъ хвостомъ и рогами, съ четырьмя глазами: двумя на лбу, а двумя назади; когда были увѣрены, что на китѣ держится свѣтъ, что живутъ подъ землею демоны; что они, во время пирушекъ въ преисподней, бросаютъ молнію на города, и сжигаютъ!! — Пусть бы это такъ, но все следовало бы сказать господину сочинителю, котораго почитаю отъ души за многіе полезные его труды: на чемъ онъ основалъ несбыточное событіе? — Въ примѣчаниіи его указано, между прочимъ, на Русск. Лѣт. по Никои. сп., Т. VII. — Я искалъ и ничего не нашелъ тамъ. Открывается, что г. сочинитель взялъ изъ Кар. И. Г. Р. Т. IX. изд. 1824 г. с. 350. — Странно! Знаменитой историографъ, исчисляя несчастныя происшествія того времени для Россіи, страшныя видѣнія Іоанна IV и повѣрья народа, упоминаетъ о носившейся молвѣ, что въ день Р. X. громовая стрѣла зажгла, при ясномъ солнцѣ, спальню Іоаннову, въ Александровской слободѣ, и заключаетъ: сказка достойная суевѣрнаго вѣна. Следовательно, Карамзинъ не вѣрилъ; онъ только указалъ на легковѣріе Одерборна, которой, повѣривъ молвѣ, первый записалъ въ число действительныхъ чудесъ, а ему никто не вѣрилъ. Вотъ самое мѣсто изъ Одерборна, — см. Ioannis Basilidis Magn. Moscoviae ducis vita, изд. 1585 г. гл. III. л. 4. — Fulmen deinde subitam secum coeli serenitatem adducens, ipso Christi natalis slobodam speciosam magnorum Ducum habitationem, cum terribili ingentium structuram et trabium ruina disiecit, rerumque pretiosarum splendidissima supellex, qua ista in munitione asservabatur, de coelo taeta et consumpta est. In elegantiori vero camera cubiculum Basilidis ipsius ubi lectus erat fahnen intravit, adeo caute per-

Дѣйствуя съ полною увѣренностію въ томъ, что силы возрастали, Русскіе пріобрѣли царства: казанское и астраханское, и горсть донскихъ и волжскихъ казаковъ, въ числѣ 840 человекъ, подъ предводительствомъ Ярмака Тимофѣевича, завоевала Сибирь: отъ березовскихъ предѣловъ до Тоболя (1582 г.) «Богъ послалъ намъ новое Царство» говорилъ народъ съ живѣйшею радостію, и пѣлъ молебны благодарственныя. Пріемники Ярмака довершали завоеваніе дикаго и суроваго края, отъ каменнаго пояса до сѣверной Америки и Восточнаго Океана. — Труды вознаградились богатыми рудниками, дорогими мѣхами и выгодной торговлею. — Въ то время, какъ толпы Кортаца и Пизарра, распространяли завоеванія въ Америкѣ (около 1519 г.), русскіе вели торговлю по хребтамъ уральскимъ, укрѣпляли тамъ

regans, ut ipsum simul urnam feriendo dissociaret, qua captivorum nomina ad libidinem forte principis educabuntur, etc. etc. — Въ недавнее время случилось среди зимы воздушное явленіе, съ громовымъ ударомъ и блескомъ молніи. Въ Ригѣ и ея окрестностяхъ, замѣчено было 5 генваря 1844 г. въ 10 часовъ вечера, воздушное явленіе, съ громовымъ ударомъ и молніею; но этотъ ударъ и блескъ произошли отъ пролетѣвшаго по небосклону и лопнувшаго въ воздухъ огненнаго шара. — Журн. мин. внутр. дѣлъ за 1844 г. фев. мѣс., въ смѣси, с. 355. — Все же не громъ и молнія, изъ дождевыхъ тучъ. И этотъ громъ былъ слѣдствіемъ лопнувшаго огненнаго шара, а молнія только отблескомъ его.

свою осядлость мечемъ, селились спокойно между Камою и сѣверной Двиною, привлекаемые сюда изобиліемъ, дешевизною, выгодами мѣны съ полудикими народами, доставлявшими во множествѣ дорогую мягкую рухлядь. Самое жестокое правленіе Царя, казалось, было заглушаемо радостными событіями нашего отечества, — прибрѣтавшаго новыя и обширныя страны, и входившаго въ тѣсныя связи съ иностранными державами, преимущественно съ Англією.

Россія возвеличенная, должна была испытать новые удары несчастій, въ теченіи 15 л. (1598 — 1613 л.), со временъ Бориса Годунова до восшествія на престолъ, Богомъ ниспосланныхъ Романовыхъ. Хотя распространеніе предѣловъ Сибири до сѣвернаго океана, упрочивало наше могущество, доставляло богатство, славило народной духъ и отважныя предпріятія новыхъ витязей; хотя нагайскіе и крымскіе татары, страшились русскаго меча; хотя древняя Иверія (Грузія), увеличивала славу нашу, съ принятіемъ ея подъ покровительство наше (1604 г.), и царь грузинскій, Александръ, считалъ насъ своими защитниками; однако мы сами нуждались въ защитѣ отъ неожиданныхъ появленій, — лже - царей. — Возобновилось время бѣдствій!

*Бѣдствіе
возвеличило
русскихъ.*

Цари Годуновы и Шуйскіе, гибли; самозванцы возмущали народъ, который самъ не зналъ кому вѣрить; партіи крамольниковъ и губителей, пользовались смутами, и объявляли царями то нзъ иноземныхъ властителей Польши и Швеціи, то попеременно являвшихся Аже-Дмитріевъ. Блестательные успѣхи доблестныхъ мужей: Прокопія и Захарія Ляпуновыхъ, побѣды кн. Скопина-Шуйскаго, подвиги Истома Пашкова, Лыкова и кн. Андр. Голыцына, не могли остановить полчища мятежниковъ; шайки польскія и татарскія, грабили повсюду. Окрестности Москвы кипѣли бродягами, внутри ея рыскали ватаги буйныхъ Жолкѣвскихъ, Сапѣговъ, Гонсѣвскихъ, Хоткѣвичей и нѣмца Струйска: рубили и все жгли, что имъ попададось. — Сердце Россіи было разорвано, войны разсѣяны, города и селенія въ пепелъ, жители въ ужасѣ, правительство въ безсиліи. Казалось, что народная самобытность исчезла, и къ довершенію ея разореній, — Поляки осадили Троицкую Лавру, — но это самое спасло Россію! Въ общемъ уныніи духа, еще не все упало. — Гетманъ Сапега, злодѣй Лисовскій, князья: Тиньевичи, Вишневецкіе и другіе, начали осаду (1608 г. сент. 23) съ 30,000 арміею; между тѣмъ, какъ въ обители смиренной, находилась горсть иноковъ, высокихъ единственно душою,

коими управляли достойные безсмертія: кн. Григ. Долгорукій и Алексѣй Голохвостовъ. Всѣ цѣловали имъ крестъ, чтобы не выдавать отечества. День и ночь бились, больные и раненые лежали на дождѣ, безъ присмотра; юноши и дряхлые, заступали ихъ мѣста; много падало отъ зимняго холоду, а еще болѣе отъ голоду; но никто не думалъ о сдачѣ. Шестнадцать мѣяцевъ обороняли иноки Лавру, и со славою отстояли. Таковыхъ примѣровъ не много во всемирной исторіи. Сколько твердости, сколько чувствъ благородныхъ въ народной гордости!—Старцы и жены умирали съ честью, никто не боялся смерти. Вся Россія была усѣяна трупами ея сыновъ; внутренность ея была изрыта могилами, — все гибло, кромѣ добродѣтели и чести. Но, когда возсталъ вся Россія на своихъ враговъ, — тогда всѣ поклялись испить смертную чашу. Два мужа, назначенные Провидѣніемъ для спасенія отечества, начали первые: старецъ патріархъ Ермогенъ и Захарій Ляпуновъ. Ермогенъ, не соглашавшійся на возведеніе на русской престолъ, польскаго короля, былъ заточенъ на Кириловскомъ подворьѣ. Томимый заключеніемъ, онъ стоялъ у гроба, — но, и на прагъ вѣчности, ревностно занимался судьбою своего отечества.—Пламенная любовь къ отечеству, подкрѣпляла дря-

хлые и горестные дни его жизни. Онъ молился за спасеніе Россіи, клялъ мятежниковъ, убѣждалъ бояръ не жертвовать Церковью; — онъ одинъ, среди коварства и обмана, не былъ коваренъ. Измѣнники много разъ приступали къ Святителю, требуя его благословенія на избраніе новаго Царя. Самъ Гонсѣвскій увѣщевалъ его, угрожалъ ему гнѣвомъ короля и даже смертію. Ветхій старецъ, указывая на небо, говорилъ «боюсь Одного, тамъ живущаго!» (*) Изнуреніемъ голода, думали убѣдить

(*) Измѣнникъ и клеветъ бояр. Михаилъ Салтыковъ, требуя однажды-у Ермогена, чтобы онъ запретилъ Прокопію Ляпунову ополчаться за Россію, въ противномъ случаѣ грозилъ зарѣзать его. Но вида его твердость и рѣшительную волю, предатель обнажилъ ножъ и въ бышество устремился на него. Патріархъ освѣилъ его крестнымъ знаменіемъ, и сказалъ: *Знаменіе Креста противу ножа твоего, и възидетъ влажная клятва на главу твою.* — Собр. госуд. гр. Т. II. с. 494. — Латух. степен. кн.: *и патріарха скажетъ лаяше и вынявъ ножъ свой, хотѣлъ его заклати*, и т. д., см. еще Ник. лѣт. — А. С. Шишковъ, извѣстный отечественными заслугами, говоритъ о патріархѣ Ермогенѣ, въ прекрасномъ своемъ разсужденіи: о любви къ отечеству, будто бы Ляхи его били и мучили, о чемъ никакая отечественная лѣтопись не говоритъ намъ. Правда, Ляхи грозили ему смертію, томили заточеніемъ, и измѣнникъ Салтыковъ покушался заколотъ его пожемъ. «Неистовые враги угрожаютъ ему (патріарху) смертію» говоритъ г. Шишковъ. «Тѣло мое вы можете убить, но душа моя не у васъ въ рукахъ. Они въ ярости рвутъ на немъ златыя ризы, совлѣкаютъ священное облаченіе, налагаютъ на него ве-

его, но онъ благословлялъ народъ на защиту отечества, и предсмертный голодъ его былъ о спасеніи Россіи.

риги и оковы: онъ сожалѣетъ только, что изъ десницы его отнять крестъ, которымъ благословлялъ онъ народъ стоять за отечество. Они повергаютъ его въ глубокую, смрадную темницу. Онъ соблазняетъ только, что не можетъ болѣе предстать во храмъ Божіемъ, для воздѣянія предъ лицемъ народа рукъ своихъ ко Всевышнему. Они изнуряютъ его голодомъ и томятъ жаждою, но ни тяжкія цѣпи, ни густой мракъ, ни страшное мученіе алча, ни жестокая тоска, изсыхающей гортани, не могутъ побѣдить въ немъ твердости духа, не могутъ преклонить его къ согласію на порабощеніе отечества.» Собран. сочинен. и перев. г. Шипкова, ч. IV с. 461 — 462, изд. С. П. Б. 1825 г. — Съ патріарха никогда не срывали ризъ, ни платья; не валагали на него ни веревокъ, ни оковъ, ни цѣпей и не держали въ глубокой и смрадной темницѣ. — Это все увеличено. Вроятно г. сочинитель смѣшалъ это событіе, бывшее съ митрополитомъ ростовскимъ, Филаретомъ. Когда Ляхи взяли Ростовъ (въ 1609 г.), народъ и воины бѣжали; тогда Филаретъ сказалъ: не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество! — и заключился съ немногими усердными воинами и гражданами, въ соборной церкви. Тамъ все исповѣдовались, причастились и ждали смерти. Непріатели осаждали храмъ, выломали двери и ринулись съ мечами. Вѣрные Ростовцы окружили Святителя, защищали его до послѣдняго издыханія; церковь наполнилась мертвыми и злодѣи схватили Филарета: сорвавъ съ него святительскія ризы, одѣли въ рубища; потомъ, надѣли на него простую свиту и повели его босаго, въ татарской шапкѣ, въ тушинскій станъ. Великій Филаретъ терпѣлъ униженіе, долгое время; но его вѣрность къ отечеству, ничто не колебало. — Никон. лѣт. с. 103 — 104: Авр. Палиц. Осада Троицк. - Серг. - Лавры. с. 44; Латух. степен. кн. —

Такъ кончилъ жизнь свою великій іерархъ, — лучезарное свѣтило отечества. Смерть его воспламенила сердца всей Россіи; всѣ люди закипѣли мщеніемъ. Опорою бѣдствовавшей Россіи, еще оставался Ляпуновъ; но злодѣй Заруцкій оклеветалъ его предъ своими козаками. Они взволновались, провозгласили его измѣнникомъ, и среди высокихъ помысловъ объ освобожденіи отечества, Ляпуновъ встрѣтилъ неотвратимый ударъ, — онъ палъ на гробъ отечества! Великія тѣни: Ермогена и Ляпунова, навсегда пребудутъ въ событіяхъ исторіи священными. (*). Казалось, все погибло со смертію этихъ великихъ защитниковъ. Отечество погрузилось въ печаль безутѣшную: все страдало и плакало. Думали, нѣтъ надежды на избавленіе: нигдѣ не видѣли спасителей. Но, на голосъ о спасеніи, явились Козьма Миничъ Сухорукій и кн. Дм. Мих. Пожарскій, и тогда единодушно объявили своимъ Царемъ, юнаго Михаила. Враги однако подослали злодѣевъ въ Инатъевскій монастырь, въ коемъ жилъ Михаилъ, чтобы умертвить его. Крестьянинъ Ив. Сусанинъ, извѣстивъ избраннаго на престолъ,

(*) Некоторые изъ нашихъ писателей сомнѣваются въ патриотическомъ дѣйствіи Ляпунова — между тѣмъ, какъ онъ умеръ за отечество.

объ угрожавшей ему смерти, и самъ умеръ за него, бывъ замученъ поляками (*)

Къ концу 1612 г. большая часть Россіи очистилась отъ нашихъ губителей, и это самое время, лютеѣе изъ всѣхъ государственныхъ, ознаменовало русскихъ болѣе нежели когда либо. Тутъ вылился весь народный духъ, кипѣвшій священнымъ чувствомъ любви къ отечеству. Народъ познается только въ бѣдствіяхъ. Чувство благороднаго самоотверженія, восторжествовало, и отечество вышло изъ пучины смуть и крамоль, свѣтлымъ, чистымъ, блестящимъ какъ солнце! Всегда, во всѣ вѣки, были у насъ разительныя доказательства саможертвованія. Это не пристрастіе, а истина, какъ Божій свѣтъ. Быть молчаливымъ о славѣ своего отечества, великихъ дѣяніяхъ народа, это обнаруживаетъ одно робкое и неуверенное смиреніе, которое весьма вредно въ политикѣ.

Предки наши и въ самой неволѣ, увлекались забавами и пляскою. Горе ихъ улаждалось тихимъ и боязливымъ веселіемъ, которое отразилось въ пѣсняхъ, напоминающихъ донны- *Неизгнанные своею веселости.*

(*) Потомки Сусанина, живущіе въ плескомъ уездѣ, въ деревнѣ Коробовѣ, въ 35 вер. отъ Костромы, освобождены Екатериною II отъ всѣхъ повинностей и сданы вольными.

нѣ грусть и тоску. Пѣніе нерѣдко сопровождалось музыкою, которая невѣдомно переходила въ печальные звуки сѣтованія. Отъ того напѣвъ и музыка русскаго, заунывные. Нѣкоторыя игры, доселѣ носятъ отпечатокъ истомы, олицетворенной въ голубѣ, коршунѣ, сѣромѣ волкѣ, и пр. Предразсудки и суевѣрія, владѣли умами; искусства и художества, начали распространяться, только со временъ Іоанна III. Тогда стали уважать плоды гражданскаго образованія, но любили святыню древнихъ нравовъ и простоту жизни, отдавая справедливость разуму и просвѣщенію; перенимали все, что было хорошее, отнюдь не чуждались иностранцевъ, приносившихъ къ намъ полезное съ собою. Древніе народныя обычаи, мало измѣнились до конца XVII в. Хотя мы познакомились съ винами иноземными, однако русскія яства и хлѣбосоольство, радушіе и роскошныя одежды, еще напоминали и тогда старинную самобытность. Все любило свое собственное, имъ жило и веселилось, и это чувство переходило отъ потомства къ потомству, какъ завѣтъ самосохраненія.

Сохранявшаяся народность въ древнихъ сочиненіяхъ.

Науки облагораживаютъ сердце, раскрываютъ душу и возносятъ умъ; но безъ истиннаго просвѣщенія, онѣ не согрѣваютъ, а воспламеняютъ; не ведутъ къ цѣли благосо-

стоянія, а кружатъ головы пылыми затѣями и превратными начертаніями, потому знанія, жизнь народовъ, должны отсвѣчиваться въ дѣйствіяхъ общихъ, а не геніевъ. Русскіе издавна любили науки, и постоянно стремились упрочить ихъ съ своими понятіями и своимъ образомъ жизни. Въ первыхъ вѣкахъ нашей гражданственности, познанія тѣсно сливались съ народностію, могуществомъ, роскошью, изобиліемъ, удалствомъ и силою. Древнія пѣсни и сказки, славилъ могучихъ богатырей, сподвижниковъ Владиміра I; великолѣпіе его пировъ и ласковое его обхожденіе (*).

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, Князя Владиміра
А и было пированье, почетный пиръ,
Было столованье, почетной столъ,
Много на пиру было князей и бояръ,
И Русскихъ могучихъ богатырей.
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ въ полу столъ. . .

(*) Богатыри и сподвижники: Добрыня Никитичъ, Александръ съ золотою гривною; Илья Муромецъ, Алѣша Поповичъ, Чурила Пленковичъ, Соловей Будимировичъ, богатырь Рогдай, Явь Усмошвецъ, Дюкъ Степановичъ, Иванъ гостинной сынъ, Акимъ Ивановичъ, Старъ Годимовичъ, Касьянъ Михайловичъ, Потокъ Михайло Ивановичъ, Василій Игнатьевъ-Пьяница и Тугаринъ Змѣевичъ, запечатлѣлись въ памяти народа, какъ доблестные витязи Владиміра.

Владиміръ Князь распотышился,
По свѣтлой грядѣ показиваесть,
Черные кудри расчесываесть.

Когда пировали, богатырь самъ наливалъ чару зелена вина, не велика мѣра, въ полтара ведра, а турій рогъ меду сладкаго, въ полтретья ведра (*).

Законы черпаются изъ обычаевъ и жизни народовъ. Правда русская и церковные уставы, носятъ отпечатки тогдашняго духа и потребности. Въ нач. X в. мы имѣли уже училище народное, заведенное въ Новгородѣ для 300 дѣтей (**). Междоусобія Князей и нашествіе Татаръ, заглушили первые начатки образованія. Словесность и науки, нашли убѣжище въ монастырскихъ стѣнахъ: тамъ иноки занимались списываніемъ священныхъ книгъ, сочиненіемъ лѣтописей и поученій. Наставленія В. К. Ярослава (1054 г.) къ дѣтямъ его; церковное правило митроп. Іоанна (около 1093 г.), наставника добродѣтельнаго и друга несчастныхъ; поученія епископа Луки Жидяты (1059 г.), поученія Владиміра Мономаха (1125 г.), сочиненія митроп. Никифора (около 1120 г.),—все

(*) Древн. русск. стихотв. собр. Кириш. Даниловымъ, изд. 1848 г., с. X. XI. 5 и 206.

(**) Никон. лѣтоп. «И собравъ отъ старость и пресвитеровъ дѣтей 300, и повелѣвъ учить книгамъ».

это ознаменовано сердечнымъ умиленіемъ, мольбою къ Вседержителю за отечество и народъ, которой любилъ добрыхъ Князей и настырей, какъ дѣти своихъ отцевъ. Слово о малку *Игоревъ*, древнѣйшій памятникъ русской поэмы (сочин. въ конц. XII в.), возглашаетъ славу нашихъ витязей, хвалитъ доблестный духъ народа, которой и въ несчастіи былъ великъ, преданностію безпредѣльной къ своему отечеству. Имя сочинителя неизвѣстно, но его проявленіе запечатлѣно силою выраженія и красотами языка живописнаго. — Начиная поэтическій разсказъ о былинахъ своего времени, онъ съ восторгомъ восклицаетъ о пѣснопѣвцѣ Боянѣ, *соловьѣ стараго времени*, котораго *еще перомъ*, касаясь *оживыхъ струнъ*, *рокомали славу* нашимъ витязямъ. — До насъ не дошли пѣсни Бояна, но онъ свидѣтельствуютъ, что мы имѣли еще до XII в. знаменитыхъ стихотворцевъ, коихъ творенія, съ древнѣйшими русскими сказками: о дѣлахъ и богатыряхъ, погибли въ бѣдственную эпоху междоусобій и угнетенія Россіи. Вышнемъ замѣчательнѣйшія мѣста. Новгородъ - сѣверскій удѣльный князь Игорь, исполненный ратнаго духа, ведетъ свои храбрые полки въ воловецкую землю; но увидѣвъ красное солнце, покрытое тьмою, которая распростерлась на

его воиновъ, онъ воодушевляетъ ихъ: «братія и дружина! лучше намъ умереть на полѣ битвы, нежели достаться въ плѣнь. Сядемъ, братія, на свои быстрые кони и полетимъ къ синему Дону. Я хочу съ вами изломить свое копье, на половецкихъ степяхъ; тамъ положить свою голову, или шелономъ испить Дону! Не буря несетъ соколей чрезъ широкія поля; но стадо галокъ къ великому Дону. — Лошади ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубятъ трубы въ Новгородѣ, развѣваются знамена въ Путивлѣ, — Игорь ждетъ къ себѣ на помощь милаго своего брата Всеволода». — Онъ не замедлилъ прибыть, и говоритъ своему брату: «мои воины мѣткі въ стрѣляннѣ, подъ звуками трубъ повиты, подъ шеломами взлелѣяны, остріемъ копья вскормлены, пути имъ вѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны раскрыты, сабли заострены. Мои воины носятся въ полѣ съ рыми волками, ищутъ себѣ чести а князю славы.»—Игорь развѣзжаетъ по чистому полю, но потемнѣвшее солнце преграждаетъ ему путь; ночь стонетъ грозно и разбуживаетъ птицъ, звѣри рыщутъ въ пустыняхъ. Игорь ведетъ своихъ воиновъ къ Дону. Уже птицы хищныя предвѣщаютъ ему бѣду, волки бѣгаютъ по оврагамъ, орлы своимъ клектомъ созываютъ

звѣрей на кости, лисицы воютъ на червленныя щиты. Русскіе уже за Шеломянемъ. Ночь долго меркнетъ и заря утренняя не всходитъ. — Битва началась: непріатели побѣждены; въ добычу достались намъ дорогія ткани, золото и красныя дѣвицы. Но съ юга налетѣли черныя тучи, — новые полки враговъ. Русскіе стали противу нихъ своими щитами. «Всеволодъ сыплетъ на непріателей стрѣлами, звенитъ по шлемамъ булатными мечами. Гдѣ сверкнетъ золотой его шишакъ, тамъ лежатъ головы половецкія; раздробляются шлемы непріятельскія отъ саблей каленныхъ. Два дни кипитъ битва страшная. Летятъ стрѣлы каленныя, гремятъ сабли о шеломы, трещатъ конья булатныя; земля усыяна костями и облита кровію; но печаль облегла русскую землю: на третій день къ полудню, пали знамена Игоря! Недоставало кроваваго вина, но храбрые Русскіе кончили свой пиръ: напоили гостей и сами легли за отечество! Не веселая настала година! — Жены русскія восплакали: не видать намъ своихъ милыхъ, ни мыслию помыслить, ни думою судати. Застоналъ Кіевъ скорбью, а Черниговъ бѣдами; тоска разлилась по всей Россіи: Игоря ведутъ въ плѣнъ, дѣвицы половецкія поютъ радостныя пѣсни на берегахъ сняго мо-

ря , и звенять русскимъ золотомъ. В. К. Святославъ роняетъ золотое слово , омоченное слезами , и говорить : о племянники мои , Игорь и Всеволодъ ! рано вы подняли мечи на половецкую землю , а себѣ искать славы. Несчастно бились , но несчастнѣе пролили кровь поганую. Сердца ваши скованы булатомъ и закалены мужествомъ , но что нанесли моей серебряной сѣдинѣ ! Много у насъ воиновъ , но и тѣ безъ щитовъ. Величаясь прадѣвиной славою , вы говорили : мужайтесь ! славу прадѣдовъ исторгнемъ , и ею увѣнчаемся ! Если соколъ летаетъ на добычу , то онъ нападаетъ съ высока . » Пѣснопѣвецъ приглашаетъ князей соединиться , чтобы наказать Половцевъ : « В. К. Всеволодъ ! ты можешь Волгу раскроить веслами , а Донъ вычерпать шлемами . О Рюрикъ и Давидъ ! не ваши ли позлащенные шлемы , плаваютъ въ крови ? Не ваша ли храбрая дружина рыскаетъ , какъ дикіе волки , уязвленные каленными саблями ? Галицкій Ярославъ осмомысль ! сидя высоко на своемъ златокованномъ престолѣ , ты подпираешь венгерскія горы своими желѣзными полками , преграждаешь путь королю , затворяешь ворота Дуная , открываешь путь къ Кіеву , стрѣляешь за земли султанскія , — стрѣлай въ Кончака , нечестиваго кощея , за землю русскую ,

за раны Игоревы! А вы, Романъ и Мстиславъ, летая высоко отвагой, какъ соколъ на крыльяхъ вѣтровъ, подъ вашими булатными мечами склоняють головы: Литва, Ятвяги, Древяне и Половцы. — Ингваръ и Всеволодъ и всѣ три Мстиславичи, знаменитаго гнѣзда шестокрыльцы! заградите поле врагу, своими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоревы! Уже Сула не течетъ серебрянными струями, а Двина течетъ болотомъ, подъ грознымъ кликомъ поганыхъ. Изьяславъ, сынъ Васильковъ, сразился острыми мечами со щитами литовскими, и нашелъ славу: онъ палъ на кровавой травѣ, изрубленный литовскими мечами. Дружину твою, Князь, пріодѣли птицы крыльями, а кровь ея полизали звѣри. Ты выронилъ жемчужную душу, изъ храбраго тѣла. Приуныли голоса, замолчало веселіе! — Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! склоните свои знамена, вложите свои мечи. Вы, своими крепостями, навели поганыхъ на землю русскую. На берегахъ Нѣмана они стелють снопы головами, молотятъ булатными цѣпями и вѣють душу отъ тѣла. — На кровавыхъ берегахъ Нѣмана, не болотъ посѣянъ, а посѣяны кости русскія! — О, стени русская земля, вспоминая про времена первыхъ Князей своихъ!» Супруга Ярослава плачетъ, говоря: «полечу незна-

емой кукушкой по Дунаю, омочу шелковой (бебрянъ) рукавъ въ рѣкѣ Каалѣ, и утру кровавыя раны на изрубленномъ тѣлѣ моего друга.» Супруга плѣннаго Игоря проливаетъ слезы въ Путивлѣ, смотря съ городской стѣны въ чистое поле «о вѣтеръ, вѣтеръ! для чего ты вѣешь! Къ чему мечешь ханскія стрѣлы, на воиновъ моего друга? Развѣ тебѣ мало вѣять на горахъ подь облаками, носить корабли на синемъ морѣ? Къ чему мое веселіе развѣваешь? О, славный Днѣпръ! ты пробилъ каменные горы въ землѣ половедкой, носилъ на себѣ Святославовы ладіи, къ стану Кобыкова; принесишь ко мнѣ моего милаго, чтобы я не посылала къ нему въ море, утреннихъ слезъ моихъ. О свѣтлое и пресвѣтлое солнце! ты для всѣхъ теплое и красное: для чего жъ падаешь горячими лучами на воиновъ моего милаго, палишь ихъ въ безводной пустынѣ и угнетаешь печалью?» Игорь освободился изъ плѣна: обманувъ бдительность стражи, онъ садится на борзаго коня и летитъ соколомъ; утомивъ коня, онъ садится въ лодку и плыветъ въ отечество р. Донцемъ. Рѣка привѣтствуетъ князя: «Князь Игорь! не мало тебѣ величія, Кончаку досады, а русской землѣ радости». Князь отвѣчаетъ: «о Донець! не мало тебѣ величія, когда несешь на

своихъ волнахъ Князя, стелешъ ему зеленую траву, на своихъ серебряныхъ берегахъ; одѣвашъ его теплыми мглами, подѣ сѣню зеленого дерева; охраняешъ его гоголями на водѣ, чайками на струяхъ, чернетями на вѣтрахъ.»
За Игоремъ гнались Гзакъ съ Кончакомъ: «тогда вороны не крикали, галки замолкли, сойки не трескотали, лазя по деревьямъ. Дятлы указывали ему путь къ рѣкѣ, а соловьи повѣщали возвращеніе Князя, веселыми пѣснями». «Хотя тяжело головѣ безъ плечъ» говоритъ пѣснопѣвецъ словами Бояна, «но худо тѣлу безъ головы, а русской землѣ безъ Игоря. — Солнце сіяетъ на небѣ, Игорь въ русской землѣ! Дѣвицы поютъ на берегахъ Дуная; радостныя голоса *вьются* чрезъ море въ Кіевѣ: Игорь ѣдетъ по Боричеву, во храмъ Св. Богородицы Пирогощей». Стихотворецъ заключаетъ: «да здравствуютъ князья и дружина, поборовшіе за Христіанъ, поганые полки. Слава князьямъ и дружинамъ!» (*)

(*) Слогъ пѣсни о полку Игоря, показываетъ, что она сочинена искнымъ жителемъ Россіи. Нѣкоторыя слова и выраженія, встрѣчаемыя въ этой пѣснѣ, сохранились доселѣ въ малороссійскихъ думахъ конца XVI в., и это доказываетъ, что Малороссія давно имѣла своихъ вдохновенныхъ поэтовъ, еще до созданія языка.

Изъ многихъ разбиравшихъ пѣснь о полку Игоря, съ исторической стороны, есть болѣе удовлетворительной П. Г.

Науки были любимы въ уединенной кельи. Верхуслава, невѣстка кн. Рюрика, рѣвною покровительствовала ученымъ мужьямъ: епископу суздальскому, Симону, и монаху кievской

Буткова, — напечат. въ Вѣстн. Европ. 1824 г. N 21 и 22. въ Сын. Отеч. и Сѣвер. арх. 1834 г. N 52. — Г. Бутковъ подвергся несправедливымъ замѣчаніямъ сочинителя сказаній Русск. народ., г. Сахарова. Уважая вполне полезныя труды г. Сахарова, нельзя пропустить безъ замѣчанія ошибочныхъ его нареканій. Онъ, между прочимъ говоритъ, — см. его сказанія русск. нар., въ статьѣ: Русская народ. литература с. 58 — 60 изд. 1811 г., и пѣсни русск. народа ч. 5. с. 222 — 228. — «Критическія изслѣдованія г. Буткова, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Идя своимъ путемъ, онъ самъ разыскивалъ, не вѣрилъ чужимъ толкованіямъ. Эту самобытность г. Буткова, встрѣчаемъ мы во всѣхъ его изслѣдованіяхъ.» Послѣ этого прибавляетъ, что онъ несправедливо толкуетъ древнія слова, которыя необъяснилъ и самъ г. Сахаровъ. Онъ говоритъ далѣе: «мнѣніе г. Буткова о мѣстоположеніи Тмуторакана, замѣчательно своею новостію изысканій, отъ всѣхъ другихъ: онъ полагаетъ, что его искать должно не въ Тамань, но на пути изъ Кіева къ Полоцку, на правой сторонѣ Остра, при соединеніи этой рѣки съ Десною, гдѣ теперь село Старогородка, въ одной верстѣ ниже города Остра, въ 60 верстахъ отъ Кіева.» Г. Сахаровъ не такъ это понималъ. Г. Бутковъ, говоря о побѣгѣ Всеслава изъ Бѣлгорода чрезъ Кіевъ и Тмуторакань, указывалъ, что тутъ разумѣется Тмуторакань не Таманская а тотъ городъ Тмуторакань — Остроческій, которой упоминается въ географическомъ отрывкѣ XIV в., въ числѣ кievскихъ городовъ. Сахаровъ говоритъ еще: «что же касается до непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ описаніи слова о походѣ Игоря, то г. Бутковъ почти не обратилъ на нихъ вниманія.» Г. Бутковъ не брался объяснить непонятныя слова; онъ писалъ нѣчто къ слову, а не о всемъ словѣ, и г. Сахаровъ упустилъ изъ

лавры, Поликарпу (окол. 1226 г.). Періодъ татарскаго владычества, мрачный для воспоминанія, но утѣшителенъ крѣпкой вѣрою. Святители и пастыри, проповѣдывали христіанское смиреніе и утверждали въ упованіи на Бога защитника. Духовенство, пріобрѣвъ большое вліяніе на народъ, умѣло защищать его предъ ханами. Такъ митрополитъ Св. Алексѣй, успокоивалъ свое отечество ходатайствомъ въ

виду, что г. Бутковъ объяснилъ отчетливо событія Игорева похода. Я не вхожу въ дальнѣйшій разборъ изслѣдованія по этому предмету, г. Буткова, котораго труды весьма важны для нашей критической исторіи.

Очень многіе покушались объяснить Слово о полку Игоря, и каждый изъ нихъ писалъ по своему мнѣнію. Вотъ одво только исчисленіе писателей, по предмету доселѣ неистолкованному. 1. Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Онъ первый открылъ въ 1795 г. и напечат. въ 1800 г. — 2. А. С. Шишковъ, напеч. 1805 г., потомъ перепечаталъ въ 1826 г., и помѣщено въ полн. собр. его сочиненій и переводовъ. 3. Я. Пожарскій, въ 1819 г. 4. Н. Грамматинъ объяснялъ въ прозѣ и стихахъ, 1823 г. 5. Н. А. Полевой, въ 1830 г. въ 3 т. Ист. руск. нар. — 6. А. О. Вельманъ, въ 1833 г. 7. М. Максимовичъ, 1837 г. Переводили въ стихахъ: 8. Свряковъ, 1803 г. 9. Палицынъ, 1808 г. 10. Язвицкій, 1812 г. 11. Левитскій, 1813 г. Иностранные переводчики, на немецкій яз.: 12. Славянинъ Юнгманъ, 1810 г. 13. Миллеръ и 14. Зедермайтъ. Последній объясненія гг. Карамзина и Шишкова, называлъ перлами. 15. Купріянъ Годабскій, на польской яз.; 16. Вацлавъ Ганка, Славянинъ, на чешскій яз. 17. Аджитъ помѣстилъ переводъ Игорева слова въ сербскомъ альманахъ *Голубиць*. 18. Авг. Бѣлевскій объяснялъ слово о полку Иго-

Ордѣ; архіепископъ ростовскій, старецъ Вассіанъ, Демосфенъ своего времени, напоминалъ Иоанну III (въ 1480 г.) стоять крѣпко за отечество и вѣру. «Наше дѣло говорить Царямъ истину» писалъ онъ къ Царю. «Что я прежде изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ, о томъ и нынѣ пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу.— Когда ты поѣхалъ изъ Москвы къ воинству, съ намѣреніемъ ударить на врага христіанскаго, тогда мы, усердные твои богомольцы, денно и ночью припадали къ олтарямъ Всевышняго, да увѣнчаетъ тебя Господь побѣдою. Что же слышимъ? Ахмать приближается, губить Христіанство, грозить тебѣ и отечеству: ты же отъ него уклоняешься!—Государь! какимъ совѣтамъ внимаешь? Помысли! предать землю русскую, — мечу и огню; людей погнѣбел! Чье сердце каменное не обольется слезами, отъ единыхъ мысли? О Государь! кровь вопіетъ на небо. Мы уповаемъ на Вседержителя, что ты не оставишь насъ, и не будешь именоваться предателемъ отечества. Отложи страхъ: Господь мертвитъ и живить. Поревнуй

рева, на польск. яз. 19. Дм. Дубенской представилъ новыя объясненія на слово о полку Игорева, — оно напеч. въ Русск. достопамятн. Ч. III. 1844 г.

предкамъ своимъ: они хранили русскую землю и покоряли многія страны. Мы всѣ благословляемъ тебя на Ахмата, не царя, а разбойника и богоборца. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его.» (*)

Этотъ самый періодъ замѣчательнъ духовными сочиненіями митрополитовъ: Кипріяна (1406 г.), Фотія (1410), Григорія Самблака и Макарія, которыя конечно не всѣ въ духѣ народномъ, за то вездѣ проникнуто священнымъ чувствомъ любви къ отечеству. Такой духъ господствовалъ постоянно въ нашемъ дорогомъ отечествѣ; такой духъ снасъ Россію и вручилъ ее вѣнценоснымъ Романовымъ. — Іоаннъ В. и Борисъ Годуновъ, вызывали иностранцевъ и старались поселить науки. Годуновъ предвѣдѣлъ даже открыть въ Москвѣ университетъ, по крайней мѣрѣ высшее народное училище. Царствованіе его; нарушенное смутами Лжедмитріевъ, не далó созрѣть благимъ начинаніямъ, — это предѣставлено было счастливому вѣку Императрицы Елисаветы.

Наступала новая гражданская жизнь, по-
являлись новые источники благоустройства; но
это совершилось не вдругъ, потому что пред-
стояла еще сильная борьба народу: ему надлежа-

*Непоколе-
бимость на-
рода и его
слава.*

(*) Кар. И. Г. Р. т. 6. с. 145—148.

до бороться съ своими непримиримыми врагами—сосѣдами: Поляками, Шведами и Татарами крымскими. Укрѣпляемый любовью народа, Михайль принялъ царскій вѣнецъ (1613 г. мар. 3). Призванный имъ единодушно, онъ ревновалъ о благоденствіи и упрочилъ его, сколько было возможно. Онъ прекратилъ споры за московскую корону, уничтожилъ крамолы внутри отечества и возстановилъ достояніе Россіи; но мы не знаемъ, кто былъ во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ, душою неопытнаго и юнаго Государя? Когда святитель Филаретъ, томился неволею въ Варшавѣ, кто врачевалъ тогда раны нашего отечества? (*) Кто указывалъ ему на благо общественное? Видимъ блистательныхъ полководцевъ, но они были сильные на войнѣ, а не въ совѣтѣ; были крѣпкіе мужествомъ, а не знаніемъ науки государственнаго управленія. Кн. Одоевскій, истребитель шайки атамана Заруцкаго; кн. Пожарскій, спаситель отечества; поражавшій еще скопища *лисовицны*; бояринъ Лыковъ, памятный Шведамъ своею доблестію; бояринъ Шенинъ, защитникъ Смо-

(*) Мы знаемъ, что Филаретъ, по возвращеніи изъ девятигодичнаго плѣна (1619 г. іюн. 14), былъ возведенъ въ патриаршеское достоинство (іюн. 22); потомъ сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ своего сына. Нов. Древн. библи. ч. 6. с. 125. изд. 1788 г.

ленска и другіе, радовали отечество, и доказывали его силу (*).

Борьба съ тѣми же непріятелями, продолжалась въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и была упорнѣе. За то, принятіе Малороссіи подѣ покровительство Россіи (1654 г. генв. 8), и прекращеніе войнъ миролюбивыми и полезными договорами съ непріятелями, укрѣпили насъ во владѣніи. Великій мужъ этого времени, А. Ф. Лавр. Ордынъ-Нащокинъ, много содѣйствовалъ къ утвержденію Малороссіи за Россіею.

(*) Иностранцы, называя насъ варварами, описывали какъ жителей новооткрытой части свѣта. Но они забыли, что эти варвары, были умомъ сильные и съ безограниченной любовію къ своему отечеству; что эти варвары, не дозволили просвѣщеннымъ народамъ выбрать изъ среди ихъ властелина. Народъ нашъ славился, и въ то время, самобытностію и Православіемъ; государскіе сановники гибкостію политики и умомъ дальновиднымъ, ибо уничтожили домагательства Польши и Швеции, въ избраніи ихъ королей въ наши Цари. Нѣкоторые изъ нашихъ дворянъ сражались еще въ тридцатилѣтней войнѣ, и запечатлѣли свои подвиги кровавыми ранами. Олеарій, секретарь шлейзвигъ — голштинскаго посольства, пріѣзжавшій въ Москву въ 1633 г., говоритъ, что между Копорьемъ (Сапулга) и Нотебургомъ (Шлиссельбургомъ), русскій бояринъ Базаловичъ, угощалъ посольство вкусными яствами и за столомъ играла музыка; что Базаловичъ участвовалъ въ лейпцигской битвѣ, въ 1631 г., и показывалъ свои раны, полученные имъ; что бояринъ не только храброй, но обходительной и любезной. — Олеар.: *Offt beehrte Beschreibung der Neuen Orientalischen Reise*, с. 9. изд. Шлейзв. 1647 г. in. f.

Другъ челоѳчества, достойный сынъ Россіи, А. С. Матѳѳевъ, трудился и умеръ за честь и пользу. — Не доставало исполнсенаго генія, которой вдвинулъ бы Россію въ систему европейскихъ государствъ; ибо русской народъ, любилъ пламенно свое отечество, а съ такою любовью чего нельзя было предпринять и совершить? — Явился великій умъ, и слава Россіи озарилась сіяніемъ Петра. Онъ соединилъ насъ съ Европою, и показалъ намъ выгоды просвѳщенія. — Мы, какъ бы однимъ взглядомъ, присвоили себѳ плоды долговременныхъ ея трудовъ. Великій Монархъ, едва указалъ войнамъ, какъ надобно сражаться, они уже летали отъ побѳдъ къ побѳдамъ. Явились наши полководцы, и доказали, какъ мы умѳемъ бить Шведовъ и Поляковъ. Побѳдные звуки разнеслись по Европѳ. — Прежній порядокъ управленія измѳнился, преобразовались все словія людей, появились лучшіе законы, правильныя судилища. — Между многими доблестными подвигами его полководцевъ, не менѳе поражаетъ меня кн. М. М. Голицынъ, взявшій Шлиссельбургъ. Взятіе этой крѳпости было ему поручено; осаждаемые были поражаемы со всехъ сторонъ; войска гибли, но не отступали. — Царь велѳлъ прекратить осаду; но Голицынъ, взлѳзая на крѳпостныя стѳны, от-

вѣчалъ посланному: «скажи Государю, я теперь не ему принадлежу а Богу.» — Крѣпость обливалась кровью, и стѣны ея пали предъ Голицынымъ. Отецъ народа облобызалъ съ гордостію, сына отечества (*). Вѣщепосыльный Петръ самъ на себѣ показывалъ примѣры самоотверженія, и между многими: Полтава и Прутъ.

Великій Монархъ созидалъ величіе своего отечества, на отдаленные грядущіе вѣки. Онъ вездѣ самъ судилъ, самъ избиралъ мужей и не ошибался въ выборѣ своихъ сотрудниковъ, — которые, если не стоятъ на ряду съ нимъ, то и не могутъ быть отдѣлены отъ него: — Головины, Меньшиковы, Голицыны, Головины, Шафировы, Долгорукіе, Остерманы и многіе другіе.

Примѣру своего отца, слѣдовала неуко-
снительно Елисавета; оружіе ея вонзовъ: Ми-

(*) Нотебургъ, переименованный послѣ завоеванія въ Шлиссельбургъ, взятъ 1702 г. окт. 11. Голл. Дѣл. П. В. ч. П. с. 86.— Приобрѣтеніе Нотебурга было столь важное, что Петръ Великій установилъ ежегодное торжественное молебствіе, которое совершается понынѣ, въ день взятія, во вездѣ церквахъ на-равнѣ съ Кучукъ-кайбарджскимъ миромъ и другими побѣдоносными воспоминаніями. Герой Шлиссельбурга, кн. Михайлъ Михайловичъ Голицынъ, былъ въ послѣдствіи фельдмаршаломъ. — Въ Моск. вѣд. за 1843 г. N 89. іюня 27, ошибочно сказано, что онъ взялъ Шлиссельбургъ окт. 12. — См. статью напечатанную въ томъ номерѣ: жизнь кн. М. Голицына. Онъ померъ въ 1730 г. дек. 10; погребенъ въ Москвѣ въ богоявленск. мон., въ Китаевъ городѣ.

ниховъ, Лассіевъ, Апраксиновыхъ, Фермора, Салтыковыхъ, гремѣли повсюду; хитрыя дѣйствія политика-канцлера, гр. Бестужева-Рюмина, дали чувствовать Европѣ быстро-возраставшее могущество русскихъ. Но что можно сравнить съ исполинскими дѣлами Екатерины II?—Іоаннъ III былъ творецъ Россіи, Петръ I ея преобразователь а Екатерина II, мудрая и прозорливая, вознесла ее на верхъ славы: Она вѣнецъ народной гордости! Обнимая въ умѣ своемъ систему европейскихъ государствъ, она не упустила изъ виду Швеціи, Польши и Турціи. Она приобрѣтала земли для пользы Россіи, ея могущества и внѣшней безопасности. Она знала, что всѣ союзы и дружественныя договоры, суть только кратковременное перемиріе, и что единственный способъ утвердить ихъ, слѣдовало держать непріятелей въ трепетѣ. Европа испытывала это многократно, и убѣдилась, что Монархія не разрывала мира безъ нарушенія его другими, и когда мечъ блисталъ въ рукахъ ея полководцевъ, тогда было горе супостатамъ! Проницательный взоръ ея нашелъ Румянцовыхъ-за-дунайскихъ, генералиссимусовъ Потемкиныхъ - таврическихъ, Долгоруковыхъ-крымскихъ, генералиссимусовъ князей-италійскихъ-графовъ Суворовыхъ-рымникскихъ,—бича Турковъ, карателя Поль-

ши и гроза Французовъ. Послѣдніе извѣдали въ Италіи весь ужасъ его штыковъ. Этотъ альпійскій герой, Анибаллъ русскій, трепеть нерѣшительныхъ Австрійцевъ, леталъ отъ побѣдъ къ побѣдамъ, по одному мановенію Великой въ имперіи жены, — Екатерины II. — Когда онъ вошелъ въ Италію, тогда казалось, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, возставъ изъ гробовъ, смотрѣли съ удивленіемъ на трофеи его. Суворовъ принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ полководцевъ. Гдѣ онъ ни сражался, вездѣ побѣждалъ. Подобно Цезарю, онъ ставилъ себя выше судьбы. Онъ не шелъ, а летѣлъ къ славѣ, которая встрѣчала его съ лавровыми вѣнками. Цезарь, Суворовъ и Наполеонъ, — вотъ явленія всемірныя! Дальновидный взоръ, изумительная быстрота и вѣрный ударъ, были родныя имъ свойства. — Русскіе не останавливались, шли впередъ; думали о пользѣ и славѣ, и вскорѣ молніеосныя ихъ орудія освѣтили эвксинскій понтъ. — Здѣсь увѣковѣчили себя Орловы-чесменскіе. — Принцы Кобургскіе, ревновали чесменскимъ; Ферзены текли по слѣдамъ рымникскаго. Умные государственные мужи: Панины, Безбородкины, Репнины, Штакельберги, отецъ и сынъ, благодѣтельные Бецкіе, вдохновенные Державины, увѣнчали имя рус-

ское. Не здѣсь исчислять блистательныя дѣла, украшающія по справедливости гордость народную. Довольно, что вѣкъ Екатерины, не раздѣленъ съ именемъ русскаго. Не здѣсь, а въ бытописаніи царствъ, должно слѣдовать за величіемъ Россіи. Въ сіяніи славы и благоденствіи, народъ рукоплескалъ уму Екатерины и ея сотрудникамъ. Отъ береговъ Невы до Царьграда, отъ льдистыхъ странъ сѣвернаго моря до благословенной Италіи, отъ кавказскихъ хребетовъ до Пекина,—все говорило и завидовало русскимъ.

Наше отечество, наслаждавшееся миромъ, вскорѣ было вызвано на новой бой, съ непобѣдимымъ для Европы Наполеономъ. Чрезвычайныя его побѣды, наводили повсюду ужасъ; русскіе точили оружіе и встрѣтили, къ удивленію его, внутри своихъ земель. Барклай де Толли, Багратионы, Кульневы, Раевскіе, Коновницыны и Ермоловы, блились и изумляли враговъ, невѣрившихъ самымъ себѣ, что они воюютъ съ русскими. Они еще не знали ихъ! Когда Кутузовъ принялъ начальство надъ войсками (*), тогда открылась народная война. Каждый закипѣлъ духомъ мужества: юноша

(*) Послѣ взятія Смоленска, авг. 6, 1812 г., см. Письма русск. офицера, Фед. Глижи.

и старикъ, земледѣлецъ и богатъ, женщины и духовенство. Все и повсюду ревновало о спасеніи любезнаго отечества: несли добровольно груды золота, составляли ополченія, помогали раненымъ и одушевляли ихъ. Мать не оплакивала павшаго сына, но гордилась его смертію; отцы, благословляя дѣтей на брань, напоминали имъ священный долгъ, — умереть съ оружіемъ: да не посрамимъ земли русскія! — Дано кровопролитнѣйшее сраженіе на бородинскихъ поляхъ, названное *битвою полководцевъ*, (авг. 26). Сто восемь тысячъ нашего войска, билось съ 180,000 непріятельской арміею; громъ 2,000 орудій гремѣлъ непрерывно; земля дрожала; кровавыя рѣки лились, и мы ни на шагъ не отступали. Наконецъ, отдали Москву; непріятель вошелъ сюда, не думая, что вновь раздадутся отсюда молніеносные перуны на его гибель; что Москва сдѣлается гробомъ для двадцати его союзниковъ. — Наполеонъ предложилъ здѣсь миръ, говоря: война уже кончилась, но Кутузовъ Смоленскій отвѣчалъ ему: война теперь только начинается. Послѣдовали битвы рѣшительныя; рядъ полководцевъ: Витгейнштейны, Милорадовичи, Платовы, Орловы-Денисовы, Багатуы, Беннигены и другіе соперники славы, явили образцы безстрашія и любви къ отечеству. А народъ и неопытные

ратники—партизаны, ища не славы, а справедливаго наказанія своему врагу, спѣшили наперерывъ вредить ему: отнимали у него жизненные припасы, нападали неожиданно въ тылъ, дѣлали засады, рубили лѣсъ и жгли его, или, укрываясь въ немъ, внезапно бросались на непріятелей съ копьями, косами, ножами и топорами; загоняли въ болота или озера, и топчили цѣлыми отрядами; зажигали собственные дома и цѣлыя селенія, гдѣ проходилъ непріятель; отнимали у него всякое средство для пріюта и жизни. Недостатокъ въ жизненномъ продовольствіи, наставшій зимній холодъ, бывъ ужаснымъ для самыхъ туземцевъ, увеличивалъ еще болѣе опустошеніе и погибель, и къ концу 1812 г., врага уже не стало въ Россіи! Этотъ годъ, обремененный славою русскихъ, перешелъ съ ними во храмъ безсмертія. — 1612 и 1812 годы, оба были обагрены кровію и увѣнчаны лаврами. Тамъ и здѣсь, одна народность спасала отечество; тамъ и здѣсь, пожинались лавры на кострахъ мертвыхъ и, съ снѣжныхъ полей Петербурга, русскіе развернули побѣдныя свои знамена на стѣнахъ Парижа. Европа невольно воскликнула: великъ Богъ русскія земли, — великъ и народъ ея! — Народъ, изливая чувства благодаренія предъ престоломъ Всевышняго, наименовалъ Алек-

сандра, любимого своего Монарха, благословеннымъ, а Кутузова, — спасителемъ; но исторія съ нихъ именами записала, въ свои безсмертные листы, чудесныя дѣла русскихъ.

Тамъ, гдѣ болѣе всѣхъ лилась чистѣйшая кровь сыновъ отечества, тамъ погибли сильные. Сергѣевская лавра и Бородинское поле, указывая на доблестные подвиги нашихъ прадедовъ и отцевъ, всегда будутъ наводить усладительную задумчивость и на рѣзвую юность, оживлять плѣнительной бесѣдою — и старцевъ, — на закатѣ дней ихъ жизни. — Согбенный лѣтми и воинъ молодой, вспоминая о славѣ протекшихъ дней, вздохнуть не разъ, вздохнуть, обливаясь радостными слезами. Воинъ! по тебѣ есть память: она живетъ въ родныхъ тебѣ, — всѣхъ твоихъ русскихъ. — Путникъ не разъ склонитъ здѣсь свою голову, и воскликнетъ въ восторгѣ небесномъ: они здѣсь узнали безсмертное свое жилище! — Сладко умереть за отечество. — Учитесь! — О, для любящихъ отечество, — не надобно учиться. — Кто любитъ отечество, тотъ учитъ другихъ.

По освобожденіи Европы, обязанной единственно успѣхамъ русскаго оружія, наши воины — орлы, не долго отдыхали на лаврахъ. Раздались въ Азіи новые громы: Кавказъ и Араратъ содрогнулись. Князь варшавскій —

графъ-Паскевичъ-эриванскій, принося на олтарь отечества постоянно лавры и трофеи, доказалъ Персіянамъ, Туркамъ и Европѣ, что для русскихъ ни палачій зной солнца, ни смертоносныя болѣзни, ни преграда стремительныхъ рѣкъ, необозримыхъ пропастей, непереходимыхъ горъ, не останавливали, а еще болѣе усиливали ихъ рвеніе. Чѣмъ болѣе встрѣчалось имъ на пути препятствій, тѣмъ болѣе воодушевлялись они мужествомъ и непоколебимостію,—свойство великаго народа! — Побѣды намъ открыли путь къ благоденствію, а слава наша есть право на твердость политическую. —

Дѣйствіе народности. При всѣхъ переворотахъ гражданственности, русскій любилъ богатая одежды и роскошь, гордился своимъ хлѣбосольствомъ и ибгою. Любилъ травить зверей и не боялся идти на него, прямо, съ однимъ топоромъ или съ рогатиной; тѣшился плясками и веселилъ себя пѣснями. Въ самомъ горѣ онъ услаждалъ себя ими: пѣвалъ почти безумно. И теперь онъ тотъ же самый: работаетъ ли онъ, или сидитъ въ праздничный день у воротъ своей избы, поетъ и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины, дороги для его сердца: все сочувствуютъ съ нимъ, все ему знакомо. Голубое небо, усыпанныя поля душисты-

ми цвѣтами, нѣжные плоды южныхъ жителей , не производятъ въ душѣ его столько сладкихъ воспоминаній , какъ сумрачный день, свистъ бури и снѣжныя долины: они напоминають ему родное. Воздухъ морозной, зелень дикая, могилы его предковъ, гробы его родныхъ, все тутъ его! Его предки тутъ родились и уснули, — и онъ здѣсь успокоится съ ними. Конечно, истлѣвать тѣлу вездѣ равно, но помниться праху среди родныхъ, на своей родинѣ, усладительно для памяти: она не умираетъ, переходитъ по наследству, по чувству бессмертія, и самой прахъ оживаетъ тогда! — И дикіе звѣри и хищныя птицы, знаютъ свое рожденіе, свое гнѣздо: берегутъ и защищаютъ его воплемъ, ревомъ и стономъ. А человѣкъ, царь природы, не постоитъ за свою родину! Это чудовище, а не гражданинъ, и произведшая его на свѣтъ, должна проклясть день рожденія! Нѣтъ въ мірѣ ни одной былинки, ни одного насѣкомаго, которое бы не любило свою родину. Пересадите растеніе въ страну ему не свойственную, оно зачахнетъ и умретъ. Перенесите самое презрѣнное насѣкомое въ область ему чуждую, оно не перенесетъ потерн своего отечества: и самое презрѣнное любить свою землю! Нѣтъ ничего въ природѣ, чтобы не дорожило своимъ собствен-

нымъ , не любило бы и самыя странности , но только свои . Онѣ странны для тѣхъ , которые рождены съ каменнымъ сердцемъ ; чугуннымъ разсудкомъ , ледянымъ умомъ . Но и самый ледъ , перенесенный въ теплую страну , таетъ , — онъ таетъ отъ любви къ своему сѣверу ; разрушается и оставляетъ слезы . Все плачетъ , все рыдаетъ по своему родномъ , по своей жизни ! Магнитъ устремляется на сѣверъ и указываетъ каждому : вотъ гдѣ мое отечество . Не разлучайте меня съ нимъ ! Вы не любите своей родины , но не думайте погасить во мнѣ любовь !

Привязанность къ своей землѣ , есть общая для всего живущаго , для всѣхъ людей , потому что въ ней скрывается плѣнительное воспоминаніе о своей отчизнѣ ; но есть другое чувство , высшее , нравственное , которое прославило всѣхъ народовъ , — это чувство есть любовь къ благу и славѣ своего отечества . Мы видѣли тому разительные примѣры , въ нашей исторіи . Кто же не знаетъ нашего народа ! — Крѣпкій и чуждый заразительныхъ болѣзней , — онъ всегда веселой , живой , разговорчивой , обходительной , ласковой , не мстительной , терпѣливой и любящей Православную вѣру . Рѣдкія качества обитателей земнаго шара ! Питается здоровою и часто скудною пи-

щей: хлѣбъ съ солью и квасомъ, — онъ . сытъ; живетъ въ черной избѣ, и проводитъ зиму самую лютую, почти равнодушно; одѣвается просто и даже грубо; прикрываетъ тѣло въ свирѣпыя морозы почти тою же одеждою, какую носитъ лѣтомъ: полушубокъ и лапти; но въ его неизвѣженномъ тѣлѣ, необразованномъ умѣ, таится великій духъ и возвышенныя его добродѣтели. На зовъ отечества онъ первый летитъ, первый проливаетъ за него кровь свою; онъ первый умираетъ за него съ восторженнымъ чувствомъ. Умереть за вѣру и отечество, — довольно для Русскаго! Согрѣваемый божественнымъ свѣтомъ Православія, онъ всегда стоялъ за него грудью, не думая о славѣ. — Укрѣпленное вѣрой гражданское общество, есть прочное, а это доказано Русскими при всѣхъ его негодахъ: Православная вѣра всегда спасала насъ: Премѣнять свою вѣру на другую; допустить думать, что чужая лучше его, покориться власти иноземной; но другаго вѣроисповѣданія, воспламеняло его до ожесточенія: Русскій предпочтетъ лучше умереть, нежели захочетъ видѣть Православіе униженнымъ; но допустить ругаться надъ его храмами и олтарями, — это невозможно! Пастыри церкви, поддерживавшіе чувство къ Православію, умѣли соединить съ нимъ спасеніе оте-

чества. Никогда Русской не потерпѣть, чтобы кто наругался надъ его святыней. Уже тотъ непримиримый ему врагъ, кто посягаетъ на его Православіе,—и горе супостату! Съ Православіемъ тѣсно связано отечество. Кто нападаетъ на его вѣру, тотъ нападаетъ на его отечество, потому прежде надобно истребить вѣру, чтобы, не говорю, уничтожить народъ, даже завладѣть имъ! Нашествіе Французовъ въ 1812 г., никогда не могло быть достигнуто цѣли,—цѣли завоеванія Россіею, потому что они были враги Православной вѣры. Положимъ даже, что они могли бы имѣть торжество надъ нами, и повелѣвать имперіею! но, на долго ли?—Это торжество обрушилось бы къ гибели властелиновъ. Рано или поздно, но Русскіе не снесли бы иноземнаго владычества. Скажутъ, какъ же Татары господствовали надъ нами болѣе двухъ сотъ лѣтъ? Какъ мы терпѣли это?—Татары господствовали надъ нами потому, что наши князья безпрестанно находились въ междоусобныхъ раздорахъ, изъ личныхъ выгодъ; но Религія была покровительствуема самыми угнетателями, для того только, чтобы усыпить насъ. Когда же укрѣпилась единоедержавная власть, тогда всѣ кончились крамолы. Доколѣ пребудетъ единство чувствъ и согласія, доколѣ благодѣтель-

ное самодержавіе будетъ управлять нами; — дотѣлѣ никто не овладѣетъ Россією!

Посмотрите на разнообразіе русской жизни, и вы удивитесь, если я скажу, что это разнообразіе не мѣшаетъ народности. Развѣ можно назвать то народностію, что составляетъ ея оттъяки: нравы и обычаи? Развѣ народность въ томъ состоитъ, чтобы носить свои одежды, питаться своею пищею, жить въ своихъ старинныхъ хоромахъ, поступать по обычаю своей страны? — О, тогда бы каждый городъ, — что говорю! — каждый уголокъ деревни долженъ искать своей народности. Это не народность, повторяю, а ея туземныя обыкновенія и привычки, измѣняемая мѣстностію, — это бытъ русской жизни. — Что въ одномъ мѣстѣ принято, то въ другомъ уже смѣнно; что въ одномъ мѣстѣ соблюдается со всею строгостію, то въ другомъ почитается причудами; что въ одномъ городѣ или деревнѣ, составляетъ предметъ набожныхъ воспоминаній; то тутъ же, по сосѣдству, онѣ не допускаются, какъ остатки язычества. Это есть мѣстная потребность, привязанность къ своей землѣ и есть физическая народность, а не нравственная. Кто съ материнскимъ молокомъ всосалъ любимыя привычки, тотъ не можетъ разстаться съ ними, — онѣ любить ихъ,

но любить отъ привычки. Неоспоримо, что любовь къ своимъ привычкамъ существуетъ, даже должна существовать пристрастная, подобно тому, какъ одинъ полъ дышетъ пристрастіемъ къ другому. Разочаруйте слѣпую его преданность къ любимому предмету, раскройте глаза, повѣрьте недостатки и слабости, сравните съ достоинствами другими, болѣе обворожительными, и что произойдетъ съ вашимъ божественнымъ предметомъ, безъ котораго вы не могли жить? Раскаяніе, и можетъ быть, самое презрѣніе! — Умъ разсуждаетъ, сердце холодѣетъ, и чѣмъ хладнокровнѣе станете сравнивать богиню вашего блаженства, коей недавно созидали олтари, курили омиамъ; тѣмъ болѣе будете убѣждаться, что вашъ ангелъ небесный, кроткій какъ нагорный житель, — имѣетъ недостатки! — Разсуждаете болѣе, и вы краснѣете, какъ могли ослабѣть! Хранитель вашего сердца, звѣзда вашего счастья, — уже не по вашему сердцу. — Сладостныя мечты исчезли, потому что пристрастіе уничтожено. — Такая сила привычекъ! Но, не должно протирать ихъ безусловно, безпредѣльно, иначе будетъ не уваженіе къ истинѣ, не признаваніе благороднаго чувства у другихъ народовъ.

Пища и одежды, старинное украшеніе домовъ , храмовъ и зданій , конечно имѣютъ вліяніе на духъ народа. Но , въ какомъ смыслѣ? въ физическомъ. Ему нравится одѣваться по своему, ходить въ свободныхъ платьяхъ, носить туземныя украшенія , расписывать дома любимую краской , строить храмы по стариннымъ преданіямъ , въ коихъ живетъ его воспоминаніе, согрѣваетъ его душу , — но, не есть ли это дѣйствіе обычая , и если хотите , той самой привычки?—А привычка, есть вторая природа. Мы часто смѣшиваемъ дѣйствіе нравовъ и обыкновеній , съ чувствомъ народности. Неужели никто не согласится , что живя въ пышныхъ палатахъ новѣйшаго зодчества, нося иностранныя одежды, — нельзя не любить свое отечество , такъ же пламенно и страстно, какъ завѣщали намъ любить его наши праотцы? — Посмотрите на разселеніе нашего народа по тремъ частямъ свѣта , — и что ихъ соединяетъ? Что ихъ держитъ и хранитъ? Священнѣйшее чувство любви къ отечеству, основанное на Православіи и Единодержавіи. Всѣ дышутъ и пламенѣютъ однимъ чувствомъ, желаютъ счастья и утверждаютъ благосостояніе , — вотъ гдѣ кроется народность! вотъ его сила и опора!

*Вліяніе
языка на
народъ.*

Нравственная народность выше всякаго могущества ; она всегда неразлучна съ господствующимъ языкомъ , — но у насъ имъ говорятъ по всѣмъ отдаленнымъ концамъ обширной монархіи. И въ самое древнее время говорили имъ, при дворахъ турецкаго и египетскаго султановъ : жены, нововѣрцы и мамелюки (*). Языкъ сближаетъ всѣхъ, плѣняя слухъ и народную гордость, но гдѣ говоритъ сердце или умъ, тамъ образцы вкуса и ума ; гдѣ кипятъ страсти , тамъ унижается небесный даръ слова ; гдѣ чистой пламень мыслей , тамъ присутствіе добраго гения , котораго вдохновеніе всѣ раздѣляемъ невольно : оживаемъ въ его дыханіи , возносимся въ его пареніи , — и чье сердце можетъ быть безчувственнымъ къ трогательнымъ звукамъ слова ? — Даже простаго, обыкновеннаго, но давно неслыханнаго своего роднаго. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, встрѣтившихся нечаянно на чужой сторонѣ : съ какимъ восторгомъ они обнимаются и изливаютъ радостныя воспоминанія на своемъ языкѣ. Кажется, что все окружающее , завидуетъ имъ ; но ихъ восторгъ неописанной ! Они увиделись въ первый разъ,

(*) Кар. И. Г. Р. т. 7. пр. 406 ; Pauli Jovii de Legatio Moscoviz. —

и уже знакомы и дружны. Они росли, воспитывались и жили на одной землѣ; они говорятъ однимъ языкомъ, а это, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по ихъ жиламъ, пробуждаетъ тысячу воспоминаній о родитѣхъ и слезы навертываются на глазахъ! Полные избытка сладостныхъ мыслей, спѣшатъ на перерывъ передать свои впечатлѣнія, перебиваютъ другъ друга, говорятъ и не наговоряются; прислушиваются къ отраднымъ звукамъ, повторяютъ ихъ и не вѣрятъ, что слышатъ родной языкъ. О, этой божественной радости, никто не пойметъ, кто не былъ въ чужихъ земляхъ, кто не любилъ своего роднаго! Обогранный кровію воинъ, опускаетъ немедленно свой мечъ, когда услышитъ голосъ о пощадѣ, на родномъ его языкѣ. — Звѣри узнаютъ другъ друга, въ страшномъ рыканіи, и не терзаютъ; птицы привѣтствуютъ птицъ, пріятнымъ для нихъ щебетаніемъ; змѣи и гады, ползутъ другъ къ другу на свистъ и шипѣніе, для насъ страшное, — но для нихъ сладостное; деревья преклоняютъ свои вѣтви: онѣ говорятъ, перешептываются; цвѣточекъ склоняетъ свою головку къ другому, вмѣстѣ съ нимъ родившемуся, и своимъ колыбаніемъ выражаютъ взаимно тихую радость, какъ бы переговаривался украдкой между собою. Языкъ

природы разлитъ повсюду. И чувство его столь пламенное, столь горячее, что оно двигаетъ самыми металами. Однойковой металлъ сродняется съ однороднымъ. Языкъ, таинственный узелъ народности, скрѣпляетъ еще болѣе людей между собою: имъ изъясняютъ и учатъ, какъ надобно любить отечество; на немъ произносятъ священныя поученія и совершаютъ моленіе предъ олтаремъ Всевышняго; имъ просвѣщаютъ и указываютъ гражданину его назначеніе. Довольно странно мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что міръ есть всеобщее отечество; что человѣкъ можетъ любить столько же чужую землю, сколько свою! Гражданинъ всего міра не можетъ существовать, по причинѣ безчисленныхъ измѣненій духа правленія, и противурѣчій въ дѣйствіяхъ къ общественному благу. Онъ не въ состояніи любить иноземное, сколько свое; потому что душа его не находитъ роднаго отголоска въ сочувствіи чужеземцевъ, хотя добрыхъ и просвѣщенныхъ, и никто не можетъ быть счастливымъ внѣ своего отечества, а слѣдовательно и любить другое и быть гражданиномъ всемірнымъ.

Способности русскихъ къ просвѣщенію.

Въ наукахъ мы стоимъ далеко позади европейцевъ, потому единственно, что менѣе другихъ занимаемся. Ученое сословіе не нахо-

дится у насъ на той степени, на какой во Франціи, Германіи, Англіи и даже Италіи; но оно и не можетъ существовать, по причинѣ недоучиванія. Наши юноши учатся многому и не научиваются; оканчиваютъ образованіе скоро и не думаютъ объ усовершенствованіи себя; болѣе читаютъ, нежели сколько знаютъ. Но доказываетъ ли это, что мы безъ способностей? Не можемъ обрабатывать учености и наукъ? — Посмотримъ. — Народное просвѣщеніе, съ восшествіемъ на престолъ благословеннаго дома Романовыхъ, произвело ощути-тельно благое дѣйствіе: появилась въ Москвѣ Славяно - греко - латинская школа (1643 г.) и академія (1682 г.), а духовная кievская академія содѣлалась разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи. Ученые малороссіяне были учителями и проповѣдниками, изъ коихъ многіе оказали великую услугу наукамъ, и ихъ наставническое вліяніе продолжалось почти до конца XVIII вѣка. Памва Берында, Елифаній Славенецкій, Св. Димитрій, Гавріилъ Бужинскій, Феофанъ Прокоповичъ, Георгій Конисскій, Іоаннъ Леванда, Анастасій Братановскій, Евгенийъ Болховитиновъ, и многіе другіе суть тому доказательствомъ. Изъ духовныхъ великороссіянъ не менѣе содѣйствовали: патриархъ Никонъ, Гедеонъ Крыновскій, Дим. Сѣченовъ,

Платонъ Левшинъ, Михаилъ Десницкій, Амвросій Протасовъ. Во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ разлито, правда, болѣе нравственного и назидательнаго; но за то съ какимъ рѣдкимъ краснорѣчіемъ соединена любовь къ отечеству, укрѣпленная Вѣрой.

Въ началѣ XVIII ст. открыто народныхъ училищъ 51, семинарій 26, училища: артиллерійское, инженерное и морское, академія наукъ (1725 г. дек. 29), сухопутный кадетскій корпусъ, называемый нынѣ первый кадетскій. Тогда измѣнился слогъ языка, особенно когда появились: князь Кантемиръ, Крашенинниковъ, Сем. Климовскій, малороссійскій казакъ, — сочинявшій народныя пѣсни. Открытіе московскаго университета (въ 1755 г.) и академіи художествъ (въ Петербургѣ 1758 г.), распространили область наукъ и изящества, коихъ покровителемъ былъ И. И. Шуваловъ. — Во второй половинѣ XVIII ст. преобразованы военныя училища, открыто общество для воспитанія благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ (въ 1764 г.; въ простонародіи смольный монастырь), учреждено вольное экономическое общество (1765 г.), основанъ горный корпусъ (1772 г.), открыто хирургическое училище (1785 г.), и распространены повсюду народныя училища. Въ началѣ XIX ст. учреждено

(1802 г.) министерство народнаго просвѣщенія, коему поручены всѣ свѣтскія учебныя заведенія въ Россіи, кромѣ женскихъ, обязанныхъ благотѣльному покровительству Императрицы Маріи Феодоровны, — истинной матери несчастныхъ. Преобразованы и открыты университеты: московскій, дерптскій, санкт-петербургскій, харьковскій, казанскій и виленскій; потомъ александровскій (въ Гельсингфорсѣ) и кіевскій, вмѣсто виленскаго; высшія училища, лицей, духовныя училища, медико-хирургическая академія (1808 г.), институты, пансіоны, гимназій, уѣздныя приходскія и военныя училища; общества въ пользу языка и наукъ, однимъ словомъ, столько открыто и распространено заведеній по всей Россіи, что всякому сословію и званію, даны средства въ образованію. По одному вѣдомству народнаго просвѣщенія, считается нынѣ болѣе 2,166 учебныхъ заведеній (*). Если примемъ въ соображеніе

(*) Постепенное возрастаніе учебныхъ заведеній, чрезъ пять лѣтъ:

	1832 г.	1837 г.	1842 г.
Университ.	5	6	6
Глав. педаг. инстит.	1	1	1
Медико-хирург. акад.	.	.	1
Лицеи	3	3	3
Гимназій	64	70	76
Благор. пансіон. при гимназійхъ	6	34	46

число духовныхъ, военныхъ, промышленныхъ, земледѣльческихъ и женскихъ заведеній; то они, быть можетъ, не уступятъ числу граж-

училищъ:	уѣздныхъ	393	427	445
	приходск.	552	839	1,067
Част. пансіон. и школь		358	462	521
		<u>1,382</u>	<u>1,839</u>	<u>2,166</u>

Сначала было въ имперіи учебн. завед. 784 т. е. 1 унив., 1 академ., 12 гимн., 40 благ. панс., 52 уезд., 515 приход. и 163 частв. училища. Тогда же было учащихся и другихъ должностныхъ лицъ 4,836, чрезъ пять лѣтъ 6,208, а въ 1842 г. 6,767.

Число учащихся возрастало постепенно:

	1832 г.	1837 г.	1842 г.
въ универс., академ. и лицейхъ	2,153	2,900	3,488
въ гимназіяхъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ	69,246	92,666	99,755
	<u>71,399</u>	<u>95,566</u>	<u>103,243</u>

Число учащихся въ 1833 г. составляло прибыль около 32,000, но это количество принадлежит одному вѣдомству мин. народн. просв., не включая огромнаго числа учащихся въ военныхъ, духовныхъ и другихъ училищахъ. Должно присоединить еще варшав. учеб. окр., въ коемъ 1839 г. было учащихся 61,350; въ 1840 г. 62,080; 1841 г., 80,865, а 1842 г., 66,708; — всего же учащихся къ 1843 г., 169,951. — Такимъ образомъ, развивавшееся народное просвѣщеніе въ теченіе десяти лѣтъ, представляетъ слѣдующее:

вновь учреж. учеб. завед.	784
число учащихся увеличилось	32,000
— учащихся около	2,000
напечатано русскихъ книгъ	7.000,000 т.
вывезено иностранны. кни. до	4.500,000—
совершенно 40 ученыхъ экспедицій, отъ мин. народн. просв.	

данныхъ. Какое быстрое распространение про-
свѣщенія! Не свидѣтельствуешь ли это боль-
шія наклонности русскаго къ образованію (*)?

См. Взглядъ на сравнит. статист. мин. нар. просв., въ
теченіе послѣдняго десятилѣтія, — напеч. въ моск. вѣд.
1843 г. N 58.

(*) Правда, у насъ не заставляютъ учиться, не облы-
зываютъ семейства отдавать дѣтей въ училища, какъ напри-
мѣръ: въ Саксоніи, Баваріи, Виртембергѣ, Швеціи, Голландіи,
Сѣверо-американскихъ штатахъ, гдѣ закономъ постановлено
взыскивать съ самыхъ родителей, за небреженіе; правда, на-
родное образованіе развито въ другихъ государствахъ въ
большей степени, какъ на примѣръ: во Франціи считается 1
ученикъ на 17 обывателей, въ Англии и Австріи 1 на 15, въ
Северо-американскихъ штатахъ 1 на 11, въ Голландіи 1 на
9, въ Пруссіи 1 на 7. — Нельзя умолчать, что у насъ изъ
63½ мил. народонаселенія, учащихся 169,951. — Это выхо-
дитъ, что изъ 480 учится только 1. — но, давно ли мы
стали учиться? И кто учится у насъ и какъ учатся? Дѣти
бѣдныхъ дворянъ. Бѣдные изучиваютъ полезныя знанія и со-
ставляютъ потомъ украшеніе отечества, а богатые обращаютъ
одно вниманіе на легкое образованіе: на языки, музыку, пѣ-
ніе и тапцованіе. Первые своими дарованіями и трудолю-
біемъ, открываютъ себѣ путь ко всемъ почестямъ; а вто-
рые, поддерживаемые могущественною силою связей и состо-
янія, добиваются однихъ почестей. Изучиваніе языковъ, со-
дѣлалось у насъ первостепеннымъ, а науки второстепеннымъ
предметомъ. Явилась многосторонность познаній и смѣсь по-
нятій объ истинномъ значеніи наукъ. Легкое и поверхностное
образованіе, пристрастіе къ чужеземному и тщеславію въ зна-
ніи иностранныхъ языковъ, невольна припоминаетъ намъ про-
свѣдущее истолкованіе происхожденія Россіи — отъ разсе-
ленія нашего племени по всей Европѣ. Не справедливо было,
еслибы мы и не видали уклоненія образованія, собственно-
русскаго. Намъ надобно изучивать свое собственное, свою
Россію: — наше сердце и счастье наше.

Созданіе русской словесности, въ прямомъ смыслѣ, принадлежитъ Ломоносову. Творецъ языка и слога, онъ первый началъ писать чисто и правильно. Въ торжественныхъ одахъ Ломоносова, Сумарокова, Кострова и Петрова слогъ возвысился. Тогда возникла у насъ лирическая, эпическая, драматическая и дидактическая поэзія. Здѣсь прославились Богдановичъ, Хемницеръ, фонъ-Визинъ, Державинъ, Дмитриевъ, Княжнинъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Бобровъ, Измаиловъ, кн. Шаховской, Карамзинъ, преобразователь языка и знатокъ изящнаго слога; Муравьевъ (Мих. Ник.), Озеровъ, Шишковъ, Крыловъ, народный баснописецъ; Жуковскій, Батюшковъ, Козловъ, Пушкинъ неподражаемый, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ, Востоковъ, Воейковъ, Веневитиновъ, Давыдовъ, бар. Дельвигъ, дѣвица Кульманъ, Граф. Ростопчина, кн. Баратынскій и др. — Гречъ, Булгаринъ и Сеньковский, дали новое направленіе языку, очистивъ его отъ многихъ застарѣлыхъ грамматическихъ формъ; Кукольникъ, Загоскинъ, Гоголь, Кольцовъ, Даль, — прославившіеся народными сказками, — всѣ они представили образцы сочиненій въ народномъ духѣ и жизни русской. Но гораздо сильнѣе и умилительнѣе излилось чистое русское слово и чувство, въ сочиненіи Цыганова. — Его народныя пѣсни

трогательныя и поучительныя, увлекательныя и восхитительныя (*). — По части исторіи много сдѣлали хорошаго и полезнаго, кромѣ без-

(*) Цыгановъ былъ актеръ московской труппы, умеръ въ Москвѣ во время холеры, въ 35 г. отъ рожденія. Пѣсни его напечатаны въ Москвѣ, 1834 г. подъ названіемъ *Русскія пѣсни*. Цыгановъ не искалъ ни славы, ни покровительства литературныхъ партій, онъ жилъ тихо въ своемъ кругу, и пѣлъ какъ соловей, потому что ему хотѣлось пѣть; но онъ пѣлъ по внутреннему влеченію къ своему русскому, потому къ его пѣснямъ развито народное чувство. Кто не знаетъ его пѣсни 2. *Не шей ты мнѣ матушка, красный са- рафанъ*. — За то многіе, я думаю, не знаютъ многихъ другихъ прекрасныхъ его пѣсней. — Выпишемъ некоторыя изъ нихъ, напр. пѣснь X:

Не туманами, не мглой
Солнышко затмилось,
Ахъ! не тучей громоной,
Ясное закрылось:
Потушился свѣтъ очей —
Раннею могилкой!
Мнѣ не видать красныхъ дней,
Не видать ужъ милой!
Мнѣ ее не разбудить,
Нѣжными рѣчами.
Ахъ! ее не воскресить
Горькими слезами!
Освѣдаю-жь я коня,
Сгну въ ратномъ полѣ.
И родной мой край, меня
Не увидитъ болѣ!
И стрѣлою онъ летитъ
Въ поле, въ грозу свѣту;
И быстрый стрѣлы летитъ,
Смерть ему на встрѣчу!

смертнаго Карамзина, Полевой; какъ изслѣдователи ея особенно замѣчательны: Каченовскій, Арцыбашевъ, Калайдовичъ, Пав. Строевъ,

Пѣснь XXIV.

Лежить въ полѣ дороженька,
Прелегаеть.
И ельничкомъ, березничкомъ,
Заростаеть.
Не змѣйкою, — кустарничкомъ
Она вьется;
Не рвчиной, — желтымъ песочкомъ —
Она льется.
Не горною, не гладкою,
Не убитой:
Лежить тропой, заброшеной,
Позабытой. —
Въ концѣ пути дороженьки,
Горючь камень;
На камешкѣ сердечушко,
Въ сердцѣ пламень!
По всемъ угламъ у камешка,
Растуть ели;
По всемъ угламъ на елочкахъ,
Пташки сѣли.
И жалобно пернаточки
Распѣвають:
«Вотъ такъ-то спать въ сырой землѣ,
Почиваютъ —
Безродные, бездольные,
На чужбинѣ —
Никто по нихъ не плачется,
Не въ кручинѣ!
Ни мать, ни отецъ надъ камешкомъ
Не рыдаютъ.
Ни друга здѣсь, ни брата здѣсь
Не видаютъ!

П. Г. Бутковъ и Д. И. Языковъ; но исторія
никогда не забудетъ великодушныхъ пособій
государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцева,

Лишь разъ сюда красавица
Приходила,
Здѣсь ельничку, березничку
Насадила.
Поплакала надъ камешкомъ,
Порыдала.
Намъ жалобно пѣть день и ночь,
Приказала.
А кто она? гдѣ дѣлася? —
Не сказала!

Пѣснь XXXVII.

Каркнулъ воронъ на березѣ,
Свистнулъ воинъ на конѣ, —
Погибать тебѣ красоткѣ,
Въ чуже-дальной сторонѣ!
Ахъ за чѣмъ, за кѣмъ бѣжала
Ты за трдевать полей? —
Для чего не размышляла,
Ты объ участи своей?
Все покинула, забыла
Прахъ отца, старушку мать, —
И рышлася отчизну,
На чужбину промѣнять!
То ли счастье, чтобы очи
Милымъ сердцу веселить, —
Послѣ ими жъ дни и ночи,
Безотрадно слезы лить?
Не ужели ты не слышала
Объ измѣнѣ? — «Никогда!»
Неужели ты полагала,
Въ сердцѣ вѣрность? — «Навсегда!»

сына гадунайсаго. Нынѣшнія розысканія археографической комиссiи, въ пользу отечественной исторiи, безусловно принадлежатъ министру народнаго просвѣщенiя, графу С. С. Уварову.

Изъ очерка о распространенiи просвѣщенiя, мы видимъ сильное рвенiе русскихъ къ наукамъ. Правда, науки у насъ еще не заняли должнаго мѣста; легкiя сочиненiя и поэзiя, господствуютъ предъ ними, — но такъ начиналъ свою умственную жизнь каждой юной народъ, который прежде любитъ вымыслы, потомъ гоняется за отборными выраженiями и наборомъ словъ, не установивъ еще языка; а наконецъ переходитъ къ положительному труду, требующему зрѣлаго ума и терпѣнiя въ наукахъ. Народъ, съ крѣпкою силою, пламенною склонностию къ любознательности, удобно все перенимающiй и усваивающiй, чего

«Было пькому, бѣдняжку,

«Почить меня уму, —

«И голодной —вольной пташкой,

«Я попалась въ сѣть къ нему.

«Никого я не спросилась,

«Кромъ сердца своего, —

«Увидала, —полюбила, —

«И умру любя его!»

Каркнулъ воронъ на березь,

Свистнулъ воинъ на ковь, —

И красотка погибаетъ

Въ чуже-дальней сторонь. —

не общается въ будущемъ? Народъ нашъ еще не возмужалъ; пылкій и стремительный ко всему полезному, онъ достигнетъ со временемъ до возможной степени просвѣщенія. И кто знаетъ будущее?

Весьма жаль, что многие изъ нашихъ съ большими способностями литераторовъ, уклонялись отъ своей народности; заимъняли русскія выраженія иностранными, и подражали слѣпо чужеземному. Старинныя народныя и вымышленныя пѣсни, убѣждаютъ насъ, что можно писать безъ слѣпаго подражанія къ другимъ народамъ. Какая сила и простота чувствованій, сохранились во многихъ нашихъ пѣсняхъ! Какой въ нихъ стройной звукъ, и какая невыразимая пріятность: въ оборотахъ и мысляхъ! Потому что все излито изъ сердца, безъ вымысла, натяжки, и раболѣпной переимчивости. Въ нихъ все трогаетъ насъ, потому что оно близко къ нашимъ мыслямъ; потому что все это наше русское, неподдѣльное; все проникнуто любовію къ родинѣ, отечеству. Народныя пѣсни, суть драгоценной памятникъ самобытной поэзіи нашей. Это наша слава, безъ подражанія иноземной.—Конечно, пѣсни наши не вездѣ стройныя, но полныя страстей: печаль льется рѣдкою томительныхъ страданій; разочарованная горькая безнадежность, омываетъ слезами

Сохраненіе народныхъ мыслей въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ,— и уклоненіе отъ самобытности.

грудь, иссушиваетъ сердце и оно умираетъ безъ утѣшенія; любовь или тонетъ въ морѣ сладостныхъ упоеній, или погибаетъ безъ участія къ ней. Отвага, молодечество, радость, веселіе и забавы, воспѣваются безъ хитрыхъ затѣй, складываются въ простотѣ лепета и высказываются по вдохновенію собственнаго сердца.

Вотъ для образца нѣсколько пѣсней, древнѣйшихъ изъ XVI в.

Описаніе умирающаго витязя подлѣ огня, въ дикой степи.

Ахъ! какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладаетъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ;
Подлѣ огничка разосланъ шелковой коверъ,
На ковричкѣ лежитъ доброй молодець,
Припекаетъ свои раны кровавыя!
Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его доброй конь. —
Доброй молодець уже кончается,
При смерти доброй молодець сокрушается,
И самъ добру коню наказываетъ :
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюся,
И съ тобой однимъ прощаюся :
Какъ умру я, мой доброй конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое

Среди поли, среди чистова, —
Среди раздольца, среди широкова.
Побѣги потомъ во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матерѣ,
Благословенье свези малымъ дѣтушкамъ;
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Во приданое взявъ я поле чистое;
Свахой была калена стрѣла,
А свать положила пуля мушкетная.
Тяжки мнѣ раны палашовыя,
Тяжче мнѣ раны свинцовыя!
Всѣ друзья, братья, меня оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались:
Лишь одинъ, ты мой доброй конь,
Ты служишь мнѣ вѣрно до смерти
И ты видишь, мой доброй конь!
Что удалой доброй молодець кончается.

Убитой воинъ, коему постелею служить
камышъ, изголовьемъ ракиновый кустъ, а тѣ-
ло его орошается слезами матери, сестры и
молодой жены:

Ахъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Ахъ ты всея поле изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками василечками;
Ты однакъ поле обезщечено:
Посреди тебя, поле чистова,
Выросталъ тутъ часть ракиновъ кустъ,

Что на кусточкѣ, на ракивовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона,
Онъ точитъ кровь на сыру землю.

Какъ подъ кустикомъ, подъ ракивовымъ,
Что лежитъ убитъ доброй молодець,
Избитъ, израненъ и изколонтъ весь.
Что не ласточки, не касаточки,
Иругъ тепла гвзда увиваются, —
Увивается тутъ родная матушка:
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
Молода жена плачетъ, что роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

О другомъ воинѣ, коему постелею служить тоже самое что первому, но одѣломъ темная, осенняя и холодная ночь:

Какъ доселева у насъ братцы! черезъ темной гвсъ
Не пропаривалъ тутъ, братцы! младъ бѣтъ кречетъ,
Не пролетывалъ братцы! ни сизой орелъ.
А какъ вывче у насъ, братцы, черезъ темной гвсъ,
Пролегла, лежитъ, широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Протыжалъ туда удалой доброй молодець.
На зарѣ то было, братцы! да на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца.
Какъ убитъ лежитъ, удалой доброй молодець:
Что головушка у молодца изпроломана,
Ретиво сердце у молодца изпрострѣвлено.

Что постеляшка подь молодцомъ кинитъ трава,
Изголовьяцо подь добрымъ, часть ракитовъ кустъ,
Одвѣлячко на молодцѣ темная ночь,
Что темная ночь, холодная, осенняя.
Прилетали къ доброму молодцу три ласточки,
Изъ нихъ первая садилась на буйной его головъ,
А другая то садилась на бѣмой его груди,
Ахъ! какъ третья садилась на скорыхъ его ногахъ.
Ахъ, какъ первая то пташка, родная матушка;
А другая то пташка, то мила сестра;
Ахъ какъ третья то пташка, молода жена.
Они взяли мертво тѣло за бѣлы руки,
Понесли они то тѣло во высокой теремъ.
Его матушка плачетъ, что рѣка льется,
А родная сестра плачетъ, какъ ручьи текутъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падеть.
Какъ солнышко взойдетъ, росу высушить
Какъ за мужъ она пойдетъ, то забудеть его. —

**О преступникъ, освобожденномъ изъ тем-
ницы полюбовницею его:**

Ты воспой, восной, младъ жаворочекъ
Сидючи весной на проталинкъ!
Доброй молодецъ сидеть въ темницѣ,
Пишетъ грамоту къ отцу, къ матери.
Онъ просить того жаворочка:
Отнеси ты младъ, жаворочекъ,
На мою ли, ахъ! дальну сторону,
Ты сіе письмо къ отцу къ матери.
Во письмѣ пишеть доброй молодецъ.
Государь ты мой, родной батюшка,

Государыня моя, родна матушка,
Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, вамъ родимаго.
Какъ отецъ и мать отказалися,
И весь родъ, племя отрекалися:
Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Воровъ не было, и разбойниковъ.

Ты воспой, воспой, младъ жаворончекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Доброй молодець сидитъ въ темницѣ,
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ.
Въ другой разъ проситъ жаворончка,
Чтобъ отнесъ письмо къ красной дѣвицѣ.
Во письмѣ пишетъ доброй молодець:
Ты душа ль моя, красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница.
Выкупай, выручай добра молодца,
Свою прежнева полюбовника.
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
Ахъ, вы нянюшки, мои мамушки,
Мои сѣвныя, вѣрныя дѣвушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорѣй кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно;
Выкупайте скорѣй, добра молодца,
Мово прежнева полюбовника!

Взятіе Казани.

Вы, молоды ребята! послушайте,
Что мы стары старики будемъ сказывать,

Про грознаго Царя Ивана, про Васильевича,
Какъ онъ, нашъ Государь Царь, подъ Казань городъ
ходилъ;

Подъ Казанку подъ рѣку, подкопы подводилъ
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки, а снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.

Ой Татаре по городу похаживаютъ,

И всяко грубиянство оказываютъ,

Они грозному Царю пасмѣхаются:

Ай не быть нашей Казани, за бѣлымъ за Царемъ !

Ахъ какъ тутъ нашъ Государь разгнѣвался ,

Что подрывъ такъ долго медлится.

Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,

Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.

Какъ всѣ тутъ пушкари призадумались,

А одинъ пушкарь поотважился:

Прикажи, Государь Царь, слово выговорить !

Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить , —

Тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи,

И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ.

Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку,

Всѣ Татаре тутъ, братцы, утрашились,

Они бѣлому Царю покорилися.

Опричникъ Малюта Скуратовъ, клевететь
Юанну IV. на старшаго сына его Царевича
Юанна, будто бы онъ водится съ нѣмѣнниками
Царя, вооружается съ ними противу него, а
между тѣмъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
носитъ съ нимъ одно царское платье. Разгнѣ-
ванный Государь велитъ своимъ опричникамъ,

немедленно предать его смерти ; но спасителем невиннаго Царевича, явился бояринъ Никита Романовичъ *Романовъ*.—Послушаемъ, какъ говоритъ старина:

Когда зачиналася каменна Москва,

Тогда зачинался и грозной Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ.

Какъ ходилъ онъ подь Казань городъ,

Подь Казань городъ и подь Астрахань.

Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,

Полонилъ цара и съ царицею,

Выводилъ измѣну изъ Пскова,

Изъ Пскова и изъ Новгорода.

Ахъ какъ бы вывести измѣну изъ каменной Москвы!

Что изговорить Малиута злодей Скурлатовичъ:

Ахъ ты, гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!

Не вывести тебѣ измѣнушки до вѣку:

Сидить супротивникъ супротивъ тебя,

Онъ пьетъ и ѣсть съ одного блюда,

Цветное платье носить съ одного плеча.

И тутъ Царь догадается,

На Царевича злобно осержается.

Что возговорить грозной Царь Иванъ Васильевичъ:

Ахъ вы, гой еси, князя и бояра!

Вы берите Царевича подь бѣлы руки,

Поведите во пазату особую;

Вы снимайте съ него платье цветное,

Надѣвайте на него платье черное,

Поведите его на болото жидкое,

На тое ли луку поганую,

Вы предайте его скорой смерти.

Вся бояре испугались,
Изъ палаты вонъ разбѣжались;
Большой за меньшова хоронятся.
Одинъ остался Малюта злодѣй,
Онъ бралъ Царевича за бѣлы руки,
Повелъ во палату особливую,
Снималъ съ него платье цветное,
Надѣвалъ на него платье черное;
Повелъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.

Провѣдалъ слуга Никиты Романова,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романову,
Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
Гой еси, батюшка, Никита Романовичъ!
Ты пьешь и ѣшь, прохлаждаешься,
Надъ собой кручинушки не вѣдещъ:
Упадетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску дрожа,
Не становится у насъ млада Царевича. —
Никита Романовичъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую:
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ.
Ты Малюта, Малюта Скурлатовичъ!
Не за свой ты кусъ принимаешься,
Ты этимъ кусомъ подавишься.
Онъ бралъ Царевича за бѣлы руки
И повелъ его куда надобно.

Что договорить грозной Царь:
Аль вы, гой еси, князья мои и бояре!

Надвайте на себя платье черное,
Собирайтесь ко заутренней,
Слушать по Царевичъ панихиду. —
Я васъ, бояре, всехъ въ котль сварю!
Всѣ бояре испугався,
Надввали они платье черное,
Собирались ко заутренней,
Слушать по Царевичъ панихиду.

Пріѣхалъ Никита Романовичъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собою млада Царевича,
И поставилъ за дверьми сѣверны. —
Что возговорить грозной Царь:
Ахъ ты, гой еси, Никита Романовичъ!
Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
Какъ упала звезда поднебесная,
Что угасла свѣча воску ярово,
Не стало у меня млада Царевича.
Что возговорить Никита Романовичъ:
Ахъ ты, гой еси, надѣжа православный Царь!
Мы не станемъ пѣть по Царевичъ панихиду,
А станемъ пѣть молебень заздравный мы.
Онъ бралъ Царевича за былу руку,
Выводилъ изъ за сѣверныхъ дверей.
Что возговорить грозный Царь:
Ты Никита, Никита Романовичъ!
Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
Или тебѣ полцарства дать,
Или тебѣ златой казны сколько надобно?
Ахъ ты, гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны,
Только дай ты мнѣ млада Скурматова.

Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Что возговорить Царь Иванъ Васильевичъ:
Еще вотъ тебѣ Мамюта злодѣй,
И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты.

Объ убійennomъ Царевичѣ Димитріѣ.—Наши лѣтописи говорятъ, что Царевичъ палъ отъ рукъ злодѣевъ, подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ; народная пѣснь, современная этому происшествію, подтверждаетъ вполнѣ несчастное событіе.

Не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится;
То орелъ летить по поднебесью,
Зорко смотреть онъ на Москву рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зеленые,
На златой дворецъ стольба города. (*)

Не лютая змія возвыалася,
Возвыалася собака булатный ножъ,
Упалъ онъ ни на воду, ни на землю;
Упалъ онъ Царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли Царевичу Димитрію,—
Убили же Царевича Димитрія!
Убили его на Углищи,
На Углищи, на игрищи.

Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькѣй,
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами;
Ужъ какъ тотъ орелъ, Дмитрій Царевичъ;

(*) По вступленію уже видно, что эта пѣснь искажена; но мнѣ столько известно, она нигдѣ не напечатана въ этомъ родѣ.

Что и коршунъ тотъ, Годуновъ Борисъ.
Убивши Царевича, самъ на царство сѣлъ;
Царилъ же онъ злодѣй ровно семь годовъ.

Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ влощится;
То идетъ грозой Божій гнѣвъ,
За православную Русь!
И погибъ коршунъ на гвѣздѣ своемъ:
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ рѣкѣ.

Нѣкоторыя пѣсни начала XVII в. и половины того же вѣка, не менѣе запечатлѣны выразительностию чувствъ и сердца, какъ напримъ: смерть кн. Михаила Скопина, которой на пиру отравленъ княг. Екатер. Шуйской, женой кн. Дм. Шуйскаго, брата Царя Шуйскаго. — Она была дочь Малюты Скурлатова.

У князя было у Владиміра,
Было пиrowанье почетное.
Ой крестили дитя княженецкое!
Ахъ! кто кумъ то былъ? кто кума была?
Ай, кумъ то былъ князь Михайла Скопинъ,
Князь Михайла Скопинъ, сынъ Васильевичъ.
А кума то была дочь Скурлатова.
Они пили, ѣли, прохлажались,
Пивши, ѣвши, похвалялися,
Выходили на крылечко на красное.
Ужъ какъ учили похвалу чинить князю, бояра.
Одинъ скажетъ: у меня больше красна золота.
Ахъ что взговорить князь Михайла Скопинъ,
Михайла Скопинъ сынъ Васильевичъ:

Еще что вы, братцы, выхваляетесь,
Я скажу вамъ, не въ похвалу себя:
Я очистилъ царство московское,
Я вывелъ въру цоганскую,
Я сталъ за въру христіанскую.
То слово кумъ не показалось,
То крестовой не понравилось.
Наливала она черу води кряння,
Подносила куму крестовому.
Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ.
Ему милое, она выпила,
А она въ рукавъ выдала, —
Наливала еще куму крестовому.
Какъ выпилъ Князь Михайла Скопинъ:
Трезвы ноги подломилса,
Бѣлы руки опустилися.
Ужъ какъ брали его слуги вѣрные,
Подхватили его подъ бѣлы руки,
Повезли его домой къ себѣ.
Какъ встрѣчала его матушка:
Дитя мое, чадо милое!
Сколько ты по пирамъ не тѣжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ! —
Села меня кума крестоваа,
Доць Малюты Скурлатова. —

Отсѣченіе головы Стенькѣ Разину:

На зарѣ то было, братцы, на утренней,
На восходѣ краснова солнышка,
На закатѣ свѣтлова мѣсяца.
Не соколъ леталъ по поднебесью,
Ясуль гулялъ по насаднику.
Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ;

Добрыхъ молодцовъ побуживагъ :
Вы, вставайте, добры молодцы!
Пробужайтесь, козаки донски!
Не здорово на Дону у насъ,
Помутился славной тихой Догаъ :
Со вершины до черна моря,
Да черна моря азовскова :
Помышался весь козачей кругъ,
Атамана больше нѣтъ у насъ!
Нѣтъ Степана Тимоѣевича,
По прозванію Стѣньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки бѣлые,
Повезли во каменну Москву.
И на славной красной площади,
Отрубили буйну голову!

Наказаніе висѣльней, пойманному разбойнику.

Не шуми мати, зеленая дубровушка!
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думать.
Что завтра мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ итти,
Передъ грознаго судью, самаго Царя.
Еще станеть Государь Царь, меня спрашивать :
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянской сыгъ!
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ? съ кѣмъ раз-
бой держалъ?

Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа, православной Царь!
Всю правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо :
Еще первой мой товарищъ, темная ночь ;
А второй мой товарищъ, булатный ножъ ;
А какъ третій-то товарищъ, то тугой лукъ ;

Что размышляшки мои, то калены стрилы.
Что возговорить надёжа, православной Царь :
Исполать тебя, дѣтнушка, крестьявской сынъ !
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать.
Я за то тебя, дѣтнушка, пожалуйю ,
Среди поля хоромами высокими , —
Что двумя ли столбами съ перекладиной. —

Молодая жена, выданная замужъ за разбойника, оплакиваетъ убитыхъ ея родныхъ :

Изъ подъ лѣсу, лѣсу темнова ,
Изъ подъ частова осинничку ,
Какъ бѣжить тутъ конь, добра лошадь ,
А за ней идетъ доброй молодець ,
Идучи самъ говорить ему :
Ты постой, постой, мой доброй конь.
Позабылъ я наказать тебѣ :
Ты не пей воды на Дунай рѣкѣ ,
На Дунаѣ дѣвка мылася ,
И совсѣмъ нарядилася ,
Нарядившись стала плакати ,
И заплакавъ, сама молвила :
Или въ людяхъ людей не было !
Ужъ какъ отдалъ меня батюшка ,
Что за вора, за разбойника.
Какъ со вечера они совѣтовались ,
Со полуночи на разбой пошли ,
Ко бѣлу свѣту прѣѣхали.
Ты встрѣчай, встрѣчай ,
Узнавай коня томлёнова.
Ахъ! томлёной конь, конь батюшковъ ,
Окровенено платье матушкино ,
А золотъ вѣнокъ милой сестры ,

А золотъ перстень мила брата,
Какъ убилъ онъ брата милора,
Своего шурина любимова.

Молодая женщина оплакиваетъ свою участь
и свою опрометчивость въ томъ, что она выбра-
ла себѣ не по мыслямъ друга вѣковѣчного.

Вези садѣжу млада хойжу,
Вези зелена, млада гуляю,
Соловьевыхъ пѣсенъ слушаю.
Хорошо въ саду соловей поеть!
Онъ поеть, поеть припѣваячи,
Къ моему горю припѣваячи,
Къ моему житью ко несчастному!
Не вѣваю я, молодѣшенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на яснаго сокола,
Ни на сестрицу, лебедь бѣлую;
Что пеняю я, младѣшенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясныя!
Ахъ, вы очи, очи ясныя!
Вы глядѣли, да оглядѣлися;
Вы смотрѣли, да осмотрѣлися.
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю. —

Слезы вѣрной жены по убитомъ мужѣ,
которой оставилъ послѣ себя дѣтей, и она,
не смотря на совѣты вступить въ новый бракъ,
отрекается изъ любви къ убитому мужу и сво-
имъ дѣтямъ.

Какъ на дубчикѣ два голубчика,
Цѣловались, миловались,
Связыми крыльями обнимались.
Отколь не вился младъ асень соколъ,
Онъ ушибъ, убилъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова,
Онъ кровь пустилъ по сыру дубу,
Онъ иидаль перья по чисту полю,
Онъ и духъ пустилъ по небесьяю.
Какъ разтужится, разворкуется,
Сиза голубушка по голубь,
О голубушкѣ мохноногенькомъ.
Какъ возговорить младъ асень соколъ:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка!
Сиза голубушка по своемъ голубчикъ.
Полечу ли я на сине море,
Пригону тебѣ голубей стадо:
Выбирай себѣ, сизова голуба,
Сизова голуба, мохноногова.
Какъ возговорить сиза голубушка:
Не лети соколъ на сине море,
Не тои не мнѣ голубей стадо.
Вить то мнѣ будетъ ужъ другой вѣнецъ,
Малымъ голубушкамъ не родной отецъ.

Гибель молодаго парня за его страсть къ
полюбовницѣ, которую простой народъ назы-
ваетъ *змѣйкой-скоропейкой*.

Ты змѣйка скоропейка, змѣя лютая!
Изъ норы ты змѣя ползешь, обираешься;
По песку ползешь, извиляешься;
По травѣ ты ползешь, всю траву сушишь.

Изушила въ полѣ всю травушку ,
Да всю травушку, всю муравушку ,
Всѣ цвѣточки, всѣ лазоревые.
Ты душа ль, душа красна дѣвица !
Изушила ты добра молодца ,
Какъ былнвочку въ чистомъ полѣ.
Довела его ты до погибели ,
Что до той ли темной темницы.
Что изъ славнаго села Преображенскаго ,
Изъ того приказу государева ,
Что вели казнить добраго молодца ,
Что казнить его повѣсити.
Его бѣлые руки и ноги скованы ,
По правую руку идетъ страшень палачъ ,
По лѣвую идетъ мать его родная ,
Позади идетъ красная дѣвица ,
Его милая полюбвнница ,
Что зазноба его ретива сердца ,
Погубительница живота его.

Сестра, по злости къ своему брату, рѣши-
лась отравить его; но обманъ открылся прежде-
временно и она была созжена среди двора.

Стругаль стружки доброй молодець ,
Брала стружки красная дѣвица ,
Бравши стружки, на огонь клала ,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала :
Сестра брата извести хочетъ.

Встрѣчала брата среди двора ,
Наливала чару прежде времени ,
Подносила ее брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ мѣся.
Пила братецъ, наливаючи ,

Тебя братецъ поздравляючи.

Какъ камула капля коню на гриву,

У добра коня грива загорается,

Молодецъ на конѣ разнемогается.

Сходилъ молодецъ съ добра коня,

Вынималъ изъ ноженъ саблю острую,

Снималъ съ сестры буйву голову.

Не сестра ты мнѣ родимая!

Что змѣя ты подколотная.

И онъ бралъ съ костра дрова,

Онъ клалъ дрова среди двора.

Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое,

Что до самого до пепелу,

Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,

Заказалъ всѣмъ тужить, плакати;

Что она надъ нимъ худо дѣлала.

Ей самой такъ рокъ последовалъ,

Отъ ея злости ненавидимы. (*)

(*) Эти пѣсни напечатаны въ Нов. и пом. собр. руск. пѣсн., изд. 1780 г., въ слѣдующемъ порядкѣ : ч. I. N 124. N 146; ч. 2. N 135; ч. I. N 136 и 125; ч. 2. N 121; ч. 3 : N 159; ч. I. N 131. 131. 139. 144. 155; — ч. 2. N 133, ч. I. N 140. — Такъ много хорошаго разсыяно въ 3 частяхъ пѣсельника, что мы затруднились въ выборѣ и боялись еще обременить читателей. — Нельзя не замѣтить, что приведенныя здѣсь пѣсни, напечатаны въ другихъ пѣсельникахъ весьма неправильно. Напр. въ новѣйш. и пом. російск. объяснен. пѣсельн., изд. Моск. 1810 г. N 239.

При зачинѣ каменной Москвы,

Зачинался тутъ и грозный Царь; и пр.

Отмѣченная у меня подъ N 121. ч. 2, совсѣмъ иначе напечатана. — Или:

Не шуми мати, зеленая дубровушка,

Не мѣшай мнѣ доброму молодцу, думу думати.

Вотъ гдѣ народная поэзія, проникнутая истиннымъ чувствомъ!

Въ царствованіе Іоанна IV. толпы скомо-роховъ ходили изъ села въ село, и пѣли пѣсни отъ избытка чувствъ раздающихся понынѣ въ деревняхъ и городахъ. Самъ набожный Царь Феодоръ, любилъ внимать пѣснію: по отслушаніи вечерни, онъ проводилъ, все остальное время до ужина, въ забавахъ, коими тѣшили его шуты и карлы, и услаждали пѣснями.

Преданія старины, памятиѣе для народа: лелѣя давнопрошедшія событія, онъ переносился въ глубокую даль времени, украшалъ ее пѣснями и передавалъ потомкамъ. — Кто сочинялъ эти пѣсни? — Имена сочинителей потеряны, но утвердительно сказать можно, что многія пѣсни составлялись въ кругу дружеской бесѣды, какъ это дѣлали индѣйскіе пѣвцы: харуны и бгаты, которые славили дѣянія своихъ предковъ; (*) іоническіе рапсоды,

Несправедливо приписываютъ ее Ванькѣ Канну, — онъ только любилъ ее пѣть. Каннъ разбойничалъ въ царствованіе Елисаветы. Пойманный и сужденный за преступленіе, онъ былъ сосланъ, съ клеймомъ на лбу и двухъ щекахъ, и съ вырваніемъ волосъ, въ каторжную работу въ портъ Рогервикъ; нынѣ балтійскій.

* James Tod: Annals and antiquities of Rajast'han or the central and western Rajpoot states of India, Lond. 1829 г. т. 2, с. 4; Ritter's: Geschichte Asien ч. IV. от. II.

гомеровскіе греки, кельтійскіе барды, скандинавскіе скальды, германскіе миннезенгеры, французскіе трубадуры, минстрели, сербскіе гусляры и всѣ воодушевленные пѣснопѣвцы, увлекаемые преданіями. Такъ сочиляли малороссійскіе кобзары (бандуристы) и козаки, собираясь на вечерницахъ (вечернихъ сходбищахъ), или въ кругу плѣнительной дружбы. — Особенная жалость въ тѣхъ думахъ, въ коихъ глубоко запали въ сердце: уныніе, тоска и печаль.

Для сравненія съ приведенными образцами: объ убитомъ воинѣ, лежащемъ въ степи, представляется сдѣсь нѣсколько малороссійскихъ пѣсней, которыя древностію, и говоря безпристрастно, красотою, силою и живопроникнутой грустью, превъщаютъ русскія пѣсни и думы.

1.

Витеръ гуде, трава шумить, —
Козакъ бидный убитъ лежитъ!
На купини головою,
Накрывъ очи осокою.
Кинь вороный у ноженкахъ,
Орель сизый въ головонькахъ:
Винь козака доглядае,
На кучери наступае.

Козакъ до ёго промовляе,
Сизый орле! побратаймось.
Якъ ты, брате орле, станешъ,
Зъ лобу очи выдирати,
Дай же моей веньци знаты,
Моей веньци старесенькйй,
Матусеньци риднесенькйй.
Ой знай, орле, що казаты,
Якъ у тебе, моя маты,
Буде про мене пытаты.
Скажи: служить винъ у хана,
У пана хана татарина,
У крымскаго добродія;
Да выслуживъ королевиньку,
У чистымъ поли могилоньку.

2.

Ой кинь бвжитъ, трава шумить,
Да вжежъ козакъ убить лежить!
На купини головою,
Прикрывъ очи осокою,
Жовтое тило рокитою,
Билы руки хустиною,
Ясне личко китайкою.
Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ ноженькахъ коникъ плаче.
Копытомъ землю выбывае,
Свого пана винъ пытае:
Ой пане жъ мйй, пане!
Пане копитане!
Ой кому мене вручаешъ?
Кому кожд покидаешъ?

Чи турчину, чи татарину?
«Тебе коню, турчинъ не пѣмае,
А татаринъ не осидлае.
Ой бѣжи, коню, темными лугами,
Бѣжи, коню, битыми шляхами;
Да пробѣжи, коню, до двору
Та вдарь копытомъ въ болону.
А выйде до тебе ненька, старенька,
Козацькая матусенька:
Вона буде тебе за поводи браты,
Буде тобі сива подкладаты,
Буде тобі вивса подсыпаты,
Холоднею водицею наповаты;
И скризь слезы про мене пытаты.
Да не кажи, коню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився:
Та понявъ собі паняночку,
У чистомъ поли земляночку.
Що куды витьеръ не віе,
Ни сонечко вже не гріе.
Безъ виконецъ и безъ дверецъ,
Тамъ спить козакъ, — молодець. —

3.

Сидить козакъ на могилы,
Зъ оружины огонь креше,
Скалки ломить, розкладае,
Въ свои раны заглядае:
Пострѣлены, — къ сердцю прійшли;
Порубаны, — кровью зійшли.
Закладався орель зъ конемъ,
А за тый криниченьки:
Ой чи скорійшь ты добжишь,

Мени крыльця повтинаешъ ?

— Ой ты скорійше долетишь ,

Мени ноги повтинаешъ. —

Ой кинь бижить , земля дрожить ;

Орелъ летить , перо дзвешить ;

Ой кинь бижить все ярами ,

Орелъ летить все лугами.

Кинь до воды прибигае ,

Орла брата выгидае.

Орелъ летить , и не сміе ,

Коня брата не пизнае.

Даруй , коню , крыльчками ,

А хто ходить вижечками !

Печальныя воспоминанія козака, по остав- ленной имъ родинѣ.

Ой криче , криче , черневый воронъ ,

Та на глубокой долине ;

Ой плаче , плаче , молодой козаче ,

По несчастливой годинѣ.

Ой криче , криче , да черневый воронъ ,

Та у лузи надъ водою.

Ой плаче , плаче , молодой козаче ,

По конику по воронему.

Вороный коню ! грай ты пидо мною ,

Та розбий ты тугу мою !

Розбий , розбий тугу по темному лугу ,

Козакови та молодому.

Ой иде козакъ дороженькою ,

Слизоньками умываеца :

Десь моя ненька , десь моя старенька ,

Да за мною убиваеца !

Та въ недилоньку рано поравеньку,
Да якъ сонце не зходило,
Та зъважалася вся моя родына,
Вона мене выпроводыла, —
Выпровожаешъ моя родинько!
Та чи не жаль тобі буде,
Якъ я піду на ту украйну,
Да межъ чужин люди?
Ой згадай мене, моя стара нене,
Садаючи обидаты.
Десь моя дитина, на чужой стороні? —
Да нікому одвидати!
Ой згадай мене, моя стара нене,
Якъ сядемъ у вечери исти:
Десь моя дитина, на чужой стороні? —
Да не має одъ неи висти. —

Могила, розговаривая съ вѣтромъ, пред-
вѣщаєть козаку, оставляющему своего отца,
неминуемую смерть:

Ой у поли могила зъ вѣтромъ говорила:
Повій вѣтре на мене, щобъ я не чорнила,
Щобъ я не чорнила, щобъ я не маршила,
Щобъ на мени трава росла, да й ще зеленіла.
И вѣтеръ не віє, и сонце не гріє,
Тилько въ степу при дорози трава зеленіє.
Ой у степу ричка, черезъ ричку кладка,
Не покидай, козаченьку, риденького батька!
Якъ батька покинешъ, самъ марне згинешъ,
Ричевькою быстренькою за Дунай запланешъ.
Бодай тая ричка, рыбы не плодила:
Вона того товарища навикки втопила!

Бодай тая ричка, кошуромъ заросла:

Вона мого товарища за Дунай занесла! (*).

Думая, что при звукахъ плѣнительной старины, никто не можетъ быть равнодушнымъ,

(*) Максимовичъ: Украинскія народ. пѣсни, Моск. 1834 г. ч. I. с. 150—153. No 15 и 16; с. 148 и 146 No 11; с. 168 No 34.—Придерживаясь правильному выговору малороссіянь, я измѣнилъ правописаніе, введенное г. Максимовичемъ, и писалъ такъ, какъ произносятъ знатоки своего языка.

Необыкновенная красота и сила малороссійскихъ пѣсней, заставляли многихъ собирать ихъ и печатать; но никто досель не былъ столько счастливъ, въ собраніи ихъ и ознакомленіи съ ними насъ въ такой степени, какъ трудолюбивый писатель нашъ, г. Максимовичъ. У него нынѣ собрано до двухъ съ половиною тысячъ разныхъ пѣсней и отрывковъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода въ свѣтъ. — Г. Кирѣвскій давно собиралъ русскія народныя пѣсни, и собралъ ихъ весьма много. Болѣе десяти лѣтъ ожидали появленія въ свѣтъ, обещанныхъ имъ пѣсней и, къ сожалѣнію, обещаніе не выполнено. — Постигшая смерть, въ 1843 г., похитила его у насъ; съ нимъ она унесла въ могилу нашу надежду. Можетъ быть кто нибудь изъ любителей народности, издастъ ихъ, а теперь мы лишены возможности сказать о нихъ что либо. — Приведенныя малороссійскія пѣсни, принадлежатъ, судя по слогу, къ концу XVI в. Но вотъ опредѣленныя по своему времени: на взятіе Варны и на взятіе Львова. Гетманъ Георгій Богданко, опустошивъ Синопъ, Транезундъ и Анатолю, подошелъ подъ Царьградъ (въ 1577 г.) и ограбилъ его предмѣстіе; отсюда поплылъ съ козаками къ Варнѣ, которую оны взялъ. По этому случаю сочинили козаки пѣснь:

Чы я бы вѣйску не заплатила,
Червонными золотыми
Та биленькими таларами?
Чы я бы вѣйску не заплатила,

я рѣшился привести нѣсколько отрывковъ,
изъ сочиненій пол. XVII в. и конца тоже вѣка,—
козака Кирши Данилова и неизвѣстныхъ.

Червонною китайкою
За услуженьку козацкую?

А въ недиленьку пораненько,
Збыралася громадовька
До козацкой порадощки.
Ставили раду, та ставили,
Виткиль Варну мисто достаты:

Ой чы зъ поля, чы зъ моря?
Чы зъ рички невеличкы?
Пыслали писла та подъ Варну,
Піймавъ же посель турчавина,
Старого ворожбина.

Сталы его выпытываты:
Виткиль Варну мисто достаты,
Ой чы зъ поля, чы зъ моря?
Чы зъ той рички невеличкы?

А въ недиленьку пораненько
Бигуть, пливуть човенцями,
Поблыскывають весельцями.
Вдарылы разомъ зъ самопалыць,
А зъ гарматы вси козаки.
Воны туркывъ забиралы,
Сталы, нарекалы:

Була Варна, була Варва,
Сданна слава;
Славнѣйше того козаки,
Що той Варны досталы,
И въ ней туркывъ забрамы.

По взятїи Львова Богданомъ Хмельницкимъ (въ 1648 г.)

А въ чистымъ поли, близко дороги,
Стоить наметецъ дуже шовковый;
Въ тымъ наметци стоить столничекъ,
На тымъ столничку зречны молодець.

Завоеваніе Сибири Ермакомъ, хранившееся долго въ устахъ простолюдиновъ, носитъ отпечатокъ исторической вѣрности:

И собиралися во единой кругъ

И думали думушку крѣпко за едино:

Конне вѣско збирае, надъ Львивъ встаетъ ;
Тай пидъ Львивъ встаетъ, все шерегуе,
Свое вѣско на Львивъ рихтуе.

Якъ киньми зернувъ, ажъ Львивъ здвигнувся,
Якъ шабелькой звивъ, Львивъ поклоньвся.

Ой вѣшли къ нему вси мищаны

Ой вси мищаны, вси предмищаны:

Вынесли йому мысу червоныхъ.

Винъ тое бере, тай не дакуе,

А свое вѣско на Львивъ рихтуе.

Ой вѣшли къ нему вси жидове,

Вси жидове, вси кагалове:

Вынесли йому мысу червоныхъ.

Винъ тое бере, тай не дакуе,

А свое вѣско на Львивъ рихтуе.

Ой вѣшли къ нему уси панове,

Уси панове, вси гетмаове:

Вывель йому конникивъ въ сидли,

Конникивъ въ сидли, панну въ карети.

Винъ тое бере, красно дакуе,

А свое вѣско та шерегуе.

Якъ зачавъ вѣско шереговаты,

Ой бильше Львива не турбоваты.

По летописямъ видно, что Львовъ избавился отъ грабежа козаковъ выкупомъ 200,000 червоцевъ, собранныхъ съ жидовъ и купцовъ армянскихъ. — Не должно думать, чтобы пѣсни: на взятіе Варны и Львова, только и были бы опредѣленные по своему времени,—ихъ довольное число. На нѣкоторыя изъ нихъ указано для сравненія только съ приведенными русскими..

Какъ бы имъ приплыть къ горѣ тобольской той!
Самъ онъ Ермакъ пошелъ устьемъ верхнимъ,
Самбуръ Андреевичъ устьемъ среднимъ,
Анофрій Степановичъ устьемъ нижнимъ,
Которое устье впало противъ самой горы тобольской.

Татары въ нихъ бьютъ, со крутой горы;
Стрѣлы летать, какъ часты дожди.
И тому татары дивовалися,
Каковы русскіе люди крепкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ.
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ, какъ въ сноинки на-
лѣщено,

Только козаки всѣ невредимо стоятъ.

Описаніе доспѣховъ Михайлы Казарянна:

Выѣзжалъ удача, доброй молодець,
Молодой Михайло Казаряннъ.
А конь подъ нимъ, — какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
Куюкъ и панцырь, чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота.
Шеломъ на буйной головѣ замычется,
Копье въ рукахъ мурзаметское, какъ свѣча горитъ;
Ко левой бедрѣ припоясана сабля острая,
Въ длину сабля сажень печатная,
Въ ширину сабля осьми вершковъ;
Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой
Полосы были булатныя,
А жилы елены сохатныя,
А рога красна золота,
А тетивочка шелковая,
Благо шелку шамаханскаго,

И колчанъ съ нимъ каменныхъ стрѣлъ.
А конь подъ нимъ, какъ лютой зверь;
Цѣны коню смѣты нѣтъ.
Почему коню цѣны смѣты нѣтъ?
Потому ему цѣны смѣты нѣтъ:
За рѣку броду не спрашиваетъ,
Скачетъ конь съ берегу на берегъ,
Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ.

Жалоба русской дѣвицы, плѣненной татарами:

На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки наѣзники.
Предъ ними ходитъ красна дѣвица,
Русская дѣвочка полоняночка,
Молода Марѳа Петровна.
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добръ жалобно причитаючи:
«О злосчастная моя, буйна голова!
Горе горькое, моя руса коса.
А вечеръ тебя матушка разчесывала,
Разчесала матушка, заплетала.
Я сама, дѣвица, зваю, вѣдаю,
Расплетать будетъ мою русу косу!
Тремъ татарамъ, наѣзникамъ.»
Они тѣ-то рѣчи татара договариваютъ,
А первой татаринъ проговорить:
«Не плачь, дѣвица, душа красная,
Не скорби, дѣвица, лица благо;
Асдему татарину достанешься.
Не продамъ тебя, дѣвицу, дешево;
Отдамъ за сына за любимаго.

Въ горѣ не должно кручиниться, говори-
ли наши прадѣды:

А и горе, горе, гореваньце!
А и въ горѣ жить, не кручинну быть;
Нагому быть, не стыдиться;
А и денегъ нѣту передъ деньгами,
Появилась гривна передъ злыми дни.
Не бывать пльшатому, — кудрявому;
Не бывать гулящему, — богатому;
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дятя безъ матери,
Не скронтъ атласу безъ мастера.
А горе, горе, гореваньце!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны.
А я отъ горя въ темны лѣса,
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почетной пирѣ,
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ,
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить.
Какъ я нагъ то стагъ, насмѣялся онъ.

Изведеніе брата напоемъ лютыхъ ко-
реньевъ.

Кабы по горамъ, горамъ, по высокимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкимъ доламъ,
А и по край было моря синяго,
И по тѣмъ и по хорошимъ зеленымъ лугамъ.
Тутъ ходила, гуляла, душа красна дѣвица,
А копала она коренья, зелье лютое.

Она мыла тв кореньца въ синемъ морѣ,
А сушила тв кореньца въ муравленой печи,
Разтирала тв кореньца въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тв кореньца меды сладкими,
Разсычала кореньца бвылымъ сахаромъ,
И хотѣла извести своего недруга;
Незначаетъ извела своего друга милаго,
Она по роду брата родимаго.
И заплачетъ двѣнца надъ молодцемъ,
Она плачетъ двѣнца причитаючи:
Запрасно головушка погибнула! —

Объ удалыхъ съ усами молодцахъ:

Ахъ! доселѣва усомъ и слухомъ не слышать,
А ослухомъ ихъ не слышать, и видомъ не видать;
А ногѣча усы проявились на Руси,
А въ новомъ усольи у Строгонова.
Они щепетно по городу похаживаютъ.
Собиралися усы на царевъ кабакъ,
А садилися молодцы во' единой кругъ.
Большой усище и всѣмъ атаманъ:
Самъ говорить, самъ усомъ шевелить.
А братцы усы, удалые молодцы!
А и лѣто проходить, зима наступаетъ,
А и надо чѣмъ усамъ, голова кормить!
На полатахъ спать и намъ сытымъ быть.
Ахъ нутежъ-ко усы, за свои промыслы!
А мечитесь по кузницамъ,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сдѣлайте бердыши,
И рогатины, и готовьтесь всѣ.

Докончимъ выписку изъ старинныхъ пѣсней, забавной сказкой о дурнѣ. Это характеристика, достойная вниманія:

А жилъ былъ дурень,
А жилъ былъ бабинъ,
Вздумалъ онъ дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту другу,
Нашелъ онъ дурень
Двѣ избы пусты,
Въ третей людей нѣтъ.
Взглянетъ въ подполье,
Въ подпольѣ черти
Востроголовы;
Глаза что часы,
Усы что вилы;
Руки что грабли:
Въ карты играютъ,
Костью бросаютъ,
Деньги считаютъ,
Груды переводятъ!
Онъ имъ молвилъ:
«Богъ вамъ въ помощь,
Добрымъ людямъ»
А черти не любятъ!
Схватили дурня,
Зачали бить,
Зачали давить.

Едва его дурня,
Жива отпустили,
Пришедши дурень
Домой — то, плачетъ,
Голосомъ востъ. —
А мать бравити,
Жена пеняти,
Сестра то такъ же.
«Ты глупой дурень,
Не разумной бабинъ!
То же бы ты слово,
Не такъ же бы молвилъ:
Будь врагъ проклять
Именемъ Господнимъ,
Во вѣки вѣковъ, аминь!
Чертибъ убъжали,
Тебѣ бы, дурню,
Деньги достался,
Вместо кладу.» —
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья.
Сестра Чернава. —
Потомъ, я дурень,
Таковъ не буду.
—
Пошелъ онъ дурень,
На Русь гуляти,

Людей видати,
Себя казати.
Увидѣлъ дурень
Четырехъ братьевъ,
Ячмень молотятъ,
Онъ имъ молвилъ:
«Будь врагъ проклятъ,
Именемъ Господнимъ.»
Бросилися къ дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали его колотити;
Едва его дурня,
Жива отпустили.
Припидши дурень
Домой — то, плачетъ,
Голосомъ воетъ. —
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра — то такъ же.
«А глупой дурень,
Не разумной бабнѣ!
Тоже бы то слово,
Не такъ же бы молвилъ;
Ты бы молвилъ
Четыремъ братьямъ,
Крестьянскимъ дѣтямъ:
«Дай вамъ Боже!
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю»
Добро ты, баба,
Баба бабариха,

Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потомъ, я дурень,
Таковъ не буду.
—
Пошелъ же дурень,
Пошелъ же бабнѣ,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидѣлъ дурень,
Семь братовъ:
Мать хоронятъ,
Отца поминаютъ;
Всѣ тутъ плачутъ,
Голосомъ воютъ.
Онъ имъ молвилъ:
«Богъ вамъ въ помощь,
Семь васъ братьевъ,
Мать хоронити.
Дай Господь Богъ вамъ,
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю»
Схватили его дурня
Семь то братовъ:
Зачали его бити,
По землѣ таскати,
Валяти.
Едва его дурня,
Жива отпустили.
Идетъ то дурень
Домой то плачетъ,
Голосомъ воетъ. —

Мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра то такъ же.
«А глупой дурень,
Не разумной бабинь!
Тоже бы ты слово,
Не такъ же бы молвилъ,
Ты бы молвилъ: прости,
Боже благослови!
Дай Боже имъ,
Царство небесное,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ.
Тебя бы дурня,
Блиннами накормили,
Кутьей напитали.»
Добро ты, баба,
Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потомъ, я дурень,
Таковъ не буду. —

Пошелъ онъ дурень
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
На встрѣчу ему свадьба,
Онъ имъ молвилъ: прости,
Боже благослови!
Дай вамъ, Господь Богъ,
Царство небесно,

Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!
Побѣхали дружки,
Навѣхали бояра,
Стали дурня
Плетями стагати,
По ушамъ хлестати.
Пошелъ, заплакалъ,
Идетъ да воетъ. —
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра то такъ же.
«Ты глупой дурень,
Не разумной бабинь!
Тоже бы слово,
Не такъ же бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Дай Господь Богъ,
Новобрачному князю
Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Законъ Божій прияти,
Любовно жити,
Дѣтей сводити.»
Потомъ, я дурень,
Таковъ не буду. —

Пошелъ онъ дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
«Встрѣчу дурню

Идетъ старецъ,
Отъ ему молвилъ:
«Дай Господь Богъ,
Тебѣ же старцу,
Сужено поняти
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Любовно жити,
Дѣтей сводити.»
Бросился старецъ,
Схватилъ его дурня,
Стагъ его бити,
Костылемъ коверкать.
И костыль изломалъ весь.
Не жаль старцу дурака-то,
Но жаль, ему старцу, косты-
ля-то.

Идетъ-то дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ востъ,
Матери раскажетъ.
Мать его бранити,
Жена журити.
Сестра-то такъ же.
«Ты глупой дурень,
Не разумной бабнѣ!
Такъ бы ты слово,
Не такъ же бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Благослови меня, отче,
Святой игумень!
А самъ бы мимо.»
Добро ты, баба,

Баба бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава.
Потомъ, я дурень,
Впредь таковъ не буду.

Пошелъ нашъ дурень,
На Русь гуляти,
Въ лесу ходити.
Увидѣлъ дурень,
Медвѣдя за сосной:
Кочку роетъ,
Корову коверкаетъ.
Отъ ему молвилъ:
«Благослови меня, отче,
Святой игумень!
А отъ тебя духъ, дурень.»
Схватилъ его медвѣдь,— ать!
Зачалъ его драти,
И всего ломати,
И смертно коверкати,
Едва его дурня,
Жива оставилъ.
Пришедши дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ востъ.
Матери раскажетъ.
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то такъ же.
«Ты глупой дурень,
Не разумной бабнѣ!

Тоже бы слово,
 Не такъ же бы молвилъ.
 Ты бы заускалъ,
 Ты бы загайкалъ,
 Ты бы заулюкалъ.
 Добро ты, баба,
 Баба бабариха,
 Мать Лукерья,
 Сестра Чернава.
 Потомъ, я дурень.
 Таковъ не буду.—

Пошелъ же дурень,
 На Русь гуляти,
 Людей видати,
 Себя казати —
 Будеть дурень

Въ чистомъ полѣ,
 Встрѣчу дурню
 Шинковъ-полковникъ.
 Онъ заускалъ,
 Онъ загайкалъ
 Онъ заулюкалъ.
 Навъхадѣ на дурня
 Солдаты,
 Навъжали драгуны.
 Стали дурня бити,
 Стали колотити.
 Тутъ ему дурню,
 Голову сломили,
 И подъ корору,
 Бросили;
 Тутъ ему дурню,
 И смерть случилась. (*)

Продолжать выписки о старинныхъ народныхъ произведеніяхъ, было бы сдѣсь излишнимъ. Всякъ, кто сколько нибудь знакомъ съ напечатанными уже пѣснями; тотъ согласится, что многія изъ нихъ такъ трогательны и сильны изліяніемъ сердца; что онѣ не только восхищаютъ простодюдина, но и знакомаго съ изящными твореніями.

(*) Древн. російск. стихоть, собр. Кирш. Давыловымъ, изд. 1818 г. Приведены здѣсь въ отрывкахъ, какъ то: завоеваніе Сибири, доспѣхи Михаила Казарина и жалоба вѣнковой дѣвицы, суть сочиненіе, а можетъ быть передѣлка самого Кирш. Давылова, изъ древнихъ пѣсней на свой ладъ см. с. 116. 117. 203. 204. 209. 210. Слѣдующія же: «А и горе. горе, гореванце! — Извѣденіе брата капошегъ лютыхъ кореньевъ. — Объ удальхъ съ усани молодцахъ, — сказка о дурягѣ, помани. на с. 381. 303. 402. 390. 402, — едва ли сочиненіе Давылова.

Недавно стали думать, чтобы писать въ народномъ духѣ, и нѣкоторые въ томъ успѣвали. Должно желать, чтобы наша словесность, богатая языкомъ и чудесными оборотами, стремилась преимущественно къ своему собственному назначенію. Не надобно заимствовать не свойственнаго намъ: ни предметовъ, ни красокъ, ни оборотовъ для слова и мысли. У насъ всего въ избыткѣ. Какихъ хотите народныхъ предметовъ?—Загляните въ отечественную исторію,—тамъ неисчетное число событій величественныхъ и печальныхъ, отрадныхъ и убійственныхъ, поучительныхъ и злодѣйскихъ. А гдѣ краски? Ваша родина, ваше дорогое отечество: дремучіе лѣса и бездонныя пропасти, воды и океаны, богатства южныхъ и горячихъ странъ, ужасъ природы отъ береговъ ледовитаго моря до упоительной роскоши,—предметовъ бесчисленное множество! Человѣкъ съ пламенной душою, возвышенной мыслию, чистымъ сердцемъ, съ жаромъ ко всему прекрасному, изящному и благородному найдетъ вездѣ себѣ пищу,—ему не надобно указывать.—Но можно ли найти для предметовъ и красокъ, приличные обороты и мысли?— Не только приличные, но возвышенные и глубокіе. Это зависитъ отъ выбора предмета, который часто самъ воодушевляетъ, и отъ мѣста, поражающаго наши чувствованія, потрясающія

душу и вызывающія, такъ сказать, слова и мысли, на просторъ безпредѣльныхъ размышлений: тутъ онѣ стаями явятся, налетятъ на вашу душу, на ваше благородное сердце, унижутъ его жемчужными словами и развернутся предъ вами брилліантовою струей, въ ослѣпительномъ сіяніи. Рой звонкихъ выраженій и плачевныхъ отголосковъ, отзовутся въ оледѣнѣвшей душѣ, и соплетутъ съ лучезарной свѣточью мыслей, блестящія украшенія. Повѣрьте, можно достигнуть украшеній: надобно умѣть чувствовать.

Я уклонился отъ предмета, но онѣ такъ близокъ къ нашему сердцу, что невольно увлекаетъ.

Не всѣ наши пѣсни и сказки, носятъ древность даже половины XVII вѣка, — потому что онѣ забыты или истреблены временемъ. Большая часть существующихъ нынѣ, суть первой половины XVIII вѣка, а другія сочинены въ концѣ XVIII вѣка. — Многія уже передѣланы мѣстною потребностію и вкусомъ, или вновь сочинены, — народъ ихъ самъ производить. Плясовыя, свадебныя и протяжныя, часто сокращаются, дополняются новыми или вновь составляются. Замѣчено, что по прошествіи 25 лѣтъ, самыя любимыя пѣсни, которыя пѣвали преж-

де повсюду, оставляются: считают ихъ уже старыми, и замѣняютъ новыми. Неграмотный народъ имѣетъ свою поэзію и своихъ стихотворцевъ, — а мы ихъ не уважаемъ, и не хотимъ! — Богатой запасъ народности погибъ уже, и погибнетъ отъ небреженія нашего или справедливѣе сказать, отъ нашихъ мудрованій, и погребаемъ безжалостно свои сокровища. Еслибы дошли до насъ всѣ народныя стихотворенія, даже начала XVII в., то мы, вѣроятно, получили бы другое направленіе въ области языкознанія, но потеря не возвратная! По крайней мѣрѣ не допустимъ теперь, будемъ собирать, изучивать и дорожить своими памятниками. Время все истребляетъ, а люди какъ бы не думаютъ объ этомъ. — Пора уже намъ оставить чужеземные восторги, восхищаться однимъ заморскимъ, и слѣпо думать, что мы не въ состояніи создать собственнаго природнаго; что нашъ языкъ не замѣнитъ приторныхъ выраженій: *comme c'est beau! quel jolie enfant! Vraiment, c'est un ange* и т. п. — Оставимъ это доказывать прекрасному полу, и кто смѣетъ спорить съ нимъ? Кто будетъ столько невѣжливъ, чтобы осмѣлился сказать: сударыня! вы ошибаетесь, вы судите ложно.!! Мущины не одарены иѣжнымъ свойствомъ судить ложно, и не всѣ они такъ пристрастны, какъ римскій

императоръ Карлъ V, который утверждалъ, что на испанскомъ языкѣ говорятъ съ Богомъ, на французскомъ съ друзьями, на нѣмецкомъ съ непріятелями, а на италіянскомъ съ женскимъ поломъ. — Мы знаемъ, что нашъ языкъ сладкозвученъ и чувствителенъ; громокъ и живописенъ, силенъ и богатъ. Иностранцы писатели этого не знаютъ, — и какая надобность знать имъ? Они любятъ свое и ожидаютъ только похвалы отъ насъ, своему собственному, — а мы? — Мы точно ихъ хвалимъ, ничего не надѣясь отъ нихъ въ нашу пользу, потому русскимъ надобно вниманіе русскихъ. — Какого хотите отъ насъ вниманія? Развѣ мы не читаемъ русскихъ повѣстей, рассказовъ? И, помните, Богъ знаетъ что говорите! Требуете нашего вниманія! А посмотрите, есть ли у насъ языкъ? Гдѣ онъ? По какимъ примѣрамъ станемъ изучать его? — Говорятъ, что его надобно изучать въ высшемъ обществѣ; говорятъ, что тамъ онъ господствуетъ во всей чистотѣ и правильности. — Подобныя замѣчанія мнѣ дѣлали часто. Что я могъ отвѣчать? Молчалъ, — и мое молчаніе всегда принимали за согласіе съ ними, что у насъ нечему учиться, что нашъ языкъ употребляетъ *шаццаіе генз!* — чернь! простые люди!! — Вниманіе нужно къ русскому языку потому, что

онъ нашъ отечественный, а кто любитъ отечество; тотъ любитъ свой языкъ. — Повѣсти и рассказы доставляютъ пріятное чтеніе, читать же ихъ безъ разбора, безъ знанія языка, тоже самое, что ходить по золотосноснымъ горамъ и не видѣть золота. Надобно прежде изучивать красоту и прелесть слова. — Языкъ не только существуетъ, но онъ богатѣйшій въ мірѣ, послѣ аравійскаго; образцы его оставили намъ безсмертные наши писатели: свѣтскіе и духовные; у нихъ должны изучивать, а не въ высшемъ обществѣ, гдѣ часто говорятъ не порусски, мѣшая природныя слова съ иностранными, даже тамъ многіе не оцѣниваютъ его—это уже доказано (*). Ни мо-

(*) Благоразумные французы, сами осуждаютъ пристрастіе ваше къ ихъ языку. Une des qualités les plus remarquables de l'esprit des dames de la Russie, c'est leur facilité à apprendre les langucs étrangers. Il n'est aucun idiome moderne qui les présente des difficultés: elles parlent et écrivent le françois comme si elles étoient nées à Paris, tandis qu'elles peuvent à peine épeler un livre russe. Il n'est pas étonnant qu'elles négligent leur langue maternelle: on ne daigne guères la parler dans les cercles. La langue russe, ne s'emploie que pour les affaires d'état, les plaidoyers, les procédures et les actes religieux.—Breton. La Russie, т. I. с. 30—31, изд. Пар. 1843 г. Должно отдать справедливую честь ученымъ русскимъ и нѣкоторымъ знаменитымъ государственнымъ сановникамъ, въ томъ, что они дорожили своимъ отечественнымъ языкомъ, и говорили на иностранномъ,

сковское, ни новгородское, ни ярославское нарѣчіе, ни другое какое либо, не можетъ сдѣ-

по одной необходимости, а именно: Румянцовы — задунайскіе, Потемкины — таврическіе, Суворовы, — римникскіе — италійскіе, Безбородкины, Панины, Разумовскіе и многіе другіе. Безсмертный творецъ *оды Божь*, Г. Р. Державинъ, всегда сердился, когда слышалъ говорящихъ не порусски, особенно тѣхъ, которые давно поселились въ Россіи. Онъ требовалъ отъ всѣхъ, чтобы они вездѣ употребляли свой языкъ, чтобы этимъ способомъ заставить иностранцевъ изучивать нашъ языкъ. — Однажды пришелъ къ нему сапожникъ, съ денежнымъ счетомъ, и сталъ изъясняться по нѣмецки. — Державинъ сказалъ съ негодованіемъ: долго ли ты будешь говорить со мною, по нѣмецки? Больше 20 лѣтъ, какъ живешь здѣсь! — Пришелъ къ намъ босой и полунагой, а теперь уже имѣешь два каменныхъ дома, съ коихъ получаешь нѣсколько тысячъ въ годъ дохода. Хотя бы изъ благодарности къ счастливому для тебя Петербургу, говорилъ по русски.

Весьма странно и даже обидно, что очень многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, изъясняются на иностранномъ языкѣ, оставляя свой въ пренебреженіи. Встрѣтятся ли они съ французомъ, нѣмцемъ или англичаниномъ, — тотчасъ зазлепечутъ на ихъ языкъ, хотя послѣдніе, очень хорошо знаютъ нашъ природный. Войдите въ общество, гдѣ иностранцы разныхъ племенъ, русскій непременно станетъ изъясняться на ихъ нарѣчій. Посмотрите же на нѣмцевъ, французовъ и англичанъ, они никогда ни съ кѣмъ не заговариваютъ, какъ только на своемъ языкѣ, даже стараются заставить иностранцевъ выражаться на ихъ природномъ. Вамъ случалось видѣть, о, я думаю, весьма часто, что въ одномъ и томъ же собраніи, всѣ разговариваютъ сначала по русски, но если появятся нѣмцы или французы, то все измѣняется: нѣмцы пристають къ нѣмцамъ, французы къ французамъ и т. д., составляютъ свой кругъ, и говорятъ на своемъ языкѣ, въ посмѣяніе русскимъ. Русскіе это терпятъ, слушаютъ хладнокровно и отнюдь не заботятся заставить ихъ говорить по

даться повсюднымъ. Это только мѣстное нарѣчїе, но самое лучшее, правильнѣйшее и чистѣй-

русски, — а иноземцы торжествуютъ! Что это значить? Любовь иностранцевъ къ своему собственному, ревностное стремление распространять повсюду свое отечественное. А мы русскіе, въ безмолвномъ благоговѣнн предъ говоримъ иностраннѣйшимъ, изучиваемся ему, съ горячностію неистощимой; поттемъ отъ всего усердія надъ темъ даже, какъ чистоту и правильно произносить, къ униженію собственнаго нашего языка.

Когда мы ознакомились съ иноземнымъ духомъ въ XVI в., тогда вошло въ пословицу: «Славянскому языку не видать добра отъ нѣмецкаго». См. Дѣла польскія л. 320 на об. л. и Кар. И Г. Р. т. х. с. 401 пр., 166 изд. 1824. — Предки наши подъ именемъ нѣмцевъ, разумѣли всѣхъ иностранцевъ. — Преданіе объ истребленіи нашего языка, весьма нелѣпное; оно похоже на предсказаніе, — завладѣніе русскими Царьградомъ. Покрайней мѣрѣ завоеваніе восточной имперіею, взято изъ того повода, что Олегъ повѣсилъ щитъ свой на константинопольскихъ воротахъ, въ 906 г. — Но эту молву распространилъ польскій лѣтописецъ Стрѣйковскій, (см. его сочин. гл. III.)

Въ X. в. была найдена надпись, неизвѣстно кѣмъ написанная подъ истуканомъ Беллерофона, которой стоялъ на таврской площади, въ Царьградѣ: *Русскіе недавно опустошали Константинополь, а не предсказаніе, что русскіе овладѣютъ Константинополемъ. — In medio fori (Tauri) atrio est statua equestris, quam quidam Iesu Nave, alii Bellerophonis esse volunt. Allata vero fuit ex magna Antiochia. Caeterum basia lapidea quadrilatera equestris illius statuae habet insculptas: historias russorem, qui novissimis diebus urbem vastaturi sunt., cujus rei impedimentum est perquam minimum illud signum, quod vincunt ac genuflexum illic positum visitur. Praeterea quoque pes levus magni equi, quod in eo inscriptum est, praesignificat. Similiter est magna columna concava et Xerolophus ultimus urbis casus expugna-*

шее, существуетъ между людьми, изучившими свой языкъ, по опредѣленнымъ правиламъ,

tioues quae representant. — Banduri: imper. orient. т. I. с. 16, въ статьѣ: anonymi antiquitatum constantinop. lib. I, см. Nicetas Choniates, с. 412 и 414; Codinas: de origin. Constant. с. 24. Въ опи трос, жившіе около 1400 г. свидѣтельствуютъ общее свѣдѣніе о взятіи русскими Царьграда, но никто изъ нихъ не говоритъ о предсказаніи, что русскіе овладѣютъ Константинополемъ. Les souvenirs de ces flottes arctiques, qui sembloient descendre du cercle polaire, épouvanta longtemps la cité impériale. Далѣе, когда русскіе опустошили предмѣстіе столицы, при Игорьъ и Святославъ, тогда разнесли молву, что они завладѣютъ Царьградомъ, какъ обыкновенно происходитъ, когда угрожаетъ опасность столицѣ. Le vulgaire de tous les rangs assuroit et croyoit, que l'inscription d'une statue équestre, qu'on voyoit dans la place du Taurus, anonçoit comment les Russes deviendroient un jour maîtres de Constantinople. — Gibbon. Hist. de la décad. de l'emp. rom. т. 15 гл. LX, таже самая глава на англійск. языкъ. Иные думаютъ, что мѣдная статуя Беллерофона, привезенная изъ Антиохіи, изображала побѣдителя баснословной Химеры, а другіе Іеуса Навина. — Французы, овладѣвъ Царьградомъ, въ нач. XIII в., сплавили ее. — Но откуда взято преданіе, объ истребленіи нашего языка, или о завладѣніи Царьградомъ? — Просто вымысль, и говоря словами Гиббона: an odd dilemma! — Было время, когда наши предки преслѣдовали эллинское ученіе и знаніе. По переводъ съ греческаго яз. на славянскій, нѣкоторыхъ священныхъ книгъ, греки мало по малу усилились при дворѣ и наконецъ, всѣ высшія мѣста по управленію церковью, остались за ними. Почти всѣ митрополиты выслалились изъ Константинополя, и не многіе изъ русскихъ, едва ли болѣе четырехъ, были посвящены въ митрополиты. Отъ этого самаго изучиваніе греческихъ знаній, было введено необходимою; а вліяніе грековъ на всѣ дѣла, вооружало нашихъ предковъ, не только противу имени грекъ, но даже противу полезнаго знанія: клая эллинскую муд-

которыя однако не могутъ быть постоянными, положительными: съ просвѣщеніемъ народа, языкъ измѣняется — а отсюда слѣдуютъ измѣненія и новыя правила. Тотъ бѣдной языкъ, который стоитъ на одной степени. Французскій уже не двинется далѣе; только вносятся въ

ростъ, называя ее хитрою, коварною, смѣшавъ знаніе съ пропырливимъ и сребролюбивимъ духомъ. — Не щадяли и тѣхъ, кои не изъ честолюбія, но изъ общественной пользы преслѣдовали суевѣріе, злоупотребленіе, невежество церковнослужителей, и исправляли церковныя и богослужебныя книги. Такъ безвинно погибъ Максимъ грекъ, живш. въ XVI в., который болѣе 30 л. томился въ темницѣ. — Такъ патріархъ Никонъ не избѣгъ нареканій отъ своихъ современниковъ, за исправленіе имъ церковныхъ книгъ. Суевѣры и вѣстжи, приписывая это наущенію эллисскому, произвели расколы. — Но когда страсть къ греческимъ знаніямъ уменьшилась, съ распространеніемъ свѣдѣній западной Европы, не ближе къ концу XVIII в.; тогда стали кричать на нѣмцевъ и французовъ, и имя нѣмца обратилось въ бранное, — новая крайность! Не должно переходить отъ крайности къ крайностямъ. Что полезное, то полезное, а потому ни одно изъ полезныхъ знаній не можетъ вредить народности. Но унижать чужое, потому что оно хорошее, это значить унижать достоинство челоуѣка; унижать чужое, потому что оно чужое, это значить быть пристрастнымъ къ своему собственному и несправедливымъ къ заслугамъ чужимъ. Намъ не вредятъ иноземцы, а мы сами вредимъ себѣ: мы хватаемся за все чужое, не разбирая и не разсуждая, что хорошо или дурно. Не должны оуждать иноземнаго безъ основанія, потому что прійдется все осуждать иноземное; а когда перѣсудимъ все, пріймемся осуждать свое, и дойдемъ уже до того, что свой языкъ будемъ называть варварскимъ, не европейскимъ, — а между тѣмъ не будемъ ли сами виновны?

него переобразованныя слова, вмѣсто застарѣ-
лыхъ, а застарѣлыя занимають мѣсто новыхъ,
такъ что въ немъ теперь произошла мѣна
словъ. — Если бы допустить, что въ обществѣ
заговорили бы въ одно время на сто мѣстныхъ
нарѣчійхъ, простирающихся изъ одного общаго,
роднаго имъ языка; то вышло бы странное смѣ-
шеніе, — не далеко отъ вавилонскаго. — Каждый
захотѣлъ бы отдать преимущество своему ту-
земному выговору, произошли бы споры, а за спо-
рами неумѣстныя доказательства. Мы знаемъ на
опытѣ, что въ образованномъ обществѣ гово-
рятъ нарѣчіемъ правильнымъ и очищеннымъ.
Это доказываетъ, что эти люди изучивали его
свойство, силу и духъ; что они знаютъ, гдѣ
надобно избѣгать не свойственныхъ выраже-
ній, приличныхъ одному какому нибудь мѣсту,
городу или деревнѣ; что они сами признають
тотъ правильнымъ языкъ, который освобож-
девъ отъ мѣстныхъ привычекъ. Смѣшно было
бы, еслибы кто сталъ изъясняться книжными
словами. Были примѣры, что многія изъ пре-
краснаго пола, говорили цѣлыми статьями изъ
какого нибудь любимаго ими романа или по-
вѣсти, написанной, правда, увлекательно, —
но это обнаруживаетъ явное незнаціе язы-
ка, слѣпой вкусъ и тщеславное желаніе бле-
снуть чужими оборотами выраженій, которыя

весьма кстати были сказаны писателями; но изуродованы легкомысленными подражателями (*).

Мистика отличил и наклонности русские, не мпшают на родности.

Наше отечество, заключающееся въ пре-дѣлахъ трехъ частей свѣта, на пространствѣ 350,000 кв. м., имѣетъ народонаселеніе до 63 1/2 мил. На одномъ этомъ протяженіи разбѣяны многочисленныя племена, не сходствующія между собою ни нравами, ни образованіемъ: живутъ язычники, иновѣрцы, кочевые и полудикіе; но число ихъ довольно не значительное. Можно насчитать болѣе 100 племенъ, совершенно чуждыхъ одно другому; но всѣ сохранили свой языкъ, вѣру и преданія. Разселеніе племенъ можно подвести, подъ 12 родовъ: 1. славянское. 2. германское. 3. латышское. 4. финское. 5. татарское. 6. кавказское. 7. монгольское. 8. мавжурское. 9. самоѣдское 10. племена американскаго происхожденія. 11. жи-ды. 12. цыганы. Славянское, состоящее изъ

(*) Одинъ именитый купецъ, любящій говорить высокопарно, всегда начинаетъ свой разговоръ краснорѣчиво, затвердивъ напередъ тѣмъ украшеній, коихъ не понимаетъ онъ силы; продолжаетъ разговоръ съ жаромъ пылаго и даровитаго витія. Его слушаютъ и не понимаютъ. Наконецъ, послѣ утомительнаго ораторства, для него самаго, онъ оканчиваетъ свою рѣчь тѣмъ, что у него продается лучший табакъ, или: ради того чего много, совокупнаго — совокупленія, пріятнаго пріятства, для нашего дружественнаго кампанства, — табакъ дешево продаю, и самый лучший-сь, право-сь, да-сь.

русскихъ, малороссіянъ, казаковъ: донскихъ, черноморскихъ, уральскихъ, сибирскихъ, гребенскихъ и пр. и поляковъ, простирается до 54 мил.; исповѣдующихъ же православную вѣру до 50 м. Германцевъ болѣе $1\frac{1}{2}$ м, остальные 8 м. образуютъ всѣ слѣдующіе за ними десять племенъ. Господствующій народъ, далеко превышаетъ числомъ всѣ другіе, и вѣтъ никакой опасности отъ разноплеменности обитателей, тѣмъ болѣе, что Самодержавіе, Вѣра и просвѣщеніе, утверждаютъ общественное направленіе ко всему благому. — Владычествующій народъ, тѣсно связанный Религіею, преданный своему отечеству, радующійся его благосостоянію, имѣющей свое могущественное царство и гордящейся имъ, упрочиваетъ безопасность нашу. Правители царствъ всегда смотрятъ далѣе своего вѣка, а мудрый Монархъ безсмертенъ въ дѣлахъ своего народа. Россія, обязанная своею славою великодушному самодержавію, Россія, любя своихъ Царей, какъ дѣти отца, умѣетъ благодворить и своимъ врагамъ. Она любитъ ихъ, какъ ближнихъ, но еще болѣе любитъ своихъ русскихъ.

Не смотря на разнообразныя наклонности и свойства природныхъ жителей, — у нихъ общее народное: вѣра и благо отечества. — Разнообразіе это происходитъ отъ мѣстныхъ

привычекъ, а не отъ духа; оно никому изъ нихъ не препятствуетъ гордиться общностию и дружествомъ; оно, разкрывая другъ предъ другомъ превосходство въ способностяхъ, успѣхахъ разума и промышленности, соревнуетъ ихъ другъ предъ другомъ; одушевляетъ къ постояннымъ предпріятіямъ и напоминаетъ каждому гражданину о почетномъ его назначеніи.

Пограничные обитатели сѣвера и степей, отличающіеся особою тѣлесной крѣпостию, занимаются звѣриною и рыбною ловлями и мѣнвою торговлею: они смѣлые и отважные. Безпокоюемые часто хищническими набѣгами, они безпрерывно борются съ ними, отъ того умомъ хитрые, изыскательные, воинственные; росту средняго, стану гибкаго, цвѣтомъ лица смуглые, волоса имѣютъ черноватые. Внутренніе обитатели сѣверо-восточной части, проныцательные; всѣ они съ большими наклонностями къ познаніямъ: переимчивы и изобрѣтательны, дѣятельны и неутомимы. Торговля всѣми вещами, приобретаемыми изъ внутри и внѣ поверхности земли, промышленность и фабричныя произведенія, истекаютъ отсюда, расходятся по всей имперіи и вывозятся за границу. Выгоды, получаемыя отъ дѣятельности и предпріимчивости, распространяютъ изобиліе и роскошь, — изощряютъ умъ и направляютъ его

къ полезному образованію. Внутренніе обитатели, одаренные предприимчивостію, устремляются въ отдаленные края, чтобы изыскивать средства къ постоянному своему улучшенію. Надѣленные мужествомъ и самоотверженіемъ, они жертвуютъ своими частными выгодами общественнымъ; устрояютъ общепользвыя заведенія и расширяютъ область познаній. Болѣе хладнокровные, чѣмъ горячіе, они прежде рассчитываютъ, нежели рѣшаются.--Гражданственность, услаждающаяся очарованіями преданій и народными разсказами о собственномъ величій, утверждаетъ прочность обитателей внутренности Россіи,--потому то здѣсь, гораздо болѣе, нежели гдѣ либо, каждый дышетъ любовію къ своей родинѣ. Тутъ не поэзія, не жажда честолюбія, — жить въ потомствѣ, а наука любить отечество.--Жители юго-западной части, избалованные расточительной природою, болѣе лѣнны, —но пламенны. Они роста высокаго, гибкіе тѣломъ, пріятельны собою и по большей части страстные поклонники нѣги. Бѣлые лицомъ, съ волосами черными и глазами огненными, они страстно любятъ умственные занятія. Нигдѣ между Русскимъ народомъ не было такой высокой поэзіи, какъ между малороссійскими казаками. Шелъ ли казакъ на войну, онъ одушевлялъ себя пѣнями и разсказами объ удаливствѣ своихъ витязей и атамановъ. Жилъ ли онъ

въ мирѣ, служилъ примѣромъ добраго и вѣрнаго гражданина. Тоже чувство руководитъ имъ нынѣ онъ любитъ Россію съ жаромъ юности,—это имъ доказано. Излишне было бы приводить примѣры, что изъ его казацкой страны вышли добродѣтельные святители, великіе государственные мужья въ политикѣ и на полѣ брани, и знаменитые ученые, которые всѣ служили съ такою же безпредѣльной ревностію, какъ и собственно Русскіе. Между Малороссіянами и Русскими нѣтъ никакого различія: одинъ духъ и одно благородное желаніе управляетъ ими. Если мы видимъ различіе нравовъ, то это не есть противудѣйствіе народности. Мы уже говорили, что народность основывается на общественномъ стремленіи къ единству, коего возгласъ есть: благо и слава народа, поэтому всякій изъ насъ дорожитъ своею святою Русью, гордится своимъ именемъ, отвѣчаетъ всегда радостно на призывъ любимыхъ нами Монарховъ, коимъ наше отечество вручено самымъ Провидѣніемъ. Каждый изъ насъ хранитъ въ сердцѣ своемъ заветныя слова нашихъ предковъ, что мы должны жертвовать собою: за вѣру, Царя и отечество, и помнить твердо: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ! —

Заключеніе. Любовь къ собственному счастью, рождаетъ любовь къ своему отечеству; благородное честолюбіе каждаго, народную гордость.—

Народная гордость не может существовать, безъ сознанія собственнаго достоинства; слава народа не можетъ проявляться безъ любви къ отечеству. Напрасно нѣкоторые говорятъ, что любовь къ отечеству можно внушить умствованіями. Кто не гордится народностію, тотъ не можетъ питать любви ни къ чему родному. Кто не знаетъ что народность есть истинная любовь, основа къ благоденствію царства; тотъ только можетъ быть всемірнымъ гражданиномъ. Божественный свѣтъ Религіи, скрѣпляетъ всѣ общественныя связи, а народность утверждаетъ въ любви къ своему отечеству. Религія есть тайный союзъ чловѣка съ Богомъ; внутреннее, неизглаголанное чувство съ Небомъ: Она выше всего земнаго, выше всѣхъ мудрыхъ законовъ; но народность есть душа отечества, врожденное чувство ея жизни, невидимая связь соотечественниковъ, сближеніе ея съ одними чувствами, съ одними мыслями, и она вездѣ дѣйствуетъ на землѣ съ самоотверженіемъ, какъ дѣйствовала прежде, — слѣдовательно: народность, есть выраженіе любви къ отечеству. — Но какимъ образомъ можно пріобрѣсть народность? Странной вопросъ! какъ будто-бы народное чувство можно купить, какъ сребролюбивое сердце. Но тотъ, который продаетъ себя, продаетъ себя

всѣмъ безотчетно. — Какъ же мы можемъ познать народность, и гдѣ можемъ ее изучать? Вопросъ весьма важной, но отвѣтъ написать въ сердцѣ каждаго русскаго: въ воспитаніи народномъ *.

*) Нигдѣ общественныя узы не были столь крѣпкія, какъ между евреями. У нихъ изливалось народное чувство и воспитаніе, изъ своего общественнаго духа. Въ Индіи, Египтѣ, Вавилонѣ, Сирии, Мидіи, малоазійской Греціи и Финикіи, утверждалось образованіе государственными постановленіями, основанными на свойствахъ своего народа. Въ Персіи самое воспитаніе, было общественнымъ занятіемъ. Тамъ дѣти съ младенчества своего, принадлежали государству. Въ Греціи и Римѣ образованіе дѣтей, по своимъ законамъ и своимъ обычаямъ, обратилось въ народную гордость. Младенцы съ материнскимъ молокомъ, всасывали тамъ нежную любовь къ отечеству, какъ къ очаровательному образу, — воспламенявшему и сердце и умъ. Отъ этого явились тамъ, исполненные любви образцовой: Мильціады, Семистоклы, Аристиды, Кимоны, Периклы, Бруты, Сцеволы, Цинцинаты, Камилы, Регулы, Маркелы, Сципіоны, Фабриціи, Фабіи, Катоны, Эмилии, Гракхи, Помпеи, Цезари, Августы, Меценаты, Германники, Веспасіаны, Трояны, Марки Аврелии, Антонины, Стиликоны, Велизаріи и многіе другіе безсмертные мужи. — Въ Спартѣ, гдѣ все было напитано духомъ народнымъ, смотрѣли на иностранцевъ съ недоувѣрчивостію и не допускали ихъ къ важнымъ должностямъ. — Тоже самое было въ Карфагенѣ, и почти во всей европейской Греціи. — Германскія племена и франки, дали новое направленіе воспитанію. Соединивъ Религію съ семейнымъ воспитаніемъ, они укрѣпляли его на народной преданности къ своимъ правамъ, обычаямъ и своей странѣ. — По основаніи новыхъ европейскихъ монархій, это направленіе упрочено потребностію общественнаго образованія, и соединено крѣпко съ духомъ народной гордости.

Иноземецъ никогда не воспламенитъ сердца нашего, къ отечеству нашему — потому что онъ чуждъ его. Не согрѣетъ нашихъ чувствъ трогательными примѣрами, изъ нашей исторіи, потому что не знаетъ ихъ, или увлекается пристрастіемъ. Онъ всегда увѣренъ въ достоинствахъ своего народа, и всегда склоненъ къ мысли о превосходствѣ своихъ соотчичей. Онъ будетъ указывать на разительные примѣры, только изъ своей исторіи, — какъ будтобы у насъ ихъ нѣтъ! Какъ будтобы мы скудны ими! Намъ надобно знать свои примѣры, и любить въ нихъ свое возвышенное, свое родное. Какъ несовмѣстны въ природѣ двѣ любви, такъ никто не можетъ любить двухъ отечествъ, а потому напрасно увлекаться безотчетнымъ благоговіемъ къ одному иноземному. Не поймемъ народнаго духа, когда не станемъ изучать его. Прилѣпляясь къ чужему, мы не сроднимся съ нимъ, и не оцѣнимъ своего. Мы должны заставить нашихъ клеветниковъ, уважать насъ, — преданностію своею къ Самодержавію и Православію, къ своему величію и отечеству. Кто думаетъ дурно о своемъ отечествѣ, тотъ недостойнъ жить въ немъ. Если злословы наши, стараются видѣть у насъ все дурное, то могутъ ли они сказать когда либо хорошее? Если осуждаютъ насъ, то единственно изъ ненависти къ

нашей силѣ.—Кто можетъ противурѣчить истинѣ?—О! если найдутся люди, то да поклянутся гробами своихъ родныхъ, чтобы обличить насъ.— Нѣтъ! не найдется дерзновеннаго... и если... нѣтъ! нѣтъ!—Творецъ милосердный! Не допусти ихъ до заблужденія. — Русской любитъ свою землю, свое солнце. Земля,—его мать,—солнце его міръ ненаглядный: оно согрѣло его помыслы благородные, озарило величіемъ, плѣнило сердце славой, и той землею, гдѣ всѣ мы родились, живемъ и ляжемъ подлѣ нашихъ отцевъ,—умремъ съ ними, любя свою родину, свою землю.

Слѣдуя правилу государственной науки—ограждать свою безопасность и укрѣплять народное чувство, мы должны стремиться къ образованію, свойственному духу спасительнаго Самодержавія. Своими побѣдами мы устранили препятствія, заграждавшія успѣхамъ образованію; теперь мы должны усвоивать одно доброе и полезное. Мы живемъ въ Россіи, и должны жить для нее. Мечтая о геніальности чужихъ умовъ,—какъ будтобы у насъ ихъ нѣтъ и не было!—не вознесемъ чужимъ умомъ и не будемъ счастливы ложнымъ, чужимъ счастіемъ. Россія,—счастіе наше.

II. ЖИЛИЩА.

*Благословите, братцы, старину сказать,—
Какъ бы старину стародавнюю.*

Древ. рус. стих. собр. Киев. Дав.—с. 17.

Если станемъ разсматривать Европу съ *Превосходство европейскаго климата, предъ прочими частями свѣта.* незапамятныхъ временъ, то она представится намъ самою бѣдной страной. За исключеніемъ хвойныхъ лѣсовъ и незначительныхъ растѣній, все, что въ ней находится теперь, есть иноземное, перенесенное изъ другихъ частей свѣта, не говоря уже о просвѣщеніи. Нынѣшнимъ богатствомъ она обязана единственно труду и дѣятельности человѣческой. Хлѣбныя растѣнія: рожь, ячмень, овесъ, гречиха, пшеница, кукуруза, полба, перенесены изъ Азіи; плодоносныя деревья, кромѣ тощихъ видовъ грушъ и яблонь, перешли къ намъ изъ Азіи. Римляне, за нѣсколько лѣтъ до Р. Х., перенесли вишню, лимоны, виноградъ, дыни, финики, персики (изъ Персіи), померанцы (изъ Китая), розы, (изъ малой Азіи).—Картофель, табакъ, разные виды домашняго лѣса, большое множество полезныхъ и пріятныхъ для глазъ растѣній и деревьевъ:

цвѣты, душистыя травы, тополь и пр., перевезены изъ Америки. Домашнія животныя по большей части, кромѣ лошадей, верблюдовъ и ословъ, суть туземныя; серна, сайга, дикія козы, овцы и пр. суть переносныя; медвѣдь, волкъ, лисицы, заяцъ и кроликъ, приписываются Европѣ. Изъ птицъ: павливъ, вывезенъ Римлянами изъ Азіи, индѣйскій пѣтухъ и нѣкоторыя другія птицы, не европейскія. Усвоиваніе великаго множества растѣній и животныхъ, доказываетъ бывшую непродуцируемость Европы, и съ тѣмъ вмѣстѣ воспроизводительность ея земли предъ прочими частями свѣта, потому что въ ней легко принимаются произведенія тропическихъ странъ и обращаются въ туземныя. Европа не имѣетъ ни горъ, ни рѣкъ, ни долинъ, ни степей какія въ Азіи и Америкѣ; ея лѣса скудныя, въ сравненіи съ мірозданными Америки; ея животныя даже карлики, въ сравненіи съ великанами африканскими и азіятскими; за то природа ея воспріимчивая, воздухъ умѣренный и здоровый. Ей неизвѣстны ни опустошительные ураганы, ни мгновенной переходъ отъ чрезвычайнаго жара къ оцѣпляющему холоду, какъ въ Азіи и Америкѣ. Небо не сіяетъ тропическою прелестью, не обвораживаетъ смертнаго, за то не вѣютъ на него заразительныя болѣзни, истребляющія цѣлые города. Азіят-

суровость природы; но и тогда еще лѣса непроходимые, по берегамъ Дуная и Роны, наводили ужасъ, и зимы бывали продолжительныя. Еще въ XV в. Германцы носили мѣха и согрѣвались дома огнемъ.

Гомеръ, писавшій за IX в. до Р. X., или за 27 в. до нашего времени, о южной части Россіи, нынѣшней Тавридѣ, передаетъ о ней извѣстія со смѣсю баснословія: «тамъ небо подернуто вѣчными туманами, солнце не показывается на горизонтѣ и глубокая ночь царствуетъ вѣчно». — Эти извѣстія хотя несовсѣмъ вѣрныя, однако весьма любопытныя, даже важныя: онѣ подтверждаютъ общее мнѣніе, что часть Европы была мрачная, болотистая и холодная; жители ея были дикія дѣти природы.

Мѣста отъ карпатскихъ горъ до балтійскаго моря, и далѣе на сѣверъ до ледовитаго моря, вовсе были не извѣстны ни Римлянамъ, ни Грекамъ, даже до пол. V в. до Р. X. Они имѣли объ ней самыя темныя и изуродованныя преданія. Персидскій царь, Гистаспъ Дарій, жив. за 500 л. до Р. X., и Македонскій царь Александръ, въ первой пол. IV в. до Р. X., гоняясь за кочующими Скифами отъ азовскаго моря до р. Дона, — встрѣчали на семъ пространствѣ степи и безлюдность. Орды многихъ пле-

мень проходили здѣсь, вытѣсняли бездомныхъ обитателей, которые въ свою очередь были выгоняемы отсюда другими. Геродотъ, жившій за 445 л. до Р. Х. и самъ посѣщавшій греческія поселенія въ нашей Тавридѣ, изчисляетъ уже племена, имѣвшія гражданскую осѣдлость. Онъ говоритъ, что мѣста между Тавридою и Днѣпромъ, были необозримыя степи и безлѣсныя; что зима стоитъ 8 мѣсяцевъ и воздухъ въ это время наполненъ летающими перьями (снѣгомъ); что азовское море покрывается льдомъ, по коему ѣздятъ жители на саняхъ и сражаются на немъ, ничего не боясь; что нѣкоторые изъ нихъ питаются человѣческимъ мясомъ, а другіе обращаются ежегодно въ волковъ на нѣсколько мѣсяцевъ, — первое означаетъ свирѣпость народа, а второе, что зима тамъ была довольно жестокая и люди одѣвались въ волчьи кожи, а быть можетъ въ бараны, изъ коихъ стали выдѣлывать шубы.—О полунощныхъ земляхъ носился одинъ темный слухъ, что тамъ живутъ люди, которые спятъ шесть мѣсяцевъ въ году, —(въ продолжительныя ночи на сѣверѣ). — Объ отдаленнѣйшей части сѣвера, потеряны извѣстія. Хотя Тацитъ, (писатель перваго вѣка по Р. Х.) говоритъ объ балтійскихъ Вендахъ, нашихъ соплеменникахъ, что они имѣли дома, жили

въ клябигахъ; однако мы ничего не знаемъ о климатѣ прибалтійскихъ нашихъ мѣстъ.—Юр-
нальдъ, готскій писатель VI в., говоритъ уже
о многочисленности нашихъ Венедовъ. Вообще
можно сказать, что одни Греки и Римляне, пе-
редаютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнiя о Слavia-
нахъ, которыя были невѣрныя, сбивчивыя и
изскаженныя, именно, что вся полоса земля отъ
балтійскихъ береговъ до устьевъ Днѣпра, бы-
ла покрыта лѣсами непроходимыми и болотами,
которыя испугали Бату, въ началѣ даже XIII в.,
итти на Новгородъ; что почва была не об-
работанная и представляла пустыню, что стаи
дикихъ и хищныхъ животныхъ рыскали по
пространству необозримому, снѣга глубокіе
ужасали туземцевъ; но рѣки изобиловали рыбою,
а лѣса дичью и пушными звѣрями. Послед-
нее извѣстiе согласуется съ безлюдностию,
потому что это есть принадлежность всѣхъ
незаселенныхъ и холодныхъ странъ. Хлѣб-
ное растѣнiе едва тогда было извѣстно и
оно замѣнялось кореньями, земляными пло-
дами, мясомъ дикаго животнаго, моложомъ и
сыромъ. На этихъ холодныхъ и безлюдныхъ
мѣстахъ селились Славяне, и жили по приро-
дѣ: въ лѣсахъ и пещерахъ. (*) Когда они по-

*Жилища
Славянъ.*

(*) Довольно странно, что шведскій историкъ Далнъ
говорить утвердительно, что вся Россiя, представляя въ глубо-

лучили гражданскую осѣдлость, а съ тѣмъ вмѣстѣ и выгоды отъ постоянныхъ жилищъ; тогда стали строить хижины; но въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ и среди непроходимыхъ болотъ, иноземецъ не могъ путешествовать въ ихъ землѣ, безъ вожатаго. Ожидая безпрестанно врага, Славяне брали еще другую предосторожность: дѣлали въ своихъ жилищахъ разные выходы, чтобы, въ случаѣ нападенія, можно было спастись; скрывали въ глубокихъ ямахъ драгоценныя вещи и хлѣбъ, и селились болѣе между болотами и лѣсами. (*)

Съ узнаніемъ выгодъ отъ скотоводства и земледѣлія, они получали отъ нихъ все необходимое для поддержанія своей жизни: поля и

кой древности одни острова, была отъ Новгорода до Кіева шведскою провинцію, и что около Р. Х. большая часть Швеціи скрывалась еще подъ водою. Dalin : *Gefh. des Schweden*. Рожеръ Баконъ еще болѣе рассказываетъ баснословнаго, что тунгускіе Татары имѣютъ коровъ съ лошадиными хвостами и доютъ ихъ при пѣніи пѣсней. *Observations du moine Roger Bacon*,—въ собр. Бержер. с. 49 изд. 1735 г. in 4°—Баконъ жилъ въ XIII. в., ему извинительно; но Далинь въ XVII в., и славится своей исторіею.

(*) *Strit Mem. popul* т. II. с. 29.; *Юрналъ: De reb. Gethic.* с. 85. *Ni paludes sylvasque pro civitatibus habent.*

Зарываніе хлѣба въ землю, господствовало въ Малоросіи до нашихъ времявъ. Еще недавно казаки, для сохраненія зерноваго хлѣба, ссыпали его нарочно на зиму въ ямы, въ коихъ онъ оставался невредимымъ.

животныя снабжали ихъ пищею и одеждою; непроходимые лѣса охраняли жилища и служили при военныхъ событіяхъ часто оградою. Не страшились уже ни голода, ни свирѣпыхъ зимъ, ибо запасались достаточными пособіями, которыя находились въ ихъ странѣ.

Зданія деревянные и каменные хоромы Ольги.

Первоначальныя жилища состояли изъ лѣсныхъ срубовъ; ставили ихъ обыкновенно по произволу и удобству хозяйственныхъ помѣщеній. Внутренность ихъ состояла изъ одной общей комнаты, въ смежности съ коею находились пристройки для домашняго скота и птицъ, и для храненія земледѣльческихъ вещей, хлѣба, сѣна и пр. Овины или гумно, стояли недалеко отъ избы. Мы не имѣемъ самыхъ древнихъ свѣдѣній о наружности и постройкѣ нашихъ домовъ. Судя о простотѣ тогдашнихъ нравовъ, должно думать, что избы и хоромы располагались безъ украшеній, но строились, сколько намъ извѣстно, изъ дерева. Жилые покои стояли внутри двора, и обводились деревянными заборами съ рѣшеткою и безъ рѣшетки, и частоколомъ. Конечно, это дѣлали одни богатые; недостаточные и бѣдные окружали плетнемъ или оставляли не загороженными, какъ доселѣ по многимъ городамъ, селеніямъ и деревнямъ. Хоромы В. К. Ольги были уже каменные (въ пол. X. В.).

Стѣпы и башни, окружавшія города, были деревянные и каменные. Владиміръ 1. строилъ церкви и зданія при содѣйствіи греческихъ художниковъ, напр. дубовую церковь Успенія Пресв. Богородицы (въ 994 г.), и украсилъ ее иконами и церковными вещами,—доставленными изъ Константинополя. Того же года такая же церковь, съ тѣмъ же именемъ, построена въ Ростовѣ, которая стояла 168 л., и сгорѣла во время пожара. (*) Въ пол. XII в. построена каменная церковь В. К. Андреемъ Юрьевичемъ, во Владиміръ на Клязьмѣ, во имя Успенія Богородицы, съ однимъ куполомъ (**). Церковныя каменные зданія, предшествовали построенію домовъ. —

Нѣтъ сомнѣнія, что за исключеніемъ Ольги-^{Единообра-} гина терема, всѣ тогдашнія сельскія избы, не^{зное пост-} отличались отъ нынѣшнихъ: были не высокія, ^{роеніе и раз-} крылись досками и соломой. Горожане строи-^{положеніе} ли высокіе дома и жили обыкновенно вверху, ^{комнатъ.}

(*) Русская лѣт. съ воскр. сп. ч. 1 с. 154—155. — Церкви назывались у насъ *ропатами*. Послы В. К. Владиміра 1, возвратившіеся съ извѣстіемъ о вѣрѣ болгарской, называютъ ихъ храмы *ропатами* — Лавр. сп. с. 73—74. — Ганзейцы просили дозволенія у Новгородцевъ построить *ропату*; церкви ливондскія именуются въ царств. лѣтоп. *ропатами*. См. царств. лѣтоп. подъ 1563 г.

(**) Руск. лѣт. съ воскр. сп. ч. II с. 44—62. Еще въ XIII ст. церковь Св. Богородицы была вымощена (въ Суздаль) краснымъ мраморомъ.—Тамъ же ч. II. с. 192.

или въ верхнемъ жильѣ, это видно изъ того, когда язычники Кіевляне, хотѣли принести въ жертву идола Перуна, христіанина, родомъ изъ Варягъ, тогда подрубили сѣни и убили его съ отцемъ.—Тѣло умершаго Владиміра 1., спустили по веревкамъ изъ верхняго жилья, разобравъ помость между двумя клѣтками. — Низъ дома служилъ тогда для погребовъ, называвшихся медунами, потому что въ нихъ хранился медъ, и для кладовыхъ. — Домъ дѣлился на клѣтки (комнаты). — Онъ раздѣлялся по поламъ сѣнями, называвшимися иногда помостомъ. Вдали отъ дома строились особыя почивальныя или одрины, — коихъ названіе чисто славянское, показываетъ, что тутъ стояли постели и служили не для одного ночнаго отдохновенія, но и послѣобѣднаго. — Наши предки любили уснуть послѣ обѣда, и это называлось у нихъ отдохнуть немножко. —

Пріемныя въ великокняжескихъ покояхъ, еще до Владиміра 1., назывались *гридницею*. Въ ней, въ его время, угощались бояры, гридни, сотники, десятскіе и всѣ нарочитые люди (именитые граждане). Гридни составляли отборную дружину княжескую, которая переименовалась потомъ въ мечниковъ. (*) На дворѣ строили

(*) Гридня или гридень, происходитъ отъ шведскаго слова *gred*, мечъ. Ихъ сравнить можно съ придворной стражею.

вышки и повалуши для голубей, коихъ любилъ лани предки издревле, и назывались еще голубищами (*). Хоромами назывались у насъ высокіе деревянные дома, а теремами покои или комнаты, расположенныя въ верхнемъ ярусѣ.

Жилые покои освѣщались свѣчами и свитиль- *Освѣщеніе*
нею. Въ великокняжескихъ и боярскихъ хоромахъ, горѣли восковыя свѣчи, потому что воску было у насъ въ изобиліи: его снимали въ лѣсахъ изъ дикихъ пчельниковъ и продавали, вѣроятно, дешево; недостаточные люди жгли обыкновенное масло, наливаемое въ глиняные круглыя сосуды, какъ понынѣ въ обыкновеніи между Малороссіянами, у коихъ таковой сосудъ называется каганецъ, а въ великороссіи жирникъ. Простые или бѣдные люди, жгли лучины сосновыя, которыя понынѣ въ употребленіи. Иностранцы, бывавшіе у насъ по дѣламъ посольскимъ въ XVI и XVII в., говорятъ единогласно, что путь ихъ, въ ночное время, освѣщали лучинами, которыя горѣли такъ свѣтло, какъ бы самое солнце свѣтило среди дня; что по дорогамъ

(*) Лвт. Нестора по кенигсб. сп. с. 47, 51, 72, 91 и 93. Повалуша, упоминаемая въ значеніи голубятни, встрѣчается въ древн. русск. стихотв. Кирил. Данилова с. 61. — Вышка означаетъ въ смолен. губ. верхнюю комнату въ жильѣ, подобно чердаку; она дѣлается безъ печи и въ ней только живутъ лѣтомъ.

зажигали смолянные бочки, пуки соломы и костры дровъ.—Сальные свѣчи появились у насъ не прежде XVII в., и въ это время употребляли уже многіе (*).

Сальные фабрики появились въ царствованіе Петра 1., и тогда онѣ стали входить во всеобщее употребленіе. Подсвѣчники появились, конечно, съ восковыми свѣчами, и церковные служили имъ образцомъ.

*Каменные
палаты.*

Строителями домовъ были природные Русскіе. Нашъ мужикъ, отъ природы смѣтливый, самъ плотникъ и зодчій; такъ было и въ самой отдаленной древности. Въ XII в. распространялись у насъ ремесла и полезныя знанія; мы имѣли живописцевъ и строителей иноземныхъ, кои преимущественно занимались укра-

(*) Herb. Rer. Moscov. com. c. 89—104; Francesco da Collo: Trattamento di pace tra rè di Polonia e gran principe di Moscovia, 1518 г., stampato in Padua 1603 г., на обор. 53 л.: quando ci accoreva far ritorni ad essi nostri alloggiamenti, in tempo di notte, erano disposti e accesi lumi di tiglia, di altezza d'un passo dall'una e dall'altra parte della strade, discosti l'un da l'altro intorno à due passi, i quali rendevano così fatto splendore, come se posse il sol da mezzo giorno,—помѣщ. у Чилл: Historia delle sollevationi notabili in Polonia, gl'an. 1606. 1607 и 1608.—Arsenii: Descr. itineris in Moscoviam habiti a Jeremia II. patriarcha Constantin., Ч. I. с. 90.; помѣщ. у Вихмана: Saml. Sçrift. des Russ. Keiçs; Miede: Relations des trois embassades de Carlisle, с. 340 изд. 1772 г. in 16°.

шеніемъ храмовъ (*). Кремлевскій дворецъ былъ первоначально деревянный, какъ дворцы Великихъ Князей въ Кіевѣ.—В. К. Іоаннъ Калита, украшая Москву каменными храмами, обвелъ ее въ 1339 г. дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій въ его время Кремникъ (Кремль) (**).

Въ его время были построены соборы: Успенскій и Архангельскій, церковь Св. Іоанна Лѣствичина и Преображенія. До XV в. не было здѣсь, кромѣ храмовъ и городскихъ укрѣпленій, ни одного каменнаго дома; князя и вельможи строили деревянные, по избытку лѣса и трудной выдѣлкѣ кирпича, который продавался безъ сомнѣнія, весьма дорого, и сверхъ того требовалъ искусства въ построеніи.

Новгородскій архіепископъ жилъ уже въ каменныхъ, съ тридцатью дверями хоромахъ, построенныхъ нѣмецкими зодчими (1433 г.). Его палаты были расписаны и украшены боевыми часами. На великокняжескомъ дворѣ, за цер-

(*) Лѣтопис.: Нестора, воскресенская и новгородская. Замѣчательно, что соборная церковь въ Суздали, была выстроена нашими художниками. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій Милошъ Петръ, который построилъ каменную стѣну на берегу Дняпра, подъ Выдубецкимъ монастыремъ, и наши современники говорили объ ней, какъ о великомъ чудѣ.—
Воскр. лѣт. ч. II. с. 118.

(**) Кар. И. Г. Р. ч. 4 с. 225 прим: 322.

ковью Благовѣщенія, были выставлены еще въ 1404 г., боевые часы, стоявшіе около 30 ф. серебра (*).

(*) Монахъ Лазарь, пришедшій съ афонской горы, родомъ Сербинъ, снабдилъ часами церковь Благовѣщенія, — въ Москвѣ. См. трюнк. лѣт., въ коей сказано, что Лазарь самъ ихъ дѣлалъ: «мастеръ же и художникъ сему бѣяше.... цѣна же сему бѣяше вѣяше полутора ста рублевъ... — Князь Великій замысли часникъ и постави на своемъ дворѣ, за церковью за Св. Благовѣщеніемъ. Сій же часникъ, наречетъ ся часомѣръ; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы нощныя и дневныя; не бо человекъ ударяше, но человекovidно, самозвоно и самодвижно, страннолюбно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, преизличтано и преухищрено.» — Каменные зданія строились изъ кирпича, и конечно, способъ обдѣлыванія его былъ извѣстенъ давно. Нѣкоторые думаютъ, что зодчій болонскій, Амуроль Аристотель, который научилъ насъ лить пушки, во второй пол. XV в., устроилъ кирпичный заводъ и научилъ дѣлать кирпичи. *Лѣтоп. русск. ч. III. с. 43; Кратк. церк. росс. истор. ч. I. с. 330; Успен. Оп. пов. о древ. русск. ч. 1. с. 29.* — Развѣ до него не строили изъ кирпича? — Нѣтъ, скажутъ нѣкоторые, тогда строили изъ камня. — Но это невозможно! По своей рѣдкости камень былъ дорогъ. Тогда въ Россіи нигдѣ не знали его и теперь не строятъ изъ камня, а изъ кирпича, называя таковыя зданія каменными. Одна Финляндія доставляетъ въ избыткѣ превосходной гранитъ, который идетъ на дворцы, великолѣпные храмы и палаты богачей. Кромѣ Петербурга, нигдѣ не строятъ собственно каменныхъ зданій: т. е. изъ мрамора или гранита. Самыя улицы мостятъ здѣсь булыжникомъ, (овальными кусками гранита); нигдѣ болѣе, по ошутительному въ немъ недостатку. — Должно думать, что Аристотель, устроивъ кирпичный заводъ, научилъ русскихъ лучше обдѣлывать его. При построеніи же деревянныхъ домовъ, знали пидать доски, но собственно пильныя устройства, появляются у насъ въ XVII. в. Въ юж-

Митрополитъ Іона построилъ для себя, въ Москвѣ, каменные палаты съ домовымъ храмомъ Положенія ризъ (1449 г.)

Среди самой столицы находились тогда рощи и луга, стояли мельницы и сады; дома боярскіе отличались отъ простолюдиновъ высотой и глубокими погребями, наполненными медомъ. (*) Если въ это время господствовала въ столицѣ городская простота, то нельзя удивляться, что она по городамъ и деревнямъ была общаю. Самыя деревни, состоявшія тогда изъ немногихъ избъ, и получившихъ свое названіе отъ построеній ихъ среди деревьевъ или лѣсовъ, какъ селеніе отъ села или заселенія мѣсть пустопорожнихъ, представляли повсюду единообразіе: вокругъ сѣяли хлѣбъ и косили траву, какъ и нынѣ. Дома горожанъ въ XV в., строились почти по прежнему: съ большими сѣнями, низкими дверями, такъ что входившій, чтобы не удариться головою объ верхній косякъ, долженъ былъ наклоняться. (**)

*Простота
въ построе-
ніи.*

ной же Россіи, съ поселеніемъ въ ней слободскихъ пришельцевъ, перенесено искусство пилить бревна и дѣлать для кровлей гонть (досчатую покрышу). Усп.: Оп. повѣст. о др. рус. ч. 1. с. 33.

(*) Herb. Reg. Moscov. com.; Paul. Iov. de Legat. Moscov; Petrejus: Historien und Bericht von dem Großfürstenthumb Muscov, etc., с. 8 и 9., изд. Лейпц., 1620 г.

(**) Herb. Reg. Moscov. com.

Украшеніе
комнатъ.

Стѣны комнатъ были голыя, столы и лавки дубовыя, только у богатыхъ; онѣ стояли во-кругъ стѣнъ; часто покрывались коврами. Тогда не знали ни стульевъ, ни кресель. (*) Великіе Князья при приѣмѣ пословъ, садились на возвышенномъ кругломъ сѣдалищѣ, замѣнявшемъ тронъ; во время обѣдовъ на обыкновенныхъ лавкахъ, застланныхъ пышными матеріями, шелкомъ и бархатомъ. Украшеніе комнатъ составляло повсюду изображенія Св. мучениковъ и угодниковъ, особенно чудотворца Николая, вставленныя въ кіоты въ углу; предъ ними теплилась лампада, а въ праздникъ освѣщали

(*) Некоторые изъ нашихъ писателей упоминаютъ о стульяхъ, бывшихъ будтобы еще въ 1158 г., а о креслахъ въ 1602 г., но тѣ и другія дѣлаются извѣстными не ранѣе XVIII в. Быть можетъ, что наши писатели называли стульями и креслами, круглыя одностѣпныя скамейки, которыя у иностранцевъ именовались безъ разбора. О стульяхъ см. Татищ. ист. рос. кн. III. с. 75.; о креслахъ Щерб. рос. истор. т. VII. ч. 1. с. 174. — О перемѣшанныхъ названіяхъ стульевъ и кресель, см. Herb. Reg. Moscov. com.; Paul. Jovii: De legat.; Reutenfeld: De reb. Moschoviticis; Tanner. Leg. — Отъ нихъ прочіе писатели заимствовали свѣдѣнія. Египетскіе стулья дѣлались табуретами, кресла съ высокими ручками безъ ножекъ, столы же изъ длинной доски, укрѣпленной на четвереугольномъ столбѣ. Großman: Ueberrreste der Egyptische Baukunst. — Названіе стульевъ встрѣчается въ XVI в.; но какая ихъ была форма, неизвѣстно. Должно думать, что наши стулья были безъ спинковъ, ибо таковыя стулья ставили во храмѣ при коронаваніи Великихъ Князей и Царей, и они служили вмѣсто троновъ.

еще образа восковыми свѣчами; подъ иконами было почетное мѣсто; тутъ же стола въ крытой, блѣдно-зеленую стола.

Зодчество начало распространяться только *Появленіе*
въ XV. в. Иностранные художники укрѣпляли *каменныхъ*
города, строили церкви каменные, и они по- *домовъ.*
строили грановитую палату (1491 г.), которая
въ теченіи 390 л., сохраняла прежнюю свою
красоту, и дворецъ теремный (въ нач. ХН. в.).
Знатные люди такъ же начали строить камен-
ные дома. Митр. Зосима поставилъ на своемъ
дворѣ, три келліи каменные съ подилями.
Голова Дм. Вл. Ховринъ и Вас. Фед. Образецъ,
построили каменные дома (1485 г.) (*) Тогда
многіе живо чувствовали превосходство евро-
пейцевъ, въ гражданскомъ искусствѣ; стара-
лись сличивать отъ нихъ все полезное, —
крѣмъ обычаевъ, къ коимъ оставались вѣрными.
Нельзя оставить безъ вниманія, что построеніе и
укрѣпленіе многихъ пограничныхъ городовъ,
было производимо знаніемъ Русскихъ, познако-
мившихся уже съ искусствомъ военнымъ. — Прав-
да, стѣны воздвигались деревянныя, зато внут-
ри ихъ была землянная насыпь, смѣшанная съ
пескомъ, или крѣпко сплетались изъ хворосту
стѣны, (**) огражденные земляннымъ валомъ.

(*) Никон. дѣт. с. 119. 122. 129.

(**) Поссев. Moscov.

Жилие по-
комъ въ XV
и XVI в.

Въ XV в. дома дворянъ и горожанъ, были по большей части небольшіе; и крытые соломой; въ нихъ ставили хлѣбныя печи, гдѣ варили и пекли, отъ чего покомъ наполнялись дымомъ. Въ тѣхъ же избахъ нередко толпились телята и другія домашнія животныя, какъ доселѣ.—По недостатку въ стеклѣ для оконъ, обтягивали ихъ говяжьими пузырями или намазанной масломъ холстиною; которую замѣнили въ послѣдствіи слюдою (*). Въ концѣ XVI ст. столица величалась прочными зданіями: каменными дворами и домами; но шались злодѣи: кв. Вас. Щепинъ, дворяне: Вас. Лебедевъ и два Байновы, отецъ и сынъ, которые сговорились зажечь Москву въ разныхъ мѣстахъ; однако умыселъ ихъ открылся заблаговременно: вивновниковъ схватили и казнили (1597 г.) (**).

(*) Paul. Jov. De legat. Moscovit., Herb. Rer., Moscovit. com.; Certaine letters by Furbeville, пом. въ Гаклюит.; Успен. Он. пов. о древ. русск. ч. I. с. 32 и 33.

(**) Никон. лѣт. ч. VIII с. 29. Врагъ вложа въ мышль въ чедовцы, въ князь Вас. Щепина да въ Вас. Лебедева и въ ихъ советниковъ, чтобъ зажечь Москву, — и пр.—Москва, по свидѣтельству Ченслера, была въ его время обширнѣе Лондона. См. путешеств. Рих. Ченслера въ 1553 г. т. 1. с. 364 и 276, пом. въ сб. Гака. изд. 1809 г. — Въ 1520 г. было 41,500 домовъ, а жителей, какъ полагаютъ, за 100,000. — см. Кар. И. Г. Р. т. VII. с. 210—211. — Franc. da Collo: Trattamento di pace 1518 г. л. 51., говорить: «Москва,

Успѣхи гражданскаго образованія, сколько *Построеніе*
они были важны для удобства жизни, но по- *высокихъ де-*
всюду еще строились дома изъ сосноваго лѣ- *реальныхъ*
са, въ два или три жилья, съ большими крыль- *домовъ, ихъ*
цами и дощатыми свислыми кровлями, а на *въ внутрен-*
дворахъ особо лѣтнія спальни и кладовыя. Пе- *ность важ-*
чи дѣлались израчатыя, стѣны комнатъ рас- *жность вы-*
писывались изображеніями изъ церковной исто- *сокихъ хо-*
рии. Въ свѣтлицахъ были печи съ лежанками, *ромовъ.*
на коихъ любили покониться ночью, или сжи-
вали днемъ въ зимнее время. Въ печныхъ
стѣнкахъ дѣлались печурки, въ коихъ нагрѣ-
вали кушанье и что было надобно для хо-
зяйства, или держали домашнюю посуду, и та-
кія печурки замѣняли часто шкафы. Петръ В.,
построивъ для себя небольшой деревянной до-
микъ, изъ трехъ комнатъ (на петербургской
сторонѣ), имѣлъ таковую же печь съ печур-
ками, въ коихъ онъ ставилъ свой чайный при-
боръ, разныя домашнія вещи и тамъ нагрѣ-
валъ воду. Его домикъ, обращенный нынѣ въ
часовню, не имѣетъ прежней печи.—Въ холод-
ныхъ мѣстахъ, понынѣ дѣлаютъ у насъ пе-
чи съ лежанками.—Высота дома и обшир-
ность двора, означала богатство и важность

состроенная большей частью на болотахъ, имѣетъ въ окру-
жности три мили, и судоходную рѣку Москву.— А теперь
рѣка Москва!

*Люби и про-
стотасель-
ской осини,
ов самой
отомилъ.* хозяинна. Недостаточные и простолюдины жили, даже въ столицѣ, въ дымныхъ избахъ, часто безъ трубъ или съ деревянными трубами. По изготавленіи кушанья гасили огонь, за чѣмъ смотрѣли нарочные пристава. Картина сельской жизни, не измѣнялась долгое время въ Москвѣ: вокругъ домовъ зеленѣлись рощи, луга, огороды и сады; у кремлевскаго дворца косили сѣно, и въ немъ красовались три большихъ царскихъ сада; мельницы на рѣкахъ: Яузѣ и Неглиной, довершали деревенскіе нравы: (*)

*Распростра-
неніе ка-
менныхъ до-
мовъ.*

Борисъ Годуновъ, любя вышность, ослабляя богатствомъ народъ и чужеземныхъ пословъ, воздвигалъ каменные палаты и хотѣлъ распространить вкусъ и изящество; но его желаніе не исполнилось: оно начало распространяться не ранѣе царствованія Импер. Елисаветы, которая, съ благополучнымъ своимъ правленіемъ, умѣла поселить вкусъ къ изящному, — съ открытіемъ академіи художествъ (1758 г.) Вообще должно сказать, что до цюлов. XVIII в. царствовало однообразное направленіе въ постройкахъ, не только въ простомъ сословіи; но и въ боярскомъ. Ближніе люди и бояры, жили въ деревянныхъ домахъ, безъ

(*) *Muscov. Reise*, пом. въ магазинѣ Бишннга, ч. VII. с. 265; *Petreyus: Histor. und Berichte vom Großfürstenthum Rußland*, с. 9., изд. Лейпциг., 1620 г.

украшеній. Въ полов. XVII в. былъ уже отвѣденъ для царскихъ пословъ каменный домъ. (*). У знатныхъ людей находились на дворахъ, лѣтніе дома и церкви. Дома дѣлались уже просторнѣе; но въ окнахъ вставляли, вмѣсто стеклъ, слюду, которую получали изъ Кареліи (нынѣшней части Финляндіи) (**).

Достовѣрно неизвѣстно, что вошло прежде въ употребленіе въ Россіи: стекло или слюда? Хотя никакихъ не имѣемъ свѣдѣній изъ нашей старины, однако мы думаемъ, что стекло, бывъ вывозимо изъ Царьграда,

(*) *Relatio legationis in Moscoviam*, Aug. de Meyern et Guil. Calvucci, въ 1661—1663 г., ч. I. с. 218., помѣщ. въ собр. Визмана.

(**) Копизинъ: о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, гл. XIII. с. 118. *La relat. des trois embassades de Charles II., vers Alexey Michailoviczz, etc. par Miege.* — Amst. 1762 г. с. 324, *Petreyus: Histor. und Bericht vom Großfürstenthumb Rußland*, с. 9. изд. Лейпц. 1620 г. — Слюда была не безизвѣстна Млежю, но онъ называетъ ее талькомъ, что не все равно. — Онъ такъ описываетъ: *du talc, dont les peintres en mignature se servent aussi fort frequemment pour mettre devant leurs portraits. On tire cela du rocher, qui se fend de soi-même en plaques minces et unies, de sorte qu'il est pour le moins aussi transparent que le verre., mais il ne se casse point.* — Ясно видно, что онъ говоритъ о нынѣшней слюдѣ, но неправильно то, что онъ смѣшалъ ее съ талькомъ, которой никакъ не отдѣляется пластами и никакой не имѣетъ прозрачности. — Древніе приписывали тальку чудесную силу: полученнымъ изъ него масломъ, думали возвратитъ старости молодость.

употреблялось богатыми, и въ княжескихъ палатахъ; что недостаточные закрывали окна ставнями или залѣпливали пузырной кожею, какъ это дѣлалось въ Германіи и Франціи, въ полуобразованномъ ихъ состояніи; что пріобрѣтеніе слюды и ея доставленіе, бывъ сопряжено съ великими трудностями, по отдаленности мѣста, сдѣлалось извѣстнымъ у насъ не ранѣе XVI в., и то въ сѣверо-восточной Россіи; а въ юго-западную не заходила тогда, — въ ней она повинѣ составляетъ предметъ рѣдкости.

*Строеніе
домовъ и
избъ въ пол.
XVII в.*

Домы поселянъ и городскихъ жителей, не улучшились и въ полов. XVII в.; строились, какъ и прежде съ высокими крышами; не сдѣлались ни обширнѣе, ни красивѣе, и плотники наши, при строеніи своихъ избъ съ маленькими окнами, не употребляли другихъ орудій кромѣ топора, пилы и скобеля. Дома богачей и знатныхъ особъ, были обширнѣе и выше обыкновенныхъ. Разположеніе комнатъ, было почти повсюду одинаковое. На одной половинѣ находилась большая комната, которая раздѣлялась на двѣ или три части, и вся эта часть называлась *святлицею*. Въ ней окна были гораздо большія, нежели въ другихъ покояхъ и по большей части выкрашенныя, отъ чего онѣ получили названіе *красныхъ оконъ*, въ противоположность *волоковымъ* или обыкновеннымъ.

Волоковыя окна находились въ четверуголь-
ныхъ отверстіяхъ, въ кои вкладывались рамы
со стеклами, или тѣ отверстія задвигались
наверхъ въдланною въ стѣну доскою, — это до-
сѣдѣ въ употребленіи по деревнямъ. Въ свѣт-
лицахъ дѣлавались деревянныя трубы, и эти
свѣтлицы топились изъ сѣней. Противу свѣтли-
цы находилась простая комната, называвшаяся
избою; между свѣтлицею и избою были устрое-
ны теплыя сѣни, въ конхъ иногда находилась
кладовая, именовавшаяся *чуданомъ*. Въ сѣняхъ
жили горничныя дѣвушки, называвшіяся тогда
слыльми; печи дѣлались изъ битой глины или
муравиенныя, поды были кирпичныя; подъ жи-
лыми покоемъ дѣлались подклѣтки. Въ дальнемъ
разстояніи отъ хоромъ, стояли конюшни, клѣ-
тки, спальни, *теремы*, *чердаки* и *бани*. —

Внутренность каменныхъ покоевъ обшива-
ли досками, въ домъ мѣднѣи, что отъ этого въ
комнатахъ воздухъ здоровѣе, суше и теплѣе;
стѣны ни чѣмъ не окрашивали. У нѣкоторыхъ
оныхъ были расписаны, или обиты голландскою
позолоченою кожею. Комнаты Царицы Ирины,
супруги Феодора, были расписаны великолѣпно:
стѣны были изукрашены мусією, съ изображе-
ніемъ на ней Спасителя, Божіей Матери, Анге-
ловъ, іерарховъ и мучениковъ; на потолокъ ле-
жалъ прикрѣпленной къ своду левъ, которой

*Украшеніе
покоевъ, са-
ди и рыб-
ныя пруды.*

держалъ въ зубахъ змѣю; съ висящими на ней роскошными подвѣтниками. — Двѣ царскія палаты: большая грановитая и золотая грановитая, были расписаны событіями изъ священной и русской исторій, аллегорическими изображеніями добродѣтели и порока, времянь года и явленій природы (*). Картины, портреты и эстампы появились въ это время, и первый сталъ употреблять бояр. Арт. Серг. Матвѣевъ, украшая или внутренность своего дворца; который однако былъ деревянный. — Почти при каждомъ домѣ находился садъ; но наилучшее украшеніе домовъ составляли рыбные пруды. Дворы обводились частоколомъ или плетнемъ; называвшійся тыномъ; ворота были вальщатые, верей дубовыя, надворотина изъ доски или бревна.

*Появленіе
ягодъ, пло-
довъ и ма-
хровыхъ
розъ.*

До XV в. были у насъ овощи сладкіе; въ XVI в. встрѣчаются во множествѣ орѣхи, майлина, смородина, яблоки и вишня. — Груши, сливы, дыни и арбузы, только что разводились. Дыни славилась отличнымъ своимъ вкусомъ. Многіе иностранцы утверждали, что въ Сама-

(*) Arsenii: Descrip. itineris in Moscoviam, пом. въ собр. Виталіана; Petrejus: Sistor. und Beschreib. vom Ostreich. Russen; Muskow Reise. 1602 г., пом. въ Баддингъ, мѣсяцъ, Ч. VII; Olear. Offt beehrte Beschr. d. neuen. Oriental. Reife, с. 116, изд. 1647. г. Mayerberg: Voyage en Moscovie, с. 105. 106, изд. Leide, 1688 г.

рою, между рр Волгою и Донуемъ, раскутъ ды-
ши удивительныя: онѣ наружнымъ видомъ по-
хожи на ягненка и со всеми членами этого
четверногого животнаго, потому называются
баранцами. Эти барашки, по созрѣннн, перека-
тываются съ мѣста на мѣсто въ длину своего
стебля, выходящаго изъ пупа къ носу, и по-
жираютъ растущую вокругъ нихъ траву. На
баранцахъ образуется курчавая кожа, какъ на
ягненкѣ, изъ коей можно приготовить зимнюю
одежду. Оlearii даже пишетъ, что въ Москвѣ
ему показывали нѣсколько небольшихъ лоскут-
ковъ (одѣяла) сшитыя изъ баранцевъ: шерсть
на нихъ была легкая и курчавая. — Иностранцы
долго вѣрили, что у насъ находятся животныя
изъ растительнаго царства, называемыя есте-
ственноспытателями *зоофитомъ*; пока ученый
Кемпферъ, жившій въ XVIII в., не объяснилъ,
что овчины получаютъ не изъ растѣннй а изъ
овець. (*)—Изъ яблокъ особенно славятся на-
ливныя, потому что онѣ были нѣжныя и проз-
рачныя. — Въ пол. XVII в. появились садовыя

(*) Olearii: *Offit. begehete. Beschre. der neuen Orientalisch. Pflanze*, в пр. с. 147., изд. Шейнв. 1647 г., Margeret: *Estat de l'empire de Russie*, на обор. л. 1. изд. Париж. 1607 г. Petrejum: *Histor. und Bericht von dem Großfürstent. Muskowen*, с. 124—125, изд. Лейпц. 1620 и The voyages of Struys through Moscow, с. 180, изд. 1688 г. Кто первый распр-

и махровыя розы; въ нач. XVIII в. появились въ садахъ оранжерей; сады и дворы обводились уже досчатými заборами. (*)

Къ особенной чести нашихъ предковъ, должно сказать, что они были хорошие домокозяевы, начиная отъ селянина до Великаго Князя. Владимиръ Мономахъ, въ духовной къ своимъ дѣтямъ, наставляетъ ихъ между прочимъ: « въ ховяйствѣ сами смотрите за всѣмъ внимательно, не полагаясь на опроекъ и тиуновъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего. »

*Пышность
хоромовъ,
превозноси-
мая пѣсня-
ми.*

Въ старинныхъ пѣсняхъ, начала XVIII в., превозносятся роскошныя украшенія домовъ; наприм. въ разсказѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ.

Гой еси вы, мои люди работные!

Берите вы топорники булатные,

Подите къ Завагу въ зеленой садъ

Постройте мнѣ снаряжень дворъ,

Въ вишеньѣ, въ орышеньѣ. —

Съ вечера позднямъ поздно

Будто дятлы въ дерево прощолкивали,

странвалъ молву объ нашихъ зоофитахъ? — Маржаретъ. — У него перваго встрѣчается описаніе баранцевъ. — Witsen. Noord en oost Tartaryen eene Beschryving, etc. Amst. 1785 г. in f. t. I. с. 288, говоритъ, что Энгельбертъ Кемпферъ прежде всѣхъ объяснилъ значеніе баранца.

(*) Olear. и Le-Brun, см. ихъ Voyages; Herberst. Res. Moscov. com., Korkh Diarium; Lyzeck. de legat. с. 75 и 76.

Работала его дружина хоробряя ;

Ко полуночи и дворъ поспѣлъ.

Три терема златоверховаты ,

Да трои стѣни косящатыя.—

Хороши въ теремъ изукрашено :

На небѣ солнце, въ теремъ солнце ;

На небѣ мѣсяцъ, въ теремъ мѣсяцъ ;

На небѣ звезды, въ теремъ звезды ;

На небѣ заря, въ теремъ заря.—

И вся красота поднебесная.

Изображеніе богатаго дома, новгородскаго куща Терентьева.

Въ стольномъ Новѣгородѣ

Было въ улицѣ во Юрьевской ,

Въ слободѣ было Терентьевской.

А и жилъ былъ богатой гость ,

А по имени Терентьище.

У него дворъ на цѣлой на верстѣ ,

А кругомъ двора желѣзной тынъ ,

На тыннѣхъ по маховѣ ,

А и есть по жемчужинкѣ.

Ворота были вальщатыя ,

Верей хрустальныя.

Подворотина рыбій зубъ.

Среди двора гридня стоитъ ,

Покрыша свдыхъ бобровъ ,

Потолокъ черныхъ соболей ,

И иматица то валженная ,

Была печка муравленая ,

Середа была кирпичная.

А по среди кроватька стоитъ ,

Да кровать слоновыхъ костей ;
На кровати перина лежитъ ,
На зголовьѣ молодая жена ,
Авдотья Ивановна,...

**Изъ удалой жизни Дюка Степановича, —
его домъ**

Ой ты, ой еси, Владимиръ Князь ! (*)
Въ томъ ты на меня не прогявайся :
Печки у тебя биты глиняны ,
А подики кирпичныя ;
А помелечко мочальное ;
Въ лахань обмакиваютьъ .
А у меня Дюка Степановича ,
А у моей сударыни матушки :
Печки биты муравлены ,
А подики мѣдныя ,
Пометелечко шелковое.—
Въ сыту медвяную обмакиваютьъ ,
Калачикъ съѣшь, больше хочется.

Описаніе богатства у Ставра боярина :

Что это за крепость
У Великаго Князя Владиміра ?
У меня—де, Ставра боярина ,
Широкой дворъ не хуже города Кіева ;
А дворъ у меня на семи верстахъ ,
А гридни, свѣтлицы бѣло-дубовы ,
Покрты гридни съдымъ бобромъ ,
Потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей ;

(*) Это говорится про В. К. Владиміра 1., а Дюкъ Степановичъ его внукъ.

Поль середа, одного серебра;
Крюки да пробои, по булату злачены.

Богатство Чурилы Шлежовича, витязя
Владимира 1.

Чурила живеть не въ Кіевѣ,
А живеть онъ пониже малаго Кіевца.
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желзный тынь,
На всякой тынникѣ по маковкѣ
А и есть по жемчужинкѣ.
Среди двора свѣтлицы стоятъ,
Гридки белолюбвины,
Покрыты садымъ бобромъ,
Подмокъ черныхъ собомей,
Матица то валженая;
Поль середа, одного серебра;
Крюки да пробои, по булату злачены.
Первые у него ворота вальящатые,
Другіе ворота хрустальные,
Третьи ворота смальчаныя. (*)

(*) Древн. русск. стихотв. собр. Кириш. Даниловымъ изд. 1818 г. с. 6, 13, 27, 424 и 459. Упоминаемыя здѣсь въ отрывкахъ богатства витязей, конечно суть прикрасы стихотворца; но они по крайней мѣрѣ изображаютъ нравы его времени, смѣшанные съ преданіями старины.

Говоря о витязяхъ Владиміра, мы не можемъ пропустить безъ вниманія, что В. К. Владиміръ былъ женатъ не на сестрѣ преческаго императора: Василии и Констанцины, но на ихъ племянницѣ Аннѣ. У нихъ была одна сестра Θεοφανія, которая была выдана замужъ за германскаго императора Оттона II. Marq. de Gastein: Ess. sur l'hist. anc. et moderne de la nouvelle Russie, т. I. с. 116—Pag. 1820 г.

Нѣтъ сомнѣнiя, что прадѣды наши завидовали роскошной жизни своихъ предковъ, а мы завидуемъ ихъ простотѣ.

Истребленiе деревянныхъ домовъ отъ пожаровъ.

Домы, сады и дворовыя мѣста, огороживались плетнемъ или досками, а мостовыя дѣлались изъ брусчатого дерева, отъ чего, во время пожаровъ, истреблялись нерѣдко цѣлыя города. — Приведемъ замѣчательные пожары. Въ 1124 г. iюн. 23 и 24., сгорѣло въ Кiевѣ однихъ церквей около 600; 1185 г. апр. 13., во Владимiрѣ на Клязьмѣ, 32 церкви; 1192 г. въ iюнѣ мѣсяцѣ, тамъ же истреблено 14. церквей и болѣе 1000 домовъ; 1194 г. горѣли города: Русь, Ладога и Новгородъ, и жители со дня Всѣхъ святыхъ до Успенiя Богородицы, должны были жить на открытомъ полѣ; 1199 г. въ iюлѣ мѣсяцѣ сгорѣло во Владимiрѣ на Клязьмѣ 16 церквей и около половины города; 1212 г. въ Новгородѣ, 25 цер. и 4,300. домовъ, а 1217 г. въ маѣ мѣсяцѣ, 15 цер.; 1227 г. во Владимiрѣ на Клязьмѣ обращено въ пепель 27 цер., въ томъ числѣ дворецъ В. К. Константина Всеволодовича съ его церковью и рѣдкимъ книгохранилищемъ; 1231 г. истреблена въ Новгородѣ вся славянская часть; 1267 г. въ маѣ мѣсяцѣ вся неревская часть превращена въ груды пепла; 1299 г. таже часть вновь опустошена, и тогда сгорѣло великое множество домовъ и 22 цер.;

1340 г. истреблена пожаромъ большая часть Новгорода; 1358 г. тоже случилось съ Москвою, при чемъ весь Кремль и 13 цер. обращены въ пепелъ; 1549 г. сильный пожаръ въ Новгородѣ поглотилъ множество домовъ, восемь каменныхъ и двѣ деревянныя церкви; 1412 г. сгорѣли въ Твери, на Волгѣ: крѣпость Городень, съ церковью Пресвятыя Богородицы и княжескимъ дворцомъ; 1445 г. июл. 14, почти вся Москва превращена въ пепелъ. Не только истреблены тогда пламенемъ деревянныя строения; но и каменные; пали даже городскія стѣны. Множество жителей погибло въ огнѣ. Семейство великокняжеское должно было переѣхать въ Ростовъ, до построения дворца. Никогда огонь не свирѣпствовалъ такъ ужасно въ Москвѣ, какъ въ 1547 г.—Апрѣля 12. сгорѣли лавки въ Китай съ богатыми товарами, гостинныя казенныя дворы, обитель Богоявленская и множество домовъ, отъ вильевскихъ воротъ до Кремля и рѣвки Москвы. — Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ большей частію городской стѣны и рѣвку запрудило кирпичами; апр. 20. обратилась въ пепелъ за Яузкою всѣ дома, въ коихъ жили тончары и кожевники; июня 21 вспыхнулъ пожаръ за Неглинною, въ страшную бурю: огонь разлился рѣною и вскорѣ выжгала Кремль, Китай и большой посадъ. Вся

Москва представила зрѣлище необъятнаго вы-
лающаго костра: вверху носились черныя лучи
густого дыма. Ревъ бури, трескъ огня и вопль
людей, заглушались варывами пороха, хранивша-
гося въ разныхъ частяхъ города. Царскія на-
маты, сокровища, оружіе, древнія хартии, книги
и иконы, все сгорѣло. Изъ Успенскаго собора
едва успѣли вынести образъ Св. Маріи и писа-
ный Св. Петромъ митрополитомъ и отправленныя
церковныя, привезенныя Кипріяномъ изъ Царь-
града. — Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли; де-
ревья обратились въ уголь, трава въ золу; сго-
рѣло 1700 челов., кромѣ младенцевъ. — Въ три
часа ночи угасло пламя, но развалины дыми-
лись нѣсколько дней. Нельзя, по сказанію со-
временниковъ, изобразить этого бѣдствія: Люди
бродили какъ тѣни, среди ужасовъ обширнаго
непечална; искали дѣтей, родителей, оставовъ
имѣній, не находили, и вопиали въ отчаяніи! —
«Счастливы» говорятъ летописцы, «можно сми-
рять душою, могъ смотрѣть на небо и плакать!»
Утѣшителей не было. — Царь Іоаннъ IV. уда-
лился съ вельможами въ село Воробьево, какъ бы
для того, чтобы не слышать народнаго вопля. —
Приближенные объявили Царю, что Москва
сгорѣла отъ чародѣйской силы злодѣевъ; и чрезъ
два дни онъ пріѣхалъ въ Кремль. Собрали
гражданъ на площадь и спрашивали: кто знаетъ

столицу? Злоумышленники отвѣчали: «Глинскіе!— Ихъ родная мать, княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, кляла въ воду и крестила ею всѣ улицы, разъвзжая по Москвѣ.»— Государь съ трепетомъ услышалъ обвиненіе на свою бабу. Онъ не вѣрилъ, но видя ярость черни, спѣшили укрыться въ церковь Успенія; народъ вломился за нимъ; убилъ предъ его глазами роднаго дядю; извлекли тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ. Никто не понималъ! Царь дрожалъ; добродѣтельная Анастасія молилась. Тогда явился Сильверстъ, и Москва успокоилась. — (*)

Прекращая симъ исчисленіе опустошительнѣйшихъ пожаровъ, нельзя пройти безъ вниманія извѣстій двухъ иноземцевъ: Олеарія и Таннера. Первый говоритъ, что въ бытность его въ Москвѣ, рѣдкая недѣля проходила безъ пожаровъ; иногда ночью загорались дома въ двухъ и трехъ разныхъ мѣстахъ, и цѣлыя улицы выгорали. (**). Второй говоритъ, что въ его время шесть разъ горѣла Москва и всякій разъ

(*) О сихъ пожарахъ см. отечественныя литовскія, подъ 1547. годомъ, а именно: Нестора, никонновскую, воскресенскую, царственныя книги, и Кар. И. Г. Р. т. VIII, о пожарѣ 1547 г., которой описанъ имъ живо.

(**) Олерій: *Oftt begehrte Beschr. der Neuen. Oriental. Reise*, с. 116. изд. 1647 г. Чилли: *Hist. della sollevationi notabili in Polonia, gl'anni 1606. 1607 и 1608.* Тамъ описанъ страшный пожаръ, опустошившій Вильну, которая сгорѣла, по его словамъ, отъ приготовления въ домъ ашишваго шведу и водки.

обращалось въ пепель болѣе 1000 домовъ. (*) Ихъ извѣстія правдоподобны: тогда дома строились близко; дерево было сухое, и пламя, обхвативъ одинъ домъ, распространялось быстро по прочимъ, такъ, что не было возможности тушить. —

Пожары, оставляя по себѣ слѣды печальныхъ онустошеній, были тогда ужасные. Въ наше время, когда столько придумано спасительныхъ мѣръ, часто деревни и города дѣлались добычей огня. — Но, ни въ какомъ году не было столько бѣдствій отъ огня, какъ въ 1842 г. Во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, происходили тогда неслыханные пожары, поглощавшіе многочисленные города. Въ Россіи такъже погорѣло множество селеній, деревень и городовъ; но самой большой пожаръ, истребившій 1.375 домовъ, былъ въ Казанѣ (августа 29). — 1842 годъ, можетъ назваться пожарнымъ годомъ. — Въ этотъ бѣдственный годъ, огненные искры, какъ будтобы вылетали изъ небесныхъ сводовъ, и зажигали обреченные въ жертву города. Народъ трепеталъ и молился. —

*Мысли для
предупрежденія
пожаровъ.*

О внутреннемъ устройствѣ городовъ, порядкѣ и безопасности жилищъ, мы никакихъ

(*) Lyseck. Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majest. ad Magn. Moscov. Sclarum aлегatos de Bottoni et de Guzman, etc. — Давекъ былъ очевидцемъ пожара.

не имѣемъ свѣдѣній. Назначеніе же чиновниковъ, которые надзирали за всеобщимъ спокойствіемъ обывателей, появляется не ранѣе XV. в.—Намѣстники и воеводы, были блюстителями вѣрвенныхъ имъ городовъ: они собирали подать, судили и рѣшали спорныя дѣла, и наказывали нарушителей спокойствія. Іоаннъ III. первый учредилъ для безопасности жителей, разъѣзды въ Москвѣ, довѣряя ихъ знатымъ людямъ. Въ 1504 г. устроены рогатки по улицамъ; каждая часть города была обведена рѣшетками; никому не позволялось ночью ходить, безъ надобности по городу, безъ огня, и смотрѣніе за внутреннею безопасностію возложено было на городскую стражу, избираемую самими жителями. (*) Въ XVII. ст. находились, по разнымъ мѣстамъ улицъ, часовые, которые производили окликъ, давали знать о пожарѣ, и били въ деревянные доски, равномерно о пробитіи часовъ, съ котораго времени никто не долженъ былъ ходить по городу. (**) Въ пол. XVII. ст. изданъ уже *наказъ для городского благочинія*, которой касался одной Москвы.—Назначенные тогда для объѣзда по городу, Ив. Новиковъ

(*) Herber. Rer. Moscov. com.; Paul Jovii: de legat. Moscov. c. 172.

(*) Olear. Oftt begehrte Beschr. d. neuen Orientalischen Reise, c. 134. —

и подъячій Викула Пановъ, имѣли обяза-
тельностью прекращать воровство и смотрѣть
за огнемъ. Во время разъѣзда они имѣли при
себѣ пять рѣшеточныхъ прикащиковъ, и съ
каждыхъ десяти дворовъ, по человѣку съ ро-
гатинами, топорами и водоливными трубами;
наблюдали еще, чтобы въ жаркіе дни не топили
избъ и баней, и къ нимъ прикладывали печат-
ти,—и чтобы не сидѣли поздно съ огнемъ.
Для приготовленія кушанья и печенія хлѣ-
бовъ, велѣно дѣлать русскія печи въ повар-
няхъ; у кого не было отдѣльныхъ, тѣмъ при-
казывалось устраивать на огородахъ или по-
лыхъ мѣстахъ, вдали отъ хоромовъ, и прикрыва-
вать ихъ отъ вѣтра щитами.

Служители, кои непосредственно наблюда-
ли за городской чистотой и гасили огонь, на-
зывались земскими ярышками и огневицами.
Земскіе ярышки носили въ Москвѣ красное и
зеленое платье, а въ другихъ городахъ много
цвѣта; на груди нашивались буквы *З. Я.*, озна-
чавшіе ихъ званіе. При крестныхъ ходахъ и
выѣздѣ Царя, стояло готовыхъ нѣсколько че-
ловѣкъ съ метлами и лопатами, которые, на-
ходясь впереди, мели улицу и не допускали
тѣсниться народу. Сорившихся или дравших-
ся, они брали немедленно, и отводили въ го-

родскую набу.—Огневщики же были пожарные служители.

Заведеніе собственно полицейскаго порядка, принадлежит Петру I. Онъ учредилъ въ Петербургѣ (1718 г.) главную полицію, и генераль-адыютанта Девиера назначилъ генераль-полицмейстеромъ; потомъ учредилъ ее въ Москвѣ (1722 г. мая 19), далъ полицмейстерскую инструкцію (въ томъ же году дек. 10), и московскаго оберъ-полицмейстера подчинилъ генераль-полицмейстеру. Съ утвержденіемъ полиціи, на нее возложено непосредственное попеченіе о спокойствіи и безопасности горожанъ. Таковыя мѣры распространены въ послѣдствіи на всѣ города въ Россіи, и полиція до-толѣ неизвѣстная, заняла почетное мѣсто въ области государственныхъ постановленій. Въ наше время, для содѣйствія городской полиціи, учрежденъ еще корпусъ жандармовъ.

При появленіи гдѣ либо пожара, определено было особымъ градскимъ чинамъ, а потомъ стрѣльцамъ, давать знать жителямъ: битьемъ въ доски и трещотки, и звономъ колоколовъ; приказано разламывать смежные дома или покрывать ихъ мокрыми кожами, поливая безпрестанно водою. Въ половинѣ ХVІІ в. (1649 г. въ апр.) постановлено въ Москвѣ имѣть, при каждахъ пяти дворахъ, по одной мѣдной во-

доливной трубѣ, а при каждомъ дворѣ по одному деревянному ведру. Въ послѣдствіи времени (въ нач. XVIII в.) заведены со стороны городской стражи пожарныя трубы, постановивъ жителямъ въ обязанность содѣйствовать къ потушенію пожара. По улучшеніи пожарной стражи, возложена на нее обязанность гасить пожаръ. — Въ нач. XIX в. подтверждено, чтобы не только въ городахъ; но въ селахъ и деревняхъ, имѣть каждому дому по запасному ведру, а богатымъ людямъ готовую бочку съ водою, и чтобы всѣ содѣйствовали къ прекращенію огня. Эта мѣра принята въ такихъ лишь мѣстахъ, гдѣ не существуетъ пожарной стража.

Ни одна изъ пожарныхъ стражей, быть можетъ во всей Европѣ, сколько ни въ не случилось ее тамъ видѣть, не поступаетъ съ такимъ самоотверженіемъ, какъ петербургская. Ужасъ обнимаетъ, когда смотришь на дѣйствующихъ во время пожара. Сквозь пламень и адъ огня, пожарный служитель взлетаетъ безстрашно на крайнюю высоту зданія: онъ — горитъ! — но онъ не заботится объ этомъ: ему надобно спасти несчастныхъ. Испепеляющій жаръ, дымъ столбомъ, огненное облако искръ, обхвачиваютъ его — онъ погибъ! нѣтъ, онъ спасаетъ: на своихъ плечахъ онъ выноситъ ребенка,

или драхлаго старца, передаетъ другому, и вновь летитъ спасать, не думая ни о себѣ, ни о своемъ семействѣ! Товарищи его, обожженные и обгорѣлые, отуманенные удушливыми облаками дыма и обхватываемые огнемъ, — носятъ смерть въ своей груди, но они ничего не видятъ, кромѣ своей обязанности. — Иные, держась одной рукою на лѣстницѣ и часто вися на воздухѣ, схватываютъ другою остатки имущества несчастнаго; другіе, не зная смерти, кромѣ смерти другихъ, устремляются на огненный костеръ и вырываютъ изъ его вулканическихъ челюстей вопіющихъ о спасеніи! Вотъ уже валятся бревна, разсыпается домъ съ ужаснымъ громомъ, ничто не сопротивляется сокрушительной силѣ. Но одинъ противится Русской! Онъ дѣйствуетъ безтрепетно, идетъ на встрѣчу смерти, и если падаетъ подъ грудой развалинъ; то умираетъ съ благороднѣйшимъ самопожертвованіемъ, свойственнымъ Русскому.

Не смотря на предосторожности противу *Строеніе по плану.* пожаровъ, сильные огни безпрестанно оцуптали города. Это происходило отъ множества деревянныхъ домовъ, строенныхъ безъ плана, почти кучей; отъ неправильныхъ, кривыхъ и узкихъ улицъ, въ коихъ никому нельзя было дѣйствовать съ успѣхомъ: мгновенно обхватывались цѣлыя части города, и все обращалось

въ шведъ. Каменные дома воздвигались нѣрѣд-
ка, даже въ большихъ городахъ. При постро-
еніи новой столицы, Петербурга, ей стоило ве-
ликихъ трудовъ выстроиться изъ кирпича, —
по недостатку въ немъ. Изобиліе лѣса и удобство
въ доставленіи ея, предпочиталось прочности
каменнымъ зданіямъ. Москва же до 1812 г.
строилась большею частію изъ дерева, — по-
жаръ этого года заставилъ ее строиться по
плану и изъ кирпича, — хотя она издревле слы-
ла блококаменною. О другихъ городахъ нечего
говорить, — все изъ дерева. Правда, есть горо-
да, какъ напримѣръ: Харьковъ, Одесса, Тверь,
Новгородъ, Нижегородъ, Казань, Ярославъ,
Тула, и еще нѣкоторые, гдѣ распространяют-
ся каменные зданія; но онѣ составляютъ тамъ
роскошь, а не потребность. — Много разъ под-
тверждалось городскимъ жителямъ строиться
по плану и изъ кирпича, для безопасности отъ
огня; но эти мѣры не были приводимы въ ис-
полненіе самими жителями, по причинѣ не со-
стоянія и не расшамироваши города. Въ концѣ
XVIII ст. предписано уже было, чтобы стро-
ющимся въ Москвѣ выдавать пособіе, изъ при-
каза большаго дворца. Указомъ 1691 г. окт. 23
повелѣвалось, чтобы все строящіяся крыш
дома тесомъ, а поверхъ тесу засыпали ве-
шлею и укладывали дерюгомъ. Кто же могъ эго-

но сдѣлать, тотъ долженъ былъ крыть дранью на подпалкахъ, дабы во время пожара, легче было снимать кровлю. На палатномъ дворѣ воспрещалось строить деревянные хоромы. Жившимъ на большей улицѣ, и погорѣвшимъ недавно, велѣно: отпустить паричу въ дождь, изъ приказа большаго дворца, по указанной цѣнѣ по полтора рубля за тысячу, разсрочивъ платежъ на десять лѣтъ (*). — Эти ибры не измѣнили образа постройки. Петръ I. повелѣлъ, при построеніи Петербурга, всѣмъ строиться по плану, и ежели не изъ камня, то по крайней мѣрѣ на каменномъ основаніи; и чтобы дома ставились окнами на улицу, а конюшни, сараи и другія зданія, — внутри двора. Въ 1718 г. указано тоже самое въ Москвѣ; въ 1722 г. повелѣно крыть дома желѣзомъ; въ селеніяхъ же и деревняхъ обзаводиться чистыми демиками, и запрещены въ Москвѣ черныя избы безъ трубъ и съ одними деревянными трубами; подтверждено имѣть залитыя пожарныя и расписано каждому изъ обывателей: кому съ чемъ являться для потушенія пожара. — Съ этого времени несравненно рѣже случались оустоятельные пожары.

(*). Такой указъ повторенъ еще въ 1685 г. сентяб. 4.

*Улучше-
ніе домовъ,
содѣйстви-
вало пере-
мѣнѣ обра-
за жизни.*

Екатерина II, распространяя полезныя учрежденія, доставила городскимъ и сельскимъ жителямъ еще большую безопасность. Правительственныя мѣры приводились въ исполненіе повсюду, и нынѣ большая часть городовъ, можно сказать, щеголяетъ правильностію постройки домовъ и улицъ, чистотою города и вкусомъ. Даже по отдаленнымъ деревнямъ, хоромы отличаются изяществомъ, убранствомъ и нѣкоторымъ образомъ роскошью. Жизнь содѣлалась вездѣ, если не блестящею, то расточительною: съ нею соединилась прихоть и подражаніе столичному вкусу: Картины, обои, отборная мебель и фортепіано, почти не разлучны въ помѣщичьемъ быту. Самыя избы сельскія, дѣлаются гораздо чище и содержатся опрятнѣе. Уже выходитъ изъ употребленія, во многихъ мѣстахъ, держать въ жилыхъ покояхъ домашнихъ животныхъ; для нихъ дѣлаютъ особыя теплыя на зиму отдѣленія. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, особенно въ расположенныхъ по большимъ проѣзжимъ дорогамъ, встрѣчаются каменные избы, выстроенныя по плану, и улицы прямыя и широкія, или дома съ высокими кровлями и широкимъ навѣсомъ. Внутренность раздѣлена уже на жилые покои и на пріемныя для гостей; окна довольно достаточной величины, до 1¹/₂, арш.; у другихъ быва-

ють такія же, какъ у городскихъ жителей. Околицы и ставни расписаны голубою, или зеленою краской, съ разноцвѣтными изображеніями. Богатые и достаточные, познакомившись съ выгодами гражданской жизни, живутъ уже въ хорошихъ избахъ; недостаточные и земледѣльцы живутъ вмѣстѣ съ семействомъ, часто въ тѣснотѣ, — какъ бываетъ вездѣ съ бѣдными; полъ достатой, но встрѣчается и земляной. Наши земледѣльцы, въ сравненіи съ прежними годами, измѣнили устройство самыхъ избъ: дѣлаютъ ихъ просторными, съ перегородками, палатами, нарами и приютками, и заботятся о чистотѣ. За всѣмъ тѣмъ, доселѣ въ обыкновеніи дѣлать хижины изъ срубовъ. Это подало поводъ многимъ иностранцамъ, бывшимъ у насъ изъ любопытства или по дѣламъ службы, съ XVI по XIX в., писать и разглашать нечѣности, что на торгахъ продаютъ подвижные и перевозные дома, не разсудивъ о невозможности и не вникнувъ въ сущность самаго дѣла. Читавшіе таковыя описанія, разумѣются вѣрили, и быть можетъ, еще думали, что у насъ продаютъ на рынкахъ готовые палаты и дворцы! — Дѣланіе избъ изъ срубовъ, происходитъ въ лѣсныхъ и прирѣчныхъ мѣстахъ, въ промежутки земледѣльческихъ работъ. Составляютъ четве-

Избы изъ срубовъ.

реугольникъ изъ четырехъ бревенъ , и связываютъ ихъ въ концахъ зарубнами, называемыми *сплнцомъ*. Таковыхъ вѣнцевъ складываютъ въ нѣсколько рядовъ, плотно другъ на друга, пока вышина будетъ соответствовать требуемой ширинѣ и сбору матеріала для постройки. Сложенный съ вѣнцами костеръ , называется срубомъ, который сплавиваютъ потомъ на плотахъ въ безлѣсныя мѣста и продаютъ. По перемѣченнымъ вѣнцамъ разбираютъ срубъ и перевозятъ , куда надобно для постройки; его могутъ поставить четыре челомѣка въ недѣлю ; изъ него дѣлаютъ , кромѣ избъ , хлѣвы, анбары , овны и клѣти. —

Курени.

Во всѣхъ безлѣсныхъ и степныхъ мѣстахъ, существовали еще курени (землянки), которыя были привольныя жилища украинскихъ казаковъ , когда удалство и наѣздничество составляло стихію разгульной ихъ жизни. — Съ устройствомъ бездомныхъ казаковъ (въ XIV в.), живинокъ подъ особымъ предводительствомъ атамана или кошевого, они ни въ какія не вступали семейственныя связи, жили въ куреняхъ холостыми, внѣ селеній; служили вѣрными защитниками окрестныхъ городовъ , славились отчаянной храбростію и постоянной воинственностію. —

Въ землѣ выкапывались широкія и глубо-
кія ямы, въ коихъ помѣщались отъ 5 до 10
человѣкъ; внутри обмазывались стѣны, кото-
рыя укрѣплялись на подпорахъ, вмѣстѣ съ
кровлею, состоявшею изъ земляной насыпи, и
поверхъ ее покрывали соломой, очеретомъ,
травой, или дѣлали прежде верхъ изъ влече-
наго хвороста, а поверхъ его насыпали землю;
кровля обрастала травой и самая кровля дѣла-
лась въ уровень съ землею. Только были вид-
ны торчавшія деревянныя трубы а часто одни
дыры, чрезъ кои проходилъ дымъ и обкурив-
валъ верхъ, отъ чего произошло названіе ку-
реней. Въ курень входили по землянымъ ступе-
нямъ; двери дѣлались довольно кривыя, хо-
тя маленькія; внутри затворялись деревянною
задвижкой или просто притворялись; посреди
курень стояла кирпичная печь, а иногда просто
разкладывали огонь, которой выходилъ чрезъ
двери; окна рѣдко бывали, и если бывали, то
курень дѣлался выше земли. — Курени за-
нимали пространство многолюднаго города, и
отличались отъ него своими невидимыми жи-
лищами. Предводители невидимыхъ обитателей,
именовались куренными атаманами. Малороссій-
скіе казаки, бывъ преслѣдуемы польскимъ пра-
вительствомъ, за неприсоединеніе ихъ къ
Умш, часто спасались въ своихъ куреняхъ,

которые , по описанію иностранцевъ того времени , трудно было разорить , потому что все находилось въ землѣ , и что непріятелю , нападавшему на нихъ , неменуемо предстояла собственная погибель ; ибо , набѣгая на курени , онъ проваливался въ нихъ и гибнулъ. Другіе пишутъ , что ногайскіе и крымскіе татары , враждовавъ безпрестанно съ казаками , гонялись за ними въ ихъ землѣ , и не находили ихъ тамъ , потому что они таились въ своихъ зарытыхъ норахъ , и когда непріятель проходилъ мимо , тогда они , какъ подземные духи , вылетали изъ куреней , нападали на врага въ тылъ и истребляли его. — Курени , не стоившіе никакихъ расходовъ для постройки , существовали по селеніямъ еще во время Императрицы Екатерины II. Въ началѣ XIX в. стали строиться повсюду. Въ великой - россіи и во всей юго-западной ея части , дѣлаютъ понынѣ землянки ; но онѣ безъ трубъ и притомъ это лѣтнее жилище , выкапываемое разными промышленниками , на примѣръ : рыболовами , судовщиками , надзирающими за продажей вина и пр. —

Не у однихъ малороссійскихъ казаковъ существовали курени , но у волгскихъ , донскихъ , уральскихъ , гребенскихъ , однимъ словомъ у всѣхъ тѣхъ , которые проводили воинственную

жизнь и безпрестанно были подвергаемы неожиданнымъ нападеніямъ враждебныхъ имъ неприятелей, или должны были сами нападать на нихъ; посему если враги, вторгаясь въ ихъ куренскія селенія, истребляли огнемъ; то они легко выкапывали новыя подземныя жилища и снова поселялись. Сокровища, скопленные ими на войнѣ или на грабежахъ, прятали въ потаенныхъ ямахъ и въ лѣсу, и потому въ куреняхъ ничего не находили. Скопленное богатство часто прятали на кладбищахъ, между гробами.

Между куренями возвышались насыпи, или курганы, которые ничто иное были, какъ сторожевые: по нимъ давали знать о движеніи неприятелей или хищническихъ набѣгахъ, — но въ ихъ курганахъ никакихъ не открывали сокровищъ, потому что они служили маяками.

Въ юго-западной Россіи строились, съ *Мазанки*. мыхъ древнихъ временъ, мазанки, которыя въ послѣдствіи переименовались въ хаты (избы); но между ними есть различіе. Мазанки дѣлались, какъ и нынѣ у горскихъ и всѣхъ полудикихъ и стениныхъ жителей Кавказа, довольно незатѣливо. Предназначенное мѣсто для жилья, огораживали плетнемъ; раздѣливъ внутренность на части или покои, расгораживали ихъ другимъ плетнемъ, который состоялъ изъ хворосту или

тростника, называемаго въ Малороссіи очеретомъ. Плетень обливали землю, смѣшанной съ глиною, или просто одною глиной; потомъ смазывали нагладко глиною, и отъ мазанія произошло названіе мазанокъ. Посреди мазанки ставилась кирпичная печь, которая топилась изъ стѣн: очеретомъ, кизяками (засушеннымъ навозомъ), или валежникомъ; полъ бывалъ земляной, иногда онъ укрывался травою или соломой, но болѣе всего онъ смазывался желтой глиною. Стѣны внутри и снаружи, обливали или завохривали (красили желтой глиною). По верхъ земляной насыпи, часто выводили соломенные крыши. Въ стѣнѣ прорѣзывали небольшія окошка; со стороны наружныхъ дверей придѣлывали по бокамъ привѣсы (*); домъ обгораживали тыномъ (плетнемъ); во дворѣ находились устройства для домашнихъ животныхъ и храненія хозяйственныхъ вещей.

Хаты.

Хаты строятся, какъ строились прежде, изъ лѣсу; обмазываются глиной съ обѣихъ сторонъ; внутреннее расположеніе удобное и широкое; оно раздѣляется на двѣ половины: въ одной живутъ и готовятъ кушанья; а въ другой принимаютъ гостей,—и это называется

(*) Завалыцы при кабы.

свѣтилкою (свѣтлицею); полъ вымазываютъ глиною; печи бѣлятъ, а у богатыхъ онѣ дѣлаются изъ кахли разноцвѣтной (израсцовъ); окна довольно большія; покои очень свѣтлые, чистые и опрятные; внутреннія и наружныя стѣны обѣливаются, отъ чего всѣ избы въ малороссійскихъ мѣстахъ, представляютъ издали бѣлой городъ; стрихи (кровли) покрываются соломою и очеретомъ, у богатыхъ же дранью или тесомъ; вокругъ хаты дѣлаются тѣже присѣбы, какъ у мазанокъ; трубы бывали деревянныя, нынѣ большей частію кирпичныя.—Дворы обводятъ плетнемъ или заборомъ; домашнія устройства: хлѣвы, анбары, конюшни и другія службы, дѣлаются мазанками. Хаты и мазанки, бываютъ значительно высокія; зимою онѣ очень теплыя, и замѣчательно, что въ нихъ не заводятся тараканы, прусаки и другія нечистыя насѣкомыя, отъ того что лѣтомъ и зимою чистятъ и бѣлятъ избы. При каждомъ хорошемъ дворѣ находится садъ, состоящій изъ яблонь, грушъ, сливъ, вышенъ, дуль, черносливъ, баргамотъ, черешни, смородины, малины, разныхъ цвѣтовъ и душистой зелени: руты (резеда), любистку, пижму, кануферу, божьяго дерева, пивоніи, мяты, гвоздикъ, зирокъ (звѣздочекъ), барвинку, васильковъ, незабудокъ, нагнетокъ, колокольчиковъ,

бузку (сирени), бузины, калины и пр. За садомъ обыкновенно огородъ изъ поваренныхъ раствнй, а далѣе *левада* (усадыба), застѣяная коноплемъ, огурцами, дынями и арбузами. Если сбюются одни огурцы, дыни и арбузы, то это мѣсто называется *бакчою* и *бакштаномъ* (*), которыя бывають и при нивахъ на поляхъ. Въ иныхъ мѣстахъ левадою называютъ сѣнокосной лугъ, и домашнее пастбище для скота и гусей. Мѣста внѣ города, для пастбища лошадей овецъ, коровъ, свиней и пр. называются выгонами. Въ сторонѣ отъ дома устроены гумно и токъ. Тутъ же стоятъ въ скирдахъ: хлѣбъ и сѣно, въ продолженіи всей зимы.

Построеніе богатыхъ зданій, поселило роскошность.

Съ половины XVIII в. распространились вкусъ и изящество, не только въ построеніи дворцевъ, но частныхъ домовъ.—Палаты богатей и вельможъ, изумляли иностранцевъ уже въ царствованіе Императрицы Елисаветы: пышностію, великолѣпіемъ и привлекательно-

(*) Бакча, отъ него бакштанъ, происходитъ отъ турецкаго слова *бахче*, — садъ. Въ ново-греческомъ яз. такъ же употребляется *бакче* (*μπαχτς*).—Татары можетъ быть позаимствовали это названіе отъ Турокъ, однако у Татаръ *бекчагъ* по нынѣ значить огородъ, а *бегъ* садъ. — Мы переняли отъ Татаръ, и у насъ бакча, бакштанъ означаютъ уже мѣста для посѣва арбузовъ, дынь и другихъ плодовъ.—Бакчисарай значить собственно дворецъ въ саду.

стію. Петербургъ осыпаетъ былъ похвалами и въ то время, отъ всѣхъ иноземцевъ, и содѣлавшись нынѣ единственною столицею въ мірѣ, по своей красотѣ, правильности и просторности улицъ, щедростности и роскоши зданій, обширности и величественности дворцовъ, и по многимъ памятникамъ вѣна и искусство, по справедливости можетъ быть названъ красавцемъ. (*)

Изъ первыхъ столичныхъ городовъ въ Европѣ, видѣнныхъ мною, я могу сказать безпристрастно, что Петербургъ по своей обширности, правильности и изысканной чистотѣ, — въ главѣ первыхъ городовъ, за нимъ Дрез-

(*) Нельзя не замѣтить, что наши каменные зданія, почти все снаружи обливаются бѣлою краскою, а это весьма вредно не только для слабыхъ, но и здоровыхъ глазъ. При яркомъ сіяніи солнца, близина усиливается и поражаетъ зрѣніе своимъ блескомъ. Гибельное дѣйствіе солнечныхъ лучей, еще болѣе проявляется въ зимніе дни. Солнце, разбрасывая лучи по свѣту, ослѣпляетъ глазъ разнообразно бесчисленными яркими звездочками. Тогда увеличивается близина стѣнъ, отъ нихъ происходитъ судорожное трепетаніе въ зрѣніи, съ постояннымъ измѣненіемъ цвѣтовъ. Глазъ, отъ чрезмерно невыносимаго свѣта, чувствуетъ сначала тяжесть отъ рассыпающихся искръ, и такъ сказать, вертящихся на его зрачкѣ; потомъ мало по малу глазъ притупляется и страдаетъ. — Весьма было бы полезно, чтобы все зданія красились темно-желтыми или темными цвѣтами, какъ зимній дворецъ и т. п. Во многихъ государствахъ строго воспрещено бѣлить дома, напримеръ: въ Баваріи, Саксоніи, Франціи и пр., подѣ законнымъ изысканіемъ.

дешь; Минхенъ, Вѣна, Москва, Брюссель, Лондонъ, Парижъ, потомъ Берлинъ, — который во многихъ мѣстахъ, отъ незакрытія водопроводныхъ каналь, довольно сграбный; за нимъ Варшава, Бреславъ, Львовъ и т. д.

Домы наши стали украшаться со всею изысканностію: богатые персидскіе ковры, превосходныя произведенія живописи, зеркальныя стѣны, роскошь въ мебели и столовыхъ вѣщахъ, содѣлались теперь необходимостію свѣтской общезительности. Кто только малѣйше имѣетъ средство блистать, истощается въ безконечно утонченной прихотями жизни.

Едва протекло у насъ столѣтіе, отъ распространенія каменныхъ домовъ и ознакомленія съ общежительной роскошью, какъ уже, не говорю Петербургъ; но вся Россія заразилась пышностію и расточительностію: каждой только думаетъ о томъ, чтобы блистать, а не о томъ, чтобы жить и думать о будущемъ. Все живетъ настоящимъ, для себя, а какъ будутъ жить дѣти и внуки, — нѣтъ надобности никому! Непомѣрное увеличиваніе роскоши, дурная примѣта для всякаго государственнаго благосостоянія.

О числѣ домовъ во всей Россіи.

Число домовъ во всѣхъ городахъ европейской и азійской Россіи, составляетъ 513,370. Въ томъ числѣ каменныхъ: 78,170., деревянныхъ 435,200. Отношеніе между ними послѣднихъ

ми, какъ 4. къ 5 $\frac{1}{2}$. Въ Санктпетербургѣ каменныхъ домовъ 3,265, деревянныхъ 5,096; въ Москвѣ каменныхъ 3,765, а деревянныхъ 9,047.— На одинъ домъ приходится въ городахъ 9. жителей, но эта пропорція совсѣмъ другая по губерніямъ, — а именно: въ петербургской губерніи: 43 жител. обоюго пола на 1 домъ., въ московской 21, курляндской 19., виленской 18., вольвинской 13., гродненской, ливонской и эстляндской 12., но самую меньшую пропорцію составляютъ: енисейская, костромская, олонечская, тверская, тобольская, томская, херсонская, земля довскаго войска, кавказская область, камчатское приморское управленіе, — но 6. жителей на одинъ домъ; грузино-имеретинская, пермская и смоленская губ. и каспійская область по 5., а якутская область по 4 души обоюго пола. (*)

Если въ прочихъ европейскихъ владѣніяхъ, *Улучшеніе городовъ.* все строится изъ кирпича; то этому тамъ причиною недостатокъ въ лѣсѣ. У насъ же, пока не будутъ нуждаться въ лѣсѣ; дотолѣ каменное строеніе не можетъ содѣлаться повсемѣстнымъ. Наши города то имѣютъ преимущество предъ многими европейскими, что они строятся безъ стѣсненія: улицы въ нихъ широкія и прямыя, площади и рынки вмѣститель-

(*) Статист. табл. о состоян. гор. рос. имп., и пр., составл. въ статист. отд. сов. мин. внут. д., С. П. Б. 1842 г.

ные, и содержатся въ большой чистотѣ; мостовыя хорошия и прочныя, устилаются булыжникомъ или другимъ крѣпкимъ камнемъ; освѣщеніе находится во всѣхъ большихъ и торговыхъ городахъ, — однимъ словомъ, городское благоустройство соединено у насъ съ полезной дѣятельностію, и если присоединить промышленную производительность, разлитую во всѣхъ состояніяхъ, и фабричныя заведенія, занимающія многія сословія, которыя не только питаются отъ фабрикъ, но богатѣютъ; то нѣтъ сомнѣнія, что города наши скоро улучшаются. — Самое число фабрикъ и заводовъ, замѣтно распространилось въ короткое время, не болѣе въ 20 л., и нынѣ считается:

	число фабр.	рабо- чихъ	на 1. фаб- рик. раб.
въ европейской и азіатской Россіи	7,486.	117,376.	17.
въ В. К. финляндскомъ	59.	452.	16.
въ царствѣ польскомъ	1,675.	12,940.	77.
	<u>9,220.</u>	<u>130,768.</u>	.

	число лавокъ	на 1. го- родъ	число трактиръ	питьеимыхъ домовъ
въ европ. и азіат. Россіи	80,300.	115.	2,852.	11,106.
въ В. К. финляндскомъ	518.	16.	71.	165.
въ царствѣ польскомъ	3,068.	36.	210.	2,681.
	<u>83,886.</u>	<u>167.</u>	<u>3,133.</u>	<u>13,952. (*)</u>

Хотя числа рабочихъ и фабрикъ, ясно доказываютъ, что государство наше болѣе зе-

(*) Стат. табл. о состоян. гор. рос. имп., составл. въ статист. отд. сов. мин. ввут. д., С. П. Б. 1842 г.

мелдѣльческое, нежели промышленное; однако нельзя не согласиться, что Россія весьма въ недавнее время стала заниматься фабричными и заводскими устройствами, и что едва прошло четверть столѣтїя, какъ многіе города до того измѣнили самой наружной видъ, что ихъ совершенно узнать нельзя: промышленность и торговая дѣятельность этому причиной. — Но что будетъ по истеченїи ста лѣтъ?

III. ДОМОВОДСТВО.

Предки наши, живя въ простотѣ патриархальной, довольствовались весьма немногимъ: полусырая пища, мясо, коренья, и шкуры дикихъ или домашнихъ звѣрей, удовлетворяли ихъ нужды. Наши предки долго не знали роскоши. Въ XI ст. они питались еще просомъ, гречихою и молокомъ; потомъ выучились готовить яства. Для гостей ничего не жалѣли, обнаруживая къ нимъ свое радушіе изобильными кушаньями.

Древнѣйшая пища.

За столомъ кипѣлъ медъ, — любимый напитокъ всѣхъ нашихъ славянскихъ племенъ, коего введеніе современно первоначальной исторіи Славянъ. Сѣверные Нѣмцы такъ же употребляли медъ, если не прежде нашихъ единоплеменниковъ; то и не позже ихъ, и онъ въ такомъ былъ у нихъ изобиліи, что въ IX в. самые бѣдные пили медъ, а богатые кобылье молоко (*). Эдада называетъ медъ, божественнымъ питьемъ. Жители Даніи употребляли его въ V в., вмѣсто вина. (**)

Медъ.

(*) Кар. Н. Г. Р. пр. 147; Форстеръ: Entdeckungen in Norden, с. 99.

(**) Мет. popul. ч. I. с. 504. — Медъ не есть славянское названіе, но древнее греческое, на коимъ *μῆδυ* означаетъ

Медъ былъ первымъ нашимъ напиткомъ , и онъ дѣлался столь крѣпкимъ , что отъ него упивались , какъ отъ самой водки. (*) В. К. Ольга , будучи у Древлянъ (945 г.) , повелѣла жителямъ Искоростеня (нынѣ Коростень , волынской губ.) , приготовить для нея меду , которымъ она хотѣла угостить ихъ самыхъ. (**)

Разведеніемъ пчелъ не занимались тогда , онѣ сами водились въ лѣсахъ. Иностраннѣйшій писатель XVI в. (***) пишетъ , что ему рассказывалъ въ Римѣ , нашъ посолъ Дмитрій , что дикаго меду было у насъ въ такомъ множествѣ по лѣсамъ , что не было возможности проходить отъ пчелъ. Однажды , говоритъ онъ , мужикъ отправился въ лѣсъ и попалъ нечаянно на бортъ (улей съ медомъ) , и потонулъ въ меду : два дни онъ си-

опьяненіе, *медудотис* , — бахусъ. Въ X в. Русскіе вывозили къ Казарамъ медъ и вино , въ великомъ множествѣ. *Oriental Geography of. Евр-Нанкал* , translated by W. Ouseley.

(*) Контарини , бывшій въ Москвѣ въ кон. XV в. , говоритъ , что Татары , которые его сопровождали въ путь , упивались на ночь особымъ напиткомъ , дѣлаемымъ изъ меду , и что такого напитка никому не позволялось дѣлать безъ согласія Великаго Князя. *Contarini: Voyage de Russie en 1473* , с. 8 , 44 и 53 , помѣщ. въ собр. Бержер. изд. 1735 г.

(**) Нест. по кенигсб. сп. — Это показываетъ , что медъ былъ въ изобиліи и варили его во всякое время , при первой надобности.

(***) *Paul. Jov. de leg. Moscov.*

дѣлъ тамъ, не могли выдѣть. Къ счастью его, что въ ту же борть полезъ медвѣдь, задними ногами; мужикъ схватилъ его за хвостъ и крикнулъ; медвѣдь испугался, бросился назадъ и вытащилъ его съ собою. Этотъ разсказъ конечно преувеличенный, однако онъ подтверждаетъ преданіе, что у насъ долгое время не занимались разведеніемъ пчелъ, которыя сами слабажили медомъ.—Другой иноземецъ, Францискъ да Колло, увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ лѣса на сто миль, въ коихъ водились пчелы бѣзъ всякого раченія людей; что только стоило пойти въ лѣсъ, набрать меду и сварить напитокъ, который, бывъ приготовленъ на ягодахъ, былъ самой вкуснѣйшей и превосходнѣйшей (*). И нынѣ во многихъ лѣсахъ сами водятся пчелы.

(*) Francesco da Collo: Tratamento di pace tra rè de Polonia e gran Principe di Moscovia, 1518 г. л. 53.; печ. Padoa 1603 г., пом. у Чилли: Hist. delle sollevationi di Polonia gl'anni 1606. 1607. и 1608., ed. Pistoria, 1627 г.—Barbaro: Il viaggio dalla Tana, въ 1436 г., пом. въ собр. Рамузио; Contarenі: Voyage de Perse, въ 1473 г.; Francesco da Collo: Trattam. di pace tra rè di Polón. e gran princip. di Moscovia, 1518 г., л. 52, пом. у Чилли: Hist. delle sollevationi notabili in Polonia gl'anni 1606. 1607. 1608.; Paul. Jovii: de leg. Moscovia: medonem ac birram per aestatem infrigidare, infusa poculis glacie voluptatis gratia solent. Nam ingentia glaciei frusta nobillium in cellis subtareneis singulari studio reconduuntur.—Turini: Costumi, leggi, riti e usi antichi, e moderni de popoli d'Europa, ed. Veneti 1656 г. с. 65: bevono costoro acqua, e quella dolce bevanda, che essi chiama

Искусству приготовления медовъ, какъ крепости, многимъ цвѣтамъ и названіямъ, удивлялись вообще всѣ иностранцы. Виды медовъ были: вишневыи, смородиновый, можжевеловый, обарный, приварный, красный, бѣлый, бѣлый паточный, малиновый, черемховый, старый, вешній, медъ съ гвоздикой, княжій и боярскій. — Для лучшаго вкуса и цвѣта, выжимали изъ свѣжихъ вишенъ сокъ, и подливали въ медъ. — Всѣ отзывались съ великою похвалою о красномъ и бѣломъ медѣ, но отдавали преимущество красному. — Въ жарное время хранили въ ледникахъ: медъ, пиво и брагу. Для прохладенія клали въ покаты ледъ. — Во многихъ уѣздахъ саратовской губ., особенно въ новоузенскомъ и царевскомъ, дѣлаютъ арбузной медъ, который даже не составляетъ тамъ лакомства. Берутъ арбузъ, изрѣзываютъ его на ломти, складываютъ въ чугунный съ водою котелъ и кипятятъ долго на сильномъ огнѣ, пока все

medo . . . Usano contra il freddo varie maniere di scalfatori, e di aromati fanno un'acqua ardente, ol solimato di avena, e di mele e ancho di latte, cosi gagliarda, e potente, che spesso ne divengono ebrii, non hanno nè vino, nè oglio. E vietato loro ogni sorte di bevanda, che inebria, sotto pena della vita. — Margeret: Éstat de l'empire de Russie, на обор. л. 10., изд. Париж. 1607 г. in 12; Olearii: Offt begehrté Beschr. der Reicht Oriental. Reise, с. 123, изд. 1647 г. — Тутъ же о брагѣ, с. 511.

не раскисить и не превратится въ темноокрасную жидкость; потомъ процѣживаютъ ее сквозь сито, сливаютъ въ посуду и хранятъ для употребленія. (*)

Узнавъ выгоды гражданской жизни, мы стали заниматься разведеніемъ хлѣбнаго зерна, и тогда же стали печь хлѣбы и дѣлать квасъ, Въ X ст. это было уже во всеобщемъ употребленіи, и даже обливались квасомъ въ баняхъ (**). Нифонтъ, епископъ новгородскій, дозволилъ пить монахамъ въ праздничные дни, во время поста, квасъ и медъ, а свѣтскимъ людямъ употреблять, сверхъ квасу и меду, икру и рыбу (***) . Въ пол. XVII ст. иностранцы находили у насъ въ употребленіи яблочной квасъ (****). — Въ олонецкой губ. дѣлаютъ квасъ изъ рѣпы, которій, какъ говорятъ, весьма пріятный и вкусный.

Хлѣбы и квасъ.

Времени введенія кваса намъ неизвѣстно.—Хлѣбное зерно росло у насъ въ изобиліи;

(*) Арбузный медъ имѣетъ видъ и вкусъ нашей патоки. Его продаютъ на вѣсъ: за фунтъ платятъ отъ 1½ до 5 к. сер.— Простой народъ употребляетъ его съ хлѣбомъ и квасомъ.—Я его отвеживалъ, и онъ очень сладокъ.

(**) Русск. лѣт. по воскр. сп. и обмоются квасомъ кн. слыма, ч. I, с. 62—63.

(***) Вопросеніе Кирика къ еписк. Нифонту, и Гербершт. Reg. Moscov. com., ed. Antv. 1557, с. 38.

(****) Olearii: Off. begehrt. Beschfr. der Neuen Oriental. Reise, с. 224 изд. 1647 г.

но почва земли юго-западной Россіи, славящаяся нынѣ хлѣбомъ, не была тогда превозноσιма иностранцами.—На пространствѣ отъ Астрахани до Москвы, говоритъ Контарини, путешественникъ конца XV. в., мы не находили ни лѣсу, ни дровъ, чтобы сготовить для себя кушанье, и употребляли вмѣсто дровъ, сухой коровій навозъ (*). Въ сѣверо-западной Россіи водилось тогда много пушныхъ звѣрей, особенно бобровъ (**).

(*) Contareni: Voyage de Perse en. 1473 г., пом. въ собр. Бержер. т. 2.; Paul. Jovii: de leg. Moscov. с. 170 и 173; Herber. Rer. Moscov. com. с. 67, изд. 1574 г.—Турбевиль: Certaine letters in verse, пом. въ собр. Гаклюйта т. 1. с. 432, говорятъ, что квась на вкусъ терскій и употребляется простымъ народомъ.

(**) Въ Россіи находилось тогда въ великомъ множествѣ хищныхъ и пушныхъ звѣрей, всякаго рода. Бобры водились повсюду, и правдою русской строго воспрещалось ловить ихъ на чужой землѣ. Съ таковыхъ вслѣвно взыскивать, за ловлю каждаго бобра по 12 гривенъ серебра.—Гривна значила, въ то время, полъ фунта серебра.—Чацкій свидѣтельствуеть, что въ XIII в. ловили бобровъ около Ниды и Нарвы.—Еще въ XVI в. Русскіе ловили ихъ около сѣверной и западной Двины, посредствомъ сѣтей и собакъ, особенно къ тому приученныхъ.—Melet. de Russor relig. et ritib., 1584 г., ed. Spigae. Хорошія соболи цѣнились весьма дорого, и если вѣрить да Колло, то одинъ соболь продавался по 100 черв.—Fran. da Collo: Trattam. di pace tra rè di Pol. e gran principe di Moscovia, л. 52, помѣщ. у Чилли: Histor. delle sollevationi notabili, и пр.

Пиво называлось прежде олуй (*). Оно Пиво и
переварь. дѣлалось крѣпкимъ и было разныхъ названій и цвѣтовъ, и обыкновенное черное и бѣлое.—Каждой зажиточный самъ приготавливалъ для себя.

Переварь, древнее русское горячее, упоминается въ отечественныхъ извѣстіяхъ въ нач. XII в. (1128 г.). В. К. Всеволодь, пируя съ боярами, приказалъ выставить для народа по улицамъ: вина, меду, перевару, овощей и всякого кушанья (**). Переварь тоже самое, что сбитень, назывался еще *взваромъ*. Онъ приготавливался изъ меду на звѣробѣ, шалфеѣ, лавровомъ листѣ, ивбирѣ и стручковомъ перцѣ. Нынѣ употребляется сбитень между простыми людьми. Продавцы разносятъ его въ саклахъ, (мѣдныхъ чайникахъ), имѣющихъ форму самовара и обернутыхъ въ холстъ. — Другіе кипятятъ его въ самоварахъ, выставленныхъ предъ лавочками, или на рынкахъ, и продаютъ маленькими стаканами. При кипяченіи сбитня въ сосудахъ, Русскіе выдумали *самоваръ*, но время введенія его неизвѣстно.

Въ великокняженіе Владиміра I, не было недостатка ни въ плодахъ, ни въ кусныхъ яс- Изобиліе въ
сыпстыхъ
произведе-
ніяхъ.

(*) Степ. кн. ч. I. с. 134. — Скандинавы, изображая счастливую жизнь на томъ свѣтѣ, представляли себѣ блаженство въ кушаніи жаренаго вепря и питія изъ рога пива.

(**) Царств. лѣт. кн. 1 с. 25. изд. С. П. Б. 1772 г.

ствахъ: рыба, дичь и мясо, были въ изобиліи. Однажды на пиру его находилосьъ триста варъ (бочекъ) меду, и онъ велѣлъ развозить еще по городу, въ телѣгахъ: хлѣбы, мясо, дичь, рыбу, овощи; медъ и квасъ въ бочкахъ, и угощать всѣхъ (*). Слѣдовательно: въ концѣ X в. мы имѣли уже, въ юго-западной Россіи, плодородныя деревья.

Пиръ былъ тогда въ обыкновеніи, и не было праздникомъ для богатыхъ, безъ угощенія бѣдныхъ. Самые Великіе Князья подчивали гостей; ѣли и пили вмѣстѣ съ ними. Вельможи и знаменитыя духовныя особы, мѣшались съ толпами гостей всякаго сословія: духъ братства сближалъ сердца. Это сближеніе поддерживалось благоразумно нашими Государями, долгое время, — до угнетенія Россіи Татарами. — Азіятская гордость и недоступность, испортили древніе похвальные наши обычаи.

Несторъ и его современники, съ изумленіемъ говорятъ объ размноженіи всякаго рода дичи и домашнихъ животныхъ.

Пряности. Перець шелъ къ намъ изъ Царьграда и Болгаріи. — Оттудаже мы получали миндаль, кориандеръ, анисъ, инбирь, корицу, лавровый листъ, гвоздику, кардамонъ и другія пряныя ко-

(*) Нест. по кеннгоб. сп. с. 88, 89; Русск. лѣт. съ воскресе. сп. ч. I. с. 456—458.

ренья, которыя давно служили приправою нашимъ кушаньямъ.

Говоря о печеніи хлѣбовъ, должно сказать, *Мельницы.* что муку приготавливали на мельницахъ, которыя давно были у насъ извѣстны, какъ видно изъ устава Ярослава, гораздо прежде XI в. До того же времени молили хлѣбъ въ жерновахъ руками. Мельницы распространились у насъ не прежде XIV в.

Простой народъ питался довольно умѣренно: хлѣбъ, квасъ, соль, чеснокъ и лукъ, составляли обыкновенную его пищу. Голодь и холодъ, онъ переносилъ терпѣливо (*). Идя на войну, онъ несъ въ своей сумкѣ сухари и овсянную муку, которую замѣшивалъ на водѣ ложкою, и дѣлалъ толокно. Щи, каша и кисель овсянный, готовились повсюду

Пища простолудиновъ.

(*) Herb. Reg. Moscov. com: ad haec, si dominus vult lautius epulari, tum addit parvam particulam carnis suillae. — Греки древніе любили ѣсть лукъ съ медомъ и ячменной мукою, а козій сыръ присыпали одной ячменной мукою. — Гръд. Иліад. Гомер. п. XI ст. 630—644 изд. 1839 г. — Египтяне и Евреи употребляли издревле лукъ, чеснокъ, огурцы и дыни. Числа, 4 кн. Мойсея. гл. 11 с. 5—6. Olear. Diff. begehrt. Beschr. der Neu. Orient. Reise, с. 122. 8 изд. 1647 г.; Maerb. Voyage en Moscovie с. 60 изд. Leid. 1688 г.; Meletii de Russor. religione et ritib. ed. 1581 г.; Relatio legationis in Moscoviam de Aug. Meyern et Guil. Calvuccii, an. 1661—1663 г. ч. I. с. 350—351, помѣщ. въ собран. Визм.; Нест. по кенгсб. сп. с. 92. —

дома. Щи приготавливались съ кускомъ свиного сала, или говядины. Они были любимымъ кушаньемъ и при дворѣ. Царь Іоаннъ IV., обидая однажды съ кн. Ос. Гвоздевымъ, рассердился на него за какое-то дѣло, и въ гнѣвѣ своемъ велѣлъ вылить на него мису горячихъ щей.

Хорошіи хлѣбъ, рыба свѣжая и соленая, яйца, огородныя овощи: капуста, огурцы соленые, на уксусѣ и свѣжіе, рѣпа, лукъ и чеснокъ, считались лучшими кушаньями, и только въ XVI в. мы узнали отъ Англичанъ и Голландцевъ салатъ, который считали прежде за траву.—Масло и творогъ, не хорошо выдѣлывали у насъ (*).

Въ правдѣ русской говорится о солѣ, — но мы не знаемъ, какую тогда употребляли у насъ: вываренную или озерную? Въ Бохніи и Велычкѣ копали соль въ царствованіе Казимира справедливаго, между 1178 и 1198 г. (**). Въ Червонной Россіи, Волыніи и Украинѣ, долгое время употреблялась вываренная соль и она выдѣлывалась формами, на подобіе сахарныхъ головъ, которыя называются у По-

(*) Miede. La relat. des trois embassades de Carlisle. c. 336. 337, изд. 1772 г. Mach: A relation of three embassies, by Earle of Carlill; Tanner. legat. Moscoviæ, c. 71.

(**) Нарушев. Histor. narodu Polskiego, т. IV. с. 282.

ляковъ *slupkami, glówkami* и *gaskami*, а Русскіе называютъ ихъ гусаками (*).

(*) Наквльскій *in Mięchovia*, говорить: *salis nativi vel fossilis, qualem nunc Wieliczka et Bochnia suppedidat, rarus tunc, apud incolas illius provincię (cracoviensis) usus fuit.*

Всѣ славянскія племена любятъ кашу, пироги, клѣцки, горохъ, кисель, капусту, лапшу, густую кашицу и на все это сохранились у нихъ причитанія. Напр. у венгерскихъ Славянъ.

На кашу:

Лала семъ му три гроше,
Миле мужу: купъ каше!

А онъ купилъ табаку,
Сафрамешки гапаку.

На кашу съ молокомъ:

Нѣмцомъ зѣлина,
Угромъ сланина;

А Словакомъ
Каша съ млекомъ.

А та наша Катаринка,
А та наша Ганка,
Наварили каши съ млекомъ
Накрасили янка.

Недобре есть вино дѣтомъ,
Лепша есть имъ каша съ млекомъ.

На кашу съ медомъ:

Гости каша, гостя, до вамъ
предложить?
Каши наварыме, медомъ осла-
дíme.

На мучную кашу или хамулю:

Шла варити мучницу
Преврела си повницу,
Мать вареху хытила,
Дѣвку варить учыла.

Хамулю варила, а гричокъ
забила;
И масло зожрала, на мачку
рептала.

На свадебную кашу:
Отварайте руку вашу
Кухарка проси за кашу

На кашу и куляшъ (густую кашицу):

Нехцела каше,
А ни куляше
Съ олеёмъ:
Побрала гандры,
Та пла на вандры
Съ Овдреемъ.

*Всѣхъ силъ
и плодовъ.*

Олегъ, по возвращеніи его изъ похода кон-
стантинопольскаго (907 г.), привезъ съ собою

На остуживаніе каши:

Възъ кашу, не духай,
Подъ облочкомъ не бухай;
Якъ же бы самъ не бухавъ,
Кедь сомъ дѣвча занухавъ.

На кашу съ жиромъ:

Научи тѣ жена моресъ,
Будемъ глады мретъ, ако песъ.
Сама буде есть бѣлуше,
А тебѣ да съ лоемъ каше.

Упражи ее праженицу,
Ты будешь хлѣптать жевтицу.

Она буде курицину
Ты даку запаренину
Собе упече печену,
Тобе да звару смудѣню.

Она буде есть пироги,
Ты бухты жебракъ убогы.
Она буде пить паленку,
А ты си ходъ на студѣнку.

*На кашу съ свѣжимъ мо-
словомъ:*

Мамичка! кде са бола?—Во
млынѣ.

Чось тамъ робила? — Мучку
сомъ мела.

На чо ти е та мука?—Ка-
шничку варити.

Пре кого? Пре теба.—

Чимъ ю осолишь? Бѣлой
осолишкой.

Чимъ ю омастишь?—Мла-
дымъ мастьцомъ.

На кашичу:

Въ паклину пенилзе,
Не бойме се нузе,
ниць?

Дамъ грошъ на кашичку,
Ахъ Боже въ покличку.
ниць?

На неупрѣвшую кашу:

Нагнѣвай са стары на свою
жену,
Же му дала кашу недоварену

На упрѣвшую:

Радъ сей бы си женѣ кашу
доварили.
Яко небозятка дѣвки овравали.

На пироги:

Панъ патеръ са дива, чи со
дожне яива?

Дожне, акъ да женцомъ пи-
роговъ а пива.

Дожне ай повяже, ай сносы
до крѣжовъ,

Акъ слюбы вязачомъ виве-
чка а слижовъ.

въ Кіевъ: золото, ткани, овощи и вина (*); слѣ-изъ Царь-
довательно, мы уже были тогда знакомы съ града.

На маковыя галушки (кле-
цки)

Едла бы я, едла,
Перемажане едла,
Акове, таково,
Галушки маково.
Кебы мы донесли
Хланцы суседове.

Галушки са не гнѣваю
Кедь ихъ масломъ обляваю,
А гузакы небожатка
Лежъ въ маку, якъ просятка.

На горохъ:

Не ведѣла чо ма робить одъ
страху.
Насыпала шошовиче да граху.

На чечевицу и кисель:

Яко будемъ господарить,
Такъ ти будешъ ести варить:
На полудня шошовицу,
А на вечеръ киселицу.
Киселица кисела,
Чтыри роки висела,
А въ пятю ю долъ зала,
Висецци за ной плакали.

На кисель:

На рыбнику заказали,
А бы кисель не варили.

Ленъ голушки пытлованъ,
Пре тѣ дѣвки цифрованъ.

На капусту:

Яздина, яздина, зле са яздовала.
Капуста ти згнила, кедьсь ги
не змывала.

На лапшу:

На вяносе оцеканце, па новы
рокъ локше:
Ужъ та дѣвча запехованъ,
Нехъ та везме kdo хце.

На рпу:

Рядкомъ хлопцы, рядкомъ,
долу нашимъ салкомъ,
Тамъ е мила гладка, ако ре-
па сладка.

На печеніе хлѣба:

Поведавъ ми еданъ хлопецъ,
Же я не вѣмъ хлѣба напечь.
Злигавъ хлопецъ, ако шелма,
Напечѣмъ го ако земля.

Полевья занятія, уборка,
молоченіе хлѣба, сѣнокость,
жатва, шитье, пряжа, бѣле-
ніе холста, однимъ словомъ
всѣ домашнія работы, имѣютъ
свои особыя причитанія —
Kollar Narod. zpiew. Ч. I.
с. 313 — 318. —

(*) Нест. по кенигсб. сп. с. 26: и прійде Олегъ къ
Кіеву, неся злато и паволока и овощи и вина.

винами греческими. Какія же именно вывозили? — неизвестно. Въ концѣ XV ст. упоминается бѣлое и красное. Новгородскій архіепископъ Θεοφιльтъ, при прощаніи съ В. К. Іоанномъ III. (1476 г.), подарилъ ему три бочки вина бѣлаго, двѣ краснаго и двѣ меду стараго (*). Нѣтъ сомнѣнія, что эти вина были извѣстны гораздо прежде. — Въ началѣ XVI вѣка мы узнали бургонское, называвшееся романею; его привозили нѣмецкіе купцы. — Романею, по словамъ Карамзина, называется еще въ питейныхъ домахъ красная наливка, настоящая на водкѣ съ медомъ, такъ же на черникѣ и клюквѣ. — Канарское вино или бастръ, и мальвазію (**), пили за столомъ одни богатые, и этими винами подчивали отличныхъ гостей, — особенно мальвазією: ее давали понемного, и принимали вмѣсто лѣкарства. — Красное греческое вино, называемое иначе церковнымъ, отъ употребленія при богослуженіи, такъ же давалось больнымъ вмѣсто лѣкарства (**).

*Хлѣбнови-
но или вод-
ка.*

Упоминаемое вино въ нач. XII вѣка, которымъ В. К. Всеволодъ угощалъ народъ, не было хлѣбное. — Водка есть собственно аравійское

(*) Русск. лѣт. по виконов. сл. ч. VI. с. 67 изд. 1789.

(**) Olear. Dist. beget. Befchr. der. Neuen Oriental. Reise, с. 251, изд. 1647 г.

(***) Paul. Jovii de Leg. Moscoviae.

произведеііе; въ Европу перешла не ранѣе конца XIII, а къ намъ въ концѣ XIV вѣка. — Раймундъ Дуллій, находясь на островѣ Маіоркѣ, бывшей тогда въ рукахъ Аравитянъ, узналъ тамъ отъ одного ученаго мужа способъ приготовленія водки, именованной жизненной водою (*aqua vitae*), и привезъ ее въ Европу (1290 г.). — Весь свѣтъ считалъ эту воду, за извлеченіе изъ философскаго камня. Ее предписывали принимать каплями, и она производила цѣлебное дѣйствіе. Генуэзскіе купцы, узнавъ способъ приготовленія этого напитка, отъ Арнольда де Виллана, который вывѣдалъ отъ Дуллія, продавали въ склянкахъ за дорогую цѣну, какъ цѣлительный бальзамъ, подъ именемъ жизненной воды. Они производили ее посредствомъ взгонки изъ винныхъ дрождей, сочныхъ плодовъ и хлѣбнаго зерна. — Послѣ паденія генуэзской торговли, въ XV вѣкѣ, тайна выдѣлыванія сдѣлалась всеобщимъ извѣстною, за всеиъ тѣмъ водка долго еще продавалась въ аптекахъ, какъ лѣкарство. — Весьма вѣроятно, что по найденіи способа Генуэзцами, курить вино, оно вскорѣ перешло на югъ Россіи, а тогда Генуэзцы, владея приморскими мѣстами таврическаго полуострова, имѣли съ нами сношеніе по торговлѣ. Правдоподобнѣе полагать можно, что водка появи-

лась у насъ не ранѣе 1398 года: тогда уже Генуэзцы доставляли водку въ Литву (*), и ознакомили насъ съ пагубнымъ напиткомъ.

Продажа горячаго вина и всѣхъ хмѣльныхъ напитковъ, была у насъ сперва вольная; но какъ излишнее ихъ употребленіе, причиняло бѣдность и разореніе бесчисленнымъ семействамъ, то это побудило Великихъ Князей, ограничить неумѣренное потребленіе. В. К. Іоаннъ III, совершенно запретилъ готовить крѣпкіе напитки. Въ бытность въ Москвѣ посла бар. Герберштейна (нач. XVI вѣка), позволялось народу пить крѣпкіе напитки, только въ нѣкоторые праздничные дни. Царь Іоаннъ IV, построивъ первый для своей опричнины кабакъ, въ Москвѣ на Балгучѣ, дозволялъ имъ пить сколько угодно. За всѣмъ тѣмъ онъ не любилъ пьянствующихъ; онъ позволилъ народу веселиться въ кабакахъ только: на святой недѣлѣ, Рождество Христово и въ дмитріевскую субботу; во всякое другое время велѣлъ сажать въ тюрьму (**).

(*) Успен. Оп. повѣств. о древ. русск. ч. I. с. 78.

(**) Въ перско-устюгской грам. 1553 г., сказано: Пермичъ пожаловалъ, далъ есмь имъ въ году три недѣли питья варити и пити: недѣля великоденная, другая въ осень дмитріевская, третья въ зимѣ рожественская, и тѣмъ тремъ недѣлямъ вино пити доспѣта безъ явки. — E vietato loro ogni sorte di bevanda, che inebria, sotto pena della vita. Turrini: Costumi, leggi, riti, etc. de popoli d'Europa, ed. Ven. 1656. г. с. 65.

Царь Федоръ приказалъ разломать кабакъ, но Борисъ Годуновъ, думая о доходахъ а не о сохраненіи нравственности, приказалъ вновь выстроить, и отдалъ всѣ крѣпкіе напитки *на откупъ*. Въ началѣ XVII в. находились во всѣхъ городахъ и селеніяхъ кабаки, называвшіеся *кружечными дворами*, отъ слова *кружка*, кою мѣрилось и продавалось вино. Въ Сибирѣ такіе же дворы заведены въ 1617 г., со стороны казны; но какъ многіе перестали заниматься работами, проводя жизнь въ пьянствѣ и приходя въ нищету; то Царь Михаилъ, уничтоживъ всѣ кабаки, учредилъ одни питейные дома, въ коихъ продавалось вино только въ большемъ количествѣ. Царь Алексѣй отдалъ опять на откупъ, и повелѣлъ завести кабаки во всѣхъ городахъ по одному, а въ Москвѣ три; въ послѣдствіи ихъ размножилось до чрезмѣрности (*).

Мѣсто, въ коемъ нынѣ производится мелочная продажа водки, называется питейнымъ домомъ, а въ Малороссіи, Литвѣ и Бѣлороссіи *шам-*

(*) Отзывы иностранцевъ о кабакахъ, см. между прочимъ: Флечера: *Common Wealth*. с. 44, пом. въ собр. Гакл.; *Sebast. Glavinich: de rebus Moschorum* ч. I. с. 351 — 352, въ собр. Вихмана; *Tanner. Leg. in Moscov.*; *Lyseck. Relat. Sacr. Caes. Maest. ablegatos de Bottoni et de Guzman etc.*; *Korb. Diar. itineris in Moscov.*, ed Vien. in f.; *Mach. A relat. of three embas. etc.*; *Meletii: de russor. religion*, ed. Spir. 1584 г. *Margeret. Éstat de l' empire de Russie*, изд. Париж.

номъ (*), *корчмою* и постояннымъ дворомъ съ шинкомъ, коихъ содержатели преимущественно жида.

Водка дѣлалась у насъ прежде, по свидѣтельству иностранцевъ, столь крѣпкою, что подобной ни у какого народа не бывало. Крѣпость ея усиливали еще посредствомъ различныхъ приностей, кореньевъ и травъ. Приправленное этимъ способомъ вино, называлось *настойкою*, *наливкою*, *травникомъ* и *ерофlichemъ*. Послѣдній сдѣлался извѣстнымъ во второй половинѣ XVIII в. Онъ вошелъ въ употребленіе около 1768 г., но прежде всего въ Петербургѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, былъ боленъ; врачи истощили все знаніе для его излеченія. Тогда славился своимъ искусствомъ пирюльникъ Ерофѣй. Графъ прибѣгнувъ къ его помощи. Посредствомъ настоянныхъ травъ на водкѣ, которая проименовалась въ послѣдствіи *ерофlichemъ*, онъ совершенно выпользовалъ его, за что отъ него и Императрицы получилъ великое награжденіе. Ерофѣй не имѣлъ никакихъ познаній въ врачеваніи, но онъ зналъ свойство травъ, коимъ изучился, находясь еще въ Китаѣ, у тамошняго врача.

Ерофличъ.
*Старинныя
попойки.*

До временъ Петра I, знатные люди про-
водили праздное время въ пирушкахъ, на ко-

(*) Отъ немецкаго *Esprit*, означающее лавочку, въ коей продаются вещи мелочныя, или иначе мелочная лавка.

ихъ самыя попойки не считались порокомъ. Это было тогда общимъ, по всей Европѣ. Хозяинъ, не угодничавшій своихъ гостей, почитался не ласковымъ, и съ нимъ не хотѣли знаться; но чтобы къ наполненію головы винами парами, имѣть благовидную причину, то попойку начинали кубками, сначала: за здоровье Государя, потомъ Государыни, тамъ за каждое Царственное лице, патриарха, знаменитыхъ сановниковъ, побѣдоносное оружіе и наконецъ за каждого изъ присутствующихъ. Не опорожнить за здоровье каждого, цѣлой кубокъ, значило имѣть неуваженіе къ дому, не желать ему добра, и тому, за чье здоровье пили. Хозяинъ начиналъ первый, и неотступной просьбою заставлялъ выпивать до капли. Въ половинѣ XVIII в. попойки происходили только въ дружескихъ обществахъ, на именинахъ, крестинахъ и свадьбахъ, и никогда не расходились не упившись, даже первостепенныя особы. — По деревнямъ и городамъ, не было веселости безъ вина. (*). Тамъ, събѣгаясь

(*) Отъ неумѣреннаго потребленія водки, произошли поговорки:

Чару пить, здраву быть;
Вторую пить, пьяну быть;
Третью пить, безумну быть.

другъ къ другу, проводили время въ попойкѣ, иногда цѣлыя недѣли, и по минованіи разгуля, начинали похмѣляться, столькоже времени. Надлежало пить, чтобы не быть въ презрѣніи отъ товарищей. Женской полъ нерѣдко хлѣбалъ зеленое, а чаще бѣлый крѣпкій медъ. Въ концѣ XVIII в. значительно измѣнилось неоступное подчиваніе; стали пить умѣренно, и стыдились беспокоить гостей частыми подносами хмѣльныхъ напитковъ. Прекрасный полъ изгналъ ихъ изъ своего круга: вкусъ и утонченность приличій, распространенныя Екатериною Великою, совершенно истребили этотъ порокъ между ними. Нынѣ наши дамы, образецъ для мужчинъ.

Страсть къ вину, впрочемъ виноградному, была въ Европѣ всеобщою. Людовикъ XI. постоянно пилъ съ своими приближенными, и

Пить до дна, не видать добра. — Другіе, не смотря на поученіе, приговариваютъ, когда пьютъ:

А ты чарочка катокъ,
Въ одинъ тоненькой глотокъ:
Лейся прямо въ ротокъ,
Чарочка моя, серебряная!

Въ Малороссіи, когда женщины подчуютъ другъ друга вренухую, тогда, подавая чарку, поютъ протяжно и унываю, и если сходятся хорошіе голоса, то производятъ тоску на сердце:

Выпьемъ по повній!

Викъ нашъ не довгый!

Не довгый, не довгый, не довгый!

тѣхъ изъ нихъ отличалъ, кои пили и умѣли веселить его похотливыми разсказами о женскомъ полѣ. Римлянки и Францужанки, пили наповаль. У древнихъ Грековъ это считалось добродѣтелью (заслугою). Киръ, между прочими качествами, коими онъ хвалился, говорилъ, что онъ лучше пьетъ своего брата, царя Артаксеркса, и потому достойнѣе его сидѣть на престолѣ. Александръ македонскій и Марій, померли отъ пьянства, и многіе другіе. Въ Европѣ всѣ университеты отличались разгульной жизнію. Вновь поступавшихъ въ университетъ, товарищи записывали въ число пьяницъ, обязывая ихъ торжественными обрядами и клятвой, во имя Стефана лѣсного, что они будутъ пропивать всѣ свои деньги, какія получаютъ отъ родителей. Если же товарищи замѣчали, что кто нибудь изъ нихъ болѣе слушался ректора; то немедленно сами выгоняли его изъ училища, или приколачивали. — Такой обычай долгое время, почти до нашихъ дней, господствовалъ въ разныхъ заведеніяхъ, — гдѣ пили не вино, но водку. — Ближе къ цѣли.

Между простымъ народомъ водка до такой степени въ употребленіи, что объ ней заботят- *Дѣйствіе водки на умственныя способности.*
ся едва ли не болѣе, нежели о самой пищѣ, — даже послѣднее несутъ въ питьевой домъ. Есть особо записныя пьяницы, которые всю

свою жизнь проводятъ въ кабакахъ. Цѣловальники нарочно заманиваютъ таковыхъ, и поютъ ихъ ежедневно безденежно. Обязанность записныхъ пьяницъ состоитъ въ томъ, чтобы завлекать сюда всѣхъ проходящихъ, и поселить въ нихъ страсть къ невоздержной жизни. Получая даромъ каждый день, четыре чарки водки, они являются поутру, предъ обѣдомъ, предъ полудникомъ и ввечеру, и стараются заводить ссору или драку съ гуляющими. Цѣловальникъ же, пользуясь этимъ случаемъ, грозитъ имъ полицейскимъ усмирениемъ. Тогда поссорившіеся прибѣгаютъ къ мировой: требуютъ штофъ водки, за этимъ другой и т. д. Вмѣсто того, чтобы поссорившійся выпилъ самъ себѣ, двѣ или три чарки, онъ выпиваетъ уже вѣсколько штофовъ, и поитъ записнаго пьяницу, который гуляетъ въ чужомъ похмѣльи, — а цѣловальникъ тогда безжалостно обманываетъ пьющихъ: общитываетъ и нащитываетъ на нихъ. — Если записной пьяница, не можетъ поссорить кого-либо; то онъ пьетъ изъ десятой чарки. Пьющіе, допивая девятую чарку, подносятъ десятую записному пьяницѣ, который сторожитъ свою добычу, — какъ сврый котъ. Еслибы пьющіе не поднесли ему десятой чарки, то онъ самъ вырываетъ изъ ихъ рукъ.

Удовольствіе отъ опьяненія такъ сильное, что оно губитъ каждаго. Сначала оно пріятно возбуждающее, потомъ производитъ ослабленіе тѣла а наконецъ умственныхъ силъ, и пьяница обращается тогда въ полусумашедшаго: онъ пьетъ до нельзя, и разумомъ его помрачается. Такой человекъ, или такое пьющее общество, на что не можетъ рѣшиться? Благосостояніе гражданъ ему непонятно; онъ считаетъ ихъ своими врагами, потому что благоразумные граждане, чуждаются его. Чѣмъ болѣе пьющихъ, тѣмъ они вреднѣе; сердце у нихъ черствѣетъ и развращается, совѣсть не пробуждается. Нѣтъ на землѣ тяготительнѣе рабства, какое налагаетъ на людей пьянство. Надобно имѣть необыкновенную силу собственнаго убѣжденія, чтобы вырваться изъ оковъ продолжительнаго безумія: потому что вліяніе винныхъ спиртовъ, стольже враждебное, сколько злоба адскаго духа, противу счастья смертныхъ (*). Большую часть преступленій, должно приписать пьянству. — Вредъ отъ него неизъяснимый: поля остаются не засѣянными, дома въ развалинахъ, семейства съ обна-

(*) Предающіеся пьянству не могутъ быть нравственными, потому Апостолъ Павелъ сказалъ, что пьяница не наследуетъ царствія небеснаго. — Первое послан. къ Коринте. гл. 6, с. 40.

женными дѣтьми: онѣ скитаются по міру, выпрашиваютъ подаваніе и пропиваютъ выпрошенное. Если что удерживаетъ ихъ отъ разбоя, то этому причиною чувство Религіи, которое въ нихъ не погасло еще. Мысль, что они будутъ грабить своихъ единоземцевъ, будутъ лить ихъ кровь,—еще ужасаетъ ихъ.—Сколько открывали разбойничьихъ шаякъ, въ коихъ Русской лиль кровь своего собрата, въ буйномъ пьянствѣ? — Эта шайка, и предводитель ея, бѣжавъ изъ тюрьмы или ссылки, уже грабили не изъ одной ненависти и мщенію къ правосудію; но по иступленію въ пьянствѣ. Въ то время каждый изъ нихъ ознаменовывалъ себя смертоубійствомъ, истребленіемъ городовъ, и рѣзалъ съ восторженной радостію.

Пьянство производитъ другое еще страшное дѣйствіе: оно мертвитъ просвѣщеніе и загребаетъ его заживо въ могилу,—оно подрывъ всему обществу. — Ядъ скоро прививается, но исцѣленіе отъ него необыкновенно медленное, и часто бываетъ невозможное. Противу разбоя принимаются открытыя мѣры: поиски и оружіе, но противу яда застарѣлаго? — Могутъ быть только скрытныя и гадательныя мѣры!

Въ 29 великороссійскихъ губерніяхъ (*), продано въ 1836 г. на 140,230.479 р. ас.; питейныхъ домовъ находилось 10,525. — Если принять въ соображеніе не показанныя здѣсь 36 губ., области, градоначальства и управленія, числомъ 14, и высокія цѣны виннаго откупа въ 1843, то можно полагать, что продажа во всей имперіи едва ли менѣе 240 мил. р. ас. Присоединивъ къ этому многочисленныя погребя съ виноградными винами и иностранными водками, то выходитъ чрезвычайный итогъ израсходованія горячительныхъ напитковъ. Губерніи, въ коихъ болѣе всего израсходуется водка, это суть: петербургская, московская, орловская, тульская, курская, воронежская, тамбовская, саратовская и пермская. Въ курской губ. находилось питейныхъ домовъ, въ 1836 г., 1004; въ орловской 644, воронежской 641, тамбовской 553, московской 458, пермской 428, а въ петербургской 343.

Нельзя пройти здѣсь молчаніемъ, что главная причина бѣдности и не устройства крестьянскаго хозяйства, и даже равнодушія крестьянъ къ своему положенію, — это есть страсть къ горячимъ напиткамъ. Изъ достовѣрныхъ свѣдѣній,

(*) Матеріалы для статистики рос. импер., издаваемые съ Высочайшаго соизволенія при статистическ. отдѣленіи сов. мин. внут. д. С. П. Б. 1841 г. см. отдѣл. IV, с. 26.

собранныхъ на мѣстѣ, видно, что потребление горячихъ напитковъ государственными поселениями въ питейныхъ заведеніяхъ, существующихъ въ казенныхъ селеніяхъ, простирается въ курской губ. до 4 р. 59 к. ас., а въ харьковской до 28 р. ас. на душу. Среднее потребление вина во всѣхъ губерніяхъ, составляетъ 13 р. 60 к. ас. Если принять въ расчетъ, что эти крестьяне пьютъ еще въ питейныхъ домахъ, находящихся въ казенныхъ селеніяхъ, то можно положить противаемую сумму въ годъ на душу, по 15 р. ас. Взявъ за основаніе, что крестьянинъ пьетъ въ продолженіи 33 л. средней своей жизни, и пропиваетъ ежегодно по 15 р. ас.; то если бы онъ не пилъ, и пускалъ ихъ въ оборотъ, которые по среднему расчету принесли бы ему, по меньшей мѣрѣ по 40%, онъ могъ бы получить процентовъ на эту сумму, въ первой годъ 150 к. — всего 16 р. 50 к.; во второй уже 34 р. 65 к.; въ третій 54 р. 61 к. и т. д., а въ 33 года 3,666 руб. 30 коп. Оцѣняя еще на деньги время, въ которое крестьянинъ могъ бы заработать, но вмѣсто того проводить въ пьянствѣ и опохмѣленіи, выходитъ, что его потеря простирается до 60 р. въ годъ, слѣдовательно вся потеря 75 руб. на душу. Сосчитавъ съ этой суммы проценты, то расходъ каждаго крестьянина простирается

въ 33 года, до 18,352 р. 27 н. — Если помножить это количество, на общее число государственныхъ крестьянъ, то выходитъ, что одно ихъ поколѣніе въ 33 г. теряетъ 25,476,432,328 р. ас., а со временемъ, проведеннымъ въ пьянствѣ: 159,019,340,861, всего же 164,486,473,469 руб. — Выводя такой расчетъ для всѣхъ прочихъ классовъ крестьянъ, мѣщанъ, казаковъ и военныхъ поселенцевъ, то они израсходуютъ деньгами и временемъ, въ одно поколѣніе, 91,569,150,000 р. И такъ, въ продолженіи существованія цѣлаго поколѣнія, теряется во всемъ государствѣ отъ пьянства, деньгами и временемъ, 245,755,623,489 р. Если бы нашъ народъ не тратилъ заработанныхъ денегъ на покупку вина, и не губилъ лучшихъ дней своей жизни на пьянство; то общее благосостояніе производительнаго класса въ имперіи, увеличивалось бы ежегодно на 188 м. р., а по минованіи поколѣнія въ 33 г., слѣдующее поколѣніе получило бы въ наслѣдіе 245,755,000,000 р.; сверхъ того, что при обыкновенномъ порядкѣ вещей, можетъ поступить отъ отцевъ къ ихъ дѣтямъ.

Вліяніе пьянства на рабочій классъ народа, и проистекающія отсюда вредныя послѣдствія, стѣсняютъ сердце грустью. — Министерство государственныхъ имуществъ уже успѣло, въ не-

давнее время своего существованія, сдѣлать много полезнаго, улучшивъ нравственность крестьянъ, ввѣренныхъ его попеченію. Не говоря о разныхъ полицейскихъ мѣрахъ, къ поддержанію крестьянъ отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ, министерство госуд. имущ. старается достигнуть этого самымъ вѣрнымъ и благонадежнымъ путемъ: оно стремится возвысить благосостояніе казенныхъ поселенъ, распространеніемъ между ними учебныхъ заведеній, чтобы, просвѣтивъ ихъ, сдѣлать пьянство, въ собственныхъ ихъ глазахъ, постыднымъ порокомъ (*).

Буза.

При порабоженіи насъ Татарзми, мы позамышлявали отъ нихъ напитокъ *бузу*: онъ дѣлался изъ проса, и пили его холоднымъ; нынѣ онъ не въ употребленіи (**).

(*) Шопень: О страсти простаго народа въ Россіи къ горячимъ напиткамъ, и о вліяніи пьянства на хозяйственное и нравственное состояніе крестьянъ, — помѣщено въ трудахъ Императ. вольнаго экономическаго общества за 1842 г., треть вторая.

(**) Jos. Borbaro: Il viaggio dalla Tana, въ 1436 г. Онъ говоритъ о бузѣ: *fassi etiandio bossa, che vuol dir cervosa*, — но *cervosa* собственно значить пиво. — Нынѣшніе Татары разумѣютъ подъ именемъ *бузы* брагу, но есть однозначащее ему *бузъ*, означающее собственно ледъ. Буза есть аравійскій напитокъ. Ксенофонтъ говоритъ, что таковой напитокъ былъ имъ найденъ въ Арменіи, въ зарытыхъ въ землѣ сосудахъ. Въ Арменіи долгое время зарывали сосуды

Предки наши съ самыхъ древнихъ временъ не употребляли телятины, зайцевъ, голубей, раковъ и тѣхъ животныхъ, которыя были закаливаемы или зарѣзываемы руками женщины, почитая оскверненными. Это обыкновеніе еврейское, зашло къ намъ по преданіямъ.

За приготовленіемъ кушанья смотрѣла домашняя прислуга. Но если бы женщинѣ случилось зарѣзать какую нибудь птицу для стола, и тогда никого бы изъ мужчинъ не было въ домѣ; то она выходила за ворота съ ножемъ и просила перваго проходящаго, чтобы ей зарѣзали (*). Вареная и жареная рыба, икра волжская и балыкъ, составляли любимое кушанье (**). Къ столу подавали уху скором-

съ бузою. Guthrie: Sur les antiquités de Russie, с. 149. ed. S. Petersb.

(*) Herb. Reg. Moscov. com.; Daniel Prinz a Buchau: de Moscoviae ortu et progressu;—Melet: de Russor. relig et ritib.—Въ книгахъ ветхаго завета запрещено Евреямъ употреблять въ пищу, тѣхъ четвероногихъ животныхъ, которыя не отгрыгають жвачку; изъ птицъ же: гриза, орла, ворону, лебедя, сову, ястреба, воробья, и пр. см. подробное исчисленіе въ 3 кн. Мойсея, Левитъ гл. 11, кв. 5; Второзаконія гл. 14.—Теленковъ оны не запретилъ есть, но простолюдины наши не вѣдятъ потому, что ихъ откармливають для развода, и нѣтъ сомнѣнія, что эта самая причина удерживала нашихъ предковъ.

(**) Балыкъ татарское слово и собственно значить рыбу живую. У насъ же балыкъ есть копченая рыба, которая въ приволжскихъ и другихъ рыбныхъ мѣстахъ, закапчивается или вялится на солнцѣ.

Не употребленіе въ пищу нѣкоторыхъ ж и во тныхъ, особенно зарѣзанныхъ рукою женщины.

Кушанье, преимущественно рыбное; батвинье, окрошка, блины и олады.

ную и поетную, какъ то: юрму, уху съ курицею на шафранѣ; уху черную, бѣлую съ умачемъ и манты, приготовленныя съ курицею; калю съ лимонами, огурцами и лапшею; уху рыбную съ пряными кореньями.—Домашнюю птицу и дичь, кушали не такъ охотно (*). Въ лѣтнее время подавали къ столу батвинье, которое приготавлилось на квасѣ съ рыбою и шавлемъ (**). Окрошку дѣлали во всякое время, изъ жаркаго и огурцевъ, и часто подливали къ ней квасъ или кислые щи.—Блины, давно употребляемые при поминовеніи, готовились по праздникамъ. Оладьи пеклись съ сыромъ и на яйцахъ, и составляли лакомое кушанье. Были еще оладьи съ сахаромъ, блины красные и тонкіе, и сырники на яйцахъ.

Курицы, утки и прочія домашнія птицы, продавались въ XVI ст. по копѣйкѣ серебряной (***). Простое сословіе чаще употребляло: толокно, щи, квасъ и ржаной хлѣбъ; но всѣ страстно любили приправлять кушанье лукомъ

(*) Herb. Rer. Moscov. com.; Melet. de Russor. relig. et ritib.

(**) Maerb. Voyage. c. 49.; Richter Geschichte der Medicin in Rußland ч. I. с. 57; Olear.: Offt. begehrte Beschr. der Neuen Orientalische Reisen с. 123, изд. 1617 г. — Онъ же описываетъ окрошку.

(***) Paul. Jovii: de legat. Moscov., въ 1525 г.

и чеснокомъ. Бѣдные пили за обѣдомъ квасъ, а богатые вино и медь.

Одинъ иностранецъ рассказываетъ: кто шелъ въ гости, тотъ непременно носилъ съ собою медь и угощалъ имъ, хвалясь превосходствомъ своего приготовленія (*).

Изобиліе во всѣхъ родахъ жизненныхъ припасовъ и чрезвычайная во всемъ дешевизна, конечно весьма много содѣйствовали къ довольству жизни и гостепримству.—Фазаны, куropатки, дрозды сѣрые и черные, перепелки, жаворонки и бекасы, наполняли лѣса. Журавли, аисты, лебеди, дикія гуси и утки, летали безпрепятственно стадами. Зайцевъ бѣлыхъ и сѣрыхъ, встрѣчали повсюду; голубей до того было много, что ихъ ловили руками. Стерлядь, бѣлуга, осетры, бѣлая рыбаца, семга, форель и пр. наполняли рѣки.—Всего этого было вдоволь и дешево, еще въ концѣ XV в.—Тогда агненокъ продавался по 10 к., курица по 7 полушекъ (**).

*Изобиліе
въ сист-
ныхъ при-
пасахъ.*

(*) Melet. de Russor. relig. et ritib, изд. 1584 г.

(**) Herber. Rer. Moscov. com., Paul. Jovii: de legat.; Franc. da Callo: Trattam. di pace etc. л. 52 и 53; Чили: Hist. della solevationi notabili etc., с. 99.; Barbarro: Il viaggio dalla Tana, въ 1436 г.: la fertilità delle biade e della carne, che è in questo luogo, si puo comprender da questo, che non vendono carne à peso, ma ne danno tanta ad occhio, che certa se ne ha quatro libre ad marchetto; la galline s'hanno settanta al ducato, l'ocche tre marchetti l'una. —

Хлѣба и мяса было такъ же въ изобиліи; мясо не продавали на вѣсъ, но глазомѣромъ; 4 ф. мяса можно было купить за одинъ маркъ (около 15 к.), 70 куриць за одинъ червонецъ, а гусь за три марка (*).

Margeret: *Estat de l'empire de Russie, etc.* л. 2 — 4. изд. Париж. 1607 г.; Miede: *La relat. des trois embas. de Car-lisle, c.* 326, изд. 1762 г.

(*) И нынѣ во многихъ мѣстахъ Россіи всего въ такмѣ изобиліи, что невольно приходишь въ изумленіе. Доселѣ въ хлѣбѣ, жизненныхъ припасахъ, овощахъ, домашней птицы и скотѣ, нѣтъ недостатка. Въ юго-восточныя страны столько прилетаетъ весною дикой птицы и разнаго рода дичи, что покрываетъ собою поля и рѣки. Въ саратовской и астраханской губ. все пространство по теченію Волги, на разстояніи 400 вер., бываетъ усыяно дикими гусями, утками, куропатками, перепелками, бакланами, бабами, лебедями, журавлями, дрохвами, тетерьями, бекасами, дупелями и другими птицами. Гусей и утокъ такое налетаетъ множество что онѣ пожираютъ хлѣбные стоги и приводятъ въ крайнее разореніе поселянъ. Тамъ дикія птицы, истребляя запасы, обращаются въ хищныхъ. Надобно бы вѣнчить въ обязанность, гдѣ перелетныя птицы дѣлаются зловредными, — истреблять ихъ. Къ счастью обитателей низменной части Волги и луговой ея стороны, что рѣка, во время своихъ разливовъ, потопляетъ птенцевъ въ камышѣ и уноситъ съ своимъ теченіемъ миллионы яицъ—зародышей.— Бакланы, бабы и журавли доставляютъ сѣвѣнному краю, крайней мѣрѣ ту пользу, что они по сбытіи воды, пожираютъ остающихся въ рѣчкахъ, протокахъ, оврагахъ, озерахъ и болотистыхъ мѣстахъ: рыбу, лягушекъ и разныхъ насѣкомыхъ, которыя гниютъ и заражаютъ зловоніемъ воздухъ. Безъ нихъ, въ этихъ мѣстахъ, непременно свирѣствовала бы зараза, которая и безъ того бываетъ, но не такъ опасная. Воздухъ въ то время бываетъ пресыщенъ ядовитой гнилью;

Сказанія иностранныхъ писателей XV,
XVI и XVII в., о богатствѣ и изобиліи нашей
Россіи: хлѣбомъ , рыбою , овощами, домашнею

появляются перемежающіяся лихорадки и чума, иначе называемая *сибирка*, которая начинается прыщомъ на тѣлѣ: сначала дѣлается свербежъ, потомъ опухоль, послѣ открывается чирейная рана, которая обволакивается гноевой плесенью и жжетъ тѣло; человекъ распухаетъ, горитъ и въ два дни умираетъ. — Сибирка обнаруживаетъ всѣ слѣды антонова огня, который, при скорыхъ средствахъ, уничтожается выжиганіемъ раны, помощію раскаленнаго желѣза или примочкою всякой кислоты, напр. изъ выжатаго лимона, уксусу и т. п. Суевѣры употребляютъ окуриваніе изъ бросаемыхъ на землю кожаныхъ подошевъ, гниющихъ остововъ и костей, и прибѣгаютъ къ совѣту знахарей, которые своими нашептываніями и заговорами, вводятъ простолудниновъ въ одѣя заблужденія. Вотъ заговоръ отъ чумы: «Уроки-зволочи! Помолимся напередъ Господу Богу и Божіей Матрм и недальницы святой и пятници, и Миколаю и Пресвятый Богородици. Уроки, урочища! мужицки, живоцки, паробоцки, хлопячи, дивчачи. И подумати и погадати: витраны и водяны, пидзорни, пидстретни. Летивъ воронъ зъ чорными кигтами, зъ чорными великими кигтами. Изними зъ раба Божіего Осипа чорныя крови, жовтыя кости; раздвои чорныя кигти и чорныя прокигти; повеси по метламъ, по очеретамъ, по болотамъ; розтаскай, розволочи, — вовики вѣковъ, — аминь.» — Заговоръ отъ бишихи (рожи). Ворожея окуриваетъ первоначально большаго ремезиннымъ гнѣздомъ, потомъ читаетъ надъ нимъ молитвы: Царю Небесный, Пресвятую Троицу и Отче нашъ; по прочтеніи этихъ молитвъ, она давить опухоль крестообразно, среднимъ пальцемъ, и произноситъ: «зъ нарощеннаго, зъ молитвеннаго, зъ крещеннаго Ивана, прогоняю святымъ крестомъ бишиху. Пиды ты, на пустыя степи, на гнилыи колоды, на дикіи воды, — аминь.»

птицей и дичью, оправдываются нынѣ только въ отдаленныхъ краяхъ нашего отечества; но эти мѣста изобилія, дотолѣ будутъ малоцѣнны,

Эти заговоры списаны со словъ простолюдиновъ, въ г. Царевъ, саратов. губ.

При изобиліи въ естественныхъ произведеніяхъ и животныхъ, все тамъ обходится дорого провѣзему, въ самыхъ дешевыхъ мѣстахъ. Отъ чего жъ бы это? Жители, занимаясь скотоводствомъ и земледѣіемъ, заготавливаютъ для одного домашняго своего потребленія жизненные запасы, и ни мало не заботятся для приготовленія на продажу. Дичи не стрѣляютъ, по неупотребленію и отвращенію къ ней. Если постороннему предстоить надобность въ сельскихъ произведеніяхъ, какъ-то: въ молоко, масло, творогу, домашней птицѣ, или въ дичь; то онъ долженъ заранѣе заказать, иначе ничего не получить, хотя бы хотѣлъ заплатить то, что съ него запросятъ, — захотѣлось бы ему имѣть кусокъ говядины, надобно купить цѣлую корову для одного супа. Захотѣлось бы имѣть кусокъ жаркаго изъ телятины, — надобно купить цѣлаго теленка. — Хотя всего у насъ много, однако оно находится въ рукахъ таковыхъ людей, которые не понимаютъ выгоды отъ общезительности, и запасаясь грубыми произведеніями, для своего употребленія, полагаютъ, что этимъ обезпечить уже каждый человѣкъ. Что же доставляетъ природа весной и лѣтомъ: птицы и овощи разнообразныя, то они не считаютъ для себя полезнымъ промыслять ими, потому что занимаются обработываніемъ однихъ полей, и снимая хлѣбъ, употребляютъ его частью для своихъ надобностей, а частью отвозятъ на продажу оптомъ. Отъ того не найдете въ продажѣ хорошей даже муки. — Надобно для двухъ или трехъ фунтовъ хлѣба, заготовить пудъ муки и приказать спечь; во къ этому горю, пять пекарей. — Дѣлается женщинами попросту, безъ всякаго вниманія къ улучшенію или къ удометворенію собственной прихотливости и лакомства. Тамъ все довольствуется тѣмъ, чтобы только набить желудокъ.

докогда не проникнетъ сюда городская жизнь и не распространится потребность вкуса къ лучшей пищѣ—между дѣтьми природы. — Тогда появятся лакомыя кушанья, и пропадетъ охота жить по природѣ. —

Столы нашихъ предковъ были тогда при- *Соблюденіе*
готовляемы сообразно вкусу, и состоянію пова- *постовъ.*
реннаго искусства. Наши предки строго соблю-
дали посты: по понедѣльникамъ, середамъ, пят-
ницамъ и даже субботамъ. Самые безнадежные
больные, не смѣли употреблять мясного. Вели-
кіе Князья и Цари, не измѣняли общеприня-
тыхъ правилъ (*); нарушавшіе ихъ почитались
католиками, поганьными и бусурманами (**).

(*) Herb. Reg. Moscov. com. ed. Antv. 1557; Paul. Jovii:
de leg. Moscov.; Meletti: de Russor. relig. et ritib. ed. 1581 г.
Whitworth. An account of Russia; as it was in the year 1710;
Philips: The Russian Catechism, 1723 г.

(**) Бусурманъ, отъ татарскаго слова бесерменъ, значитъ
правовѣрующій; но ненависть нашихъ предковъ къ дѣйстви-
ямъ поработителей, угнетавшихъ свободу, благосостояніе и хри-
стіанство, содѣлала это имя укорительнымъ, которое перешло
въ послѣдствіи въ бранное. —Католики же сдѣлались ненавист-
ными въ простонародіи, по причинѣ происковъ Іезуитовъ, же-
лавшихъ водворить у насъ свое вѣроисповѣданіе, особенно съ
тѣхъ поръ, когда родилась Унія.—Послѣдовали страшныя го-
невія и мстительное истребленіе, ожесточившее православный
народъ: тому примѣръ малороссійскіе казаки. Польское като-
лическое духовенство, притѣсняло ихъ до такого изуверства,
что накладывало на храмы печати, или отдавало церкви на
откупъ жидамъ, которые отворяли, для самаго священно-
дѣйствія, за чрезмѣрную денежную плату. Крестины, свадь-

Не соблюдавшихъ постовъ, не принимали въ обществѣ. — Въ филиповку, петровъ и великій постъ, не только не ѣли мяснаго, но и рыбаго; послѣднее допускалось только по воскресеньямъ. Нарушителей подвергали эпитиміи, или налагали на нихъ покаяніе.

Время кушанья и отдыха.

Въ день ѣли по нѣскольکو разъ, но обыкновенно: завтракали, обѣдали, полудничали и ужинали. Всѣ отдыхали послѣ обѣда, по нѣскольکو часовъ, ибо изобиліе трапезы усыпляло за столомъ. Малое движеніе раждало тучность, особенно у знатныхъ и богачей. На дородность смотрѣли съ почтеніемъ, какъ на

бы и похороны, не освобождались отъ платежа жидамъ; имъ же отдавали пасочный сборъ, которой состоялъ въ томъ, что они одни имѣли право печь и продавать пасхальные хлѣбы, къ Свѣтлому Воскресенью. Если откупщикъ находилъ при освященіи хлѣбовъ, испеченные христіянами; то онъ взыскивалъ съ нихъ тройною цѣной. — Откупщики требовали еще, чтобы семейство покупало у нихъ хлѣбы по числу душъ въ домъ, не исключая младенцевъ. — Неслышанныя жестокости, совершенныя Поляками надъ самыми предводителями казаковъ, защищавшихъ Православіе, воспламенили между ними негодованіе, которое перешло потомъ въ природную ненависть къ католикамъ. — Наливайко былъ жаренъ въ Варшавѣ, въ мѣдномъ быкъ (1599 г.); Павлюка сначала мучили, потомъ содрали съ живаго кожу (1638 г.); Острилицу съ товарищами колесовали живыхъ, и многіе другіе примѣры — Враги славилась и тогда еще просвѣщеніемъ, и кротостію католической вѣры.

нѣкоторое достоинство. Думали, быть дороднымъ, — значило имѣть право на уваженіе (*).

Отдыхъ послѣ обѣда, есть самое древнее обыкновеніе. Владиміръ мономахъ, говоря въ поученіи къ своимъ дѣтямъ, о томъ, какъ онъ проводилъ жизнь, продолжаетъ: «потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту, а въ полдень спали: ибо не только человѣку, но и звѣрямъ и птицамъ, Богъ присудилъ отдыхать въ часъ полуденный» (**). По свидѣтельству нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, все въ городѣ было пусто послѣ обѣда: лавки и дома были заперты; нные спали дома а другіе предъ своими лавками, не менѣе трехъ часовъ (***). Народъ нашъ, осуждая перваго самозванца за несоблюденіе отечественныхъ обрядовъ, ставилъ ему въ вину, что онъ никогда не ложился спать послѣ обѣда.

Завтракъ бывалъ по утру рано, обѣдъ около полудня, полудничаніе около четырехъ

(*) Margeret: *Estat de l'emp. de Russie*, на об. 15 л., изд. Пар. 1607 г.: *tiennent en honneur ceux qui sont les plus ventrus, les appellans: dorotney schaloves.* (дородный человекъ).

(**) Владиміръ мономахъ великокняжилъ съ 1113—1125 г. — См. его поученіе.

(***) Herber. *Rev. Moscov. com.*; *Olfenarii-Diff:* *begehrte Beschfr. der neuere. Orient. Reise*, с. 11. изд. 1647 г., — тамъ же объ дородности с. 122.

или пяти часовъ, а ужинъ послѣ захожденія солнца; потомъ, спустя часъ, молились Богу и ложились спать.— Не садились за столъ и не вставали изъ за него, не помолвившись. Одинъ иностранный писатель, бывшій у насъ въ началѣ XVI вѣка (*), говоритъ, что Русскіе не знаютъ ужиновъ; но это извѣстіе ошибочное. Кн. Василько, шедшій воевать Поляковъ (въ концѣ XI вѣка), остановился около Кіева съ своимъ войскомъ, чтобы отправиться въ монастырь Св. Михаила, помолиться Богу, и потомъ, по совершеніи молитвы, ужиналъ съ монахами. В. К. Святополкъ обѣдѣлся, когда онъ пригласилъ Василька къ себѣ на ужинъ, и тотъ не былъ у него.

Вообще всѣ вставали у насъ до солнечнаго восхода. Служившіе при дворѣ и состоявшіе на жалованьи, вставали еще ранѣе: ибо они отправлялись ежедневно во дворецъ и сопровождали Государя въ церковь; послѣ обѣдни разсуждали бояры съ Царемъ о дѣлахъ. Потомъ каждый обѣдалъ и отдыхалъ, два и три часа. По вечернему звону колокола, сходились снова въ церковь, и отслушавъ съ Государемъ вечерню, расходились по своимъ домамъ; тамъ ужинали и ложились спать.

(*) Бар. Гербер. *Her. Moscov. com.*

Состоявшіе на службѣ получали отъ дво-^{Содержаніе}ра содержаніе, которое опредѣлялось степенью ^{по службѣ.} должности и ея важностію. Изъ извѣстій конца XVI в. видно, что члены думы получали отъ 500—1200 р. Самой большой окладъ имѣлъ одинъ только кн. Феод. Ив. Мстиславскій, занимавшій всегда первое мѣсто.—Окольничіе получали отъ 200 — 400 р. и земли на посѣвъ хлѣба отъ 1000—2000 четвертей; думные дьяки отъ 100—200 р. и земли отъ 800 до 1200 четв., московскіе дворяне отъ 20 — 100 р. и земли отъ 500—1000 четв.; выборные дворяне отъ 8 — 15 р.; городовые отъ 5—12 р. и земли до 500 четв.—Жалованье выдавалось ежегодно, но земли назначались имъ въ потомство, съ тѣмъ, что они обязаны были выставять по первому требованію, съ каждыхъ ста четвертей, по 2 челов.—Дѣти и сыновья боярскіе получали отъ 4 — 6 р., однажды въ теченіи шести и семи лѣтъ, но за то ихъ награждали пожизненно землею на посѣвъ хлѣба, отъ 100—300. четв. (*).

Приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ за-^{Печеніе ра-}нимались хозяйки дома; богатые изъ нихъ воз-^{знаго хлѣба.}лагали попеченіе на слугъ. — Съ печеніемъ хлѣбовъ соединялось знаніе домоводства, и та пренебрегалась хозяйка, которая не умѣла

* Margeret. État de l'empire de Russie, л. 25 — 26, изд. Париж. 1607. г.

хорошо спечь ихъ: ибо думали, въ чьемъ домѣ
хорошій хлѣбъ, въ томъ хорошая хозяйка.

Хлѣбы пшеничные и крупитчатые пеклись
на сладостяхъ, съ разными изображеніями (*).

За трехугольнымъ серебряннымъ столомъ
В. К. Василія, подавали калачи и хлѣбы на
подобіе хомута (**).

(*) Ответъ монаха Зиновія на посланіе старца Вассіана,
въ нач. XVI в.: «не изволи брашна симоновского ясти», т. е.
что самъ Вассіанъ не употреблялъ пищу симоновской бра-
тій.—^аЯде приносимое ему отъ трапезы Великаго Князя: хлѣ-
бы пшеничны, крупитчаты, брашна заслажаемо и многопест-
ротвъ застрояемая. Піяше романию, бастръ, мушкатель, рен-
ское бѣлое вино. Брашно же (въ монастырѣ) хлѣбъ овсянъ, не
ввянъ, или классы ржаные толчены, и таковыя хлѣбы сухи
безъ соли; питье же вода и вареніе имвующихъ капустное
листвіе; преимвущіе же въ нихъ, аще зеліе, имвють свеклу
и рѣпу; овощи же имъ рябина и калина» Ист. російской
іерархіи т. II. с. XXX.

(**) . . . formam helcii equini habentes.—Herb. Reg. Mosc.
com. с. 136 и 137. ed Antv. 1557 г.—Хлѣбы, на подобіе хо-
мута, вѣроятно позаимствованы отъ Татаръ, и видъ этихъ
хлѣбовъ напоминають намъ продолжительное порабощеніе.—
Paul. Jovius. leg. Moscov. говорятъ, что предъ В. К. Василіемъ
ставили два трехугольныхъ серебрянно-озолоченныхъ стола,
за коими онъ обѣдалъ съ родственниками и послами.

Англичанинъ Берровъ, искавшій пути по ледовитому морю
въ Америку, былъ занесенъ бурей въ Бѣлое море, и потому
вечаянно прибылъ въ неизвѣстную ему страну,—Московию,—
въ пол. XVI. в. Однако жители неизвѣстной ему страны,
Русскіе, встрѣтили его съ почестію, какъ посла, и поднесли
ему въ знакъ дружелюбія: хлѣбъ, шесть калачей, четыре су-
шеныхъ щукъ и мѣру овсянныхъ крупъ.—The navigation
and discoverie toward the river of Ob, made by M. St. Bur-
rough, пом. въ собр. Гапл. т. I. с. 308, изд. 1809 г. in 4°.

Пироги пекли съ разною начинкой: изъ яйць, капусты, рыбы, грибовъ, ржсу, гороху и пр. Должно думать, что пироги съ начинкой,

Крупчатые и пшеничные хлѣбы, были ничто иное, какъ сайки. Онѣ досель въ славѣ, и лучшія изъ нихъ можно имѣть въ Москвѣ на красной площади, не далеко отъ царскаго амвона, у пекаря Румянцева, который здѣсь продаетъ ихъ и онѣ слывуть *румянцовскими сайками*. Нельзя не подивиться: отъ чего умѣющіе печь такъ превосходно свои хлѣбы, дозволили немцамъ овладѣть булошной частию? — Московскія сайки, какъ равно: вяземскіе прѣлики, только могутъ печься на свое мѣсто. Въ другомъ же мѣстѣ, никакое искусство не сдѣлаетъ ихъ вкусными, — этому причиной вода и выдѣлка мѣстной муки. Выборгскіе крендели, какъ не пекутся хорошо пекаремъ Ивановымъ (въ Петербургѣ); но они не могутъ сравниться съ настоящими выборгскими, — по той же причинѣ. — Превосходные валдайскіе баранки, малороссійскіе бублики, калужское тѣсто, смоленскіе крендели, московскіе калачи и прочее, давно у насъ въ употребленіи. Нельзя опредѣлить времени ихъ появленія, но они появляются уже прежде XIII в., исключая калужскаго тѣста. — Дѣла царскія въ рук. No 1. л. 120 — 127; Гербер. Reg. Mosc. Com.

Въ глубокой древности не были известны булошники; тогда довольствовались простою пищею и самыя хлѣбныя зерна, кушали вмѣсто плодовъ. По открытіи способа дѣлать муку, стали ее мѣсить и потомъ квасить. Въ глубокой древности пекли къ столу лепешки хлѣбныя, замѣнявшія нашъ хлѣбъ, и пекли, когда садилась обѣдать. Царь самъ закалывалъ ягвѣцка, а царица занималась кухнею. Авраамъ приказывалъ своей Сарѣ, когда онъ садился обѣдать, печь хлѣбы на угольяхъ. Римляне также поступали. — Первые булошники появились на востокъ. Евреи, Греки, Капподикіане, Лидіане и Феникіане, завели ихъ; но у Римлянъ появились онѣ за 150 л. до Р. X. Отъ Римлянъ распространились булошники по Европѣ. — Dict. des origines, Paris ed. 1777 г.

были тѣже кулебяки, — старинное и любимое русское кушанье, которое превосходитъ многихъ заморскихъ выдумокъ по пирожной части. — Пироги сладкіе, приготовлявшіеся на сахарѣ, съ изюмомъ, вареньемъ и пряными кореньями, замѣняли въ то время нынѣшніе кандитерскіе, и назывались *левашиниками*. Они имѣли форму трубъ. — Употребляли еще пироги подовые съ сахаромъ, мясомъ, яйцами, сыромъ, пряженые съ сахаромъ, пряженые съ сыромъ, пряженые кислые съ сыромъ (*). — Русскіе весьма любили пироги, отъ чего произошла поговорка: не красна изба углами, а красна пирогами.

Обѣды.

До насъ не дошли свѣдѣнія о семейственныхъ обѣдахъ бояръ, дворянства и остальнаго сословія. Есть нѣкоторыя извѣстія о великокняжескихъ обѣдахъ, которые могутъ нѣсколько ознакомить насъ съ тогдашнимъ вкусомъ. — Въ большой комнатѣ ставились, въ нѣсколько рядовъ, длинные столы. — По подачіи на

(*) Во многихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи, особенно въ тамбовской, пензенской, саратовской и астраханской губ., пирогами называютъ круглые пшеничные и французскіе хлѣбы, а калачи *пшеничникомъ* или *бѣлымъ калачемъ*. Собственно же пироги называются тамъ *пироги съ харчемъ*, т. е. съ начинкою изъ говядины, рыбы, птицы и овощей. — Харчъ въ саратовской губ. значитъ всякое мясное. — Въ этой губерніи простой народъ употребляетъ болѣе полубѣлый, нежели черныя хлѣбы. — по избытку пшеницы.

столъ кушанья, объявлялось Царю: «Государь! кушанье подано.» — Тогда онъ отправлялся въ столовую, и садился на возвышенномъ мѣстѣ; подлѣ Царя садились его братья или митрополитъ; тамъ вельможи, чиновники и простые вонны, отличенные заслугами.

Во время принятія посла, бар. Герберштейна, В. К. Василій одинъ сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, окруженный пышнымъ дворомъ. Съ правой его стороны лежалъ колпакъ, а съ лѣвой посохъ,—тутъ же стоялъ двухгорливый сосудъ съ полотенцемъ. Подавши руку послу, онъ послѣ мылъ ее, думая, что католическій законъ нечистый. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, блестало множество золотыхъ сосудовъ, чашъ и кубковъ.—Первымъ блюдомъ всегда были жареные лебеди.—За обѣдомъ разносили кубки съ мальвазіей и другими греческими винами. Государь посылалъ со стола своего кушанье, въ знакъ особой милости, отличенному имъ гостю, который тогда вставалъ и кланялся ему. Другіе также вставали, изъ уваженія къ милостивому гостю, а онъ долженъ былъ имъ кланяться (*). Во время обѣдовъ вели разговоры, безъ принужденія.—Обѣдывали серебрянными ложками, которыя сдѣла-

(*) Herb. Reg. Moscov. com. c. 137.

лись у насъ известными въ концѣ Х. вѣка (*).

При обѣдахъ Царскихъ находились: крайчій, чашникъ и чарошники; каждый изъ нихъ смотрѣлъ за своевременнымъ подаваніемъ кушанья и напитковъ; но сверхъ ихъ назначались еще къ столу особыя чиновники, которые должны были *встолы смотрѣть и встолы всказывать*. Они подавали за столами ковши или чаши, кому Государь приказывалъ. Поднося знатному боярину ковшъ съ виномъ, именовали его съ прибавленіемъ *ста*, или *су*, напримѣръ, если имя его Василій. — *Василій-ста! Великій Государь жалуется тебѣ чашею*. Тотъ, принявъ ее, выпивалъ стоя и кланялся, а подносящій докладывалъ Царю: *Василій-ста выпилъ чашу, челомъ бьетъ*. Менѣе знатныхъ именовали: *Василій-су*, остальныхъ безъ всякаго прибавочнаго окончанія, просто Василій (**).

(*) Несторъ пишетъ, что гости Владиміра 1, бывъ однажды разгорячены медомъ (996 г.), возроптали на него, что имъ давали деревянныя ложки, говоря: «зю есть нашимъ головамъ, исти деревянными лжицами». Услышавъ объ этомъ Владиміръ, повелѣлъ сдѣлать для нихъ серебрянныя, сказавъ благоразумно: серебромъ и златомъ не добудешъ дружины, но съ нею добуду много серебра и золота.

(**) Margeret: *Estat de l'empire de Russie*, л. 84. 32. изд. Париж. 1607 г.; Флечеръ: *Common Wealth*. пом. въ

Иностранцы съ изумленіемъ отзывались о пышности Царскаго стола: гости пили и ѣли изъ золотыхъ сосудовъ; слуги, во время обѣдовъ, три раза перемѣняли свое платье, и обѣдъ продолжался до ночи. Обѣды Іоанна IV продолжались по шести часовъ; отъ 600 до 700 гостей пресыщалось не только изобильными, но дорогими яствами, плодами и винами. Однажды въ кремлевскихъ палатахъ обѣдало 2,000 нагайскихъ воиновъ (*). Борисъ Годуновъ давалъ пиры въ Серпуховѣ, въ продолженіи шести недѣль, и каждый разъ угощалъ подъ шатрами по 10,000 человекъ. — Кушанье подавали на серебряной посудѣ (**). — Разставаясь съ войскомъ, онъ далъ роскошный

Гакл.; Olearii: *Offt begehrte Beschr. der Neuen Orientalischen Reise* изд. 1647 г., с. 162; Korb: *Diar. in Moscov. ed. Vien. in f. c. 190. Dum mensa Tzaram paratur, nulla tubarum officia aulicos vocant ad ministeria, verum unus illorum stentoria voce clamat: Gosudar! cuschinum; Gosudar, cuschinum: т. е. Государь! къ кушанью — Корбъ вѣрно хотѣлъ сказать: Государь! кушанье подано — Именованіе сокращеннымъ имеемъ отца, было общее у Грековъ древнихъ. Самъ Гомеръ это употребляетъ. Напр. *Что ты меня Пирамидъ? — Встрѣтясь съ Пелидомъ, славный Эней Ахизидъ и Пелидъ Ахиллесъ благородный* — Гвѣд. Ил. Гомер. п. XX. ст. 87, 99, 160 и т. д.*

(*) *Navigat.* пом. въ Гакл. с. 349 и 352.

(**) *Marger. État de l'empire de Russie, etc.* — Въ иностранныхъ писателяхъ этого времени, съ любопытствомъ вели счетъ гостямъ и самой посудѣ.

обѣдъ въ полѣ 500,000 гостямъ, шировавшимъ на лугахъ р. Оки. Яства, медъ и вино, развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, шарчами и камками (*). Иностранецъ Варбочъ, посолъ императора германскаго (**), не могъ встислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой въ комнатѣ, смежной съ столовою. — При немъ подавали на столъ около ста различныхъ блюдъ.

За торжественными Царскими обѣдами служили по 200 и 300 жильцевъ, въ парчевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями на груди и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Государь садился на возвышенномъ мѣстѣ; слуги низко кланялись ему, и потомъ, по два въ рядъ, отправлялись за кушаньемъ. — Между тѣмъ подавали водку; на столахъ тогда ничего не ставилось, кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложекъ; тарелокъ и салфетокъ не знали. — За однимъ разомъ приносили сто блюдъ и болѣе, отвѣданныя поваромъ при стольникѣ; послѣ отвѣдывались крайчимъ, въ глазахъ Царя. — Потомъ Царь посылалъ гостямъ ломти хлѣба, яства, вина, медъ и въ концѣ стола раздавалъ самъ сушенныя венгерскія сливы. Всякій гость

(*) Кар. И. Г. Р. т. XI. с. 48, изд. 1824 г.

(**) Beschbr. der Reis in die Muscov so H. Warbotsch gethan, пом. въ собр. Вихм. ч. I. с. 165.

отпускался домой съ блюдомъ мяса или пиро-
говъ (*).— Понынѣ соблюдается обыкновеніе,
что хозяйка, при отпусканіи гостей отъ обѣда
или ужина, навязываетъ имъ узелки съ разны-
ми лакомствами: пряниками, орѣхами, сушен-
ными плодами, пирогами сладкими и пр. Крайнею
было бы для нее обидою, если бы не приняли.
Хлѣбъ—соль, даръ Божій, говорятъ Русскіе.—
Не принять хлѣба,—значить прогнѣвить Бога.

За столомъ Царя Θεодора, были уже дорогія
вина и мальвазія; обѣды его продолжались до
полуночи (**).

Иностранные послы всегда говорили съ у- *Богатство*
дивленіемъ, о богатствѣ серебряной и золотой *серебра, зо-*
посуды. *Бурхардъ*, посланникъ импер. нѣмец- *лота и дра-*
каго Генриха IV., увидѣвъ блескъ двора, ока- *го цль ии о-*
заль: никогда мы не видали столько золота, се- *стей.*
ребра и богатыхъ одеждъ. — А другой посолъ
императора, *Ламбертъ*, не вѣрилъ своимъ гла-
замъ, видя кучи золота и серебра (***), и пишетъ,

(*) Флечерь: Com. Wealth., пом. въ собр. Гакл., Margeret:
Estat de l'empire de Russie.

(**) Besch. der Rais in die Muscow, so H. Warbotsch
gethan, 1593 г. Ч. I. с. 159. въ собр. Вухм. Das Getrauck
welches der Groeffirst zu diesem Pamphet schifhet, war Man-
cherley als Meth, Malvasier undt Wein, undt mehrete diß Pamf-
het biß in die Mitternacht.

(***) Lambert. von Aschaffenburg: De reb. gest. germanor.,
пом. у Писторія Т. I. с. 301., изд. Ratisb. 1726 г.—Бухардъ

что столы, покрытые блестящею серебряною посудою, гнулись отъ ея тяжести.—Герберштейнъ говоритъ, что на посудномъ столѣ лежали одни серебряные и золотые сосуды, (*) и рассказываетъ за рѣдкость, что первое блюдо состояло изъ жаренаго лебеда; что послѣ обѣда подавали разные прохладительные напитки и заѣдки: сахарные, анисовые и изъ корицы.—Францискъ да Колло пишетъ, что денегъ, серебра и золота столько у В. К. Василя, что онъ есть богатѣйшій и могущественнѣйшій изъ европейскихъ владѣтелей; что онъ, сверхъ богатства, хранящагося въ казначействѣ, собираетъ ежегодно огромное количество золота и дорогихъ мѣховъ, съ разныхъ мѣстъ своего царства; что Великій Князь щедро одарилъ самага Франциска да Колло, серебрянно-позолоченными сосудами и другими вещами (**).—Другіе видѣли въ кремлевскихъ палатахъ: горы жемчугу, золота и серебра (***). Маржеретъ видѣлъ въ кладовой литвы серебряныя бочки, огромныя серебряныя тазы,

и Ламбертъ были въ Россіи, въ великокняженіе Изяслава I., въ 1075 г.—Контарини: Voyage de Perse en 1473 г.,—пом. у Бержерона.

(*) Reg. Moscov. com. ed Antverp.

(**) Franc. da Collo: Trattam di pace, и пр., на обор. л. 51 и л. 52.

(***) Navig., пом. у Гака. с. 349 и 354.

конхъ поднимали за ручки четыре человека. Онъ видѣлъ еще три или четыре вазы, съ большими серебряными чашами, назначенными для черпанія меду, которыя (т. е. вазы) были столь великія, что надобно было употребить 300 челов., чтобы наполнить какимъ бы то ни было напиткомъ. Все это дѣлано руками Русскихъ, и все изъ серебра. (*) Польской посолъ, кн. Гедроцкій, и патриархъ Іеремія, приходили въ изумленіе отъ великаго множества серебра и золота. (**)—Принятіе датскаго принца Іоанна, жениха Ксеніи, дочери Бориса Годунова, ослѣпило блескомъ и пышностію глаза иностранцевъ.—Столы трещали отъ тяжести золота и серебра. Посрединѣ столовой находился четвероугольный столъ, искусно украшенный серебряными подносами, чашами, блюдами, кубками; многія вещи были изъ чистаго золота. Кресло царское было изъ одного золота, столъ серебряный съ позолоченными ножками, который былъ покрытъ вязаной изъ золота скатертью; комнату украшала тонкой работы люстра, съ боевыми часами. Посолъ Іжедмитрія, Афанасій Власевъ, поднесъ въ подарокъ Маріи Мнишекъ, отъ имени ея жениха: рубиновое перо, гіацинтовую чашу, золотый корабль, осы-

(*) Marger. Estat de l'emp. de Russ. изд. Пар. 1607 г. л. 20.

(**) Richter: Gesch. der Medic in Russl. Ч. I. с. 72.

паный драгоцѣнными каменьями; золотого быка, павлина и пеликана; часы съ флейтами и трубами, три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кивы бархату, парчи, штофу и атласа. Сверхъ того, многія подарки ея отцу и родственникамъ, всего на 200,000 червонцевъ. Иностранцы, описывая блескъ лжедмитріева двора, съ изумленіемъ говорятъ о его престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣщанномъ кистьями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ, и покрытомъ накрестъ четырьмя богатыми щитами; надъ нимъ блестили: золотой шаръ и золотой орелъ. Самозванецъ имѣлъ колесницы и сани, окованныя серебромъ, обитыя бархатомъ и соболями; на его коняхъ: узды, сѣдла и стремяна, сіяли золотомъ, изумрудами и яхонтами. Онъ заказывалъ безпрестанно драгоцѣнныя вещи и въ три мѣсяца издержалъ, на одну пышность суетную, болѣе 7 мил. руб. сер.—Народъ ропталъ, потому что онъ не любилъ расточительности государей, страхась новыхъ налоговъ.—Корбъ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVII в., не могъ исчислить богатства царскихъ палатъ. (*)

(*) Petr. Hist. und Bericht von dem Großfürst. Duffow. с. 281; Гравенбрухъ с. 32, Пясецкій с. 223, Кар. И. Г. Р. Т. XI с. 242. — 243. Корбъ: Diar. itiner. in Mosc. с. 488.

Герберштейнъ пишетъ, что въ Калугѣ: *весьма искусно дѣлали деревянные стаканы и другія домашнія вещи, для домашняго употребленія, и онѣ продавались въ Литвѣ и другихъ мѣстахъ.* (*)

Сосуды, чаши и кубки, дѣлались продолговатыми, круглыми, однимъ словомъ, кому какъ хотѣлось. Въ X в. пивали изъ поволоченныхъ роговъ (**), и это продолжалось до пол. XVIII в.—Псковскіе посадники, встрѣчая (въ 1473 г.) невѣсту В. К. Іоанна III., Софію, пили за ее здоровье изъ *злащеныхъ* роговъ (***). Ханъ крымскій Менглигирей, другъ В. К. Василія, просилъ его письменно, чтобы онъ прислалъ ему въ подарокъ, между прочими вещами, *серебряную чару съ два ведра*. В. К. Іоаннъ III. прислалъ ему прежде серебряную чару съ серебряннымъ черпаломъ, но ее взялъ у него шахъ Зада, почему онъ хотѣлъ имѣть другую, за что, писалъ онъ къ Великому Князю: «а бы всегда изъ нее пилъ, а тебя, брата своего, поминалъ.»

Столовая посуда знатныхъ особъ, въ средніе вѣки, была большею частію серебряная и золотая. Серебряные ковши, обложенные жем-

(*) Негб. Рег. Moscov. com. с. 68.

(**) Русск. правда с. 31. 34.

(***) Псков. летоп., подъ 1473. годомъ.

чугомъ , вѣсили по три фунта и болѣе ; серебряные золоченые кубки , бывали въ 14 фунтовъ ; чары серебряныя и золотыя часто по 12 ф. ; мисы , кружки серебряныя и позолоченныя , кубки изъ строфокамиловыхъ яиць , по нѣскольکو фунтовъ . Были чарки сердоликовыя , обложенныя серебромъ ; рога буйловые и волковыя , оправленные въ золото и серебро ; дѣлали сосуды изъ одного серебра на подобіе роговъ , отъ чего такіе сосуды часто именовали рогами , за одно съ простыми , оправленными только въ золото или серебро (*). — Арсеній , бывшій съ патріарх. Іереміею въ Москвѣ (1590 г.) , удивляясь богатству и разнообразію сосудовъ , говоритъ : «я былъ пораженъ несчастливымъ сокровищемъ ; необыкновенною пышностію первостепенныхъ сановниковъ , облитыхъ въ золото . Я видѣлъ серебряныя сосуды съ золотыми коронами , наполняемые иритскимъ виномъ . Изъ многихъ золотыхъ чашъ , была одна , которую едва 12 человекъ въ состояніи были несть . — Чаши изображали львовъ , медвѣдей , волковъ , быковъ , лошадей , зайцевъ и оленей ; были единороги , отлитые съ огромными рогами , и разныя четвероногія животныя ; птенцы и павлины золо-

(*) Кн. Щерб. Рос. ист. т. IV. ч. II с. 402. 403. 449. 454.; Усп. Оп. пов. о др. руск. ч. 4. с. 384.

тые и золоченые; журавли, аисты, утки, гуси, пеликаны, строусы большіе и малые, фазаны, голуби, курошати, горлицы, и все это или изъ золота или изъ серебра. Но всего искуснѣе и естественнѣе изображенъ былъ охотникъ съ сѣлкомъ, который, закидывая свою сѣть на добычу, радовался впередъ своему успѣху. — Сверхъ исчисленныхъ мною чашъ и покаловъ, такое было множество другой посуды, что я не въ силахъ поименовать ее» (*).

Многіе изъ владѣтельныхъ князей, отказывая своимъ наслѣдникамъ имущество, именуяютъ разные сосуды столовые, которые въ то время были весьма дорогіе. В. К. Іоаннъ Даниловичъ, отправляясь въ Орду, раздѣлялъ свои дорогія вещи между тремя сыновьями и супругою Еленою. Старшему сыну Симеону отдалъ четыре золотыя цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ и три блюда серебромъ и два ковша; Ивану четыре золотыя цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и камнями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши и три блюда серебромъ; Андрею четыре золотыя цѣпи, поясъ фржскій, другой жемчужный съ крюкомъ (съ за-

(*) Arsenii. Descript. itineris in Moscoviam habiti a Ieremia II., patriarcha Constantinopolitano, с. 85 — 86., пом. у Вихман. Sammlung Schriften des Russischen Reichs, ed. Berl. 1820 г.

стежкой) на красномъ шелку , третій ханскій , два ковша , двѣ чарки и три блюда серебромъ. Дочерь Фетинъ : 14 колець , новый складень (ожерелье) , чело (головное украшеніе) и гривну. Большое серебряное блюдо, о четырехъ кольцахъ , въ храмъ владимірскаго Богоматери (*) Внукъ его В. К. Іоаннъ II., завѣщаль (въ 1369 г. ноябр. 13) дѣтямъ своимъ : — кн. Дмитрію : золотую шапку (корону), бармы, жемчужную серьгу , коробку сердоликовую , золотую саблю и шишакъ ; кн. Іоанпу : саблю и шишакъ , жемчужную серьгу и стаканъ цареградскій , а двумъ будущимъ зятямъ , по золотой цѣпи и поясу. (**) Когда В. К. Іоаннъ III гостилъ въ Новгородѣ (1467 г.), тогда его дарили шелковыми тканями , сукнами , ловчими птицами , рыбьими зубами , иностранными винами и драгоценными сосудами. Владыка Теофилъ подарилъ ему золотой ковшъ съ жемчужомъ , два рога окованные серебромъ , серебряную мису ; Вас. Казимеръ золотой ковшъ ; Яковъ Коробъ рыбій зубъ ; знатная вдова Анастасія Ивановна , два рыбьихъ зуба и пр. По приведеніи Великаго Новгорода во всю волю Іоанна (1478 г.) , ему поднесъ въ даръ на Па-

(*) Собр. госуд. грам. и дог., т. I с. 31., писано въ 1328 или 1331 г.

(**) Собран. госуд. грам. и дог. ч. I. с. 41.

оазерьъ, одинъ архіепископъ Теофілъ: панагію, обожженную золотомъ и жемчугомъ (Князья и Цари носили ихъ на груди, на золотой цѣпѣ); строфокамилово яйцо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка; серделиковую чарку, кристальную бочку; серебрянныя мисы, цѣпи, чары, два ковша золотые и поясъ серебряный, вѣсомъ въ 31 ф. — Если вѣрить сказанію современнаго польскаго историка Длугоша, то Іоаннъ нагрузилъ тогда 300 возовъ: серебромъ, золотомъ и драгоценными каменьями. (*) Кн. Іоаннъ Борисовичъ волоцкой, исчисляетъ въ завѣщаніи (1504 г.) 29 серебряныхъ блюдъ, 5 мисъ, 1 укусуницу, 1 перечницу, 1 солонку большую, 2 солонки малыя гладкія, чарку серебрянную, 11 ложекъ, 7 ковшовъ, 7 чарокъ гладкихъ, одну чарку съ полкою, 2 чарки большихъ, 4 чарки малыхъ, три кубка, 1 рогъ, 3 стакама, ковшъ большой, сковороду серебряную съ вѣнцемъ, серебряникъ, и посуду каменную.

При домашнихъ столахъ бояръ и дворянства, подавали яства и напитки въ простой посудѣ.—Принцъ Бухау пишетъ (**) (въ пол. XVI в.),

(*) Dlug. Hist. Polon. кн. XIII, с. 588.

(**) Daniel. Printz. von Buchau: de Moscoviæ ortu et progressu и пр.

что въ его время по большей части кушали и пили изъ деревянной посуды, коей края бывали позолочены, и она дѣлалась монахами. — Оловянные блюда и тарелки, составляли рѣдкость; но каждый бояринъ непремѣнно имѣлъ серебрянной кубокъ, который подавался гостямъ для питья за здоровье. — Вилки были въ рѣдкости.

Тотъ же Бухау, обѣдая у Царя Юанна IV., говоритъ, что онъ Бухау не имѣлъ ни тарелки, ни ножа, ни вилки; но пользовался ими, заимствуя отъ сидѣвшаго подлѣ него боярина. Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ нач. XVII. в., (*) пишетъ, что у богатыхъ людей рѣдко встрѣчалась оловянная посуда, и что за рѣдкость считалось, если серебряная появлялась у бояръ. — Маербергъ, бывшій въ Москвѣ въ пол. XVII. в., говоритъ, что у многихъ богачей: оловянная посуда, ложки, ножи, вилки и тарелки, подавались однимъ знатнымъ или почетнымъ гостямъ.

Званые обѣды.

Чтобы показать болѣе отличій въ царскихъ милостяхъ и польстить суетности вельможей, Борисъ Годуновъ первый ввелъ званые обѣды, въ царствованіе еще Феодора, который приглашалъ думныхъ сановниковъ и угощалъ ихъ въ своихъ чертогахъ, обнаруживая предъ ни-

(*) Олеар. см. его Voyage. с. 127.

ми всю гостеприимность обыкновеннаго хозяина. (*)

Хлѣбосольство, известное однимъ нашимъ Русскимъ, отличалось болѣе всего въ частныхъ домахъ, гдѣ вольность въ обхожденіи, соединенная съ равенствомъ, ничьего не обижала честолюбія. Хозяинъ съ радостію принималъ гостя, не скупился предъ нимъ, ставилъ все на столъ, что имѣлъ: яства, медъ и водку, чтобы не прослыть негостеприимнымъ. Отъ этаго произошла, донинѣ употребляемая поговорка: все на столъ мечи, что есть въ печи.— Самымъ величайшимъ упрекомъ было еще, кто скажетъ: *ты забылъ мой хлѣбъ-соль.* (**)

Мясныя яства приготовляли весьма просто, — варили въ одномъ горшкѣ нѣсколько различныхъ мясъ.—Кромѣ соли, перцу и уксусу, находились на столѣ соленые огурцы, сливы и кислое молоко. Все это употребляли съ соусомъ и жаркимъ, которое приправлялось довольно много лукомъ и чеснокомъ. (***)

(*) Кар. И. Г. Р. ч. 40 с. 72.

(**) Marger. *Estat de l'emp. de Russie*, на об. с. 46, изд. Пар. 1607 г.

(***) Reutenfels: *De reb. Moscovit.* — Caeteres cibos sine ullo alio, praeterquam salis condimento valde simplices apponunt et vulgo escas etiam diversas in eadem olla elixunt, — с. 108. *Herb. Reg. Mosc. com.* Lac praeterea acidum in eundem

*Музыка и
звонъ во вре-
мя обѣда.*

Пышное угощеніе, какое оказывали ино-
странцамъ, было иногда сопровождаемо музы-
кою. Контарени пишетъ, что по дорогѣ къ Моск-
вѣ, онъ былъ великолѣпно принятъ намѣстни-
комъ *Помартиномъ* и имъ угощаемъ; что во
все время обѣда, играла музыка,—это проис-
ходило въ кон. XV. в. (*) Варбочъ, обѣдавшій
у Царя Феодора, говоритъ, что во все обѣден-
ное время, звонили въ дворцовые колокола,
коихъ звукъ раздавался по всѣмъ комнатамъ.
По отъѣздѣ его изъ дворца, въ десять часовъ
вечера, онъ проѣзжалъ сквозь ряды стрѣль-
цевъ, стоявшихъ съ ружьемъ въ рукахъ; 6
конныхъ москвичей освѣщали ему дорогу фо-
нарями а 16. факелами, къ самому его дому. (**)

*Столы въ
XVII. в.*

Бояры и богатые (XVII. в.), обѣдая у се-
бя дома безъ гостей, имѣли столъ простой, но
сытной; кушанье дѣлалось безъ приправъ, т. е.
безъ ягодъ, сахару, перцу, инбиря; были ма-
лосольныя и не вкусныя. Для гостей пригото-
вляли, какъ можно по болѣе различныхъ ку-

usam appositum, item cucumeres salsi, hæc pruna eadem
ratione condita, prandii tempore a mense non remouentur.
Последующіе иностранные писатели, говоря о кушаньяхъ, под-
тверждаютъ тоже самое. —

(*) Beschreib. der Kaiser in die Moskow so H. Warbotzsch
gethan., ч. 1 с. 155, 183—185.; пом. въ собр. Вихмана.

(**) Контарени: Voyage de Perse en 1473 г., пом. въ
собр. Бержерона.

шаньевъ, отъ 50 до 100 блюдъ. Ставили на столъ по одному блюду, прочія же держали слуги; гдѣ было мало соли, уксусу и перцу, тамъ прибавляли сами гости. (*) Борисъ Годуновъ, по прибытіи шведскаго принца Магнуса, жениха Ксеніи, посылалъ ему во дворець отъ 100 до 200 разныхъ кушаньевъ, на однихъ золотыхъ блюдахъ и золотыхъ сосудахъ, съ толстыми золотыми крышками. Во время угощеній, подавали на столъ не менѣе 200 кушаньевъ, и все на золотыхъ подносахъ. (**). При дворѣ, когда угощали посланниковъ, подавали отъ 150 до 200 блюдъ.

Для оказанія большей чести гр. Карлилю, англійскому послу, ему отослали послѣ обѣда отъ царскаго стола, одного мяснаго кушанья сто блюдъ, которыя несли въ торжественномъ порядкѣ, по большей улицѣ, съ великимъ множествомъ меду, вина и водки. Предъ посломъ стояло для пышности, на царскомъ столѣ, 12 серебряныхъ позолоченныхъ тарелокъ;—предъ окончаніемъ обѣда, нили по списку за здоровье особъ, которыя именовалъ крайчій. За другимъ обѣдомъ, даннымъ для Карлиля, который начался съ двухъ часовъ по полудки и кон-

(*) Коших. о Росс. въ царств. Алекс. Мих. гл. XIII с. 118.

(**) Petrejus: Hist. und Bericht von dem Großfürstenthumb. Muszkow, с. 278—282., изд. Лейпц. 1620 г.

чился въ десять вечера, подавали не менѣе 500. блюдъ. Первымъ кушаньемъ были: юкра съ салатомъ, потомъ очень хорошіе сладкіе супы, разнообразная вареная и жареная рыба; мяснago не подавали, потому что тогда былъ постный день. Изъ напитковъ подавали: пиво, медъ бѣлый и красный, вина испанскія, греческія и водку. За столомъ не было салфетокъ; скатерть едва прикрывала столъ. (*) Царская столовая была освѣщена. Не забывали пить за здаровье, а пили преимущественно изъ покала зо-

(*) Скатерти давно были у насъ въ употребленіи, гораздо прежде XVI. в. — По возвращеніи изъ ссылки перво-степеннаго боярина, знаменитаго кн. Михаила Воротынскаго (въ 1565 г.), онъ просилъ у Царя Юанна грознаго, чтобы, между прочими вещами, необходимыми для домашняго его употребленія, какъ то: бѣлье, посуду и одежду, которыя отобрали у него при заточеніи, повелѣлъ бы снабдить его *скатертлями*.—Кар. И. Г. Р. т. IX. прим. 145. Бергъ: Жизнь Цар. Алексѣя Михайловича, ошибочно говоритъ, что скатерти появились въ 1665 г. — Maerberg: Voyage en Moscovie, с. 60 и 61 изд. Лейд. 1688, бывшій въ Москвѣ 1661 и 1662 г. подтверждаетъ, что одна скатерть покрывала столъ. — Маербергъ говоритъ еще, что тарелки, салфетки, ножи и вилки, подавали только знатымъ особамъ; что посуда была нечистая и первое кушанье составляло отвареную говядину, потомъ холодное, приправленное уксусомъ, сыромъ и лукомъ; потомъ супы, жаркія и соусы. Укусница, перечница, солонка, стояли на столѣ; за столомъ болѣе употребляли крѣпкіе напитки, нежели вино и пиво.— Салфетки вывезены Петромъ I изъ Голландіи, въ 1718 г. см. Круга описаніе монетъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что онъ давно былъ намъ извѣстенъ; но Петръ I. могъ вывести лучшей работы.

лотого, который былъ нарочно сдѣланъ въ честь короля Карла I, казненнаго на эшафотѣ, по настоянію Кромвеля, съ этой вокругъ надписью: «въ память преподобнаго мученика Карла I, претерпѣвшаго великія печали на семь свѣтѣ. Я не сомнѣваюсь, что онъ наслаждается въ томъ мірѣ блаженствомъ.» Спустя нѣсколько времени, привесли три небольшія дерева, унизанныя съ позолоченными на концѣ пирожками (пряниками). Одно дерево было для посла, а третье для бояръ. Пирожки срывали и кушали, вмѣсто десерта, которой заключился виномъ, поданнымъ собственноручно Царемъ.

Между ружьями, пистолетами, сосудами и многими другими вещами, какія Карлъ получилъ отъ нашего двора для врученія королю Карлу II, была серебрянная вызолоченная чаша, которую несли два человѣка (*). При угощеніи цесарскихъ пословъ: Меерна и Кальвучи, Царь Алексѣй цѣловалъ ихъ въ уста, и послѣ лобзанія мылъ ротъ и руки; за столомъ Царь сидѣлъ на почетнѣйшемъ мѣстѣ, въ углу (**).

(*) Match: A relat. oft hree embassies of Carlisle, c. 291—294.—Miege: La relat. de trois embas. de com. de Carlisle, c. 402—414, изд. Amst. 1772 г.

(**) Relat legation. in Moscoviam, an. 1661—1663, de Aug. Meyern et Guil. Calvucci, ч. I. с. 223 228—229 и 234, пом. въ собр. Вахм.

Пряники употреблялись изстари, и какъ въ некоторые думаютъ, что они были извѣстны еще до принятія христіанской вѣры, между сѣверными Славянами, при ихъ жертвоприношеніяхъ. Жрецы приносили богу Святovidу огромной величины хлѣбъ, замѣшаной на меду и печеный, какъ нынѣшніе пряники. На немъ вѣроятно дѣлали изображенія тѣхъ животныхъ, которыя они, можетъ быть, представляли при жертвоприношеніяхъ (*).

О способъ приготовления кушанья въ старину, можетъ послужить примѣромъ то кушанье, которое было заготовлено во время бракосочетанія Царя Алексѣя съ Наталіей. Государю подавали въ сѣвникъ квасъ, въ серебряной лощатой братинѣ, лебединой *папорокъ* съ шафраннымъ взваромъ, *рлбъ окрошванъ подѣ лимоны*, и гусиной потрохъ. Государынѣ подавали, изъ жаркихъ: гусь, поросенка, курицу

(*) Усп. Оп. пов. о Русск. древ. ч. I. с. 72 и 73. Нынѣшніе пряники такъ же носятъ разныя изображенія животныхъ, и съ надписью: вяземскій пряникъ, который своимъ вкусомъ, превосходитъ многія чужеземныя сладости. Нужно покупать его на мѣстѣ, въ Вязьмѣ, и тамъ отличнѣйшихъ пряниковъ фунтъ, въ коемъ не бываетъ болѣе четырехъ, продается по полтора рубля серебромъ. *Коврижки* и московскіе пряники, такъ же хороши; но послѣдніе далеко уступаютъ превосходству петербургскихъ коврижекъ: душистыхъ и сахарныхъ, однако и петербургскія не могутъ поспорить съ вяземскими.

въ калы съ лимономъ; курицу въ лапшѣ и курицу во щахъ *богатыхъ*. Изъ хлѣбнаго, Государю и Государынѣ: перепечъ крупичатую *съ три лопатки недомърокъ*, *четы* сытняго хлѣба, *курникъ* осыпанный яйцами, пирогъ съ бараниною, блюдо пироговъ съ яйцами, блюдо блиновъ *тонкихъ*, блюдо сырниковъ, блюдо карасей съ бараниной; пирогъ росольный, блюдо подовыхъ пироговъ, коровай на яйцахъ, куличъ недомърокъ и блюдо *жаренныхъ* пироговъ (*).

Въ старину постныя яства употреблялись съ разрѣшенія, или благословенія духовныхъ лицъ. Вотъ примѣръ, который не есть общій; однако онъ можетъ знакомить насъ съ стариннымъ обыкновеніемъ. Патріархъ подносилъ Государю Алексѣю (1671 г.) изъ своего домаваго кушанья, въ постные дни, въ трехъ статьяхъ: 1. щуку, лещъ и стерлядь паровыя, и спину бѣлой рыбыцы 2. Оладью *тельную* изъ рыбы, щучью уху, пирогъ изъ рыбы и коровай, осыпанный рыбою. 3. Щучью голову, нѣсколько осетровъ свѣжихъ, тешку бѣлужью, ренское, романею и бастръ. Въ середу первыя недѣли великаго поста, готовили для патріарха (1667 г.): *четы хлѣбца*, папошникъ сладкій, взваръ

(*) Новик. Древ. рос. вивл. ч. XIII. с. 210.

съ рысомъ, ягодами, перцемъ и шафраномъ; хрѣвъ *грѣночки*, кашку *топаную* *жолодную*, горошекъ *зобанецъ* холодный, кисель клюквенный съ медомъ, кашку тертую съ маковымъ сочкомъ, кубокъ *романен*, кубокъ *мальвазіи*, хлѣбецъ крупичатый, полосу арбузную, горшечекъ *патоки* съ *инбиремъ*, горшечекъ *мазули* съ *инбиремъ* и три *шишки* ядеръ (*).

*Закуски
и ли де-
серты.*

Какого рода закуски или десертъ подавались въ кругу бояръ и дворянъ, мы никакихъ не имѣемъ о томъ свѣдѣній; но закуски давно были извѣстны: ихъ приготавливали на припнностяхъ съ разными плодами, на меду и сахару, и въ XVII в. уже назывались конфетами. Какъ назывались прежде?—Неизвѣстно (**). По случаю рожденія Петра I, подавали на столъ, послѣ обѣда: коврижку сахарную на корицѣ; сахарную голову, росписанную цвѣтами, въсомъ 2 пуда 20 ф.; большой сахарный орелъ, литый бѣлый, а другой сахарный большой красный, съ державою, въсомъ 1¹/₂ пуда; лебедь

(*) Нов. Древ. рос. выв. ч. VI. с. 301. 320 и 321.; Успен. Оп. пов. древ. русск. с. 68. 69. — Тешка не есть собственно кушанье, но названіе брюшной полости всякой большой рыбы: бѣлуги, осетра, севрюги и пр. Ее готовить свежю и соленою въ супахъ, соусахъ и студени; приготовленную такимъ образомъ тешку, подаютъ къ столу.

(**) Olear. *Offt begehrt. Beschreib. der Neuen Oriental. Reise.* с. 249. 251. изд. 1647 г.

сахарную литую, въ 2 пуда; утку сахарную литую, полпуда; попугая сахарнаго листаго, 40 ф.; голуба сахарнаго листаго, 8 ф.; сахарный кремль съ пѣшими и конными воинами и башнями, изъ конхъ надъ большей и средней парилл орлы; городъ былъ представленъ четверугольнымъ, и окруженъ пушками; двѣ большія трубы изъ сахару, на корицѣ: одна красная а другая бѣлая, по 15 ф.; два большихъ сахарныхъ марципана: одинъ на пяти кругахъ, а другой леденцовый; двѣ спицы леденцовыя: бѣлая и красная, вѣсомъ каждая по 12 ф., 40 блюдь сахарныхъ узоревъ съ изображеніемъ людей пѣшихъ и конныхъ, и другихъ животныхъ, по полуфунту на блюдь; 30 блюдь леденцовъ на разныхъ плодахъ, вѣсомъ по фунту безъ четверти на блюдь; 10 блюдь зеренчатаго сахару съ пряностями, по фунту на блюдь; смоквы полъ ящика, цукату, лимоновъ, яблокъ мушкатныхъ и померанцовыхъ, шапталы, нибрю въ патокѣ, арбузы, дыни и другіе плоды, — всего было на столѣ 120 блюдь.

Закуски, какія нынѣ подаютъ за нѣскольکو часовъ до обѣда, стали входить въ употребленіе въ XVIII в.

Сахаръ давно вывозили къ намъ иноземные купцы, и его употребляли у насъ при поминовеніи *Давность сахара.*

яхъ, еще до XI вѣка (*). Но въ томъ видѣ, какъ нынѣ сдѣлался онъ повсюднымъ, не прежде

(*) О сахаръ говорится въ вопрошеніи Кирика къ епископу новгор. Нифовту. Эти вопрошенія помѣщ. такъ же у Герб. Regum Moscov. com. — Монахъ Кирикъ жилъ въ XI вѣкѣ.

Древніе писатели греческіе и римскіе, ни слова не говорятъ о сахарѣ. Теофрастъ, умершій за три столѣтія до Р. Х., упоминаетъ о немъ слегка. Плиній и Диоскоридъ, жившіе въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х., говорятъ объ одномъ леденцѣ. По словамъ Павла Эглинскаго, сахаръ еще въ VII вѣкѣ, мало былъ употребляемъ. — Отечество сахарнаго тростника, восточная Азія: онъ растетъ въ южномъ Китаѣ, на островѣ индѣйскаго архипелага и въ королевствахъ сіамскомъ и кохинхинскомъ. Оттуда, кажется, перешелъ въ Индонстанъ, потомъ въ Аравію, а наконецъ къ азіатскимъ и африканскимъ берегамъ средиземнаго моря: въ Эфіопію, Нубію и пр. До перенесенія этаго растенія, сахаръ, долженъ быть, отправлялся сначала изъ Китая въ индѣйскія приставы, оттуда въ персидской заливъ или черное море, посредствомъ корабановъ, до береговъ средиземнаго моря. По этому чрезмѣрно трудному и продолжительному пути, сахаръ составлялъ предметъ рѣдкости и любопытства. Аравитяне, завладѣвъ въ теченіи IX ст.: Родосомъ, Кипромъ, Кандією и Сицилією, перенесли туда сахарный тростникъ. Около XII ст. венеціанскіе торговцы закупили сахаръ въ Сициліи. Крестовые походы, породившіе дѣятельную торговлю Венеціанъ и другихъ италіанскихъ городовъ, распространили вкусъ и требованіе на сахаръ, по всей западной Европѣ. Въ нач. XV в. Испанцы и Португальцы привезли ростки сахарнаго тростника, на острова канарскіе и островъ Мадеру. Полагаютъ, что сахарный тростникъ отсюда перешелъ въ новый свѣтъ, не смотря на увѣренія нѣкоторыхъ историковъ, будтобы онъ самъ по себѣ росъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки. Мадерскій сахаръ пользовался своею извѣстностію. Къ концу XV в. Венеціане придумали

ознакомленія нашего съ кофеемъ и чаемъ. —

Мы знаемъ, что и до этого времени приго-

способъ вывариванія и очищенія сахару, который, въ наше время, доведенъ до усовершенствованія. — Маленькій островъ св. Оомы, подъ экваторомъ, принадлежащій Португаліи, имѣлъ въ нач. XVI в. много сахарныхъ заводовъ (около 1520 г.). Сахарный тростникъ, привезенный въ тоже время въ Ганти, Испанцами, сдѣлалъ тамъ быстрые успѣхи. Благопріятствуемый климатомъ и почвою, онъ давалъ втрое и четверо болѣе, нежели въ самой Испаніи, и 28 прессовъ были заняты подъ сахаръ. Воздѣлываніе сахарнаго тростника, распространившееся по Америкѣ, сдѣлалось особенно важнымъ въ Бразиліи. Здѣсь-то Португальцы удержали за собою монополию снабженія Европы сахаромъ, въ концѣ XVI. и нач. XVII в., и этому самому Лисабонъ обязанъ былъ своимъ богатствомъ, какъ нынѣ Англія индійской торговлѣ. Англичае, завладѣвъ Ямайкою въ 1606 г., однимъ изъ антильскихъ острововъ, нашли тамъ только три сахарныхъ завода, а черезъ 30 лѣтъ торговля этого острова заняла дѣятельность 400 кораблей, подымавшихъ до 60,000 тоннъ; но какъ вся торговля антильскихъ острововъ, переходила въ руки Голландцевъ, которые съ невѣроятной дѣятельностію поспѣвали всюду, гдѣ только можно было получить какую либо выгоду, а англійская морская сила приходила въ упадокъ, то парламентъ утвердилъ билль *навигационнаго акта*, въ 1651 г. декабря 4, служащій повинъ краугольнымъ камнемъ англійской торговлѣ. Этотъ билль, направленный противу Голландіи, открылъ войну; но протекторъ Кромвель, окончивъ непріязненные дѣйствія, оставилъ во всей силѣ навигаціонный актъ, по коему дозволено Англичанамъ свободный ввозъ въ Англію всѣхъ товаровъ, изъ трехъ частей свѣта: Азій, Африки и Америки и англійскихъ колоній; а произведенія европейской промышленности, могли быть доставляемы въ колоніи, только на англійскихъ корабляхъ, или на корабляхъ туземныхъ, построенныхъ самими переселенцами. — Во Франціи, постановленіями съ нач. XVII

товляли варенія и другія сладости на сахарѣ; что первоначально мы получали его изъ

вѣка (1634 г. нояб. 25) до пол. XVIII вѣка, были отстранены все сношенія колоніальныхъ туземцевъ отъ торговли съ другими островами, даже до того, что воспрещено было учреждать новые заводы для рафинировки сахара. По мѣрѣ того, какъ острова Мадеры и св. Томы, подорвали сахарное производство въ Сициліи, Египтѣ и Аравіи; потомъ Терры-Ферры и Мексики уменьшили эту отрасль промышленности въ Андалузін, въ это время Бразилія, находившаяся подъ португальскимъ владычествомъ, сдѣлалась центромъ сахарнаго производства, и до пол. XVII в. снабжала все европейскіе рынки. Развившіяся новыя колоніи, въ началѣ XVIII в., уменьшали закупъ сахара въ Бразиліи. — За сто лѣтъ предъ симъ, обращающійся сахаръ въ европейской торговлѣ, получался изъ Бразиліи 100,000,000 ф., съ англійскихъ острововъ 100,000,000 ф., изъ Голландіи 620,00,000 ф., изъ французскихъ острововъ 50,000,000 ф., и того 342,000,000 ф. — Французская революція и борьба европейскихъ народовъ до 1815 г., доставили Англичавамъ случай завладѣть тѣми сахарными колоніями, которыя не были подъ ихъ владычествомъ, и по мѣрѣ того, какъ неудачи Наполеона все ближе и ближе подвигали ко Франціи войска государствъ, державшихся континентальной системы, цѣны быстро поднялись. Но миръ 1815 г., понизилъ ихъ чрезмерно быстро. — Въ настоящее время производимость сахара обнимаетъ, въ географическомъ отношеніи, двѣ системы: западную и восточную. Въ первую входятъ острова и материкъ Америки, равно острова Мавриція и Бурбона, а во вторую отъ Аравіи вдоль индѣйскаго моря и тихаго океана, до западныхъ береговъ Америки. По западной системѣ доставлено сахару, съ 1833 — 1834 г. изъ англійскихъ колоній 575 мил. ф., ос. Кубы 275 мил. ф., изъ французскихъ колоній 200 мил. ф., Бразиліи 187 мил. ф., Лузіяны 150 мил. ф., голландскихъ колоній 80 мил. ф., Порторико 62 мил. ф., шведскихъ и датскихъ колоній 25 мил. ф., всего 1.550,000,000 ф.

Константинополя, потомъ чрезъ Тавриду отъ Генуэзцевъ въ XV в., послѣ изъ Германіи чрезъ Польшу и Литву, въ продолженіи XVI

По восточной системѣ: изъ Явы 400 м. ф., Бенгала 50 м. ф., Манилы 32 м. ф., Китая 25 м. ф., Конхинхины, Сіама и острововъ индѣйскаго архипелага 7 м. ф., всего 244,000,000 ф.—Замѣчательно, что отечество сахарнаго тростника: южный Китай, королевства: сіямское и конхинхинское и острова индѣйскаго архипелага, доставили въ наименьшемъ количествѣ: этому причиною стѣснительная система торговли сихъ государствъ.—Изъ двухъ системъ: восточной и западной, получено сахару: 4,768,000,000 ф., изъ этого количества употреблено для Англіи 500 м. ф. Соединенныхъ штатовъ 250 м. ф., Франціи 158 м. ф., Россіи 75 м. ф., всего 983 м. ф., для четырехъ государствъ только, а прочіе 686 м. ф. идутъ для Голландіи, Бельгіи, Германіи, Дании, Швеціи, Итали, Греціи, Турціи, Египта, сѣверной Америки, Гишпаніи и Португаліи.—Колоніи французскія, возвращенныя во время ресторации къ своей метрополіи, подчинились прежнему ея управленію, существовавшему до революціи; но онѣ устремили всѣ свои усилія о воспрещеніи ввоза во Францію иностраннаго сахара. Цѣны возвысились на сахаръ, и пріостекли большія злоупотребленія. Это самое повело къ открытію новаго предмета, который теперь весьма много занимаетъ, не только французскихъ земледѣльцевъ, но касается до существованія колоній, распространенія торговли и важной отрасли государственнаго дохода,—этотъ предметъ, *свекловичный сахаръ*. Это открытіе, возбуждавшее сначала столько насмѣшекъ, послѣ изслѣдованій 1828 г. распространилось подъ вліяніемъ мѣръ, принятыхъ для покровительства колониальнаго сахара. Во Франціи возникло гоненіе на свекловичный сахаръ, который не могъ бы выдержать борьбу съ колониальнымъ ввозомъ, если бы свекловично-сахарное производство, не стало бы развиваться въ Германіи, особенно въ чертѣ, ограничиваемой прусскимъ таможеннымъ союзомъ.—Въ 1836 г. считалось въ Пруссіи 50 заводовъ, а въ другихъ государствахъ 25 заводовъ; въ

и XVII в.; а наконецъ въ XVIII столѣтїи чрезъ петербургскій портъ, изъ всѣхъ концовъ Европы, Азии и Африки. Выдѣлываніе сахара, на-

1840 г. было уже въ Пруссїи 91 заводъ а въ другихъ государствахъ 50 заводовъ, изъ коихъ добыто около 750,000 пуд. сахара. — Въ Россїи первый учредилъ свекловичный заводъ въ тульской губ., генер. Бланкенагель, въ 1800 г., но отечественная война остановила это предпрїятїе; потомъ Бланкенагель умеръ, заводъ перешелъ въ руки Герарда: онъ и Мальцевъ, не переставали убѣждать своимъ примѣромъ, въ пользѣ отъ этого учрежденїя. До 1824 г. уже изрѣдка говорили объ этомъ предметѣ. — Когда русскіе помѣщики: Бахметьевъ, Давыдовъ, Нейдгартъ и др., увидѣли во Франціи успѣхи свекловичной промышленности, тогда они, по возвращенїи въ свое отечество, учредили у себя свекловичные заводы. — Помѣщики стали отдавать учениковъ на заводъ Герарда и Мальцева. — Въ 1840 г. считалось уже 164 завода, а именно въ тульской губ. 28, харьковской 15, воронежской 13, калужской и орловской по 12; рязанской и курской по 11; черниговской, кїевской и пензенской по 8; тамбовской 7; нижегородской 5; симбирской, саратовской и минской по 4, подольской 3, московской и витебской по 2; въ тверской, ярославской, екатеринославской, херсонской, бессарабской и гродненской по 1. — Привозный сахаръ, бѣлый гаванскїй, продавался въ Петербургъ, въ 1840 г. въ генварь, 8 и 14 сер. пудъ. — Эти высокія цѣны на сахаръ, сдѣланы въ пользу свекловичнаго сахара, безъ этого покровительства онъ не могъ бы выдержать соперничества съ колониальнымъ, по той причинѣ, что по химическому разложенїю содержится въ сахарномъ тростникѣ болѣе сахарныхъ частицъ, нежели въ свеклѣ:

въ сахарномъ тростникѣ

воды	74,8 до 69,2
сахара	14,0 — 18,0
волоконъ	8,0 — 9,0

чалось у насъ еще въ XVII в.—Мы тогда уже имѣли сахарныя фабрики, однако не запрещалось ввозить иностранный сахаръ, отъ чего наши фабрики не могли притти въ хорошее состояніе. Петръ I запретилъ указ. 1718 г. мар. 14 и 1721 г. апр. 28 ввозъ сахара, кромѣ сахарнаго песку.

Въ самое древнее время, предки наши считали сахаръ скоромнымъ кушаньемъ, потому

разныхъ органическихъ веществъ .	1,8 — 2,0
кремнезему и солей	1,8 — 1,8
	<hr/>
	100,0 до 110,0

въ свекль

воды	88	} до 84,0
	82	
сахару	8	} — 10,0
	12	
древесины		2,0
бѣлковины и азотнаго вещества		1,5
другихъ разныхъ кислотъ и веществъ		2,5
		<hr/>
		100,0

Въ настоящее время мы извлекаемъ половину сахару, заключающагося въ свекловичъ, и когда искусство достигнетъ того, что можно будетъ получать весь сахаръ; тогда безъ сомнѣнія разовьется эта отрасль важной промышленности. Но свекловично-сахарное производство, безъ покровительства тарифа, никогда не подорветъ колониальный сахаръ, и мысль тѣхъ, что настанетъ время, когда Россія будетъ снабжать Европу своимъ сахаромъ, мечта! — Журн. мин. госуд. им. за 1842 г., N 4, ст. о сахаръ колониальномъ и свекловично-сахарномъ производствѣ въ Россіи, с. 209 — 244.

не употребляли его въ постные дни. Набожные приверженцы постовъ, тоже самое дѣлаютъ понынѣ, думая, что сахаръ дѣлается на крови.

*Порядокъ
подаванія
кушанья.*

Въ XVII в. столы при дворѣ начинались съ жаркаго и преимущественно съ жареныхъ лебедей (*). Если же ихъ не бывало за столомъ у богатыхъ; то это считалось обидою для гостей (**). Въ XVII в. начинали обѣдъ студеньемъ изъ говяжьихъ ногъ, или икрою; потомъ подавали супъ, вареное и жаркія (***) . Въ XVIII в. при дворахъ и домахъ вельможей, угощали напередъ окороками, колбасами, солеными и холодными мясными кушаньями, приготовленными на деревянномъ маслѣ, лукѣ и чесноку; послѣ подавали теплыя похлѣбки, жаркія и другія кушанья, наконецъ закуски изъ свѣжихъ и вареныхъ въ сахарѣ плодовъ, дыни и арбузы астраханскіе.

Въ наше время почти тоже самое: за нѣсколько времени до обѣда, подаютъ закуску, состоящую изъ водки, наливки, настоекъ и ликеровъ; рыбы копченой, балыку, икры, масла, сыру, ветчины и пр. Обѣдъ начинаютъ супомъ

(*) Herb. Ber. Moscov. com. Printz v. Buchau с. 492
Petreus с. 562. —

(**) Petreus с. 597.

(***) Maerberg. Voyage etc.

и оканчиваютъ пирожнымъ; послѣ обѣда разносятъ кофе, а тамъ, спустя нѣсколько времени, варенья, виноградъ, конфеты, дыни, арбузы, разныя ягоды и сладкіе плоды. —

Прежнее поваренное искусство всегда не нравилось иностраннымъ посламъ, которые, изъ великаго множества присылаемыхъ имъ кушаньевъ отъ Царя, почти ни чего не могли ѣсть. Наибольше имъ посылали рыбное, и волжская рыба была дороже дичи и мяса. Чѣмъ болѣе было рыбы и огромной еще величины, тѣмъ почетнѣе было для гостя. Одинъ иностранецъ увѣряетъ, что обѣдая за царскимъ столомъ, давали такія большія рыбы, что едва три человека могли поднять половину рыбы.—Искусство поваровъ превращало рыбъ въ пѣтуховъ, куръ, гусей, утокъ и пр., придавая имъ видъ этихъ животныхъ. (*)

Причиною не вкусныхъ яствъ было, по увѣренію иноземцевъ, нечистота въ приготовленіи, сильный луковый и чесноковый запахъ, горькій вкусъ отъ коноплянаго и коровьяго масла, на коемъ готовилось кушанье, пироги и жареная рыба.—Коровье масло приготавливалось тогда въ печахъ и не солилось, отъ чего оно получало горечь и портилось. Неудивительно, что иностранцы не были довольны нашими яст-

(*) Tanner. Leg. in Moscov. с. 57.

вами.—Въ началѣ XVIII в. стали готовить хорошее коровье масло, поиностраннымъ способу, а тогда многіе вельможи и дворяны, начали вводить чужеземныя кушанья и усваивать ихъ. Въ половинѣ того же столѣтія, уже появились нѣмецкіе и французскіе повара, которые вытѣснили поварихъ.—Нынѣ порядочный помѣщикъ, имѣетъ прекраснаго повара.—Въ концѣ XVIII в. была даже страсть у многихъ знатныхъ вельможей, выписывать изъ Парижа пироги, хлѣбы и сладкія кушанья, которыя доставлялись въ Петербургъ въ шесть дней. Другіе нарочно ѣздили туда, чтобы попить и поѣсть всего вдоволь; теперь за этимъ не отправляются туда: искусство поваренное стоитъ у насъ на высшей степени усовершенствованія.

*Разведеніе
нѣкоторыхъ
плодовъ и
овощей.*

Прежде долго не знали другихъ плодовъ, кромѣ огородныхъ: капусты, чесноку, луку, гороху, моркови, рѣпы, бураковъ и рѣдьки. Въ XV в. мы имѣли хорошія вишни, орѣхи и полевыя яблоки; сѣяли огурцы и дыни (*); коимъ, по особой пріятности и вкусу, удивлялись иностранцы. Въ XVII в. находились большіе сады съ яблоками, вишнями, сливами, смороди-

(*) Barbaro: Il viaggio dalla Tana. въ 1436. г.; Contarini: Voyage de Perse en 1473 г. с. 52 53., пом. въ собр. Бержер.; Herb. Rer. Moscov. com. Melones autem singularem cura ac industria seminant.; Franc. da Collo: Trat. di pace, etc. л. 53.—

ной, малиной, клубникой, особенно съ поваренными растѣніями. Изъ этихъ плодовъ превосходнѣе всѣхъ были наливныя яблоки, которыя, когда созрѣвали, свѣтились на сквозь (*).—Салатъ долго не сѣяли, и видя употреблявшихъ его, говорили, что они ѣдятъ траву, какъ животныя, и уговаривали другихъ не ѣсть, чтобы они не превратились въ скотовъ. (**) Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ пол. XVII в., пишетъ, что Русскіе привыкали уже къ салату; въ концѣ XVIII в. онъ сдѣлался въ большемъ употребленіи, только въ столицѣ; еще въ нач. XIX в. многіе не могли ѣсть его, по предубѣжденію къ Нѣмцамъ. Простой народъ и многіе изъ купеческаго сословія, доселѣ не научились ѣсть его.

Въ 1660 г. ноября 11 указано разводить арбузы въ Чугуевѣ (харьковскаго уѣзда), и когда они поспѣютъ, присылать ко двору. (***)

(*) Olear. *Opt. bequfr. Befchr. der Neuen Oriental. Reise*, с. 117. изд. 1647. г.

(**) Tanner: *Leg. Mosc. Dum lactueis vescerer, circumstantes admirabundi Mosci, partim indignantibus, partim ex- plodentibus verbis, a cibo illo nos dehortati sunt, monentes ne bestiarum more advorandum gramen, converteremur.*

(***) Самые лучшіе и единственнѣйшіе арбузы, — это *быковскіе*, *балыклейскіе* и *пролейскіе*, царскаго уѣзда саратовской губ. Быковъ, Балыклей и Пролейки суть хутора, заселенные государственнымъ крестьянами; находятся въ недалекомъ разстояніи отъ Камышина, и какъ до образованія царскаго уѣзда (1835. г.), всѣ эти хутора находились въ

Въ нач. XVIII в. появились: саллеры, спаржа и артишоки; послѣдніе привезены изъ Голландіи въ Петербургъ, 1715 г. — Виноградныя вина мы давно получали изъ Царьграда, но разведеніе

камышенскомъ уездѣ, потому эти арбузы донынѣ сльвуть камышенскими. — Въ Быковѣ, Балыклеѣ и Пролейкахъ, занимаются разведеніемъ мужики; почва здѣсь песчаная, потому самая удобная для произрастанія арбузовъ, конимъ благопріятствуетъ еще солнечный зной, съ перепадающими дождями. Арбузы бывають въ окружности въ 1½ арш., а вѣсомъ болѣе пуда; сѣмена маленькія и не въ большомъ количествѣ; тотъ самой лучшей арбузъ, котораго кора зелено-блѣватая, и когда его разрѣзываютъ, тогда онъ какъ будтобы крошится, отъ чрезмѣрнаго множества сахаристыхъ веществъ; вкусъ очень сладкій, а запахъ имѣеть душистаго ананаса. Сотня арбузовъ стоитъ на мѣстѣ отъ 35 к. до 75 к. сер., и эта цѣна есть уже самая высшая. На большемъ возѣ, запряженномъ волами, не можетъ помѣститься болѣе 150 арбузовъ. — Ихъ доставляють, по подряду, въ ближайшія губерніи и Москву, въ которую вывозять каждое лѣто до 15,000 арбузовъ. Въ предмосковскихъ мѣстахъ продають арбузъ, по самой высшей цѣнѣ, 62 к. сер., а въ самой Москвѣ отъ 4—до 3 р. сер. Изъ всѣхъ этихъ арбузовъ, самыя лучшія суть быковскія. — Въ урожайные годы такое бываетъ ихъ множество, что не успевають снимать съ бакшей (арбузныхъ полей), и оставляють гнить на мѣстѣ, или пускають скотъ и свиней, которыя пожирають и топчуть ногами. — У насъ въ Петербургѣ, лучшими арбузами сльвуть астраханскіе, но это ошибочно. Астрахань похитила не принадлежащую ей честь, у хуторовъ: Быкова, Балыклея и Пролеекъ, которые, по старому размежеванію уездовъ, находились въ составѣ астраханской губ., до конца XVIII в. Въ Астраханѣ ни когда не бывало превосходныхъ арбузовъ, какъ быковскіе, балыклеискіе и пролеевскіе. — Пробовали сѣять быковскія сѣмена въ Астрахани, но арбузы не выростали тамъ прекрасные, какъ на родной почвѣ. — Съ

виноградныхъ лозъ, началось не прежде XVII в. Онѣ въ первый разъ посажены въ Астрахани (1613 г.), однимъ нѣмцемъ, который былъ монахомъ изъ тамошнихъ монастырей, а онъ получилъ въ подарокъ отъ проѣзжихъ персидскихъ купцевъ. Въ пол. XVII в. уже были многіе виноградные сады, изъ коихъ доставлялось ко двору, ежегодно, по 200 бочекъ вина. Въ XVIII в. вошли въ обыкновеніе венгерскія вины, коими угощали почетныхъ людей. Петръ I, заботясь о разведеніи винограда, по разнымъ мѣстамъ Россіи, поручилъ особый присмотръ за астраханскими виноградниками, французскому садовнику (*). Со ввозомъ иностранныхъ овощей, винъ и пряностей, мы познакомились съ пуншемъ, кофеемъ, чаемъ и табакомъ.

разведеніемъ арбузовъ, появились тыквы, которыя въ восточной Россіи именуются *дураками*, въ Малороссіи *гарбузами* а арбузы *кавунами*. — Причина названія дураковъ, неизвестна. — Въ оренбургской губерніи такое множество родится дураковъ, что ими откармливаютъ свиней, и если вѣрять разсказамъ, то нынѣ бываютъ до $1\frac{1}{2}$ пуда въсомъ. — Астрахань славится дынями, кои, кромѣ ароматнаго запаха, отличаются полнотою мяса или тѣла, которое срѣзывается до корки; во внутренности мало сѣмянъ, и дыни эти лежатъ свободно, безъ всякой порчи, до октября мѣсяца. Превосходнѣйшія дыни растутъ въ дубовскомъ посадѣ, царцынского уѣзда, на берегу Волги, и по этому посаду онѣ усвоили названіе дубовокъ.

(*) Усп. Оп. пов. о древ. Русск. ч. I. с. 74 и 75.

*Взварецъ
и пуншъ.*

Въ старину вмѣсто пуншу, пивали ковшами *сзваръ*; онъ приготовлялся изъ пива, меду и вина на прѣнныхъ кореньяхъ. Въ Малороссіи онъ извѣстенъ подъ именемъ *варенухи*. Пуншъ узнали въ нач. XVII в.; около половины того же вѣка мы употребляли кофей и чай.

Кофе.

Сѣмена кофеею перенесены въ Европу Голландцами, изъ Меки; но свойство ихъ дознано было настоятелемъ монаховъ, Фаустомъ Нейрономъ, коему пастухи рассказывали, что когда овцы и козы наѣдались кофейныхъ зеренъ, тогда они прыгали во всю ночь. Другіе писатели говорятъ, что нѣкто Гомаледдинъ, жившій въ городѣ Аденъ, въ пол. IX в. эджирь, или XV в., путешествуя по Персіи, нашелъ тамъ при устьѣ краснаго моря, кофе, привезъ съ собою на свою родину, и развелъ; отсюда онъ распространился по Сиріи, Мекѣ и Египту (*). Но это извѣстіе несправедливое, потому что настоящая его родина есть Эмень, въ счастливой Аравіи. Онъ растетъ на горахъ и называется тамъ *буина*. — Турки, Персіяне, Армяне и другіе азійскіе народы, до ознакомленія ихъ съ кофеемъ, — дѣлали напитокъ изъ раствѣнія *каушъ*, имѣвшій вкусъ кофее (* *).

(*) Diction. des origines.

(**) Жюлье: Recueil de l' academie des sciences, изд. 1743 г.

Сначала кофе употребляли вмѣсто лѣкарства; на востокѣ пили, и теперь пьютъ, одну гущу и безъ сахара, а въ Европѣ вываренную жидкость, съ сахаромъ и сливками. Мы узнали кофій, едва ли не прежде чаю, потому что Голландцы, имѣя съ нами, еще въ концѣ XVI в. непосредственныя торговыя сношенія, и безъ сомнѣнія, между многими плодами и произведеніями роскоши, привозили кофе.

За границей менѣе его пьютъ, нежели у насъ, и напрасно думаютъ, что нѣмки страстныя охотницы. Я видѣлъ, что онѣ пьютъ мало и не крѣпкій, по причинѣ пламенныхъ воодушевленій къ нѣжностямъ (*).

Соотечественникъ нашъ Василій Старковъ, первый упоминаетъ о чаѣ. Будучи отправленъ посломъ къ хану Алтыну, въ 1636 году, онъ тамъ увидѣлъ чай и говоритъ какъ

Чай.

(*) Известно, что многія пряныя коренья: гвоздика, корица, инбирь, перецъ, кардамонъ, особенно вавиль, производятъ сильное стремленіе къ чувственности; но питье крѣпкаго кофея, безъ привычки, и въ большемъ количествѣ, производитъ сильное волненіе крови. Частое его употребленіе и большими приемами, ослабляетъ органы: дѣлаетъ ихъ нечувствительными; потому у таковыхъ людей всегда раждается лѣность, бездѣятельность и слабость тѣла; цвѣтъ лица мертвъетъ и бѣлые зубы, краса дѣвиць, обращаются въ уголь. Это дознано многими наблюденіями. — Здѣсь говорится только о тѣхъ, которыя много употребляютъ кофе; но питье одну чашку, какъ средство для ускоренія пищеваренія, весьма полезно. —

о вещѣ доселѣ неслыханной, и не знаетъ: считать ли за дерево, или за траву? Онъ только знаетъ, что чай варять въ водѣ, прибавляютъ къ нему молока и пьютъ горячій (*).

(*) Употребленіе чая въ Китаѣ и Японіи, незапамятно. Индо-голландская ком., учрежденная въ 1602 г., въ первый разъ вывезла чай въ Европу, въ нач. XVII в. Голланды, зная по слухамъ, что Китайцы и Японцы, извлекали питье изъ какого-то дерева, растущаго въ ихъ странахъ, отправили къ нимъ нѣкоторое количество шалфея, за одинъ фунтъ коего вытѣняли три фунта чая. Салернская школа предлагала тогда шалфей, какъ специфическое средство противу многихъ болѣзней. — Привезенный чай въ Парижъ, былъ проданъ отъ 30—100 фр. за фунтъ. Шалфей не имѣлъ успѣха въ Китаѣ. — Употребленіе чая быстро распространилось въ Европѣ, такъ, что уже въ 1655 г. онъ былъ въ чрезвычайномъ употребленіи, въ высшемъ кругѣ парижскаго общества.

Какъ скоро чай распространился въ Европѣ, онъ сдѣлался предметомъ изслѣдованія науки. — Голландскій врачъ Николай Тьюльпиусъ описалъ, въ 1640 г., медицинскія свойства чая; потомъ вскорѣ за нимъ, два врача французскіе: Марини и Жовке, сдѣлали тоже; послѣдній назвалъ чай *божественной травой* и сравнилъ его съ амброзіею. — Наконецъ въ 1678 г., Голландецъ Корнелій Бентоке написалъ прекрасное сочиненіе о чаѣ, имѣвшее такой успѣхъ, что послѣ трехъ изданій, раскупленныхъ тотъ часъ по напечатаніи, оно было переведено на всѣ языки: это сочиненіе окончательно утвердило успѣхъ чая.

Вскорѣ Англія начала соперничать въ возѣ чая: первый грузъ чая остъ-индской компаніи, пришелъ въ Европу 1669 г. Директоры компаніи поднесли 22 ф. чая англійской королеви, супругѣ Карла II, въ день ея рожденія. Исчислено, что 1652 г. по 1700, количество ввоза чая не превышало 90,000 килогр.; въ настоящее время Англія употребляетъ 18 мил. килогр. въ годъ.

У насъ первоначально употребляли его вмѣсто лѣкарства, какъ предохранительное

Гуссей рассказываетъ о безполезныхъ попыткахъ всѣхъ мореплавателей, пересадить это дерево въ Америку и Европу, и заключаетъ не утѣшительною истиною, что мы Европейцы, можемъ его разводить не иначе, какъ въ теплицахъ.—
La monographie du the, par Housseye, Par. un vol. in 8.—

Чай играетъ столь важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ и внутреннемъ потребленіи многихъ государствъ, что невольно изумляешься недостаточности химическихъ изслѣдованій, надъ составомъ этого произведенія. Анализы, сдѣланные Франкомъ, Брандомъ, Мейльдеромъ и Штейнгузомъ, суть единственныя, но недостаточныя, посему докт. Пелиго охотно воспользовался предложеніемъ просвѣщеннаго негоціанта Гуссея, доставившаго ему различныя образцы чернаго и зеленаго чаевъ. Въ запискѣ о чаѣ, читанной имъ въ парижской академіи наукъ (17 іюля н. с., 1843 г.), онъ нашелъ въ чаѣ слѣдующія вещества: 1 дубильное начало (tannin),—2 летучее масло, отъ котораго зависитъ ароматъ чая. 3 вещество, содержащее въ себѣ много азота,—чаинъ (théine), которое встрѣчается въ кофе и лекарственномъ веществѣ гуагана, дорого цѣнимаго Бразильцами. Пелиго нашелъ, что въ листьяхъ чая содержится азота отъ 6,15 до 6,62. на 100. Ни въ одномъ растеніи не найдено столь богатаго содержанія азота. Это начало въ чаѣ, соединенное съ другими началами, составляютъ азотистыя вещества,—такихъ веществъ содержится отъ 20—30 на 100. Если листья настоять въ тепломъ и слабомъ растворѣ поташа, то получится буроватая жидкость, и потомъ если прилить какой либо кислоты, то получится осадокъ, содержащій въ себѣ азотъ. Пелиго считаетъ этотъ осадокъ тождественнымъ съ *творожиною* молока (caseine). Зная, что чай содержитъ много азота, и что въ немъ есть *творожина*, нельзя сомнѣваться, что онъ есть питательное вещество.—Въ Индіи готовятъ чай съ молокомъ, масломъ, повареною солью, и съ какой то щелочной солью, горькою на вкусъ. Точно такимъ образомъ готовятъ Киргизцы,

средство отъ простудъ, вліяній на здоровье воздуха и дурныхъ послѣдствій отъ пьянства. Ввозъ его въ полов. XVII в., былъ уже столь великъ, что иностранецъ Кальбургеръ, въ бытность его въ Москвѣ (1674 г.), покупалъ по

Калмыки и многіе жители Сибири, прибавляя иногда сало или масло и луку.—Этотъ чай извѣстенъ въ торговлѣ подъ именемъ кирпичнаго. Въ Канаверъ приготавливаютъ его другимъ образомъ: листья кипятятъ часъ или два, потомъ воду сливаютъ и листья приготавливаютъ съ масломъ, мукою и мелко изрубленнымъ козлинымъ мясомъ. Очевидно, что въ первомъ случаѣ употребленіе горькой соли, имѣетъ цѣлю раствореніе творожины въ жидкость, а во второмъ творожина остается въ листьяхъ и съ ними вмѣстѣ потребляется.—У образованныхъ народовъ чай употребляется иначе.—Слѣдуетъ ли допустить, что настой изъ малаго количества чая и большаго количества воды, дѣйствуетъ возбуждительно на нервную систему, а тѣмъ какъ бы замѣняетъ пищу? Или: имѣетъ ли онъ такія же питательныя свойства, какъ молоко и бульонъ? Не разрѣшая положительно этихъ вопросовъ, Пелиго опредѣляетъ только вѣсъ и свойство началъ, входящихъ въ составъ чайнаго настоя, обыкновенно у насъ приготавлиаемаго для питья. Въ такомъ случаѣ листья чая, съ котораго нѣсколько разъ сливался настой, все еще содержитъ въ себѣ около $\frac{1}{6}$ части растворенныхъ веществъ.—Желательно, чтобы физиологическими опытами было изслѣдовано: какую силу воспроизводитъ чай въ питаніи, особенно въ соединеніи съ сахаромъ? Вообще, если чай, разсматриваемый какъ вещество питательное, содержитъ азота болѣе, нежели всякое другое растеніе; то его водвлываніе представляетъ чрезвычайныя выгоды, потому что большая часть азота заимствуется не изъ удобренія, а изъ атмосферы. Пелиго заключаетъ, что во Франціи нельзя желать чрезвычайнаго распространенія чая, ибо тогда должно уменьшиться потребленіе винограднаго вина, къ ущербу французскаго винодѣлія. Если это можетъ быть

30 к. фунтъ. Въ 1702 г. открытъ первый кофейный домъ въ Петербургѣ. Съ пол. XVIII в. кофе и чай вошли во всеобщее употребленіе, и образовали двухкольный напитокъ: женскій полъ пристрастился къ кофе, а мужскій къ чаю. Но что пьютъ болѣе: кофе или чай?—Кофе, утвердительно кофе! Нѣтъ дома, который бы не пилъ его; нѣтъ женщины, которая бы отказалась отъ кофею. Особенно пьютъ много купеческія жены, прислуга и кухарки, по нѣсколько разъ въ день, и въ Петербургѣ совершенная кофеманія. — Горничная дѣвушка, кухарка или другая женщина, поступающая въ услуженіе, выговариваетъ себѣ ежемѣсячно по фунту кофею, сверхъ того, который отпускается имъ отъ господъ. Этого мало, перевариваютъ остающуюся кофейную гущу и пьютъ его снова, находя ее лучше самого кофею. Не даромъ говоритъ пословица: остатки сладки.—Къ чаю въ особенности охотники купцы и все рабочее сословіе; имъ какъ то бываетъ не весе-

справедливо для Франціи, то для государствъ, гдѣ собственно винодѣліе никогда не можетъ быть значительной отраслю государства, напр: у насъ въ Россіи, должно желать возможно большаго потребленія чая, съ одной стороны для уменьшенія хлѣбнаго вина, а съ другой для распространенія сахара, съ чѣмъ тѣсно сопряжена единственная надежда къ улучшенію земледѣлія.—Журн. мин. гос. им. 1843 г. No 5 въ смѣс. с. 89—92.

ло, или чего то не достаетъ имъ, если не напѣют-ся чаю. Нѣтъ трактира, въ которомъ бы не пили чай. На сѣверѣ Россіи онъ замѣняетъ пріятное препровожденіе времени: тамъ, сидя за чаемъ, разговариваютъ и пьютъ въ прикуску съ такимъ искусствомъ, что небольшой кусочекъ сахара, достаетъ для полдюжины стакановъ. Съ мужика льется потъ градомъ: онъ пьетъ, не переводя духу; оботрется полой и снова за чашечку. Еще существуетъ обыкновеніе во многихъ мѣстахъ, что ктобы ни пришелъ въ гости, и въ которомъ бы часу ни было: въ полдень ли, или до полудня, или послѣ обѣда, непременно угостятъ чаемъ, а тамъ закуской или обѣдомъ. Хотя бы сами хозяева не давно пили чай, но пришелъ гость, для него наставляютъ и сами пьютъ съ нимъ. Случается, что нѣсколько разъ въ день ставятъ самоваръ, а у зажиточныхъ, особенно въ праздники, не сходитъ со стола самоваръ. Точно такъ поступаютъ съ кофеемъ женщины, угощая имъ другъ друга, и пьютъ такъ много, что отъ неумѣреннаго употребленія сгущается у нихъ кровь: онѣ получаютъ головные припадки и лишаются сна. Другія же получаютъ удары, лишаются зубовъ еще въ молодости, — которые преждевременно чернѣютъ и крошатся. Весьма непріятно видѣть хорошенькихъ съ черны-

ми зубами , конхъ уже никакъ . нельзя вычистить ,—а этому причиною кофе .

Въ Сибири пьютъ чай съ прикусой , и тамъ нѣтъ деревни , гдѣ бы не было сомова-ра . Между отдаленными ея обитателями , чай весьма дорогъ , и сюда привозятъ , какъ на-примѣръ : въ Якутскъ или Охотскъ , кирпич-ный . Его готовятъ въ формахъ и столь жесткимъ и плотнымъ , что своимъ цвѣтомъ похожъ на кирпичъ , отъ чего получилъ наз-ваніе кирпичнаго . Разбивъ на куски , кладутъ въ горшокъ и варятъ , какъ кушанье , съ жи-ромъ , саломъ , преимущественно съ ворван-нымъ саломъ , и потомъ , когда уварится , пьютъ его съ хлѣбомъ , безъ сахара . Самовидцы раз-сказывали , что это есть одно изъ лакомыхъ напитковъ Якута , который сверхъ того пьетъ , съ особой жадностію , растопленное масло или жиръ . — Нѣтъ для него пици , усладитель-нѣе этой .—О вкусъ и цвѣтахъ , нельзя спо-рить .

Однако есть мѣста въ Россіи , гдѣ кофе , чай , картофель и табакъ , доселѣ не употре-бляются .—Это между старовѣрами и расколь-никами . Во многихъ уѣздахъ астраханской губ . простолюдины думаютъ : кто пьетъ чай , тотъ не виждетъ въ царствіе небесное ; кто пьетъ кофе , того Богъ не допустить на страшный

судь. Картофель, какъ они думаютъ, есть дьявольское порожденіе табака, по этому ѣсть его, великій грѣхъ, а табакъ, треклятая трава, выросла на могилѣ блудной дѣвицы, и кто его курить, тотъ дышетъ блуднымъ грѣхомъ.

Табакъ.

Наши предки причисляли табакъ къ вреднымъ напиткамъ, по причинѣ производимаго опьяненія (*). Древнимъ народамъ онъ не былъ извѣстенъ, и привезенъ Испанцами изъ Америки въ XVI. в.—Объ отечествѣ табака спорятъ донынѣ Китай и Японія, какъ о родинѣ Гомера.—Утверждаютъ, что Китай и Японія употребляли съ незапамятныхъ временъ *дамбагу*.—Герландезъ, спутникъ Колумба, первый узналъ (въ 1496 г.) употребленіе табака, на островѣ Сенъ-Доминго, и назвалъ его *табакко*, отъ области Табаго, гдѣ онъ росъ; но тамъ онъ назывался *панаксей*, *пиццельтъ*; у Бразильцевъ *петумъ*, у островитянъ Испаніолы *перебеценукъ*. (**) По другимъ извѣстіямъ табакъ найденъ на одномъ изъ антильскихъ острововъ

(*) Уложеніе гл. XXV. ст. 44—26.

(**) *Epistolæ et judicia claris. aliquot medicorum de tabacco* ed. Ultraject. 1644 г. с. 150.—*De herba panacea, Everarto, ed. Ultraject. 1644 г.* См. его статью *de tabacco herba commentariolus* с. 42—45. Нѣкоторые туземцы Испаніолы называютъ еще *козоба*, *Neandri tabacologia* с. 68. изд. Ultrajecti, 1644 г.

Табаго , находящемся близъ области Каракасъ.— Европейцы однако скоро выучились употреблять его , ибо миссіонеръ Романъ Ганъ , отправленный Колумбомъ , во вторую его поѣздку въ Америку , на островъ Сень - Доминго , для распространенія христіанства , уже нашелъ тамъ (1496 г.) Европейцевъ , употреблявшихъ табакъ. Отецъ Романъ вывезъ отсюда сѣмена табаку въ Испанію , и онъ быстро принялся. Отъ этихъ сѣмянъ развелся табакъ въ лиссабонскомъ саду (1550 г.) , потомъ распространился съ неимовѣрной быстротою по Европѣ и содѣлался страстью.

Посоль французскій при португальскомъ дворѣ , Ив. Никоціанъ де Вильменъ , привезъ табакъ въ Парижъ , въ 1560 г. , гдѣ онъ сталъ быть извѣстенъ подъ его именемъ т. е. *никоціаны* , и вскорѣ вошелъ въ большое употребленіе при дворѣ Маріи Медичи. Королева Марія до того пристрастилась къ нему , что его прозвали , въ честь ея , королевскимъ порошкомъ (*poudre à la reine*) , королевской травою (*herbe à la reine*). — Въ Англію , около этого самаго времени , завезли моряки знаменитаго мореплавателя Драка. При дворѣ онъ введенъ въ употребленіе щеголемъ Ралей-

гомъ (*). Сначала онъ курилъ по тихоньку, запершись въ своей комнатѣ, но человекъ его, вошедши къ нему неожиданно, подумалъ, что внутренность барина загорѣлась, и началъ отъ всего усердія обливать его водою. — Въ Италію привезъ табакъ кардиналъ Санта-Круче, бывшій въ Испаніи нунціемъ. Здѣсь табакъ былъ принятъ съ восторгомъ. — Въ скоромъ времени онъ распространился въ Азіи. Въ Индію привезенъ въ нач. XVII. в., подъ именемъ святой травы; въ Африку въ 1610 г. Сначала употребляли его вмѣсто лѣкарства и называли: *святою божественною травой и, травою противу всѣхъ немочей* (**). При Людовикѣ XIII. моряки являлись съ трубками,

(*) Ралейгъ (Raleigh) былъ близкой любимецъ англійской королевы Елисаветы. — Куреніе табаку введено прежде всѣхъ въ Лондонъ, и составляло принадлежность человека свѣтскаго и съ тономъ. — Дикари Виргиніи, приписывая тысячу достоинствъ табаку, относили прозрѣваніе это къ *высшему дару небесъ, ниспосланнаго для утѣшенія человечества*. Roberts: Hist. of Americ. кн. IX. с. 286—287. изд. 1829 г.

(**) *Herba divina sancta, Heilekraut, heiligeß Wundkraut, herbe propre à tous les maux.* — Для любопытныхъ указываемъ статьи Neandri tabacologia изд. Ultraject. 1644. г. с. 65—70, гдѣ встрѣчаются названія: herba legati, herba reginae, Catharinaria ac Medicea, Upronnos, herba magni prioris, Tornabonam, отъ имени посла при Французск. дворѣ; herba St. Cruci, отъ имени папскаго легата и др. Въ честь табаку написана похвала въ двухъ книгахъ и въ стихахъ, см. Raph. Thori: Hymnus tabaci ed. Ultrajecti, 1644. г. и начинается:

даже въ народных собранія.—Трубка богатая, щеголя Жанъ-Бара, была предметомъ общиухъ разговоровъ, болѣе нежели его платье изъ серебряной парчи.—Французское правительство раздало, около этого времени, своимъ солдатамъ табакъ, заставляя каждого имѣть свою трубку и огниво. Этого еще мало: правительство вздумало, чтобы вмѣсто выдачи по 6 унцій хлѣба на человѣка въ день, отпускать по 3 унціи хлѣба и 3 унціи табаку. Министръ Лувуа, во время войны голландской, увеличилъ солдатамъ отпускъ табаку болѣе противу хлѣба, на томъ основаніи, что табакъ отнимаетъ аппетитъ. Распространившееся куреніе и нюханіе, навлекло на табакъ гоненіе. Медицинскій факультетъ въ Парижѣ, первый возсталъ противу него. Людовикъ XIV. дозволилъ произносить въ церквахъ проклятiя, противу куренiя и нюханiя. Докторъ его, знаменитый Фагонъ, утверждалъ

Innocuos calices et amicam vatibus herbam,
Vimque datam folio: et lacti miracula fumi
Aggredior. Tuqui censu decoratus equestri,
Virtutem titulis, titulos virtutibus ornas,

Antiquum et Phaebi nato promitis honorem. etc. etc.

При всѣхъ похвалахъ, расточаемыхъ табаку отъ излѣчванiя застарѣлыхъ болѣзней, грудныхъ и даже заразительныхъ (см. любопытныя средства, которыя составлялись изъ табаку противу этихъ болѣзней, *de herba panacea*, с. 20—58. ed Ultrajecti 1641 г.), однако въ тоже самое время Неандеръ см. его *Tabacologia*, с. 82 и слѣд., указалъ, что табакъ дѣйствуетъ отравительно.

повсюду о смертоносномъ дѣйстви табака на здоровье, до того забывался, что въ жару краснорѣчивыхъ своихъ доводовъ, безпрестанно нюхалъ. Папа Иннокентій торжественно проклялъ табачниковъ, въ 1690 г.—Папа Урбанъ VIII., грозилъ нюхающимъ отлученіемъ отъ церкви.

Англійская королева Елизавета, строго воспретила куреніе табаку, а король Іаковъ I. убеждалъ своихъ подданныхъ оставить дурную привычку курить, говоря, что «эта привычка, отвратительная для глазъ и обонянія, вредна для груди и опасна для мозга. Запахъ отъ курящаго исходитъ заразительный и смертоносный, и кажется, что онъ исходитъ изъ ада». Въ Швейцаріи стали наказывать курителей и нюхателей, какъ за прелюбодѣніе и убійство. Въ 1675 г. учреждена была тамъ особая судебная палата, для преслѣдованія и осужденія табачниковъ. Въ Венгріи запрещено было, въ 1670 г., курить, подъ взысканіемъ денежной пени до 200 сер.—Муеульмане преслѣдовали съ фанатизмомъ, между тѣмъ какъ нынѣ, табакъ замѣняетъ тамъ нерѣдко самую пищу. Султанъ Амуратъ IV. водилъ табачниковъ по улицѣ съ петлею на шеѣ, выставлялъ отрубленные головы предъ народомъ, съ трубкою во рту. Персидскій шахъ Аббасъ жегъ курителей, вмѣстѣ съ трубками и табакомъ.

Что же было причиною проклятій и гонимій на табакъ? Нововведеніе, которое всякій разъ пугаетъ старое поколѣніе; предразсудки и фанатизмъ, кои представляли курящаго дьяволомъ, который, сидя въ аду на огнѣ, испускаетъ изъ рта дымъ, — охаетъ и реветъ. Удивительно еще, какъ инквизиція, которая по малѣйшимъ доносамъ сожигала невинныхъ на кострѣ, терпѣла куреніе и нюханіе табака, — никого не сожгла, и даже не преслѣдовала.

Въ Россіи весьма рано появился табакъ; не протекло полъ столѣтія отъ перваго ввоза въ Европу, какъ Англичане привезли его къ намъ, въ 1553 г., чрезъ архангельскій портъ: они привезли вмѣстѣ съ солью, виномъ и французской бумагою. Іоаннъ грозный не воспринялъ, а Русскіе охотно мѣняли за табакъ свои товары. Ни правительство, ни духовенство не обращали на него вниманія, до Царя Михаила Феодоровича, при комъ послѣдовало гоненіе и жестокаго наказанія. Отсюда начинается рядъ многочисленныхъ указовъ, — о воспрещеніи употреблять *зеліе табакнище*: «а кто русскіе люди и иноземцы табакъ учнутъ держати, или табаконъ учнутъ торговати, и тѣхъ людей и торговцовъ и кунцовъ вѣрно имати и присылати въ новую четверть, и за то тѣмъ людямъ чинити наказанье большое, подъ смертною ка-

знію, и дворы ихъ и животы ихъ имая, про-
довати.» Табачниковъ, или у кого находили та-
бакъ, сѣкли, пытали и наказывали смертію :
«а которые стрѣльцы и гуляющіе и всякіе
люди, съ табакомъ будутъ въ приводѣ двжды,
или тржды: и тѣхъ людей пытать, и неодинов-
кова бити кнутомъ на козлѣ или по торгамъ ;
а за многіе приводы у таковыхъ людей пороти
ноздри и носы рѣзати» (*).

Нюхательный табакъ, вошелъ въ употре-
бленіе подъ именемъ табачнаго порошка.—Вѣ-
роятно нюханіе не скоро бы распространилось,
если бы не послѣдовали запрещенія и преслѣ-
дованія. Запрещеніе послѣдовало по суевѣрно-
му преданію, принесенному въ Россію нѣкото-
рыми греческими монахами, что табакъ есть
адское зеліе, и кто его употребляетъ, тотъ
знается съ нечистой силою. Есть даже книга,
подъ заглавіемъ: *миръ съ Богомъ*, въ коей меж-
ду прочимъ сказано, что, употребляющій та-
бакъ, лишается благословенія Божіею. Это
растѣніе тамъ названо, проклятымъ и богомерз-
скимъ. Раскольники, слѣдуя суевѣрнымъ пре-
даніямъ, понынѣ гнушаются табаку, и въ под-
пору своего имѣнія, приводятъ слова изъ по-
славія къ Евреямъ, Апостола Павла, гл. XII.

(*) Улож. гл. XXV., пом. въ полн. соб. законовъ.

с. 15. да нлкій горести корень выспрь прозя-
баяй, пакость сотворитъ и тлмъ осквернят-
ся мнози. Пустосвяты не поняли, что Апо-
столь не говоритъ о табакѣ, который въ его
время былъ неизвѣстенъ, но о горькомъ кор-
нѣ.—Происхождение табаку, приписываютъ еще
раскольники сверхъестественному дѣйствию: на
могилѣ одной распутнѣйшей женщинѣ, какая
только была въ мѣрѣ, выросла чортова трава,
табакъ, а потому всѣ нюхающіе и курающіе,
суть товарищи распутнѣйшей женщины. — По
невѣжеству времени, вѣрили прежде всѣмъ
бреднямъ. Патріархъ запретилъ нюханіе та-
баку, и это утверждено указомъ (въ 1634 г.),
и потомъ самымъ уложеніемъ: кто будетъ ню-
хать табакъ, продаватъ или держатъ въ сво-
емъ домѣ, тѣхъ велѣно бить кнутомъ, рвать
ноздри, рѣзать носы и посылать въ дальніе
города на поселеніе,—такимъ считали важнымъ
преступленіемъ,—вложить въ носъ щепотку
истертой травы.—Петръ В., истребляя суевѣ-
рія и пустосвятство, позволилъ иностранцамъ
ввозить табакъ вмѣстѣ съ чубуками, трубка-
ми, коробочками и другими вещами, принадле-
жащими къ куренію, и все это продаватъ сво-
бодно. Съ того времени распространилось ню-
ханіе и куреніе. При Императрицѣ Елисаветѣ
запрещалось только нюхать въ церквахъ, а въ

придворной церкви призывалось лжецарь и гайдуманъ, если увидать въ рукахъ табакерку, взять ее, не смотря ни на какую особу, ни на цѣнность вещи (*).— Теперь нюхаютъ табакъ въ церквахъ,—проща мѣняють мнѣнія,—но справедливо ли?—Для нюхательнаго табаку дѣлають драгоценныя табакерки, осыпанныя брилліантами, и съ изображеніями знаменитыхъ государственныхъ людей или владѣтельныхъ особъ.—

Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе, что куреніе и нюханіе табаку, имѣетъ вредное вліаніе на здоровье, особенно на умственные способности.—Разсмотримъ.— Табакъ принадлежитъ къ породѣ вонючихъ травъ и производитъ отравительное дѣйствіе, подобно опиуму, красавицѣ, дурману, бѣленѣ и мадрагору.— При приготовленіи табака, подвергаютъ его многимъ измѣненіямъ, чтобы очистить отъ неприятнаго и ѣдкаго запаха. Работники лишаются аппетита, страдаютъ головной болью, тошнотой, часто рвотой и безпрестаннымъ чиханіемъ, потому что при приготовленіи поднимается тонкая, ѣдкая пыль. Сосѣды фабрикъ страдаютъ отъ нея. Лошади, употребляемыя при вертѣ-

(*) Болтинъ: Примѣч. на истор. Леклерка ч. I, с. 476. 507—510. Усп. Оп. пов. о дрѣв. русск. ч. I, с. 85. Татинъ, его Исторія.

ни жернововъ, ивають головами, задыхають-
ся и одуряють (*). Ущорные наборники табака
скажутъ, что работники во время намъ привыка-
ють къ вреднымъ испареніямъ и ѣдкой пыли,
и что котомъ все окончивается благополучно.
Но это не значитъ еще, что они наслаждаются
здоровьемъ; что удушливый запахъ не тя-
готитъ еще ихъ; что самой зараженный воздухъ
не дѣйствовалъ бы на мозговые органы. Нѣтъ
ни одного яда, который, будучи принимаемъ
въ малыхъ приемахъ, производилъ бы мгновен-
ное поражение. Одно послѣдствіе оказываетъ
губительное дѣйствіе,—точно такъ и табакъ.
—Степень ѣdkости его очень значительная.
Но химическому разложенію доказано, что та-
бакъ содержитъ въ себѣ большое количе-
ство бѣлковатаго вещества, которое весьма
лдовитое; зеленую камедь, начало древесное,
укусную кислоту, селитрокислую соль, окись
железа, кремнеземъ и множество другихъ ве-
ществъ (**). При перегонкѣ листьевъ табаку,
отдѣляется масло, которое такую имѣетъ ост-
роту, что капля его, положенная на языкъ со-
баки, производитъ въ ней судороги и наноситъ
смерть.—Табакъ, причисляемый къ одуряюще-

(*) Ramasini: Maladies des artisans, trad. de Fourcroy,
с. 189.

(**) Annal. de Chim. т. LXXI. с. 139.

му свойству, причиняетъ сильное головокруженіе—до обмороковъ, опьяненіе, тошноту, рвоту и наконецъ поврежденіе зрѣнія. Настойка, порошокъ, декохтъ и извлеченіе табачнаго сока, дѣйствуютъ отравительнымъ способомъ. Въ этомъ случаѣ дѣлали опыты надъ собаками, кроликами и кошками, и всякой разъ оканчивалось для нихъ смертію (*). Что же до поврежденія зрѣнія, то это подтвердилось и подтверждается многими несчастными свидѣтельствами. Изъ многихъ тысячей одинъ мой знакомый, курившій болѣе 25 л., до того пристрастился къ табаку, что онъ замѣнялъ ему часто пищу; но одно было его горе: ослабѣлъ глазами и даже со временемъ не сталъ хорошо видѣть предметы. Принимали средства, чтобы помочь, и все было напраснымъ. Между тѣмъ никому не приходило въ голову, спросить: не ослабѣло ли зрѣніе отъ сильнаго куренія цыгаръ? — Самъ больной — страдалецъ, забылъ объ этомъ, и только вспомнилъ, когда ему случилось пожить болѣе полгода въ степи; гдѣ не было ему возможности

(*) Orphila: *Loxologie générale* т. II, с. 246. I. edition. За два столѣтія до Орфілы, уже доказалъ отравительное дѣйствіе табаку Неандеръ см. его сочин. *Tabacologia*, edit. *Ultrajecti*, 1644 г. с. 89—139. — Онъ рассказываетъ, что Каннибалы намазывали стрѣлы свои сокомъ табачнымъ; что этимъ сокомъ испытывали надъ животными,—и всегда было слѣдствіемъ смерть.

достать цыгаръ. Это случайное лишеніе, было его спасеніемъ. Онъ почувствовалъ, что зрѣніе его нѣсколько укрѣнилось, и когда вовсе бросилъ курить, тогда удостовѣрился, что всему зло: табакъ и цыгары.—Теперь онъ не страдаетъ глазами, но въ нихъ остались слѣды боли: дрожаніе глазъ, тунозрѣніе, слабость и пораженіе зрачковъ, которые часто приходятъ въ содрганіе отъ яркихъ цвѣтовъ, сильнаго свѣта и солнечныхъ лучей.—

Табачный дымъ портитъ вкусъ, наводитъ сонъ, притупляетъ чувства, затемняетъ память, расслабляетъ легкія, сушитъ грудь и возраждаетъ сухотку. Вскрытіемъ труповъ удостовѣрено, что табачный дымъ наноситъ язвы въ легкіяхъ и мозгѣ, отъ этого нерѣдко случаются смертные апоплексическіе удары.— Злодѣи часто давали табачный ядъ, для совершенія своихъ преступленій. Такъ былъ отравленъ знаменитый поэтъ Сантель, коему подали табакъ въ винѣ (*). Одно семейство умерло, когда по злому умыслу положили въ сосудъ, въ коемъ варились черносливы, нѣсколько табаку (**). Было бы излишне приводить примѣры многочисленные, однимъ словомъ: без-

(*) Merat. Dict. des sciences medic.

(**) Merat. Ephemerides d'Allemagne. 2 dec. ann. 8. obs. 406.

пристрастныя наблюденія врачей, вполне подтверждают губительное дѣйствіе табаку, обнаруживаемое по смерти воспаленіемъ въ желудкѣ и кишкахъ.

Нюхательный табакъ, хотя не отравляетъ въ такой степени, какъ курительный; однако онъ весьма вреденъ: лишаетъ обонанія, вредитъ вкусу, производитъ раздраженіе въ волосныхъ сосудахъ, образуетъ носовое теченіе, умножаетъ отдѣленіе слизи и причиняетъ частыя насморки. Отъ неумѣреннаго нюханія, приходитъ въ воспаленіе мокротная перепонка, и она покрывается язвами, которыя часто превращаются въ ракъ. Если бы охотники нюхательнаго табаку знали, что лице скорѣе покрывается морщинами, губы иссушиваются, носъ и верхняя губа пухнуть и самая жизненная дѣятельность мертвѣетъ; то конечно отказались бы отъ нюханія. Нѣтъ досаднѣе смотрѣть, какъ женщины предаются нюханію, особенно если виднѣтъ красавицу, окруженную роемъ поклонниковъ, и созданную для однихъ поцѣлуевъ. Буало хорошо выразился на этотъ счетъ :

*Et fait à ses amants, trop faibles d'estomac,
Redouter ses baisers, plein d'ail et de tabac.*

Нѣтъ неприятнѣе смотрѣть на пожилую женщину, когда ноздри ея покрыты табакомъ;

но нѣтъ отвратительнѣе видѣть старика, когда онъ поминутно набиваетъ свой носъ, пачкаетъ вокругъ себя и самаго себя: свою одежду, свой ротъ и къ довершенію течетъ изъ носа по губамъ въ ротъ,—часто каплетъ еще. Одинъ этотъ гнусный видъ, не убѣждаетъ ли, что это происходитъ отъ разстроенныхъ уже нервовъ, поэтому нюхать табакъ: не вредно ли?

Въ повсемѣстномъ употребленіи всякаго рода табакъ, но цыгары, вошедшія въ употребленіе въ нач. XIX вѣка, вытѣсняють нурительный. Доселѣ щеголяютъ драгоценными табакерками, серебрянно-неньковыми и золочеными трубками, черешневыми, бисерными чубуками,—длиною въ два съ половиною аршина, съ бархатнымъ подчубушникомъ, усѣяннымъ золотыми и серебрянными блестками, яхонтами, изумрудами, алмазами, жемчугомъ, аметистами,—и съ яхтарнымъ перомъ. Есть такіе охотники до куренія, что скорѣе лишатъ себя пищи, нежели табаку. Эта страсть господствуетъ между молодыми людьми, израсходующими почти все свое жалованье на одинъ табакъ. — Цыгары курятъ съ менышею страстью; въ столицахъ пристрастились къ нимъ даже извозчики и кучера.

Названія табаку и цыгаръ, великое множество; простой табакъ, дѣлаемый въ Малороссіи, Крыну и другихъ частяхъ югозападной

Россіи, весьма крѣпкій и называется *тютюнъ*, *мохорка*, *корешекъ*, *вемзерка*. Почетный состояють: жуковский, турецкій и вакштабъ. Цыгары и табакъ выдѣлываются у насъ, и носятъ только иностранныя названія. Изъ цыгаръ лучшія суть: манильскія, королевскія, гаванскія, съ короной, — коиъ сотня продается до 25 р. сер. Замѣчательно, что продажа табаку и водки, сдѣлалась гораздо прибыльнѣе для торговли, нежели полезныя произведенія, особенно ума.

Разведеніе табаку появилось первоначально въ Малороссіи, въ бытность ея подъ игомъ Польши. Кромѣ Малороссіи, табакъ шелъ къ намъ изъ разныхъ концевъ пограничныхъ мѣстъ, не смотря на строгіе указы и наказанія. Въ отдаленной Сибири уже занимались около 1690 г., заствомъ табачнымъ. Петръ I, запрещавшій первоначально употребленіе табаку, по возвращеніи своемъ изъ-за границы уничтожилъ преслѣдованіе, и табакъ сдѣлался свободнымъ въ продажѣ и употребленіи, съ 1697 г. На табакъ, разводимый внутри государства, была наложена *десятичная* пошлина, доставлявшая казнѣ $\frac{1}{10}$ часть произведеній. — Графъ Пемброкъ, въ бытность Государя въ Голландіи, просилъ его дозволенія ввозить табакъ въ Россію, предлагая за то значительную сумму,

а лордъ Кармартенъ возобновилъ это предложеніе въ 1698 г. — Кармартенъ обязался платить 200.000 ф. ст. за право ввоза табака, и далъ задатокъ 12.000 ф. ст. — Это казалось Государю выгоднымъ, и на эти деньги онъ купилъ въ Лондонѣ разныхъ припасовъ, рѣдкостей, инструментовъ и нанялъ въ службу русскую многихъ иностранцевъ: математика Фергерсона, инженери Перри, мастера Джона Дива и пр. — Хотя большое количество денегъ, въ коихъ нуждался Царь, было съ перваго раза выгоднымъ; однако самый договоръ не былъ выгоденъ, потому уполномоченные: генералъ-адмиралъ Лефортъ и военный кriegсъ-комиссаръ Головкинъ, ограничили ввозъ на 7 лѣтъ, по 16,000 бочекъ ежегодно, въ каждой по 500 ф. табаку. За двѣ бочки, которыя Кармартенъ обязался доставлять собственно въ казну, дозволено ему привозить трубки, табакерки и прочія вещи табачныя. Въ послѣдствіи и этотъ договоръ оказался не выгоднымъ, потому что пошлина была слишкомъ ничтожная, въ сравненіи съ тою, которую казна могла получить за провозъ изъ другихъ государствъ, потому договоръ соблюдался не строго, контрабанда производилась съ дозволенія правительства. По истеченіи семилѣтняго договора, учреждена была торговля табакомъ съ откупу.

Между тѣмъ разведеніе табаку въ Малороссіи, изъ американскихъ сѣмень, обѣщало большія выгоды, и мануфактуръ-коллегія, получивъ листья малороссійскаго табаку, объявила, что онъ далеко превосходитъ черкасскій, — въ Черкасскъ такъ же разводили его, — потому Государь употреблялъ всѣ средства для поощренія этого промысла: выписывалъ сѣмена и мастеровъ, строилъ мельницы по образцу голландскому: для крошенія, толченія и вѣтя.

Первая табачная фабрика заведена въ Актыркѣ, (харьковской губер.), около 1714 г.; но со смертію Царя, она рушилась и до времени Екатерины II не было другой.

Доходъ съ продажи табаку, былъ весьма незначителенъ. При Императрицѣ Елизаветѣ, купецъ Матвѣевъ взялъ табакъ на откупъ, съ 1749 г. генв. 1, съ обязательствомъ платить по 42,801 р. 60 к.; по окончаніи срока новый откупщикъ давалъ по 63,662; потомъ, въ 1753 г. откупъ взялъ санктпетербургскій купецъ Гердылевъ за 70,000 р., срокомъ на 6 л., но послѣдній откупъ снятъ генераль-фельдмаршаломъ граф. Шуваловымъ, по 70,000 р. ежегодно, на 20 л. Участіе вельможи въ дѣлахъ торговли, едва не истребило табачный промыселъ. Шуваловъ не заботился о томъ, чтобы сдѣлать табакъ лучшимъ, и еще приниживалъ къ нему носто-

рошннн вещества, для приданнн тяжести. Русскнн табакъ не стали покупать, не только иностранцы для вывоза за границу, но самые Русскнн; цѣна на него такъ упала, что перестали заниматься разведенннмъ, и довольствовались ввозомъ заграничнымъ. Съ восшествннмъ на престолъ Екатерины II, уничтоженъ откупъ въ 1762 г., — и съ этого времени началась новая эпоха табачной промышленности. Дѣйств. стат. сов. Тенлову поручено было, 1763 г. севр. 11, заняться усовершенствованннмъ табаку, и новыя плантацн начались въ Малоросснн. Въ Ромнахъ (волтавской губ.) была учреждена главная контора; табакъ произрасталъ здѣсь самой лучшей, славной породѣ. — Чрезъ нѣсколько лѣтъ доброта русскаго табака доведена была до того, что фунтъ продавали по 2 р., на ровнѣ съ получаемымъ французскимъ, и что сами Французы, предубѣжденные противу нашего табаку, остались довольными нашею выдѣлкой. Съ 1765 г. было дозволено свободно торговать китайскимъ табакомъ, называвшимся маръ, по этому составились двѣ компаннн: одна въ Петербургѣ, а другая въ Ромнахъ. Для лучшей отдѣлки выписывали мастеровъ изъ за границы, и посылали ихъ въ Ромны. Въ 1768 г. явилась въ Петербургѣ первая табачная фабрика, и съ того времени,

число этихъ фабрикъ возрасало значительно. Раздача земель въ южномъ краѣ Россіи, въ 1803 г., для разведенія красильныхъ и торговыхъ растѣній, принесло большую пользу табачной промышленности. Годъ отъ году появлялись новыя плантаціи, и въ теченіи пяти лѣтъ учетверилось число фабрикъ. До 1812 г. было шесть, а въ 1816 г. уже 24.—Крымъ, Кавказъ, Бессарабія, Новороссійскій край и саратовская губ., покрылись нынѣ обширными посѣвами табаку; который получали первоначально изъ одной Малороссіи. Крымъ до 1820 г. получалъ чрезмѣрное количество изъ Турціи, а теперь онъ, изъ своихъ табачныхъ заведеній, удовлетворяетъ не только свой край, но снабжаетъ съ избыткомъ сосѣднія губерніи. Съ основаніемъ Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, въ 1819 г., табачная промышленность еще болѣе усилилась. Сильное участіе этого общества: распространеніемъ познаній, раздачею лучшихъ сѣменъ, наградъ и поощреній, подняло въ короткое время наше табаководство, до весьма хорошаго состоянія, и размножило фабрики: доказательствомъ этого служить, что съ 1840 г. продажа табаку обложена акцизомъ. Если еще доселѣ привозится иностранный табакъ въ листахъ, то онъ уже обдѣлывается на нашихъ фабрикахъ, и есть надежда, что

искусство воздѣлывать и обрабатывать табакъ, сравнится съ голландскимъ; что русскій листъ, сравнится достоинствомъ съ иностраннымъ, и большое количество его, вывозимое изъ за границы, безъ сомнѣнiя значительно уменьшится (*).

Лучшія фабрики считаются въ Петербургѣ: Жукова, Колобова, Тулинова, Головинна, Фалера и Гишара.

Къ числу полезнѣйшихъ произведеній, дол- *Картофель.*
жно причислить картофель. Родина его есть Перу, и здѣсь онъ называется *пapasъ*. Изъ Перу перевезли его въ сосѣднія страны южной Америки, Снустя 50 л. послѣ открытiя Америки, онъ былъ вывезенъ въ Европу, первоначально изъ Санта-е (южной Америки) въ Ирландію, 1565 г. — Англискій адмиралъ Францъ Драке, познакомилъ Виргинію съ картофелемъ въ 1585 г., а по-

(*) Привозъ всего иностраннаго табаку цѣнится на 3.943,663 р.; всего болѣе ввозится въ Петербургъ: на 2.970,657 р. — Самое большое число фабрикъ въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, но за то здѣсь производство въ трое болѣе противу Москвы. — Въ московской губ. считается 42 фабр., на нихъ выдѣлывается курительнаго до 24,800 пудъ, нюхательнаго 40,248 п., сигаръ 496 п., всего на 950,127 р. Въ петербургской губ. выдѣлывается курительнаго 43,773 п., нюхательнаго 6,585 п., сигаръ 5,000 ящ., всего на 3.266,875 р. На петербургскихъ фабрикахъ обдѣлывается, большей частью, русскій табакъ. Въ прочихъ губерніяхъ считается 36 фабр. — Число табачныхъ и табакерочныхъ фабрикъ, значительно увеличивается: въ 1812 г. было 6, въ 1846 г. 24, въ 1825 г. 35, въ 1840 г. 103 — Отч. зап. 1843 г. N 6. Табач. пром. въ Россіи с. 40—43.

томъ Англіи въ 1586 г. Это обстоятельство заставило думать, что родина картофеля есть Виргинія. Дрэннъ снабдилъ англійскаго знаменитаго ботаника, Іона Горарда, нѣсколькими семенами яшнень, которыя онъ посадилъ въ свой садъ. Растеніе вскорѣ взошло, отцвѣло и принесло много зеленыхъ съмыслихъ яблочковъ. Ботаникъ, принимая ихъ за самый плодъ, сорвалъ и отцѣдилъ; но, найдя неспріятнымъ, бросилъ съ досадою и сказалъ: всѣ мои труды пропали! — Потомъ онъ принесъ нѣсколько яблочковъ адмир. Дрэнну, и сказалъ съ насмѣшкою: *это-то зеленая драгоцѣнная плодъ изъ Америки!* Адмиралъ отвѣчалъ: если это растеніе награде, то выдариши его саймась вмѣстѣ съ корнемъ, и истреби. — Садовникъ, приводя въ исполненіе замѣчаніе адмирала, замечалъ къ удивленію своему, подъ каждымъ кустомъ, много картофелинъ, какія онъ посадилъ весною. Между тѣмъ по приказанію адмирала сварили вырванныя картофелины, и дали отцѣдать садовнику. — Нѣтъ! сказалъ онъ съ изумленіемъ, такое драгоцѣнное растеніе нельзя истребить.

Въ 1589 г. появился картофель у нидерландскаго ботаника Клузіуса, который развелъ его въ Бургундіи и Голландіи, и здѣсь картофель сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ *potatois*. Въ Ирландіи снова появился карто-

сель, который былъ уже вывезенъ изъ Виргиніи адмираломъ Ралейгомъ (между 1616 и 1623 г.). Въ Парижѣ подавали на королевскомъ столѣ, въ 1616 г., какъ рѣдкость. Въ Германіи узнали въ 1650 г.—Но изъ многихъ извѣстій видно, что картофель проникъ въ равнинныя мѣста Германіи, въ тринадцатилѣтнюю войну. Его разводили въ садахъ.—Въ Виттембергѣ вывезенъ 1710 г., въ Саксонію 1717 г. Сюда привезъ генераль-лейтенантъ Милькау, какъ единственный трофей отъ пагубной Брабантской войны.—Въ Пруссію доставленъ 1720 г.

Картофель хвалили многіе, но боялись употреблять его: думали, что онъ для здоровья очень вреденъ. Его причисляли къ роду *псицка* (*selanum*), который почитали ядовитымъ, и полагали еще, что картофель причиняетъ одурь. Семилѣтняя война истребила этотъ предрасудокъ; тогда начали готовить его разными способами, и къ удивленію нашли, что онъ ко многому способенъ и замѣняетъ хлѣбъ. Во всѣхъ періодическихъ сочиненіяхъ стали объявлять, какъ дѣлать изъ картофеля супъ, клѣцки, алады и другія кушанья. Въ семидесятыхъ годахъ продолаго столѣтія, узнали важность картофеля, безъ коего погибла бы половина Германіи отъ голоду, и это было эпохой славы драгоцѣннаго

плода. Предразсудки тогда уничтожились и стали разводить картофель повсюду.

Туземное названіе картофеля *папасъ*, потеряло свое имя. Въ Виргиніи проименовали его *операнкъ*, Англичане *potatoes*, Французы *potme de terre*, Италіянцы *tartaffoli*, Голландцы *ardappeln*, но болѣе всего пострадалъ папасъ въ Германіи. Сдѣсь его прозвали *Erdbing*, отъ находящихся ямочекъ на картофелѣ; *helianthus tuberosus*, *Erdäpfel*, землянными яблоками; *Erdbirnen* землянными грушами, по австрійскому нарѣчію *Grundbirnen*, по швабскому *Grumbirnen*. Иные называли *Töffeln*, *Töffelſſchen*, *Kartoffeln*, *Ertffeln*, *Erduffeln*, *Kartoffeln*, *Kartuffeln*. Въ нѣкоторыхъ странахъ называютъ еще *Knollen* и *Rudeln*, и оба эти слова соединили въ *Knollrudeln*. Многіе называли *pataten* и *bataten*. Этимъ именемъ собственно называется въ Индіи растѣніе колокольчикъ. — Изъ всѣхъ названій сдѣлалось общимъ картофель, коего породъ считается 46, изъ нихъ 23 лѣтнаго а 23 озимаго. По происхожденію суть перуанскій, американскій, суринамскій, англійскій, ирландскій, доннерсборгскій и гейсбергскій. По внутреннему свойству: сухой, водяной, мучистый, тѣстоватый, крѣпкій, мягкій, бѣломясистый, бѣломясный съ пурпуровымъ кругомъ, бѣломясный съ красными пятнами, бѣломясный съ синими пятнами.—Самый луч-

шій картофель, это сахарный, который не бывает величиною болѣе греческаго орѣха, иногда съ вишню, и только въ мокрое время бываетъ величиною съ куринное яйцо. Вкусъ его пріятный миндальный. Его употребляютъ вмѣсто каштановъ: съ капустою, сорочинскимъ пшеномъ и въ разныхъ супахъ. За нимъ борсдорфскій, который величиною съ яблочко; бываетъ съ голубиное яйцо, пулю и орѣхъ. Потомъ весьма замѣчательнъ голландскій, имѣющій отличіе сахарнаго.

Кромѣ питательнаго свойства, картофель съ пользою дѣйствуетъ противу цынги. Мореходцы берутъ его съ собою въ дальній путь. — Нигдѣ не было столько предразсудковъ противу картофеля, какъ въ Германіи, и теперь нѣтъ тамъ ни одного мѣста, ни одного дома, гдѣ бы онъ не составлялъ пищу. Есть тамъ цѣлыя области, которыя болѣе употребляютъ картофель, нежели хлѣбъ. — Между Нѣмцами варятъ съ ранняго утра картофель, и имъ кормятъ дѣтей и служителей; съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, когда подастся лакомая пища и не могутъ дождаться, когда еще созрѣетъ картофель!

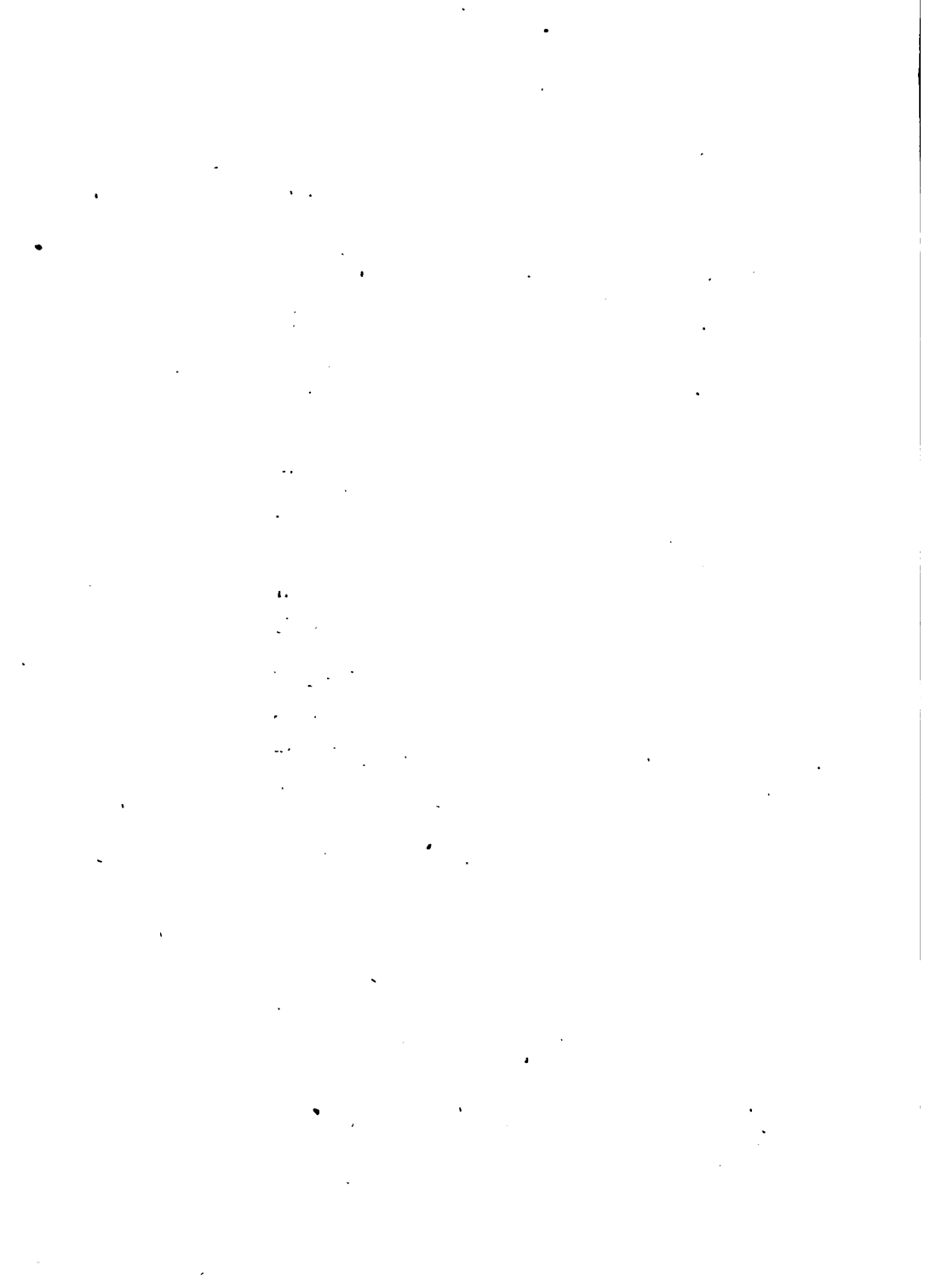
Картофель весьма много поправляетъ землю, и нѣтъ ни одного плода, который дѣлалъ бы ее столь рыхлою, такъ умножалъ бы глу-

были чернозема и хорошо приготовляли бы ихъ послѣдующему урожаю. — Картофель откармливаютъ не только домашнихъ животныхъ и птицу, но даже рыбу. — Изъ картофеля приготовляютъ: масло, сыръ, крахмалъ, муку, крупу, саго, уксусъ; пиво; водку; патоку и сахаръ. — Нѣмецкія прачки употребляютъ картофельный составъ, вмѣсто мыла; нѣдники удачно лудятъ жечь. Изъ картофельной кожи можно дѣлать бумагу, стольже прозрачную, какъ Японцы дѣлаютъ для своихъ искусственныхъ цвѣтовъ. — Сѣменные картофельныя яблочки, съ великой выгодой употребляются у ткачей вмѣсто клея. (*)

Наши предки долго не знали картофеля и онъ перенесенъ въ Россію въ концѣ XVIII в. Это перуанское произведеніе, удобно усвоилось съ нашимъ климатомъ. Но простой народъ не вездѣ охотно употребляетъ въ пищу, считая *чортовымъ яблокомъ*. Есть уѣзды въ восточной части Россіи, гдѣ крестьяне даже боятся сѣять его, думая навмечъ на свои поля неблагословеніе Божіе. Они увѣрены еще, что кар-

(*) Путшъ: Описаніе картофеля, изд. С.-Петербур. 1821 г. in 4, с. 1—3, 7, 16, 13, 14—15, 27, 53, 126, 128 и 138—139—181, 182 и 183. Советуемъ домохозяевамъ записаться прекраснымъ сочиненіемъ Путша, который очень умно излагаетъ разныя породы картофеля, способы его разведенія и употребленія въ хозяйствѣ.

тофель предназначенъ для потребленія одной нечистой силы ; что картофель родится съ головою и глазами, на подобіе человѣка, а потому кто ѣстъ картофель, тотъ ѣстъ души человѣческія. — Старообрядцы утверждаютъ , что картофель есть тотъ запрещенный плодъ, который вкусили первые два человѣка, по этому кто ѣстъ его, тотъ не слушается Бога, нарушаетъ Его святые заповѣди и никогда не наследуетъ царствія небеснаго. Были примѣры, что правительственныя мѣры не могли убѣдить земледѣльцевъ къ разведенію картофеля, и этому причиной раскольники и суевѣры, поселившіе въ нихъ отвращеніе и страхъ. — Время лучший учитель, и по этому нѣтъ сомнѣнія, что предубѣжденіе къ полезнѣйшему произведенію, замѣняющему хлѣбъ, истребится само собою.

IV. НАРЯДЫ.

Славяне прибалтійскіе, по свидѣтельству *Древній-
шая одеж-
да Славянъ.* Тацита, не отличались одеждою отъ германскихъ народовъ, — они едва закрывали наготу свою. Славяне дунайскіе сражались, еще въ VI в., почти полунагіе, прикрывая только нижнюю часть тѣла споднимъ платьемъ; шкуры звѣрей лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинныя одежды, украшались бисеромъ и металлами, отнятыми на войнѣ или вымѣненными у иностранныхъ купцевъ (*).

Аравійскій посолъ Ахметъ, будучи у волгскихъ Болгаръ, въ нач. X в., видѣлъ многихъ *Древняя
одежда
Русскихъ.* Славянъ и описываетъ ихъ нарядъ, довольно грубымъ. Мушны, пишетъ онъ, не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ; но набрасываютъ на себя съ боку толстую одежду, оставляя другую руку всегда свободною. Они никогда не ходятъ безъ оружія; у каждаго большой ножъ, мечъ и топоръ, и всякая женщина носитъ ножъ, а на шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя; главное же ихъ украшеніе зеленый бисеръ (**). При описаніи погребенія одного изъ стар-

(*) Striter. Mem. popul. т. II с. 29.

(**) Этотъ посолъ былъ отправленъ багдадскимъ каліфомъ Муктедиромъ къ королю Болгаръ въ 922 г. 361

шинъ, онъ говоритъ, что покойникъ былъ одѣтъ въ два исподнія платья, сапоги, куртку, кафтанъ изъ золотой парчи съ золотыми пуговицами, и дърчевую шапку, опушенную соболемъ (*).

Счастливыя войны и торговыя сношенія Русскихъ съ Константинополемъ и Болгарами, въ продолженіи двухъ столѣтій, измѣнили образъ жизни: поселили изобиліе и роскошь. Великіе Князья, сановники и войны, ознакомившись съ пышностію царьградской, стали носить длинныя, широкія по восточному вкусу платья; отъ нихъ перенимало все прочее сословіе, потому всѣ одежды наши были подражательныя греческимъ. Нерѣдко послы наши требовали, отъ греческихъ императоровъ, именемъ своихъ Князей, и царской одежды и вѣнца. Императоры отговаривались отъ нихъ тѣмъ, что порфира и короны, дѣланы руками ангеловъ, и должны быть хранимы въ Софійской церквѣ.

Женщины, одѣваясь въ длинныя платья, убирали грудь монистами, ожерельями и золотыми цѣпами; пальцы колцами и перстнями; волосы заплетали въ косу, а головной нарядъ блесталъ жемчугомъ и золотомъ (**).

Fogtland und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit С. П. Б. 1823 г.; перев. акад. Френемъ, с. 5.

(*) *Frühn: über Fogtland und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*, с. 15.

(**) Египтяне почитаютъ изобрѣтателями колець; они

Богатые люди носили шелковое платье, драгоценные пояса и сафьянные сапоги (*). Въ XI и даже въ XVI в., мы встречаемъ сапоги съ загнутыми къверху носами; подошвы подбивались гвоздями; голенищы были до щиколотки круглыя. Въ XIV в. голенищы шлишь поди

не носили ихъ на пальцахъ, но на хребтѣ ладони, почему дѣлались широкими обручами. Евреи давно носили ихъ. Моисей, по возвращеніи изъ горы Синайской, напечатъ золотого тельца, вылитого изъ коланъ, перстней и сергъ. Лакедоняне, следуя Ликурговымъ законамъ, носили желѣзныя. Римляне украшали пальцы статуи: Нумы Помпилія и Сервія Туллы. — Въ Римѣ былъ обычай, что женихъ посылалъ невестѣ жадъное кольцо. Кай Марій, первый надѣлъ золотое кольцо. Северъ дозволилъ простымъ воинамъ носить кольца, а Августъ отпущеннымъ на волю. Послѣ этого стали носить всѣ безъ разбора, отъ чего Тиверій запрѣтилъ особымъ закономъ Карфагенамъ награждать кольцами воинскія заслуги, подобно нынѣшнимъ крестамъ; въ послѣдствіи Римляне стали отличать всадниковъ и заслуженныхъ воиновъ особыми кольцами. Евреи ввели обручальное кольцо, которое отъ нихъ позаимствовано христіанами, для утвержденія брачныхъ союзовъ. — Ожерелья и серги ввели Египтяне, отъ нихъ же распространялись по прочимъ частямъ свѣта. Diction. des origines. Par. 1777 г.

(*) Met. popul. . . . т. II. с. 1008, т. III. с. 986 именуется *σφαυδια*, родъ поясовъ; Баеръ: com. acad. т. X. с. 440. — Карамзинъ пишетъ, И. Г. Р. т. I. с. 246, что сафьяны употреблялись на одну обувь. Какую же? Исторіографъ объясняетъ въ послѣдствіи, что эта обувь были сапоги. — Въ древности не одни мужчины, но и женщины носили ихъ. Этому доказательствомъ Малороссіянки, которыя доселѣ носятъ по праздникамъ, изъ краснаго или желтаго сафьяна. Въ будніе дни надѣвають онѣ смазанные сапоги, которые встречаются и между великороссіянками, по деревнямъ и городамъ.

самыя колѣна и здѣсь стягивали ихъ ремнемъ и тесьмою. Знатные люди и Великіе Князья, носили, по большей части голенищы короткіе, унизывали ихъ золотыми и серебрянными прошивами, галунами, жемчугомъ и камнями. Впрочемъ, таковая роскошь появилась, какъ кажется, не раньше XVI. в., что увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Споднее платье называлось *портами* или *порты*; они шились изъ полотна. (*)

Рубашки, называвшіяся *сорочками*, а по славянски *срачицами*, шились изъ холста, длинными до колѣнъ, съ разрѣзнымъ напередѣ воротомъ, и подпоясывались шнуркомъ поверхъ сподняго платья. — По завладѣніи Россіи Татарами, измѣнились многія наши одежды. Самыя сорочки и споднее платье, приняли другой покрой, и едва ли не тогда вошли въ употребленіе штаны и шаравары. Сорочки и тогда шились не длиннѣе колѣнъ; воротъ разрѣ-

(*) Въ некоторыхъ случаяхъ порты принимаются нашими летописцами за одежду, безъ обозначенія: верхняя ли это была, или нижняя? В. К. Ростиславъ велѣвъ, послѣ смерти дяди своего (1155 г.): *снести предѣ ся порты и злато и серебро, и все что ти есть.*—Русск. лѣт. съ воскр. сп. 4. II с. 33. изд. 1793 г.

Можно полагать, что отъ порты произошло названіе *портной*. — А порты? — отъ толстаго посконнаго холста, называемаго въ простонародіи *портъ*, изъ коего они шьютъ споднее себѣ платье.

зывали на лѣвой сторонѣ. Для украшенія же дѣлали на груди и спинѣ *подоплектъ*, вышитый красными нитками и шелкомъ. Подъ пазухою нашивали красныя и синія *ластовки*, или *ластовицы*. Воротникъ и края рукавовъ вышивали красными нитками, шелкомъ, серебромъ и золотомъ, смотря по состоянiю и званiю. — Воротникъ застегивали металлической пуговкою. — Споднее платье шилось весьма просторнымъ: изъ холста, бумажной и шелковой матерiй, и подвязывали на шнуръ подъ рубашкою; концы сподняго платья засовывали въ сапоги. Богатые и знатные, носили шелковые и парчевые штаны, которые были холодные и теплые.

В. К. Святославъ 1., гроза восточной имперiи, ни чѣмъ не отличался одеждою отъ простаго ратника; — тогда войны и мирные граждане одѣвались одинаково. Когда снѣ увидѣлся съ Іоанномъ Цимискиемъ, на берегу Дуная подъ Доростелемъ (Силистрією); тогда Греки смотрѣли на него съ изумленiемъ. Императоръ, окруженный облитыми въ золото всадниками, сидѣлъ на конѣ, а Святославъ въ лодкѣ: въ простой бѣлой одеждѣ, съ длинными усами, рѣденькой бородой и съ клѣнкомъ волосъ на головѣ; въ ухѣ его висѣла

золотая серьга, украшенная жемчужной я рубинами (*).

Ношение серъгъ между мужчинами, было во всеобщемъ употребленіи до нач. XV в. Въ завѣщаніи В. К. Іоанна, отца Дмитрія донскаго, видно, что онъ отпраздъ съвоваемъ своимъ но жемчужной серъгъ (**). Но известію иностранныхъ писателей XVI и нач. XVII в., они видѣли многихъ бояръ, кудцовъ и про-

(*) Малороссійскіе казаки долго носили, и теперь въ которые носятъ, длинный клокъ волосъ на головѣ, называемый *хохла*, а чумаки (извозчики, занимающіеся перевозкою тяжестей, соли и рыбы) носятъ *чуприны*, — тоже самое. Клокъ волосъ, выходилъ изъ темя головы, обвивался за правое уло, и висѣвшій его конецъ назывался оселедцемъ (сельдеек), потому что онъ былъ похожъ на сельдь. Русскіе, напихавшись надъ клокомъ волосъ, кричали Малороссійцѣмъ *хатлами*, и это слово обратилось въ послѣдствіи въ укоротельное. Невѣжи, подъ именемъ *хохловъ*, разумють людей грубыхъ и необразованныхъ. Имъ простиительно такъ думать, но случается слышать, что весьма образованные укрываютъ *хохломъ*, и эти *хохлы* весьма благообразно отвѣчаютъ имъ: *нехай собі каже, на то у его языке щобъ брехати*. — Ношение чубовъ или *хохловъ*, было известно многимъ древнимъ народамъ. Самъ Тацитъ, жившій въ I вѣкѣ по Р. Х., повѣрять, что у Свевовъ былъ обычай закручивать и пучкомъ связывать себѣ волосы; что самые старики носятъ *страшнѣйшій чубъ* и часто *завязываютъ его на самой макушкѣ* (*horrentem capillum retro sequuntur ac saepe in ipso sole vertice religant*). Tacit: German. гл. XXXVIII.

(**) Собр. госуд. грам. и догов., см. духовную грам. В. К. Іоанна подъ 1356 г.

столюдиновы со серьгами. И нынѣ въ некоторые изъ престаговъ сословія носятъ ихъ.

Должно думать, что кіевскіе Славяне издревле брили головы, оставляя на головѣ одинъ клокъ волосъ; но въ послѣдствіи, когда мы узнали греческіе наряды, тогда стали ходить по восточному: съ длинными волосами на головѣ и длинной бородою. Аравійскій писатель X в. говоритъ, что Русскіе не бръютъ бороды. (*) Въ русской правдѣ опредѣлена денежная пеня за поврежденіе бороды и зуба, именно 12 гривенъ. Гривна означала въ то время, полъ фунта серебра.—Ношеніе бородъ было новоблаженнымъ у насъ до нач. XVIII в., съ этикъ поръ все дворянство стало брить, оставивъ ихъ носить духовенству и простому народу. Старовѣры думаютъ, что человекъ съ бородою, есть только образъ и подобіе Божіе. (**)

Бороды.

О древнѣйшемъ нашемъ одѣяніи можно сказать только то, что долгое платье считалось почетнымъ и подносясывали его кушакомъ, а короткое носило одно простое сословіе, какъ это

(*) The oriental geography of Ebn Haukal., с. 191. Временъ запрещено было брить бороды и остригать голову въ кружокъ.—Кн. З. Левитъ, гл. 19, с. 26.—Во времена основаній остригали голову и бороду, и сидѣли во храмъ съ непокрытой головою.—Плачь Іереміи, его посланіе, ст. 30.

(**) Чулковъ: Абев. русск. суевѣрій, см. подъ словомъ бороды.

было во всей Европѣ до пол. XVII. в.; тоже самое было съ бородами. Генрихъ IV., король французскій, носилъ еще бороду и длинное платье; императоры германскіе любили одѣваться въ пестрыя, разноцвѣтно-длинныя одежды и гордились бородой,—и не ранѣе пол. XVII. в. стали измѣнять древніе обычаи. О гишпанскихъ государствахъ нечего упоминать, потому что они, познакомившись съ нравами Аравитянъ, позаимствовали ихъ одежду и образъ жизни восточной. Колумбъ знаменитый и весь дворъ Изабелы и Фердинанда католика, блистали одеждою шелковой и длинною. Еще Филиппъ II., Елизавета англійская, Кромвель и другіе, ходили въ азіятскихъ одеждахъ.— Наружный блескъ прежнихъ временъ, составлялъ общій вкусъ одѣвій.

Серьги, ожерелья, монисты, кольца и перстни. Хотя серьги носили мужчины, однако ожерелья и монисты были собственно украшеніемъ женскаго пола; употреблялись же у насъ съ самыхъ древнихъ вѣковъ, со временъ набѣговъ нашихъ предковъ на восточную имперію. Въ послѣдствіи серьги, ожерелья и монисты образовали необходимую принадлежность нашихъ красавицъ, и распространились между всѣми сословіями: чѣмъ богаче были эти наряды, тѣмъ болѣе выказывалась чрезъ нихъ знатность рода. Въ старину судили о знатности по богатству, и

ныѣ встрѣчаютъ по головѣ, а провожаютъ по одеждѣ. До XIII ст. носили, даже боярскія жены, серебряныя кольца (*); съ этого же времени появляются уже гораздо чаще, золотыя, и перстни съ драгоценными каменьями. При порабощеніи насъ Татарами, исчезла роскошь; однако Великіе Князья и ихъ дворъ, носили заповѣдныя кольца и перстни, въ томъ мнѣніи, что они имѣли тайную силу противудѣйствовать всякому яду и чародѣйству. Ханы Золотой Орды употребляли ихъ съ тойже самой цѣлью. — Наши князья, отправляясь въ Орду, запасались такими перстнями (**).

Въ вѣка общаго невѣжества, вѣрили въ волшебное дѣйствіе перстней, точно какъ въ амулеты. Этимъ мнѣніемъ былъ зараженъ самъ Іоаннъ III, великій государь, — и великіе часто

(*) Воскресен. лѣт. ч. I. с. 69.

(**) Одинъ изъ употреблявшихся перстней, противу чаръ и яду, я имѣлъ случай видѣть (1843 г.) въ Саратовѣ. Онъ былъ найденъ на царевскихъ курганахъ, — на мѣстѣ бывшей столицы Золотой Орды: величина его съ обыкновенный перстень, сдѣланъ изъ чистаго арабскаго золота, съ камнемъ на верху и изломанной внизу пружинкою. На немъ были видны слѣды изображенія какого-то животнаго. — Другой найденный перстень былъ такъ же золотой, но безъ камня, и внизу находилась остроконечная шпилька. Оба они служили отравленіемъ, — что нерѣдко случалось при Ордѣ, гдѣ угощая лицемѣрно, въ тоже время пожимали руку съ злобной улыбкой и сжимали наполненную ядомъ пружину. — Должно сказать, что этотъ обычай умерщвленія, изобрѣтенъ въ Италіи, и тутъ онъ сильно господствовалъ до конца XVI в.

платятъ дань предрасудкамъ. — Ханъ крымскій Менгли-гирей, другъ Іоаннъ III, отправляя къ нему однажды подарокъ, писала : « несылаю тебѣ перстень изъ рога качерденева, индѣйскаго однорога. Тайная сила этого перстня уничтожаетъ ядъ въ кушаньѣ и всякое лихое зеліе; носи на рукѣ, и помни мою дружбу» (*). Къ чести Россіи, у насъ не носили лодовитыхъ перстней и колець. — Въ концѣ XVIII и нач. XIX ст., господствовала страсть носить драгоценные перстни и кольца. Купечество и мѣщанство столичныхъ городовъ, щеголяетъ еще ими, но въ благородномъ сословіи почти вышло изъ обыкновенія.

Серьги и монисты, изящное украшеніе женскихъ прелестей, издавна были во всеобщемъ употребленіи, и ихъ было у насъ въ такомъ множествѣ, что во время государственныхъ нещастій, выкупали себя цѣнностію украшеній.

Удѣльный князь дорогобужскій, Владиміръ Мстиславичъ, осадивъ Галичъ, требовалъ отъ жителей серебра. «Если же не дадите, то подниму всѣхъ васъ на щиты.» Они, не зная откуда взять, сняли съ своихъ ушей серьги а съ шей мониста, слили и принесли ему. (**)

(*) Кар. И. Г. Р. т. VI. изд. 1817 г. прим. 534. Дѣла крымскія, хран. въ москов. государ. арх. с. 1029, 1030.

(**) Русск. лѣт. съ воскр. сп. ч. 11. с. 8. изд. 1793 г. Монисты называются въ Малороссіи наместо и кради; то и

Живя въ простотѣ нравовъ, всѣ довольствовались произведеніями своей страны, которая въ избыткѣ снабжала нашихъ предковъ дорогими шкурами, полотномъ и шкурами, для разныхъ одеждъ; но однако простой народъ предпочиталъ сапогамъ лапти, по чрезвычайной легкой работѣ и изобилію матеріала. — Древность ихъ превышаетъ введеніе сапогъ. — Владиміръ 1, заставивъ Болгаръ своими побѣдами платить ему дань, возвратился въ Кіевъ со многими плѣн-другое носятъ дѣвушки на шеяхъ. Монысты очень сходны съ латинскимъ словомъ monille. Въ превращеніяхъ гл. X. говоритъ Овидій: *dat digitas gemmas, dat longa monilla collo*. Надѣвать на пальцы перстни съ драгоценными каменьями, а на шею длинная моннысты, почиталось у Римлянъ отличіемъ. Перстни и кольца, давались мужчинамъ за особенныя подвиги, — какъ нынѣшніе орденскіе знаки. Времена измѣняютъ понятіе объ отличіяхъ. — Объ римскихъ отличіяхъ см. *Thesaurus eruditionis scholasticae, Frankf. ed. 1652 г. De omnibus mulierum ornamentis eruditam indicationem, Andr. Tiraquelli, in expositione: Legum connubialium*. — Серьги носили съ незапамятныхъ временъ оба пола. — Египтяне, Евреи и всѣ восточные народы дѣлали золотыя, серебряныя и изъ драгоценныхъ камней. Греки и Римляне, украшали еще жемчугомъ и алмазами. Дѣвцы и мальчики, носили по одной серьгѣ, а мужчины и женщины по двѣ. У Индѣйцевъ мужчины и женщины дѣлали уши нарочно длинными, и привѣшивали широкія дощечки, усыпанныя драгоценностями. Калькутскія царицы и придворныя дамы, тщеславились ушами, висѣвшими на грудяхъ и увязанными бисеромъ, — это почиталось особой красотой. Европейскія дамы не доходили до этой утонченности. — Но кто знаетъ будущее? Многіе восточные обычаи начинаютъ возобновляться, недалеко примѣры: длинныя женскія платья, тянущіяся по землѣ.

никами (985 г.). Добрыня, осмотрѣвъ приведенныхъ, которые были въ сапогахъ, сказалъ Князю: *симъ дани намъ не давати, но поидемъ искать лапотниковъ.* (*) Имъ не быть нашими данниками, потому что такіе люди, доказывая свой избытокъ, имѣютъ болѣе средствъ къ защищенію себя.—Лапотники, о коихъ говоритъ Добрыня, суть племена сѣверо-восточной Россіи, гдѣ народъ былъ бѣднѣе. (**)

(*) Нест. по кенгсб. сп. ст. 73.

(**) Наши лапти весьма похожи на римскіе *спарганъ* и греческіе *карватины*. Тѣ и другіе плелись изъ прозабаемаго вещества. Образецъ таковыхъ лаптей найденъ въ геркуланскихъ развалинахъ. Плиній говоритъ, что растѣніе *спарганъ* (*sparganium*), употреблялось для плетенія башмаковъ, которые отъ самаго растѣнія получили названіе спарганъ и спаргамъ. Guthrie: *Sur les antiq. de Russ.* с. III. — Отъ чего произошло названіе лаптей, кои тѣже спарганъ? — Неизвѣстно. Всѣ знаютъ, что лапти обыкновенная обувь нашихъ поселянъ, потому что она самая дешевая. Ихъ плетутъ изъ липовыхъ лыкъ не только взрослые, но и дѣти; носятъ довольно долго и выгодны для земледѣльческихъ работъ, потому что если рвутся скоро, то потеря нечувствительная; новыя дѣлаютъ съ чрезвычайной скоростью: понѣскольку паръ въ день.—Многіе доказываютъ грубость нашего народа тѣмъ, что онъ носитъ лапти? Поселянинъ, занятый работами, можетъ ли думать объ убранствѣ? Мужикъ, неусыпно работающій въ поляхъ, среди снѣговъ и дождей, въ состояніи ли запасаться такимъ количествомъ сапогъ, какъ лаптями? Что ему стоитъ одна пара сапогъ, которые онъ изобьетъ въ короткое время на полевыхъ занятіяхъ; то вѣрно не стоятъ польсотни лаптей, коихъ не сносить въ четыре или пять лѣтъ. Женщины и дѣвушки деревенскія, не стыдятся носить лапти,

Мужикъ надѣваетъ свои лапти на обернутую имъ онучь или портянку, и обматываетъ потомъ лыкомъ, веревочкой или ремнями. (*)

Слѣдую благоразумному правилу: чужимъ умомъ не будешь умевъ. Они трудятся, не засыпаютъ ночей отъ работы, и думаютъ не о приличіи: носить ли имъ лапти или нѣтъ? но о томъ, какъ бы имъ покончить скорѣй работу. Во время трудовъ, все сельское живетъ посельски; въ праздники же надѣваютъ мужчины сапоги, а женскій полъ башмаки. — Въ этомъ же грубость нашихъ добрыхъ и трудолюбивыхъ поселянъ. — Нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, поклонниковъ чужеземщины, удивятся, если я имъ скажу, что я самъ видѣлъ въ Германіи, и даже въ столичныхъ ея городахъ, что мужчины, женщины и дѣвушки носятъ деревянные башмаки: мягче ли это для ихъ ногъ? Въ Берлинѣ многія порядочныя семейства, для сбереженія башмаковъ и сапогъ, носятъ въ комнату деревянные башмаки. — Что доказываетъ это? грубость или образованность? — а нашъ мужикъ не знаетъ этой мучительной обуви. — Одежда его простая и теплая, обувь дешевая и удобная, весьма естественная съ образомъ его жизни и занятіями постоянными.

(*) Особой торговли лаптями, нигдѣ не существуетъ. На нижегородскую ярмонку привозятъ по нѣсколько тысячъ. Тутъ покупается сотня около 2 р. сер., а продается врознь по 3 к. с. — Въ Кинешемскомъ уездѣ, костромской губерніи, есть казенное село Семеновское, которое, съ окружающими его деревнями, преимущественно занимается выдѣлкою лаптей. Они во множествѣ вывозятся на тамошніе базары, почему и самое это село известно въ народѣ подъ именемъ Лапотного. Здѣсь и въ помещичьемъ селеніи Молвитинѣ, на каждый зимній базаръ доставляется до 100,000 паръ лаптей. Продающіеся въ Молвитинѣ, считаются самыми лучшими. Женскій лапотъ отличается отъ мужскаго тѣмъ, что онъ дѣлается по меньше. Посредственный работникъ можетъ изготовлять въ день пять паръ. — Ихъ плетутъ слѣдующимъ образомъ: начинивъ лыко, дѣлаютъ заплетку, потомъ надѣваютъ

Одежда XI
вѣка.

Памятникомъ одеждѣ XI в., можетъ служить рисунокъ черниговскаго князя Святослава съ его семействомъ. (*)

Изображеніе одежды сына его Глѣба, изображено временемъ; все княжеское семейство представлено въ ростъ. Олегъ въ высокой синей шапкѣ, на подобіе колпака, съ палевою опушкою; на шеѣ золотой парчи платокъ, съ развѣвающимися концами на груди; кафтанъ

лапоть на колодку, оправляютъ и ковыряютъ. — См. Журн. мин. госуд. имущ. за 1841 г. N 3., статья Келдена: о мочальномъ промыслѣ, с. 25. — Тверскій помѣщикъ г. Эгерштромъ, нашелъ способъ дѣлать лапти: соломенные, изъ болотной травы осоки (согех uliginosa) или явора, камышewые и моховые, подковыренныя пеньковыми бичевками. Опытъ подтвердилъ удобство и дешевизну этихъ лаптей, и многіе помѣщики высылали мальчиковъ къ г. Эгерштрому, для обученія. — Бар. Бодѣ предлагалъ ввести въ употребленіе, вмѣсто лыковыхъ, пеньковые лапти, а г. Колычевъ советовалъ дѣлать изъ льняного изгребья. — см. Землед. газ., 1838 г. с. 105. 585. 784.; 1839 г. с. 448.; Землед. жур. 1838 г. N 5. с. 287., 1839 г. N 4. с. 135.; Земл. газ. 1839 г. с. 81. Земл. жур. 1839 г. N 3. с. 486.

(*) Этотъ рисунокъ находится въ сборникѣ Іоанна дьяка, который собственноручно писалъ въ 1073 г., для черн. кн. Святослава, въ л. на перг., въ два столбца, уставомъ. Изображенія рисованы красками, съ позолотой; надъ головами сыновей, супруги и князя, позолоченныя имена: Глѣбъ, Олегъ, Давыдъ, Романъ, Ярославъ, клягиня, Святославъ. Вверху золотая надпись: «желанія сердца моего, Господи, не принижи ны вси и помилуй вы.» Снимокъ этого сборника хранится въ Румянцовскомъ музеумѣ, а подлинникъ въ Императорской библіотекѣ.

багряный, обложенъ алою бахрамой; подпоясанъ золотымъ поясомъ и въ желтыхъ сапогахъ. Давидъ и Романъ одинаково одѣты, только въ алыхъ кафтанахъ. Княгиня въ синей высокой шапкѣ, съ алымъ покрываломъ; платье красное съ золотою бахрамой, подпоясано золотымъ поясомъ; на рукавѣ золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотомъ.— Она держитъ за руку юнаго Ярослава, который представленъ въ багрянномъ кафтанѣ, съ золотой бахрамою; подпоясанъ золотымъ кушакомъ съ бантомъ, сапоги красные. Кн. Святославъ, съ усами и бородой, стоитъ въ круглой низенькой желтаго цвѣта шапкѣ, съ красной опушкою и въ синихъ сапогахъ; кафтанъ на немъ синій съ красною бахрамой, по верху кафтана золотая княжеская мантия; въ рукахъ его книга, окованная золотомъ и покрыта малиновымъ бархатомъ.

Вся роскошь одежды, какъ мы видимъ изъ этого рисунка, состоитъ въ блескѣ золота и разноцвѣтной парчи. (*)

(*) Въ историческомъ описаніи одеждъ и вооруженій русскій войскъ, составлен. г. Висковатымъ, ч. 4. с. 7. сказано, что черниговскій кн. Святославъ одѣтъ въ зеленоватое платье, въ родъ подризника съ красною по подолу обшивкою, съ длинными рукавами и съ золотыми зарукавьями; съ верху накинута плащъ синяго цвѣта, застегнутый на правомъ плечѣ

Великіє Князья имѣли частыя сношенія съ Византією, получали оттуда богатыя тканья и узорья; а купцы, производя значительную торговлю съ Грецією, вывозили ихъ для богатыхъ и вельможъ.—Великіє Князья и бояры, отличались пышностію одеждъ, а заслуженные бояры отличались еще отъ незаслуженныхъ, пошениемъ на груди золотой цѣпи съ золотой гривною. Въ послѣдствіи времени тысяцкіе новгородскіе, носили золотую цѣпь на шеѣ,— въ ознаменованіе ихъ власти.—Великіє Князья и удѣльные, Цари и патріархи, носили на золотыхъ цѣпяхъ кресты и панагіи, осыпанныя драгоценными камнями и жемчугомъ.

Простой народъ одѣвался въ толстыя одежды: мужчины въ *зилуны*, а женщины въ *поневы*, это самое древнее одѣяніе. — Мантия называлась въ древности *корзнемъ*, *коцемъ* и *кочемъ*. — Вѣроятно и мантия Святослава была тоже корзно,—т: е: верхняя одежда. Кн. Владиміръ, желая защитить Игоря отъ убійства Кіевлянъ, соскочилъ съ лошади и покрылъ его *коранемъ* (*). В. К. Андрей боголюбскій, женатый на дочерѣ боярина Кучки, былъ убитъ приверженцами Кучки, и тѣло его бросили въ огородъ.

золотыми петлицами и съ красной застежкой или запонкомъ, имѣющій красную покладку и обшитый золотымъ гасомъ.

(*) Лѣтоп. Нестора с. 96 и 204.

Кіевлянинъ Козьма, усердный слуга несчастнаго Государа, стоялъ надъ трупомъ и плакалъ, и потомъ отнесъ въ церковъ, положилъ въ притворѣ и прикрылъ *корзномъ* (*). Черниговскій князь Михаилъ, прибывъ въ станъ Баттыя, не хотѣлъ поклониться священному огню и кумирамъ. Ему объявили, что должно исполнить хайскую волю, или умереть. «Для васъ не погублю своей души», сказалъ онъ, снялъ съ себя *кочъ*, и бросилъ убійцамъ. «Возьмите славу этого міра, хочю небесной». (**). В. К. Іоаннъ калита, въ завѣщаніи своемъ отказалъ сыну Симеону, между прочими одеждами, *кочъ* съ бармамя. (***) Это доказываетъ, что *корзно*, *кочъ* или *коць*, была великокняжеская одежда. — Со времени Владиміра I или съ конца X по XIII вѣкъ, великокняжеская одежда хранилась въ софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ, и во храмѣ Божіей матери во Владимірѣ на Клязьмѣ. Половцы, опустошивъ Кіевъ (въ 1204 г. янв. 4), не оставили въ церквахъ ни одного сосуда, ни иконы, и похитили драгоценныя одежды нашихъ князей, которыя

(*) Кіевск. лѣтоп. — Андрей боголюбскій умерщвленъ въ 1174 г. — И тако положивъ его въ притворѣ у божницы, и прикрывъ его *корзномъ*, и лежа ту дни и ноць.

(**) Воскрес. лѣт. ч. 11 с. 223. *Свилъ съ себе кочъ свой*. Въ другихъ лѣтописяхъ употребляется *коць*, и *врѣже къ нимъ коць*. — *Косъ* по-польски значить *полсть*, а *козъ* *коляска*.

(***) Собр. госуд. грам. и догов. ч. 1 с. 32.

вѣшалась во храмѣ на память потомству. Татары, взявъ Владиміръ (въ 1238 г.), ворвались въ святой храмъ, сняли всѣ украшенія съ иконъ, книгъ и унесли дровца одежды.

Корзно обратилось въ послѣдствіи времени въ *приволокку*, т. е. короткій плащъ, который носили князья, бояры и дворяне до Петра I (*).

Поясы и кушаки, и войши заплелась.

Поясы золотые, усыпанные камнями, украшали мужскій уборъ и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживали расточительность. Они никогда не складывались, а надѣвались гладко и ровно. Были поясы шелковые и плетенные золотомъ съ серебромъ; бархатные и кожаные: ихъ усаживали золотыми и серебрянными бляхами, жемчугомъ и камнями; при поясѣ висѣли канторги (застежки), тузлуки и калита.

За одинъ изъ поясовъ возгорѣлась война. Князья: Василій косою и Дмитрій Шемака, ниревали однажды на свадьбѣ у родного своего дяди, В. К. Василя (въ 1433 г.); всѣ были веселы и всѣ изумлялись драгоценному поя-

(*) Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, говорится, когда В. К. Дмитрій осматривалъ свое войско въ полѣ: «утвердивъ же полки русскія и пакы приде водъ свое черное знаменіе и свиде съ коля на иный конь, совлагая съ себя приволокку царскую и во иную облечеся.» Въ Древ. рос. вивл. ч. 8. с. 143, сказано, что при встрѣчѣ грузинскаго царя Теймуразы, столыняки и комятныя столыняки, стряпчие и московскіе дворяны, были одѣты въ приволоки.

се Василя косого. Между тѣмъ панъскникъ рѣсковскій, Петръ Константиновичъ, узнавъ по-
ложь и сказалъ о томъ Софїи, матерѣ В. К. Ва-
силя, которая, обрадовавшись своей находкѣ и
забывъ пристойность, сняла поясъ съ косого.
Произошла ссора. Косой и Шемяка, оставивъ
дворецъ съ гнѣвомъ, отправились въ Галичъ,
собрали войско и начали непріятельскія дѣйст-
вія.— Этотъ золотой поясъ съ цѣпями, осыпан-
ный драгоценными камнями, первоначально
былъ подаренъ кн. суздальскимъ, Дмитріемъ
Константиновичемъ, нареченному его зятю, кн.
Дмитрію, въ послѣдствіи донскому; тысящій
Василій, во время евадѣбы этого князя (4367 г.),
тайно обмѣнялъ его на другой, гораздо мень-
шей цѣны, и отдалъ сыну своему Николаю, же-
нившемуся на Маріи, старшей дочерѣ князя
суздальскаго. Переходя изъ рукъ въ руки,
этотъ поясъ достался Василю косому.

Кусаки складывались въ нѣсколько разъ:
они были шерстяные, шелковые, а иногда пе-
реплетались золотомъ и серебромъ. Концы ку-
шава висѣли впереди. За поясами и кушаками
висѣли, по азійскому обычаю, кинжалы и по-
жи. (*)

Почти такой же нарядъ былъ въ XIII в.; *Нарядъ въ XIII вѣкѣ*
но здѣсь встрѣчаемъ гораздо болѣе описаній

(*) Собр. государ. гр. и догов. ч. I. с. 32.

о женскомъ одѣяніи и ихъ уборѣ. Замужнія носили, по словамъ Карпинія, длинныя и широкія платья, безъ застежекъ напередѣ; голову покрывали кокошвикомъ, придававшимъ величественность всякой женщинѣ. Дѣвушки лелѣли этотъ уборъ, возвышавшій ихъ прелесть. — Низъ кокошника былъ узкій и оканчивался вверху широкимъ четверугольникомъ, который обводили серебряннымъ или золотымъ прутикомъ; весь кокошникъ обшивали багряной или темно-красной матеріею. Дѣвушки и молодыя женщины, изъ простаго сословія, одѣвались совершенно какъ мужчины, и никто изъ постороннихъ, кромѣ родныхъ, не могъ различить ихъ. Оба пола въ молодомъ возрастѣ, носили длинныя красныя и алыя платья, опоясываясь, повыше живота, одной лентою съ лѣвой стороны, и тремя съ правой, оставляя лѣвой бокъ открытымъ. Дѣвицы носили косы до пядей. (*)

Рубрикуясь, другой путешественникъ того же столѣтія, рассказываетъ, что женскій полъ дѣлалъ на платьяхъ опушку снизу полы до колѣна, изъ разныхъ мѣховъ и горностаевъ. Мужчины носили епанчи, подобно нѣмецкимъ; головы покрывали высокими остроконечными

(*) Voyage de Carpine en Tartar., 1246 г., помѣщ. въ собр. Бержер. ч. I. с. 28—29, изд. 1735 г.

шапками, которыя дѣлались изъ войлока. (*) Рубриквисъ, говоря объ уголовномъ нарядѣ женщинъ, не находитъ никакого различія въ одеждѣ нашей, между западными народами, потому что по всей Европѣ было тогда однообразное платье.

Путешественникъ кон. XV в., Контарени, *Отзывы путешественниковъ о наружности* хвалитъ мужчинъ и женщинъ. Они, говоритъ *Русскихъ.* онъ, весьма красивые. (**)

Павелъ Ювій, писавшій въ нач. XVI в., такъ отзывается: Русскіе вообще средняго роста, статные и какъ бы четверугольные, но мускуловатые (**); глаза во всѣхъ голубые. Нѣжныя шея женскаго пола, обвиваются самыми тончайшими соболями. (****)

Олеарій пишетъ, что Русскіе во всемъ похожи на Нѣмцевъ, отличаются же отъ нихъ одной добродностію и крѣпостію. Бояры весьма спесивые; ходятъ съ большими отвислыми брюхами, означающими важность и знаменитость. Женскій полъ по большей части стройный, лица ихъ нѣжныя и бѣлыя, груди небольшія, но правильныя; глаза черныя, руки полныя и мягкія, пальцы неболь-

(*) Voyage de Rubriquis en Tartar., пом. въ собр. Берж. с. 29, изд. 1735. Описанныя имъ войлоковыя шапки, вѣроятно тѣ самыя, какія носятъ бѣлорусцы.

(**) Voyage de Contareni, с. 53.

(***) Sed quadrata statura et valde torosa.

(****) Paul. Jovii: Leg. Moscov.

шіе, во всю свою очаровательность изуродиваются окрашиваніемъ лица, рукъ и шеи: бѣлою, голубою, красною и черною красками, особенно когда идутъ въ гости или въ церковь. (*)

Маербергъ говоритъ: женщины средняго роста, по большей части весьма хорошенькія и сложены правильно; но лица свои, отъ природы румяныя, портятъ натираніями бѣлилъ, думая, что безъ нихъ онѣ не красивыя. (**)

Мечъ пишетъ, что мужчины и женщины носятъ весьма длинные волосы. Послѣ смерти матери, дочери срѣзываютъ съ головы покойницъ пучокъ волосъ и залетаютъ ихъ въ свою косу. (***)—Корбъ говоритъ, что женщины вообще статныя и хорошія, но губы ихъ прелесть; краску свою безобразятъ румянами. (****)

Наряды
начал. XVI
вѣка.

Баронъ Герберштейнъ, посолъ импер. германскаго Мамониліана, бывшій у насъ въ нач.

(*) Olear. Ost begehrt. Beschf. der Neuen Orient. Reise, c. 137, изд. 1647 г., Petrejum: Histoires und Berichte vom Großfürstenthumb Musckow, c. 595.

(**) Маерб. Voyage en Mosc., c. 149 изд. Leid.—Mach A relation of three embas. of Carlisle, c. 39. — О волосахъ Царя Алексѣя Михайловича, онъ пишетъ: though his hair was so short, that one of our company took occasion to say, he wondored so great a Monarch should want hair to cover his ears.

(***) Mach. A relat. of. three embas., и т. д.

(****) Korb, Diar. itiner. in Moscov. edit. Vien. in f. c.

XVI вѣка: два раза, есть одинъ изъ лучшихъ и вѣрныхъ наблюдателей нашихъ нравовъ, того времени. Между многими любопытными свѣдѣніями, онъ сохранилъ въ точности названія носимыхъ тогда одеждъ, а именно: терлика, однорядки, охабня, ферезей, кунтуша, доломана и кафтана. Эти одежды давно употреблялись у насъ, но мы доселѣ нигдѣ не встрѣчали имъ описанія.— Терликъ было верхнее широкое платье съ рукавами, но безъ воротника. Однорядка верхнее платье безъ воротника: длинное, широкое и съ опушкой; охабень совершенно похожъ на однорядку, только что съ воротникомъ; ферезей длинное платье, съ пуговицами съверху до низу. Если дѣлали ферезею съ нашивками, то она называлась кунтушомъ, и пуговицы ставили на немъ до пояса. Доломаны и кафтаны, были короткія платья, съ пуговицами и прорѣхами на бокахъ; полукафтаны дѣлались съ козыремъ. Головы накрывали колпаками, которые у дворянъ были остроконечные, и дѣлались изъ шерсти. (*) Всѣ подпоясывались пониже живота, отъ чего всегда висѣло брюхо, какъ у Италіанцевъ, Гишпанцевъ и Нѣмцевъ. — Сапоги почти во всѣхъ были изъ красной кожи.— Поверхъ платья набрасывали еще епанчу съ

(*) Герберштейнъ ясно говоритъ о кошахъ, и на слова о шапкѣ: *colpack dextra tenentem*.

капшиномъ. (*) Другой иностранецъ пол. XVI вѣка, говоритъ, что одежды наши во всемъ сходны съ венгерскими, исключая шапокъ, которыя рѣшительно бѣлыя (**). Таковыя одежды носили бояры, дворяне и купцы. Богатый отецъ передавалъ свое платье сыну, и въ праздникъ давалъ ему надѣвать свое. Тогда для всѣхъ шили одинаково, и потому, что было прилично матеръ, то шло и дочеръ. — Рубашки носили разноцвѣтные; воротники были вышитые, и съ серебряной пуговицею; сапоги изъ цвѣтнаго сафьяна, болѣе красные, съ желѣзными подковами; волосы остригали въ кружокъ (***). По свидѣтельству Гванина, строго было запрещено царскимъ указомъ, во второй половинѣ XVI вѣка, чтобы люди безъ состоянія, не одѣвались въ пышныя одежды. Этимъ доказывается, что роскошь, давно знакомая нашимъ предкамъ,

(*) Herber. *Her. Moscov. com.* с. 49 и 55 и д. edit. Antver. 1557 г.; Alex. Guagnianus тоже говоритъ, что носили колпаки, называя ихъ *pileolum.*, см. *de Relig. Moscovit. omnium que Ruthenorum*, въ ст. *in tractata de Sarmatia* с. 228, пом. въ собр. *de Russor. Moscov. Tartar. ritus*, edit. Spir. 1582 г. in 4°; Meletii: *de Russor. relig. et ritib.* edit. 1584 г.

(**) Tiepolo: *Relazione di Moscovia, 1560 an. in tutto simile a quelli degli Ungari fuor che nei capelli que da tutti si usano bianchie puntali.* — Это известіе рукописное, хранится въ Румянцовскомъ музеумъ, списано въ Римъ изъ библиотекъ Барберини.

(***) Herber. *Her. Moscov. com.* с. 36 — 40 и 56 edit. 1557 г.

недостаточные часто жертвовали послѣднимъ изъ своего имущества, для того только, чтобы своимъ блескомъ дать почувствовать гордымъ боярамъ, что они имѣютъ равное право на уваженіе народа, преклонявшагося предъ дорожными одеждами первостепенныхъ сановниковъ. Общее было тогда мнѣніе, что эти сановники, рожденные въ знатности и воспитанные въ нѣгѣ, имѣли неоспоримое право на почтеніе; но народъ, узнавъ въ послѣдствіи, что уваженіе пріобрѣтается дѣлами, сталъ ихъ чтить по заслугамъ. Когда встрѣчали бѣднаго, но пышно одѣтаго, тогда останавливали его и говорили ему съ укоромъ: ты нарядился паномъ! вѣрно собрался бѣжать въ Литву—Измѣнникъ! откуда ты возьмешь эту одежду? не продалъ ли себя Ляхамъ?—Такъ думали тогда, и часто не безъ причины.—Литовскіе князья, враждуя безпрестанно съ Россією, сыпали золото вѣроломнымъ, которые, служа орудіемъ для ихъ умысловъ, жили богато, роскошно и ходили въ блестящихъ одеждахъ. Часто видѣли въ этихъ одеждахъ бѣдныхъ людей, посему считали ихъ за измѣнниковъ.

Одежды: терликъ, ферезея, кафтанъ и колпакъ, позаимствованы нами частію отъ востока, а частію изъ Литвы; доломанъ и кунтушь собственно венгерскія, и перешли къ намъ изъ Польши.

Когда же носили кожухи и шубы, о коихъ хотя не говоритъ Герберштейнъ, однако они весьма старинныя одежды и суть русскія.— Кожухи (отъ слова кожа, мѣхъ) и шубы, подбивались дорогими мѣхами; шубы преимущественно дѣлались изъ лисьяго мѣха. Употреблялись такъ же бостроги (татарскія шубы), крытыя цвѣтной матеріею. Простой народъ носилъ полушубки, изъ бараньихъ и овечьихъ мѣховъ, которые доселѣ во всеобщемъ между ними употребленіи. (*)

Мы имѣемъ другія свѣдѣнія о старинной нашей одеждѣ, которой во многомъ противурѣчатъ сказанія очевидца Герберштейна. Жаль, что сочинитель не указалъ источниковъ: откуда онъ почерпнулъ любопытныя извѣстія о кафтанѣ, фезѣ, однорядкѣ, русской и турецкой шубахъ, терликѣ, турецкомъ кафтанѣ, станомѣ кафтанѣ, зяпунѣ, платнѣ, опанецѣ и кожухѣ. Мы не могли оставить безъ вниманія эти извѣстія, если бы не видѣли большого разногласія съ описаніемъ Герберштейна, и не жела-

(*) Нашъ народъ такъ привыкнулъ къ нагольнымъ тулпамъ, что онъ не желаетъ имѣть лучшихъ, потому что они хорошо грѣютъ. По этому предмету сохранилась народная поговорка:

Не ради красоты,
А ради теплоты
Овчьяную шубу носишь,
И лучшей не просишь.

ли бы другимъ доставить случай повѣрить: тѣмъ болѣе что въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ поясненія этимъ одеждамъ, кромѣ названій. Кто имѣлъ случай видѣть древнѣйшіе рисунки нашихъ одеждъ, тотъ конечно знаетъ, что другихъ нѣтъ источниковъ. Сочинитель (*) видѣлъ самыя древнія одежды, но трудно положить, чтобы онѣ уцѣлѣли съ глубокой древности. Самое военное платье, которое съ недавняго времени стало храниться въ Москвѣ: въ арсеналѣ и оружейной палатѣ, шилось уже по образу старинному, когда оно портилось.

Вотъ занимательное описаніе.—Кафтанъ было узкое платье, съ рукавами, узкими, длинными и со сборами. Длина его не заходила далѣе колѣнъ; воротникъ дѣлался высокій и стоячій, закрывавшій весь затылокъ, и назывался козыремъ. Кафтанъ шился изъ легкой и тонкой матеріи, рѣдко изъ сукна; полы обивали золотымъ и серебрянымъ голуномъ и цвѣтной матеріею. На переди застегивался петлями на пуговицахъ, съ длинными кисточками; у запястій связывались рукава тесьмянными, металлическими и ременными за-

(*) Г. Висковатовъ: Историческое описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ, ч. I. с. 14—20. С. П. Б. 1844 г. Это прекрасное сочиненіе украшено богатѣйшими рисунками, каковыхъ еще не бывало при изданіи нашихъ книгъ. Описаніе одеждъ и вооруженій, составлено по Высочайшему повелѣнію.

рукавьями. Богатые украшали жемчугомъ и камнями.—Козырь или стоячій воротникъ, предметъ щегольства и роскоши, дѣлался атласный, бархатный и парчевый: онъ вышивался серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями. Выраженіе, употребляемое доселѣ: *онъ ходитъ козыремъ, онъ смотритъ козыремъ*, означаетъ чваннаго и тщеславнаго блескомъ своей одежды. Изъ дому не выходили въ кафтанѣ, а надѣвали на него ферезь: длинное платье, почти до лодыжекъ, съ таковыми же длинными рукавами, безъ перехвата и воротника; она застегивалась напереди длинными петлицами съ пуговицами; шилась изъ бумажныхъ матерій, сукна, бархата и парчи.—Простолюдины надѣвали ферезь на рубашку, и предпочитали бѣлый и синій цвѣты. На ферезь надѣвали охабень или охобень: это длинное платье до самыхъ пятъ, но гораздо шире, съ прорѣхами подъ рукавами и съ откиднымъ четверугольнымъ воротникомъ, который висѣлъ почти до половины спины, иногда ниже, и вышивался подобно козырю. Охабни шились изъ обьяри, атласа и бархата.—Однорядки во всемъ похожи на охабень; были безъ воротника и шились изъ сукна, каразеи и другихъ шерстяныхъ матерій.—Въ зимнее время носили русскія и турскія шубы, на разномъ мѣху; ихъ покрывали сукномъ, камкою, атла-

сомъ, бархатомъ и парчею. Русскія шубы были похожи на охабень, но съ рукавами и отложнымъ мѣховымъ воротникомъ. Напереди застегивались пуговицами или завязывались шнурами, съ длинными висячими кистями.—Турскія шубы имѣли покрой русскій, но широкіе и длинные рукава, до кистей рукъ. Иные дѣлали двойные рукава: одни надѣвались на руки, а другіе закидывались сзади для украшенія.

Одежды: терликъ, турскій кафтанъ, становой кафтанъ, зипунъ, платно, опашень и кожухъ, исключительно употреблялись при дворѣ. Терликъ во всемъ похожъ на ферезъ, но былъ съ перехватомъ; напереди дѣлались короткія петли; отъ шеи вдоль обѣихъ полъ, по подолу и рукавамъ, обшивали серебряннымъ и золотымъ гасомъ, унизывали жемчугомъ и камнями. Рукава шли короче ферези и безъ сборовъ.—Турскій кафтанъ, длинное платье безъ воротника и петель; правую полу закидывали за лѣвую, застегивали у шеи и на лѣвомъ боку.—Становой кафтанъ былъ во всемъ подобенъ турецкому, съ широкими и не длинными рукавами; вверху застегивали запонкой, и полы забирали за полы, шили преимущественно изъ шелковыхъ матерій. Его носили Государи поверхъ зипуна. Такого покроя кафтаны доселѣ носятъ купцы, съ тою разницею, что рукава у нихъ въ обхватъ.—

Зипунъ тоже что кафтанъ, но съ короткими петлями безъ козыря. Зипуны подбивались мѣхомъ и украшались стоячимъ ожерельемъ вокругъ шеи, осыпаннымъ жемчугомъ и каменьями.—Платно во многомъ сходствовало съ ферезью; оно имѣло короткіе рукава и застегивалось короткими петлями; надѣвали на становой кафтанъ и носили одни Государи, потому шили только изъ бархата и парчи; вокругъ унизывали кружевами изъ жемчуга и дорогихъ каменьевъ.—Опашень, похожій на платно, шился съ короткими рукавами.—Кожухъ былъ тоже, что опашень, но подбивался мѣхомъ. Становой кафтанъ, платно, опашень и кожухъ, носили Государи и Царевичи. Кафтанъ, зипунъ и кафтанъ турскій, подпоясывались кушаками и поясами.—Вообще старинныя наши одежды имѣли, внизу боковыхъ полъ, прорѣзы, которыя застегивались петлицами.

Въ старинныхъ нашихъ бумагахъ встрѣчаются еще названія одеждъ: бугай, портище, ментеня и чюга, и какъ видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій, они были дорогія, носились Великими Князьями и знатными баярами.—Бугай подбивался собольимъ или другимъ дорогимъ мѣхомъ, и имѣлъ наплечники, усаженные жемчугомъ и каменьями. Портище вѣроятно носили на плечахъ, ибо было съ бармами, и шили изъ дорогой матеріи. Ментеня, верхняя одежда, шилась изъ

бархата и атласа, подбивалась мѣхомъ и уни-
зывалась жемчужными кружевами. Чюга шилась
изъ камки, бархата и сукна; подбивалась таф-
тою и опушку имѣла атласную, или подбива-
лась соболями и другими мѣхами; впереди за-
стегивалась на пуговицахъ; пуговицы были зо-
лоченныя, петли серебрянныя, а концы петель
затканы золотомъ. (*)

Люди всѣхъ сословій носили рукавицы, и *Рукавицы.*
смотря по состоянію, онѣ были кожаныя, сукон-
ныя и бархатныя, съ серебрянными и золоты-
ми узорами; дѣлались однако холодныя, теплыя
и перчататыя. Должно думать, что отъ послѣд-
нихъ произошло названіе перчатокъ. Рукавицы
крестьянскія были таковой же формы, какъ
нынѣшнія, и такъ же тесненныя по краямъ.
Для зажиточныхъ же купцовъ, дворянъ, бояръ и
Великихъ Князей, онѣ шились изъ сукна и бар-
хата, подбивались мѣхомъ съ собольей опушкою;
рукавицы перчататыя были атласныя, суконныя,
оленьи, лосиные и вязанныя изъ шелку. Ихъ
иногда подбивали мѣхами и атласомъ; при нихъ
носили дорогія запястья; низанныя жемчугомъ
и шитыя *волооченымъ* золотомъ съ шелками;
по краямъ нашивалась бахрама. Нѣтъ сомнѣнія,

(*) О бугавъ и портищъ см. собр. госуд. гр. и дог. ч.
4 с. 34 подъ 1328 г.; о ментель, — собр. госуд. гр. и догов.
ч. 4 с. 417., о чугъ г. Висковат.: Истор. описаніе одеждъ
и вооруженій ч. 4 прим. 43.

что женскій полъ носилъ щегольскія рукавицы и перчататыя рукавицы.

Не только драгоценныя украшенія, золотыя и серебряныя сосуды; но и одежды завѣщивали Великіе Князья своимъ дѣтямъ. В. К. Іоаннъ калита пишетъ въ духовной: изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону: червленную шубу съ жемчугомъ и шапку золотую; Ивану обьярненную шубу съ жемчугомъ и коць великій съ бармами; Андрею бугай соболій (шубу) съ наплечниками; Марин и Феодосьи: два кожуха съ *аламы* (наплечники съ застежками), унизанныя жемчугомъ. (*)

*Извѣстія
обънарядѣхъ
полов. XVI
вѣка.*

По извѣстію Англичанина Турбевиля, половины XVI вѣка, Русскіе носили весьма длинныя рубашки съ отложными воротниками, которые у богатыхъ унизывались жемчугомъ, а рукава обшивались шелкомъ. Поверхъ spodняго платья, надѣвали полукафанъ (**), а на него однорядку. Одна пара льняного платья достаточна была для каждаго Русскаго, который носилъ ее и зимою. Поверхъ однорядки надѣвалась мѣховая шуба, и смотря по состоянію, она вышивалась шелкомъ и серебромъ. Бѣдные носили армякъ на бараньемъ мѣху, азымы и сермяги. Армяки шились

(*) Собр. госуд. грам. и догов. т. 4 с. 34, писано за вѣщаніе въ 1318 или 1331 г.

(**) A garment jacket.

изъ холста, а азямы и сермяги изъ толстаго сѣраго сукна, отъ чего послѣднiе получили названiе сермягъ. Азямы и рмяги шились съ узкими рукавами въ длину до колѣнъ, застегивались на переди петлями и пуговицами, и подпоясывались поясомъ (*). Сапоги съ заостренными носками, дѣлались на подковахъ, волосы стригли, и тотъ считался въ опалѣ, кто ихъ отращивалъ.

Было величайшимъ наказанiемъ для сановниковъ, когда были обязаны носить длинные волосы. По нѣскольکو мѣсяцевъ тужили, что прогнѣвили Царя. — Такая кара, подкрѣпляемая общимъ презрѣнiемъ къ опальнымъ, дѣйствовала на нихъ сильнѣе пеней.

Мушны и женщины наряжались въ разноцвѣтные платья.

Бородъ мушны не стригли, исключая одного случая, когда В. К. Василiй, желая казаться молодежавымъ для своей супруги Елены, обрилъ свою бороду (1526 г), и всегда заботился, чтобы нравиться молодой женѣ.

(*) Въ словарь россiйской академiи такъ опредѣлены азямъ и рмяги. Азямъ родъ одежды, подобной покроемъ русскому кастану, употребляемый въ некоторыхъ областяхъ простымъ народомъ, вмѣсто лѣтняго платья. Сермяга толстое и грубое сукно, изъ котораго поселане шьютъ себѣ одежду. — Между Франками былъ въ употребленiи азямъ: *acesmes*, *achesmes*, — см. La combe: Diction. du vieux langage François, изд. 1762 г.

Страсть Женскій полъ страстно любилъ румянить-
къ *румя-* ся, и тотъ мужъ, который не покупалъ для своей
намь. жены бѣлилъ, значило, что онъ не любилъ ее.

Женщины красили щеки, губы, подбородокъ и брови, и намазывались до того, что отвратительно было смотрѣть на нихъ. Гостю позволялось румяниться въ присутствіи женщины, ибо этимъ онъ доказывалъ къ ней свое уваженіе (*). Другія бѣлили и румянили дорогія головныя повязки (вѣнички), украшенныя золотыми и серебряными звѣздочками.

(*) Turbeville: Certaine letters in verse,—писано имъ къ его другу, пом. въ собр. Гаклюйта, т. I. с. 432 in 4°, изд. 1809 г. Mach: A relat. of three embas. of Carlisle, с. 40.; Окрашиваніе головныхъ повязокъ см. Tanner: Leg. Moscov. с. 49.; Olear: Offt. begehrt. Beschr. der Neu. Orient. Reise, с. 137. ed. 1647 г.; Маерб. Voyage en Moscov. с. 149. ed. Leid.

Если румянились мужчины, то это они дѣлали изъ угожденія къ прекрасному полу: на все была мода, а мода страшный тиранъ. — Но чѣмъ можетъ оправдаться вывѣшная молодежь? Пусть это дѣлаютъ кокетки, беззубыя вѣдыхательницы и старыя волокиты, а нецвѣтущая молодость, всегда пѣвнительная — Шекспиръ хорошо сказалъ о пристрастныхъ къ румянамъ: I have heard of your painting too, wellenough. — God has given you one face and you make yourselves another. You jig, you amble and you lisp and nickname God's creaturees and make your wantoness your ignorance.—Hamlet, act. III. scen. II.— На многихъ старинныхъ иконахъ сохранились надписи, грозящія адскимъ мученіемъ тому, кто колдууетъ, бѣлится, украшаетъ себя богатыми одеждами и дѣлаетъ соблазнъ. Вотъ одна надпись: *женскій полъ за чары и безчинное убѣленіе лицъ, за прелестное украшеніе ризъ и за прочая соблазнъ, идутъ въ муку вѣчную.*

Свѣдѣнія Англичанина Флетера, бывшаго въ Москвѣ въ концѣ XVI в., гораздо полнѣе.— Недостаточные носили зимою, поверхъ овечьихъ шубъ, широкіе, длинные по икры, изъ толстаго сѣраго или бѣлаго сукна зипуны. (*) Изъ такого же сукна дѣлали споднее платье, шапки и рукавицы; бѣдные носили жупаны или зипуны, приготовленные изъ коровьей шерсти, а въ лѣтнее время довольствовались: рубахою съ косымъ воротникомъ и споднимъ платьемъ изъ холстины или пестряди.— Богатые отличались всегда роскошью и изысканностію: они носили рубашки съ шитыми воротниками, дѣлавшимися около шеи безъ складокъ; лѣтомъ хаживали у себя въ домѣ, когда не было постороннихъ, въ однихъ рубашкахъ; шею покрывали узкимъ жемчужнымъ козыремъ или стоячимъ воротникомъ, толщиною въ три или четыре пальца; поверхъ рубашки надѣвали легкій шелковый жупанъ, который былъ до колѣна; сверхъ жупана надѣвали узкій парчевый кафтанъ съ персидскимъ кушакомъ, за который затыкали кинжалъ и ножъ; поверхъ кафтана была шелковая и широкая фередъ, подбитая мѣхомъ. Это была самая почетная и торжественная одежда бояръ и всѣхъ чиновниковъ. Она употре-

Продолженіе извѣстій о нарядахъ.

(*) Между Франками употреблялся зипунъ (giran), см. La Combe: Diction. du vieux langage François, изд. 1762 г.

блялась для придворныхъ выходовъ, и шилась по бархату золотомъ; была и обьяриная.

При приѣмѣ иностранныхъ пословъ, переѣняли по нѣсколько разъ кафтаны. Недостаточные получали изъ казны: золотыя, серебряныя, парчевыя и изъ персидской ткани одежды, и высокія шапки изъ чернаго лисьяго мѣха. Это великолѣпіе изумляло иноземцевъ; они говорили единогласно, что Царскій дворъ былъ облитъ въ золото. Иные представлялись ко двору въ цвѣтномъ платьѣ, шитомъ изъ обьяри, камлота или тонкого сукна съ золотыми нашивками; голову покрывали черной шапкою.

Придворная одежда.

Указомъ 1680 г. дек. 19 предписывалось являться ко двору въ ферезахъ, только однимъ боярамъ, окольниковымъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и дьякамъ. На ферезь набрасывали охабень, длинное платье съ рукавами и воротникомъ.—Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, въ концѣ XVII вѣка, не велѣно никого впускать во дворець, одѣтаго въ охабень.—Во время выѣздовъ надѣвали, поверхъ охабня, однорядку, длинную одежду изъ сукна или камлота, дѣланную безъ воротника; въ военное время употребляли корзнь, родъ епанчи. Сапоги носили сафьянные и часто обшивали жемчугомъ; нижнее платье было атласное или парчевое. Головы покрывали

высокими собольими, горлатными и лисьими шапками (*). Названіе горлатныхъ шапокъ произошло отъ употребленія мѣха отъ душекъ, или горла пушистыхъ животныхъ. Онѣ дѣлались вышиною почти въ аршинъ: вверху ширѣ, а къ головѣ уже. Къ этой шапкѣ иные прикрѣпляли пушистое высокое перо, на дорогомъ запонѣ или застежкѣ, усыпанное камнями. У другихъ шапокъ верхъ былъ парчевый или бархатный, а снопъ соболій или рысій. Иные унизывали жемчугомъ, и къ верху привязывали кисти съ дорогими камнями, и таковыя шапки назывались *мурманками или мурманкою*. Борисъ Годуновъ, при приѣмѣ константинопольскаго патриарха Іереміи 11., стоялъ у трона Царя Теодора *въ шапкѣ мурманкѣ и золотой одеждѣ на опанку*.—Мурманки были высокія, съ плоскою тульею и къ головѣ ширѣ; дѣлались безъ бархата и парчи, и вмѣсто мѣховаго околыша, имѣли мѣховую съ отворотами лопасть, которая въ двухъ мѣстахъ у тульи пристегивалась пуговицами на петляхъ. Къ нимъ прикрѣпляли иногда дорогое или жемчужное перо.

Обыкновенное же платье бояръ, какъ самое старинное, это было: черное бархатное, иногда

*Болгская
одежда.*

(*) Названіе шапокъ въ первый разъ встречаемъ между иностранцами у Олеарія: *Offt begehrt. Beschf. der. Reisen Oriental. Reise, с. 136 ed. Шлезв. 1647 г.*

унизанное по краямъ дорожными камнями и жемчугомъ, и употреблялось почти до половины XVIII вѣка. Носили еще фюфудіи, — самая древняя одежда мужчинъ и женщинъ, а подпоясывались малиновыми или красными поясами. — Волоса стригли, ональные отращивали ихъ весьма длинно, такъ что они закрывали лице и лежали разбросанными по плечамъ (*). Остриженную голову закрывали маленькою скуфьею, плетеною изъ золотыхъ или серебрянныхъ нитокъ, и унизанною жемчугомъ и дорожными каменьями. Повертъ скуфьи надѣвали тафю, — высокія шапки изъ черныхъ лисиць или другихъ мѣховъ, которыя не снимали въ присутствіи самаго Государя.

При Царѣ Іоаннѣ IV было запрещено соборомъ носить тафю, особенно входить съ ними въ церковь, вѣроятно потому, что онѣ были собственно татарскія шапки. Не смотря на запрещеніе, многіе носили: Царевичъ Дмитрій носилъ суконную, которая нынѣ хранится въ ризницѣ московскаго архангельскаго собора, и убрана ахонтами и жемчугомъ.

Государи и бояры носили еще нгубы, называвшіяся: бостроги, кожухи и терлики. Онѣ

(*) Оная, судя по достоинству людей и важности преступленій, была различная: 1. Запрещалось ходить ко двору. 2. Вызвать изъ своего дома. 3. Повелѣвалось жить въ деревнѣ. 4. Снимали чины и писали въ дворяны по городу и 5. Сажали въ тюрьму.

были, но большей части, бархатныя съ золотыми шнурами и кисточками, на дорогихъ собольихъ или лисьихъ мѣхахъ. Были еще и лѣтніе терляки.—Сапоги подбивали гвоздями и подковами серебрянными; иные унизывали: по швамъ, носкамъ и каблукамъ жемчугомъ; иногда драгоценными каменьями.—Великокняжескій домъ носилъ боярскую одежду, которая отличалась однимъ блескомъ и пышностію.

Богатство Царской одежды было ослѣпительное, особенно когда наши Государя являлись въ торжественные дни къ выходу или короновались. Царь Феодоръ, по сказанію очевидцевъ, превосходилъ великолѣпіемъ всѣ предшествовавшія коронованія. Одинъ скипетръ, осыпанный драгоценными каменьями, былъ длиною въ $3\frac{1}{2}$ фута, и стоившій нѣсколько милліоновъ на наши деньги; одежда Царя вѣсила не менѣе 200 фунтовъ; шесть князей держали хвостъ мантии; вельможи сіяли брилліантами, яхонтами и жемчугомъ удивительной величины, цѣнные на милліоны. (*)

*Богатство
Царской
одежды.*

О нарядѣ Царя Михаила, бывшемъ во время его бракосочетанія, сказано, что онъ былъ въ кожухѣ золотномъ аксамитномъ, на соболяхъ, и въ шубѣ русской собольей, крытой бархатомъ золотнымъ, замотавъ полы за плеча.

(*) Горсей: Coronation, въ собр. Гакл. с. 527 и 528.

*Награда
одеждой за
васлуги.*

Францискъ да Коло пишетъ, что Великіе Князья жаловали храбрыхъ и любимыхъ воиновъ одеждами: шелковыми, суконными, парчевыми и шубами. Этой одежды всегда лежало въ великомъ множествѣ въ кладовыхъ, занимавшихъ въ Москвѣ цѣлую улицу.

Контарени получилъ отъ Іоанна III въ подарокъ 1000 червонцевъ и богатую кунью шубу, и приказалъ ему, чтобы онъ, одѣвшись въ нее, явился во дворецъ. (*)

(*) Frances. da Collo: *Trat. di pace tra re di Polon. e gran prenc. di Moscovia*, на обор. 53. л. до 54., пом. у Чилли; Contarini: *Voyag. de Perse en 1473 г.*, с. 55. пом. въ собр. Бержер. ed. 1735 г. in 4°.

Объ одеждѣ, хранившейся въ великомъ множествѣ въ царскихъ кладовыхъ, подтверждаетъ сказаніе Франц. да Коло Гваньинъ: *Kronika Sarmacyeu Europskiey*, с. 514, изд. 1611 г. — Гваньинъ, родомъ Италіянецъ изъ Верона, служилъ въ польской службѣ въ концѣ XVII в., и былъ комендантомъ въ Витебскѣ. Онъ пишетъ между прочимъ: въ кладовой Великаго Царя хранится весьма много дорогихъ одеждъ, сошитыхъ единственно для торжественныхъ случаевъ. Когда пріѣзжаетъ посольство отъ короля или цезаря, тогда выдаются одежды дворянамъ, по приказанію Царя, а потомъ возвращаются въ кладовую. — Недостаточные изъ дворянъ, отправляясь въ гости къ своимъ знакомымъ, или на крестины или на какое нибудь празднество, берутъ въ займы одежду изъ царской кладовой, обязываясь заплатить, по условію, за носеніе платья. Если оно запачкается, или окажется малѣе, шее на немъ пятно; то онъ долженъ заплатить, во что оно будетъ оценено. Если же въ другой разъ испортитъ платье, то для напоминанія о бережливости, наказываютъ его кнутомъ.

Іоаннъ IV, по покореніи казанскаго царства, жаловалъ отличныхъ воиновъ шубами золотыми и бархатными на собольихъ мѣхахъ; ковшами золотыми и кубками. (*)

По изгнаніи Кази-Гирея, хана крымскаго, изъ предѣловъ Москвы, Царь Феодоръ украсилъ кн. Мстиславскаго и Бориса Годунова, золотыми португальскими червонцами, а прочихъ воеводъ корабельниками и венгерскими червонцами; потомъ надѣлъ на Бориса Годунова, съ своихъ плечъ, русскую шубу съ золотыми пуговицами и драгоцѣнную цѣпь; на кн. Мстиславскаго такую же шубу, и подарилъ ему кубокъ съ золотою чаркой.

Боярскія жены, знатныя и богатыя покрывали волосы шелковой сѣткою, обвязывая *Нарядъ боярынь.* голову бѣлой повязкою, или носили тафтяную шапочку, обыкновенно изъ краснаго цвѣта, съ шелковымъ бѣлымъ повойникомъ или шдыкомъ. Для наряда надѣвали большую парчевую шапку, опушенную мѣхомъ и унизанную жемчугомъ и дорогими каменьями; не замужнія и бездѣтныя отличались черными лисьими шапочками.—Нѣкоторыя знатныя перестали было украшать шапки жемчугомъ, по той причинѣ, что таковыя же стали носить купеческія и

(*) Царствен. лѣтоп., кн. 2. с. 329 — 330. изд. СПб. 1793 года.

подъяческія жены. — Въ уши вдѣвали золотыя серги съ изумрудами и яхонтами, длиною иногда въ два дюйма; шею покрывали жемчужными монистами, головы повязывали богато вышитыми платками. Платья ихъ были изъ тонкого краснаго сукна и разноцвѣтной матеріи; носили широкія, длинныя съ висячими рукавами и застегивались дюжиною золотыхъ пуговицъ; другія боярыни носили серебряныя парчевыя и золотыя. Воротники дѣлали откидные до половины спины, и часто собольевыя. Боярыни и ихъ дочери, шили иногда широкое платье, застегнутое спереди, безъ рукавовъ, и это называлось ферезея или ферезь, которая во многомъ сходна съ сарафаномъ. Тогда носили сарафаны не только простыя, но и боярскія жены, съ тою разницею, что у недостаточныхъ и простаго сословія, дѣлались изъ крашенины, китайки, кумачные и суконныя; у знатныхъ и богатыхъ изъ дорогой матеріи. Шили еще тѣлогрѣи, на кои надѣвали теплыя и холодныя душегрѣйки. Онѣ были совершенно сходны съ сарафанами, только гораздо короче, безъ пуговицъ и на груди съ выемкой. Поверхъ ферези надѣвали опашень изъ кармазнаго цвѣта, съ рукавами до самой земли. Это одѣяніе съзвивалось спереди, и усаживалось большими золотыми, или по крайней мѣрѣ серебрянными позолоченными пуговицами, величиною съ грец-

скій орѣхъ. Позади привѣшивался подбитый дорожникъ мѣхомъ кашимонъ, висѣвшій до половины спины.—Рубашки носили длинныя, коихъ рунава были отъ 6 до 10 локтей, и складки собирали искусно на руки.

Зимой носили картели (шубы): изъ собольевыхъ, горностаевыхъ и другихъ дорожныхъ мѣховъ; крыли ихъ бархатомъ и золотистой матерією. Лѣтомъ надѣвали лѣтвики: атласныя платья съ рукавами, или изъ другой легкой матеріи; до локтя обшивали ихъ парчею, или дѣлали складки со швами изъ матеріи другого цвѣта. Носили еще кокошники, выдававшіеся впередъ, которые были различнаго вида и величины. Тулья кокошниковъ дѣлались изъ цвѣтной шелковой ткани, парчи и штофу. Передняя сторона вышивалась шелками, унизывалась бисеромъ и жемчугомъ а по мѣстамъ цвѣтными камнями. Иныя дѣлали ихъ круглыми, шириною въ пять или шесть вершковъ, и довольно низкими. Другія дѣлали высокими, иногда въ полъ-аршина, съ торчащимъ вверхъ клиномъ. На рукава платья надѣвали широкія запястья изъ золота, усаженные жемчугомъ и драгоцѣнностями; пальцы украшали кольцами и перстнями; сапожки носили сафьяные: желтые, малиновые и голубые, шитые золотомъ, жемчугомъ, но на высокихъ каблукахъ. Марина Минишевъ,

въ день своей свадьбы (1606 г. мая 8), была въ русскомъ, красномъ бархатномъ платьѣ, съ широкими рукавами и въ сафьяныхъ сапожкахъ; весь ея нарядъ былъ усыпанъ алмазами, яхонтами и жемчугомъ; вѣнецъ на ея головѣ, ослѣплялъ сіяніемъ. Самъ высококомѣрный Лжедмитрій былъ усыпанъ, съ ногъ до головы, алмазами и драгоценными каменьями. (*)

Женскій полъ очень любилъ бѣлиться и румяниться и считалъ за нарушеніе приличія, если не слѣдовалъ обще принятому обычаю (**). По извѣстію Посевина богатые и знатныя жен-

(*) Petrejum: Histor. und Berichte vom Großfürstent. Muskow, et. с. 337—339, изд. 1620 г.

(**) Сиряне, Вавилоняне и Арабы, красили глаза. Гречанки и Римлянки, желая всегда имѣть живыи цветъ лица, придумали румяны, а именно: бѣлили и румяную краску. Римскіе поэты, восхваляя своихъ красавицъ, говорятъ, что дочь Юоны, похитивъ у своей матери ящикъ съ румянами, подарила его дочери Агенора. Искусство бѣлиться и румяниться перешло отъ Гречанокъ къ Римлянкамъ, и покрываться ложными красками отнюдь не было стыдно, потому что самыя богини любили краситься, — вѣрно онѣ были дурныя! — Итальянцы, находившіеся при дворѣ Екатерины Медицисъ, ввели во Францію румяна; оттуда они распространились повсюду, и къ намъ зашли не ранѣе конца XV в. — Францужанки, натиравшія рѣсницы сурмою, еще растягивали ихъ, чтобы глаза были большіе. На востокъ вообще любили большіе и черные глаза, — и эта краса перешла въ Европу. — Доньятъ многіе народы Азіи, Аѳрики и Америки красятся черною, желтою и красною красками; руки, грудь, щеки, губы и лобъ натираютъ разными красками, по наколенному узору.

щины имѣли обыкновеніе носить по три платья, надѣвая одно на другое. Если бы которая одѣлась въ одно, то это приписывали къ ея неблагопристойности и безчестію.

Описанный женскій уборъ былъ общій для Царицъ и Царевенъ, которыя распознавались только по особо оказываемому имъ почтенію, или чрезвычайному блеску одѣянія.

Арсеній, пріѣзжавшій съ патриархомъ Іереміемъ въ Москву (1590 г.), и видѣвшій блестящія украшенія Царицы Ирины, говоритъ: нельзя постигнуть разуму человѣческому, какими драгоценностями была унижена голова Царицы! Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на ея корону, тѣмъ болѣе изумлялся. Корона ея, обведенная двѣнадцатью столбами, представляющими Іисуса Христа и Его Апостоловъ, вся составлена изъ одного жемчугу и весьма искусно усѣяна рубинами, алмазами, топазами, аметистами, сафирами и другими драгоценностями (*).

Уборъ Царицы Ирины.

Женщины и дѣвушки изъ духовнаго сословія, одѣвались точно такъ же, какъ свѣтскія. Замѣчательно что между рисунками старинныхъ одеждъ, бар. Маерберга, представленъ священникъ въ фезези теплой.

Одежда женская, духовнаго сословія.

Дѣвицы заплетали волоса въ косу, голову *Нарядъ дѣвичій.*

(*) Arsenii: Descriptio itineris in Moscoviam, с. 99—100, пом. въ собр. Вихм. ч. I.

повязывали широкою повязкой, называемой лентою, потому что она была или изъ однихъ лентъ, или широкаго позумента; богатыя накладывали жемчужныя *поднизья*, оставляя верхъ головы открытымъ. Изъ подъ повязки ниспадала по спинѣ коса; къ концу коей привѣшивался косникъ, который ничто иное былъ, какъ изъ картузной бумаги трехъугольникъ, шириною въ два или три вершка: обшитый шелковою тканей, унизанный разноцвѣтнымъ бисернымъ узоромъ или жемчугомъ и каменьями. Косу заплетали, какъ можно слабѣе и пошире, раздѣливъ волосы на множество прядей и перевивъ ихъ золотыми нитками, а богатыя переплетали нитки жемчугомъ.

Заплетаніе косы составляло большее искусство. Надобно было, чтобы коса закрывала всю шею широкой рѣшеткою, которая постепенно сзуживалась бы до самого косника. Дѣвицы, отправлявшіяся подъ вѣнецъ, не заплетали волоса въ косу; но распускали по плечамъ, и въ этомъ положеніи вѣнчались. По совершеніи бракосочетанія, свахи выводили новобрачную въ трапезную или на паперть, снимали съ головы ея дѣвичій уборъ, и раздѣливъ волосы на двое, заплетали въ двѣ косы; потомъ, обернувъ ими голову, надѣвали кокошникъ, наконецъ покрывали фатою и подводили къ но-

вобрачному, который, во все это время, ожидалъ ее на своемъ мѣстѣ въ церквѣ (*).

Платье обоего пола было почти одинаково; женскій полъ высшаго сословія и богатей, распознавался нѣжностію сложенія, но въ простомъ сословіи: женщины и дѣвушки, не могли быть различены отъ муницъ, по причинѣ одинаковой съ ними одежды. Десятилѣтнія дѣвушки и мальчики, ходили въ однѣхъ длинныхъ рубашенкахъ; всѣмъ имъ стригли одинаково волоса на головѣ, оставляя висячими по

Единообразіе одежды обоихъ половъ.

(*) Флечерь: Com. wealth; Jenkinson: The first voyage from the citee of London toward the land of Russia, begun the 12 of may 1557, с. 351. Такъ же Флечера: The embassy from her Majestie to Theodor the Emperor of Russia, — все это пом. въ собр.: Гакл. Collection of the early voyage, travels and discoveries of the english nation, ч. I. с. 1809 г.; Гваъинъ: Kronika Sarmacyey Europskiey, изд. 1611 года, с. 514; Petrejum: Histor. und Ver. vom Großfürstenthumb Muscov, с. 593, 595, 596 и 613; Maerberg: Voyage en Moscov, с. 100—101 ed. Leid. 1638. г. Въ рисункахъ къ путешествію его по Россіи, издан. въ 1827 году на счетъ государствен. канцлера графа Н. П. Румянцева, изображены тамъ старинная одежды вѣсколько сбивчиво, за всѣмъ тѣмъ онѣ во многомъ согласны съ описанной одеждою. См. рисунки XXVII—XXXIX. — Новик. Древ. рос. вивл. ч. II с. 222; Болтинъ: Примѣч. на востор. Леклерка т. I. с. 437—441; Mach. A relat. of three embass. of Carlisle, с. 42—46. — О платьяхъ при приѣмъ пословъ, см. Marger. Éstat da l'emp. de Russie, л. 15, 16 и 19, изд. Париж. 1607 г.; Лѣт. съ воскрес. сп. ч. I. с. 69. изд. 1793 г.; Korb: Diar. itin. in Moscov. ed. Vien. in f. с. 208—209.

два локона, и двушекъ можно было узнать по однимъ длиннымъ волосамъ (*).

*Ношеніе
иностран-
цами рус-
ской одеж-
ды.*

Всѣ упомянутые наряды и одежда, болѣе или менѣе употреблялись до конца XVII в.—Иностранцы, жившіе у насъ по торговымъ дѣламъ и находившіеся въ служеніи, должны были носить наше платье: если не хотѣли подвергать себя посмѣянію и презрѣнію. Въ послѣдствіи имъ было запрещено носить русскую одежду.

*Запреще-
ніе в ино-
странцамъ
носить
русскую
одежду.*

Во время одного крестнаго хода патриархъ осѣблялъ крестомъ народъ, который, по своему обычаю, дѣлалъ земные поклоны, но какъ находившіеся тутъ иностранцы, одѣтые по русски, не слѣдовали нашему обряду; то патриархъ, за неуваженіе къ святынь, прогнѣвался на нихъ и запретилъ имъ носить русскую одежду (**).

*Запреще-
ніе о введе-
ніи инозем-
ныхъ обы-
чаевъ.*

Подъ конецъ Царствованія Алексѣя, запрещено было (1675 г. авг. 6): стольникамъ, стряпчимъ, московскимъ дворянамъ и жильцамъ, перенимать нѣмецкіе обычаи, носить ихъ платья, шапки и стричь волосы по иноземному. Кто же

(*) Olear: Oftt begehrte Beschr. der Neuen Oriental. Reise, с. 136 и 137. ed. 1647 г. — Тамъ же с. 15 alle so wohl Wegden als Jungen mit abgeschnittene Haaren auff beyden seiten hangenden Locken, und in langen Hemdden giengen, daß man die Wegden von den Jungen nicht unterschieden kunte. Wolte unser Medicus dessen gleichwol Wißenschaft haben, grieff einen von sechs Jahren nach dem Hemdde, troff aber ein Knablein an, dieser sagte lachende: *devke niet*, вѣтъ не двѣка.

(**) Olear. Voyage en Moscovie, с. 200.

ослушивался, тотъ подвергался опалѣ, а изъ высшихъ чиновъ переписывали въ низшіе.

Въ бытность въ Москвѣ англичскаго посла Карлиля, во второй половинѣ XVII в., одѣвались такъ же какъ и прежде: въ широкія и длинныя платья, коихъ рукава ниспадали до пядей, но ихъ подбирали въ многочисленныя складки, съ большимъ искусствомъ; носили полукафтаны, длинные по икры, съ большими висячими воротниками. Знатныя особы одѣвались въ кафтаны до колѣвъ, съ стоящими воротниками, кои сзади были шире и выше, нежели спереди; ихъ покрывали бархатомъ и парчевой матерію. Споднее платье было узкое. Головы покрывали высокими колпаками, съ однимъ отверстіемъ впереди и другимъ сзади: богатые носили кармазиновые и бархатные, и унизанные жемчугомъ; купцы дѣлали суконные, а бѣдные войлочные, кои пестрили разноцвѣтными кусочками сукна. На зиму подбивали мѣхами. Рубашки, составляя щегольство, вышивались шелкомъ; воротникъ, нарукавники и грудь, блистали золотою вышивкой и жемчугомъ. Носили полусапоги остроконечныя, съ весьма высокими каблуками; подборы подбивали гвоздями.— Большая часть дворянства, носила уже тогда башмаки и шелковые чулки или вязаные шерстяные; поселяне и рабочіе обворачивали ноги вой-

*Одежда
въ полов.
XVII вѣка
и пристра-
стіе къ ру-
мянамъ.*

локомъ или толстымъ сукномъ; бороды отращивали длинныя, а волоса на головѣ имѣли короткіе. Должно отдать справедливость, говоритъ Мъежъ, что Русскіе, не говоря о прекрасной ихъ наружности и хорoшемъ сложеніи, гораздо еще важнѣе въ своихъ длинныхъ одеждахъ, высокихъ колпакахъ, съ своими короткими волосами и длинными бородами, нежели большая часть Европейцовъ въ ихъ одѣвнiяхъ.— Платье простаго народа, въ отношеніи покроя, было тоже что у знатныхъ, отличавшихся отъ нихъ бархатами, атласами и парчею; горожане носили суконное: темнокрасное, темнозеленое и фіолетокрасное, а бѣдные изъ толстаго сукна, дѣлаемаго ими самими. На зиму подбивали платье, смотря по состоянію и важности, дорогими мѣхами: собольевыми, лисьими, горностаевыми, бѣличьими, зайчьими и пр.; простолюдины носили овечьи полушубки. Женскій нарядъ отличался отъ мужского, шириной и длинными рукавами. Рукава ихъ рубашекъ были довольно узкіе, но отъ трехъ до четырехъ аршинъ длины, почему собирали въ складки, которыя покрывали сгибы самыхъ пальцевъ. Полусапоги носили такіе же, какіе мужчины. Волоса заплетали дѣвушки въ двѣ плетенки, которыя висели по спинѣ; женщины подбирали ихъ подъ чепецъ. Надобно замѣтить, продолжаетъ Мъежъ, что

женщины вообще имѣютъ правильныя черты лица и прекрасно сложены; но такъ преданы бѣлиламъ, что едва можно ихъ увѣрить, что онѣ безъ румянъ хороши (*).

Страсть бѣлиться и румяниться, продолжалась до нашихъ временъ. И теперь, многія купеческія жены имѣщанки, не покидаютъ этой дурной привычки. Въ этомъ однако нельзя обвинять ихъ однихъ. Очень многіе изъ другаго сословія прибѣгаютъ къ постыдному средству краситься и румяниться, думая привлечь воздыхателей поддѣльной красотой, или обмануть глаза другихъ, натираясь румянами. (**)

Слѣдующая простонародная пѣснь, явно показываетъ, что для того только бѣлятся и сурмятся, чтобы нравиться:

Ахъ! на чтожь было,

Да къ чемужь было,

По горамъ ходить,

По крутымъ бродить!

(*) Mieg: La relat. de trois embass. de com. Carlisle, с. 329—334, ed. Amsterd. 1672 г.

(**) Дикари, стараясь казаться красавцами, намазывали тѣло красками, выводя по нему узорами. При открытіи Америки Испанцы видѣли не только женщинъ, но мужчинъ, проводившихъ цѣлыя дѣвь за уборнымъ украшеніемъ, состоявшимъ въ натираніи масломъ и краскою, — это составляло ихъ одежду. Они не прежде могли выйти къ нимъ, пока не покроютъ себя мастикою, извиняясь предъ ними, что они еще голыя (не одѣтыя): by saying that they cannot appear, because they are naked.—Roberts: Hist. of America, кн. 4, с. 120 и с. 348 прим. 78 изд. 1828 г.

Ахъ! на чтожь было,
Да къ чемужь было,
Мнѣ младѣшникъ,
Соловья ловить!

У соловушки
У младенькова,
Бѣдной пташечки,
Одна пѣсенка.

У меня молодой,
У меня молодой:
Одинъ дряхлый мужъ,
Одинъ дряхлый чортъ.

Да и тотъ со мной,
Да и тотъ съ молодой
Не въ ладу живетъ,
И не любитса.

Не бѣлись мое,
Не бѣлись мое,
Лице бѣлое,
Лице полное!

Не румяньтеса,
Не румяньтеса,
Щеки алыя,
Щеки алыя!

Не сурмитеса,
Не сурмитеса,
Брови черныя,
Брови черныя!

Не носись мое,
Не носись мое,
Платъе цвѣтное,
Платъе цвѣтное!

Мнѣ на чтожь было,
Мнѣ къ чемужь было,
По горамъ ходить,
По крутымъ бродить!

Мнѣ на чтожь было,
Мнѣ къ чемужь было,
Соловья манить,
Соловья ловить!

У соловушки
У младенькова,
Одна пѣсенка,
Одна пѣсенка.

У меня молодой
У меня молодой,
Одинъ милой другъ,
Милъ сердешенькой.

Да и онъ со мной,
Да и онъ со мной,
По любви живетъ.
Верно любитса.

Ты бѣлись мое,
Ты бѣлись мое,
Лице бѣлое,
Лице полное!

Вы румяньтеса,
Вы румяньтеса,
Щеки алыя,
Щеки алыя.

Вы сурмитеса,
Вы сурмитеса,
Брови черныя
Соболиныя!

Ты носись мое,
Ты носись мое,

Платье цвѣтное
И нарядное!

Іоаннъ III, дозволивъ полезнымъ иностранцамъ селиться въ Москвѣ, покровительствовалъ имъ и не препятствовалъ введенію иностранныхъ обычаевъ. Внукъ его Іоаннъ грозный, имѣлъ намѣреніе ввести нѣмецкіе обычаи и законы. (*) Борисъ Годуновъ не воспрещалъ перенимать нѣмецкіе обычаи, замышляя совершить преобразование; но преждевременная смерть прекратила его предначертанія. Первый самозванецъ презиралъ уже наши обычаи, и вводилъ польско-нѣмецкое. Цари: Михаилъ и Алексѣй, постепенно вводили науки, не воспрещали иноземцамъ жить по своему обычаю, а Русскимъ заимствовать отъ нихъ не одно просвѣщеніе, но образъ жизни и одежды. Напрасно думаютъ, что Петръ В. первый началъ вводить иностранное, и что онъ первый ввелъ науки: до него уже были посѣяны начатки, ему оставалось докончить важное дѣло преобразования.

При Царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ уже воспрещалось носить драгоценныя платья, шитыя на татарскій покрой, а повелѣвалось ходить въ польскомъ или древнемъ русскомъ. Бояринъ Ни-

Постепенное введеніе иностраннаго.

(*) Львовъ: Подробная летопись; Кар. И. Г. Р. т. IX прим. 34.

кита Ивановичъ Романовъ, давно носилъ польскія и французскія одежды, но только у себя въ деревнѣ (*).

Введеніе иностранной одежды и запрещеніе носить русскую. Въ концѣ XVII вѣка повелѣвалось всѣмъ (1699 г.), исключая земледѣльцевъ и духовенства, носить венгерское платье; потомъ предписано было (въ нач. XVIII ст.), чтобы мужскій и женскій полъ, носили опредѣленное для нихъ платье. Мужчинамъ опредѣлялось: верхнее саксонское, камзолы и spodнее платье; сапоги и башмаки нѣмецкіе.—Тогда появились у насъ польскія шубы: безъ отложнаго воротника, петлицъ и пуговицъ; онѣ шились съ просторными рукавами и мѣховой опушкой; вверху застегивались запонкою.—Такія точно и по нынѣ носятъ. Предоставлялось на произволь носить зимою кафтаны саксонскіе, или французскіе, но лѣтомъ одно французское. Всѣмъ женщинамъ, безъ исключенія, предписывалось носить: кунтуши, юбки, нѣмецкіе башмаки и нѣмецкія панки (шляпки). Черкесскіе кафтаны, русское платье и вообще все русское, какъ-то: тулупы, штаны, сапоги, башмаки, строго запрещалось носить; даже не ѣздить на русскихъ сѣдлахъ, не дѣлать и не торговать ими. На ослушниковъ полагалось денежное взысканіе: съ цѣ-

(*) Olear. Voyage en Moscovie c. 204.; Korb.: Diar. itiner. in Moscov. c. 494. ed Vien. in f.

шеходцевъ по 30 алт. и 2 деньги, съ коннаго 2 р. Портныхъ, башмашниковъ и сѣдельщиковъ вѣлно подвергать жестокому наказанію, за дѣланіе старинныхъ одеждъ и вещей (*).

Съ основанія нашего государства до конца XVII вѣка, всѣ носили единообразное платье: и мирные граждане и воины.

Съ учрежденіемъ регулярной арміи Петромъ I, въ началѣ XVIII вѣка, одежда гражданская совершенно отдѣлилась отъ военной, и съ этихъ поръ, старинная наша одежда не только стала измѣняться; но терять прежнюю свою важность и величавость, блескъ и роскошь, хотя она находила еще приверженцевъ старины, однако уже была оставлена при дворѣ, потомъ дворянами, а наконецъ даже стала быть пренебрегаема. Иноземные обычаи и одежды совсѣмъ вытѣснили ее изъ круга русскаго.

Одежду нашу безошибочно раздѣлить можно: 1. на гражданскую; называемую въ про- *Гражданская, военная и простонародная одежда.*
стонароднѣи штатскою, 2. военную и 3. простонародную. Первая не имѣетъ и тѣни русскаго: въ ней смѣсь иностранныхъ модъ. Вторая употребляется въ полкахъ, военно-учеб-

(*) Грамота о ношеніи немецкаго платья, 1705 г. марта 8 и апрѣля 28., пом. въ собран. записокъ Туманскаго: О жизни Петра I ч. 2 с. 251—252.

ныхъ заведеніяхъ, между свитскими, инженерами, при разныхъ военныхъ учрежденіяхъ, между служащими по военнымъ вѣдомствамъ, и тѣми, коимъ присвоена военная форма. Третья сохранилась въ простомъ народѣ, и хотя она понесла ощутительныя измѣненія; однако все еще сохраняетъ наружность русской одежды. Нельзя не замѣтить, что очень многіе между купеческимъ и мѣщанскимъ сословіемъ, даже между зажиточными простолюдинами, бросаютъ уже свое народное платье. — Что будетъ чрезъ сто лѣтъ?

*Введеніе
новыхъ на-
рядовъ и
благоній.*

Съ постепеннымъ распространеніемъ иностранной одежды, мужчины стали носить галстухи и манжеты, а женщины кофты, корсеты, шнуровки, локоны, гребенки, башмаки съ пряжками, перчатки, кружева, платья длинныя и широкія: на фижмахъ, робронахъ и съ шлейфами (*). На бѣлыя лица наклеивали черныя атласныя мушки, затягивались крѣпко въ корсеты, надѣвали еще предлинныя платья: фуру и полонезы, которые шились съ косыми полами. Женскіе наряды приготавливались изъ крѣпкаго гродентуру, тафты, штофа, блестящаго атласа и пушистаго бархата.

(*) Галстухи появились первоначально въ Германіи, и первые ввели ихъ Кроаты, въ 1636 г., почему таковыя платки называютъ Французы доселѣ cravates. Dict. des origines, Par. 1777 г.

Голову убирали огромными со шпильками шиньонами, и булавками разной величины и вида. Булавки были топазовыя, яхонтовыя, жемчужныя и брилльянтовыя: въ видѣ звѣздочекъ, розъ, незабудочекъ, мухъ и т. п. Пальцы унизывались кольцами и перстнями; безъ перчатокъ и вѣера, ни одна дама не смѣла появиться въ гостиную; лица румянили, почти всѣ безъ исключенія. Входя въ комнату и держа въ правой рукѣ надушенный платокъ, дѣлали реверансы и книксы очень почтительно, — присѣвъ всѣмъ туловищемъ на колѣна, — а мушцины, шаркая и размахивая платкомъ со всевозможной осторожностію, раскланивались и потомъ подходили цѣловать ручку. На рождественскіе святки и въ пасху, позволялось имъ цѣловать дамъ въ губы. — Женскіе башмаки шились съ высокими каблуками и на рипахъ. — Мушцины щеголяли въ французскихъ кафтанахъ съ мѣдными, стальными и стразовыми пуговицами; жилеты носили газетовые и шелковые, съ кружевными манжетами; нарукавныя манжеты были такъ длинныя, что онѣ закрывали пальцы; голову покрывали трехугольной шляпой, башмаки были тупоносые съ серебряными большими пряжками; а сапоги покрыты, лощенные ваксою, съ шелковыми кисточками и рипами; въ рукахъ носили

бамбуковыя трости съ костянными или металлическими набалдашниками. Такой нарядъ употреблялся, съ небольшими измѣненіями, до конца XVIII в.; но въ царствованіе Императрицы Елисаветы появились пукли и тупенъ съ длинными косами, вкладываемыми въ кошелекъ съ большимъ бантомъ; голову осыпали душистой и самой лучшей пудрою. Во время Суворова наше войско носило косы и пукли, и поэтому онъ сказалъ однажды: *пукля не пуля, коса не тесакъ*.—Екатерина II, по открытіи намѣстничествъ, назначила для гражданскихъ чиновниковъ и дворянства губернскіе мундиръ.

При Императрицѣ Аннѣ стали пудриться и дѣлать прическу волосъ, примазывая розовымъ масломъ, или помадились и наприскивались духами, — все это получали изъ Германіи и Франціи (*). Благовонное мыло, зубные по-

(*) Розовое масло вѣроятно получали изъ Румелии, въ коей дѣлалось самое лучшее, известное подъ именемъ *казанликскаго*. Казанликъ городъ въ Румелии, древней Фракіи, у подошвы горы Гемусъ (Балкана); онъ расположенъ на живописномъ мѣстѣ: обнесенъ розовыми садами, составляющими главный промыселъ жителей, и тутъ выдѣлывалось розовое масло, единственное во всемъ свѣтѣ—Априловъ: Денница новоболгарскаго образованія, прим. 50. с. 113. — Богини любили благовонное масло и духи: богиня Гера *умаслилася масломъ чистѣйшимъ, сладкимъ, небеснымъ, изысканнѣйшимъ съхъ у нее благовоній*.—Гянд. Иліада Гомер. пѣснь XIV. ст. 171—172.

рошки и изысканные румяны, не выходявшіе тогда изъ употребленія, были распространены ввозами иностранныхъ торговцевъ. — Парки, круглыя шляпы и фуражки, замѣнили старинныя колпаки и мѣховыя шапки. Широкія и длинныя шинели, долгополыя сюртуки, желеты длинныя съ свѣтлыми пуговицами, маншеты съ манжетами, трости толстыя камышевыя съ дорогими набалдашниками, часы карманные, коихъ носили по двое, съ длинными золотыми цѣпочками и печатями изъ дорогихъ камней, составляли щегольской уборъ мущинъ; но время все это, такъ измѣнило въ послѣдствіи, что нынѣ только вспоминаютъ и хвалятъ старину.

Мы теперь по одеждѣ совершенно ничемъ не отличаемся отъ иностранцевъ; и нигдѣ нѣтъ такой роскоши на платья, какъ у насъ. Для уборовъ и нарядовъ ничего не жалѣютъ; охотнѣе согласятся голодать, чѣмъ отказать прихотямъ моды, особенно женскій полъ, который рѣшительно поглощаетъ состояніе своихъ мужей. (*)

(*) Безсмертныя красавицы — богини, не поглощающія столько состоянія своихъ мужей — богаты, какъ наши смертныя красавицы — богини. Вотъ описаніе наряда Геры, державной богини, супруги верховнаго бога:

Измѣненіе платья не простиралось на духовенство и простой народъ. Первое носило, и теперь носитъ, греческую одежду: длинныя рясы съ широкими рукавами, посохъ въ рукѣ и черную круглую шляпу съ широкими полями.—Народъ остался вѣрнымъ стариннымъ армякамъ, кафтанамъ, только замѣнилъ колпаки круглыми низенькими шляпами, съ короткими полями, и круглыми шапками, подбиваемыми теплою подкладкой. Оба эти сословія удержали свои бороды. Доселѣ кущы, хотя многіе уже изъ нихъ стригутъ бороды и носятъ иностранныя платья, величаются окладистой бородою и усами. (*)

... Умастивши прекрасное тѣло, власы разчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательныхъ кудрей,
Пышныхъ, небеснодушистыхъ съ безсмертной главы визу-
стила.

Тою душистой одѣлася ризой, какую Аенна
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ узоровъ.
Ризу златыми застежками выше груди застигнула.
Станъ опоясала поясомъ, тьмою бахромъ окруженнымъ.
Въ уши прекрасныя серги, съ тройными подвѣсами, вдѣла.
Легкимъ покровомъ главу осынила державная Гера,
Пышнымъ, новымъ, которой какъ солнце сіять близкою. —
Гвид. Илліада Гомер. пѣснь XIV. ст. 475—485. изд. 1839 г.

(*) О приверженности къ стариннымъ обычаямъ, см. Бергга: De stato eccles. et relig. Moscov., въ статьѣ: De Rus- sor. relig. et ritib., 1740 г., ed. Lubeck.; Fabri: Relig. Moscov. edit. Tubing. 1523 г.; Philips: The Russian Catechism, compos'd and publish'd by order of the Czar., Lond. 1725 г.: Whitw. ed. 1740 г.

При введеніи иноземныхъ обычаевъ, многіе стали брить бороды. Еще во время владычества Татаръ, нѣкоторые брили, изъ подраженія къ нимъ и это продолжалось почти до Іоанна III. Однако ни кому не воспрещалось носить ихъ. Псковитяне, по свидѣтельству Герберштейна, стригли волосы, и тѣмъ отличались отъ прочихъ Русскихъ.—В. К. Василій, желая казаться молодымъ для своей супруги Елены, обстригъ свою бороду, и во время одного обѣда, даннаго имъ для цесарскихъ пословъ, онъ подзавъ къ себѣ барона Герберштейна, спросилъ у него: брѣть ли онъ бороду? «Брѣю» отвѣчалъ посоль. — «Это по нашему» сказалъ Великій Князь, улыбнувшись съ самодовольствіемъ. (*)—Стоглавомъ воспрещалось брить бороды, подстригать усы и носить иноземныя одежды. Царь Борисъ Годуновъ, вводя чужеземныя одежды, приказалъ, между прочимъ, брить бороды. Поборники старины упрекали его въ порчѣ нравственности, ставили ему въ вину самыя смуты; однако благоразумные люди стриглись и моложавились (**). Преждевременная кончина его была причиной, что намѣреніе его не исполнилось, чтобы истребить нѣкоторые ста-

Стриженіе бороды и усовъ.

(*) Herber. Reg. Moscov. com. с. 89—101.

(**) Келарь Аврамъ Палицынъ: Истор. трювик. лавр. с. 47., Кар. И. Г. Р. Т. XI. с. 110.

ринные странные обычаи. Петръ I почелъ за нужное измѣнить застарѣлыя понятія о платьяхъ и бородѣ: онъ началъ съ себя. Его примѣръ долженствовалъ бы произвестъ перемѣну между знатными и всѣми гражданами, однако почти всѣ упорствовали. Это побудило его указать (1699 г.) о повсемѣстномъ стриженіи бородъ, исключая духовенства. Упорство снова оказалось между многими столь сильное, что Государь оставилъ принужденіе, потому что оно произвело разные расколы, а недовольные его нововведеніями, волновали умы; но по прошествіи шести лѣтъ онъ повелѣлъ, новымъ указомъ (1708 г. іюл. 25), брить бороды и усы; не желающихъ же брить, обложилъ пошлюною. Съ царедворцевъ, дворцовыхъ, городскихъ жителей, служащихъ и приказныхъ, велѣно взysкивать ежегодно по 60 р.; съ гостей и гостинной сотни первой статьи, по 100 р.; средней и меньшей статьи, торговыхъ и посадскихъ, по 60 р.; съ посадскихъ, боярскихъ людей, ямщиковъ, извозчиковъ, кромѣ духовенства, по 30 р. и всѣмъ имъ выдавать изъ приказа мѣдные знаки, вмѣсто квитанцій, которые должны были носить на себѣ. Съ крестьянъ же велѣно взымать пошлюны по двѣ деньги, всякій разъ какъ только они отправятся въ городъ и за городъ, но своимъ дѣламъ, и безъ этихъ знаковъ не пропускать

ихъ (*). Собираніе пошлины съ бородъ и усовъ, отмѣчалось на мѣдномъ кружкѣ, величиною съ обыкновенную мѣдную копѣйку и съ надписью: *деньги взяты*; подъ этими словами висѣлъ носъ съ губами, длинными усами и бородой; на другой сторонѣ изображалась кружка и государственный гербъ, съ означеніемъ подъ нимъ года.

Должно замѣтить, что усы составляли отличительную черту жителей Малороссіи и всѣхъ казаковъ. Малороссіяне и казаки малороссійскіе не носили бородъ, но за то величались длинными усами. Донскіе и волжскіе казаки до того величались ими, что отращивать самые большіе усы, могъ одинъ только ихъ атаманъ, и въ пѣсняхъ онъ прославлялся *усищемъ*.

Собирались усы на царевъ кабакъ,
А садились молодцы во единой кругъ.
Большой усище и всемъ атаманъ,
Самъ говорить, самъ усомъ шевелить:
А братцы усы, удалые молодцы!
А и лѣто проходить, зима настаетъ,
А и надо чѣмъ усамъ, голову кормить,
На полятахъ спать и намъ сытымъ быть.
Ахъ! нутежь-ко усы, за свои промыслы!

Въ послѣдствіи, кто носилъ большіе усы, тотъ въ общемъ мнѣніи былъ храбрый чело-

(*) Указъ 1705 г. іюля 25, пом. въ собр. записокъ Туманского о жизни Петра В., ч. II. с. 282 — 286. Тамъ же указъ 1705 г. іюня 12, о флагахъ на торговыхъ судахъ.

вѣкъ. Ежели о комъ говорили: вотъ усатый, — то это значило: вотъ храбрець! Въ старинныя годы борода у Испанцевъ занимала почетное мѣсто, какъ въ прежіе годы у нашихъ предковъ: длинная, окладистая и чернолоснящаяся борода, и на нее смотрѣли съ особымъ уваженіемъ. Если говорили: онъ съ длинной бородою, то подъ этимъ разумѣли, — онъ умный человѣкъ.—Испанцы говорили: *es hombre de barba*, — вотъ бородатый мужъ,—это значило вотъ умный! (*)

Въ половинѣ XVIII вѣка усы обозначали мужество и удалство военныхъ, а нынѣ щегольство.

Носили ли въ самой глубокой древности бороды и усы?—Всѣ народы не только носили, но отпускали еще предлинныя бороды и усы. Языческіе боги были изображаемы съ бородами и усами; философы, мудрецы, государи и весь народъ, просвѣщенный и непросвѣщенный, носили бороды и усы. Александръ македонскій повелѣлъ всѣмъ своимъ воинамъ, предъ арбельскимъ сраженіемъ (332 г. до Р. Х.), остричь бороды, чтобы во время сраженія не хватали другъ друга за бороды.—Персидскіе цари переплетали бороду золотыми нитка-

(*) *Diction. des origines. Par. 1777 г. см. подъ слов. barbe.*

ми; французскіе короли, перевязавъ ее золотомъ, застегивали. Испанцы долго смотрѣли на бороду съ почетомъ, приписывая ей особое достоинство мужества и ума, и выражались объ умномъ человѣкѣ: *сотъ бородатый мужъ*.—Усы же у нихъ означали символъ *свободы и братства*. Происхожденіе этому значенію слѣдующее: когда Мавры завоевали Испанію, въ половинѣ VII вѣка, тогда Христіане такъ сходствовали съ ними по однообразному ношенію платья и волосъ, что трудно было отличить магометанъ отъ католиковъ. Надобно было придумать какой нибудь знакъ, по коему христіане могли бы узнавать и немедленно подавать другъ другу помощь, потому начали отпускать подъ носомъ горизонтальную линію волосъ, а подъ нижней губою перпендикулярный клочокъ волосъ. — По этому самому усы содѣлались символомъ свободы и братства, и этотъ знакъ вскорѣ усвоили другіе народы, въ томъ же значеніи; но нынѣ, какъ мы уже сказали, они выражаютъ отличный знакъ военнослужащихъ.

Всѣ азіатскіе народы чрезмѣрно любятъ бороды и усы, и должно сказать, что древній бородато-усатый міръ, уже непротивенъ новому европейскому.

Предметы, охранявшіе здоровье отъ вліянія непогодъ, были намъ извѣстны еще въ *деня рус-* *Произве-*

ской выдѣл-
ки, съ са-
мыхъ дре-
нихъ вре-
менъ.

отдаленныя времена. Составлявшіе же собственно утонченную и роскошную работу, мы приобретаемъ по торговлѣ, вывозя ихъ сначала изъ восточной имперіи, потомъ изъ западной Европы. Холстъ, толстое сукно и пестрядь, работали мы сами.—Въ первой половинѣ XV вѣка, уже были устроены въ Москвѣ суконныя фабрики. Въ 1364 г. заведены въ Псковѣ соловарни; вскорѣ явилась въ продажѣ селитра, но гдѣ въ первый разъ она выдѣлывалась? — неизвѣстно. Желѣзныя, стальные и мѣдныя вещи, изъ коихъ нѣкоторыя служили для домашняго употребленія, ножи, топоры, всякіе замки, мечи, сѣкиры, дротики, копыя и ружья, давно выдѣлывались у насъ; улучшеніемъ же обязаны распространенію художествъ, что не прежде началось XVIII вѣка.

Въ концѣ XIV столѣтія намъ были извѣстны пушки, ибо въ 1420 г. уже люди ихъ въ Москвѣ.—Пушки привезены къ намъ Нѣмцами еще въ 1389 г.—В. К. литовскій Витовтъ, подступивъ подъ Порховъ (1428 г.), встрѣтилъ здѣсь *стрѣльницу русскую* (пушку), и самъ Витовтъ шелъ сюда съ пушками, *тюфяками* и *нищалами*. Одна пушка его, по имени *галка*, была везена въ день тремя смѣнами: съ утра до обѣда на 40 лошадей, съ обѣда до полудни на другихъ 40 лошадей, а съ полудня до вечера

на третьихъ 40 лошадяхъ. Галка во время осады была направлена на церковь Св. Николая, которая за однимъ выстрѣломъ оторвала переднюю и заднюю стѣну въ олтарь (*). Тульскій оружейный заводъ уже славился въ половинѣ XVII вѣка. — Аравитяне изобрѣли карабинъ, Итальянцы пистолеть, Французы ружье въ XV вѣкѣ, Русскіе самопаль, родъ пищали (старинное ружье, которое зажигалось фителемъ), а Голландцы духовое ружье въ началѣ XVII в. — Копья, дротики, лукъ и мечь принадлежатъ восточнымъ народамъ; въ Европѣ ихъ улучшили, и ввели еще въ употребленіе шпаги.

Греки и Римляне запрещали ходить въ мирное время при шпагахъ и съ оружіемъ, ибо они думали, что таковыя люди могутъ нарушить спокойствіе. Многіе европейскіе государи тоже запрещали, и они никому не дозволяли входить въ церковь съ мечемъ, считая противнымъ святости (**).

Обработка рукоятокъ для кинжаловъ и украшеніе ихъ серебряной чернью, не уступали въ превосходствѣ восточнымъ народамъ, и иностранцы всегда смотрѣли на эти издѣлія съ изумленіемъ. Въ XVI в. добивались Англичане, въ Волог-

(*) Царств. лѣт. ч. I. с. 162.

(**) Diction. des origines. Par. 1777 г. см. статьи подъ слов. мечъ и шпага.

дѣ, открыть эту тайну. Іоаннъ III и Борисъ Годуновъ, заботившіеся особенно объ улучшеніи многихъ полезныхъ издѣлій, приглашали искусныхъ иностранцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же завели въ Москвѣ, Вологдѣ и Устюгѣ полотняныя и шелковыя фабрики, и обучали Русскихъ, которые довольно хорошо выдѣлывали сукно, порохъ и металлическія вещи (*). Посредствомъ мѣноваго сбыта и продажи своихъ туземныхъ произведеній, какъ-то: икры, рыбы соленой и копченой всѣхъ родовъ, балыковъ (**), рыбьяго клея, вор-

(*) Reutenfels: Reb. Moscovit; онъ былъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.

(**) Хотя рыбныя произведенія доставлялись изъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, перевозимой тогда богатствомъ рыбъ лучшихъ породъ, однако южныя части ея, находившіяся во владѣніи кочующихъ и крымскихъ ордъ, еще болѣе изобиловали рыбной промышленностію. За двадцать три съ половиною вѣка до нашего времени, устья Днѣпра, Дона и Буга славились рыбными промыслами, и Греки вывозили отсюда осетры (*accipenser sturio*), стерляды (*accipenser cyclostomes*) и сельди, называвшіяся у нихъ *маландрионъ*: онъ употреблялись соленыя, съ укусомъ, масломъ и лукомъ. Сельди были въ такой славѣ въ Римѣ, что Катонъ горько жаловался на расточительность соотечественниковъ, платившихъ за глиняную кадочку сельдей 300 драхмъ (270 р).—Эти кадочки назывались у Грековъ *амфорами*, и ихъ по нынѣ находятъ въ Ольвійскомъ городищѣ.—Ольвійскіе осетры такъ цѣнились въ Греціи и Римѣ, что ихъ подавали къ столу увѣчаные цвѣтами невольники, на украшенныхъ цвѣтами блюдахъ и при звукѣ флейтъ.—Древніе гастрономы употребляли свѣжую и просоленную рыбу, доставляемую преимущественно изъ устьевъ Дона, эйскаго и агуевского лимановъ, находящихся на

вани, смолы, дегтя, поташа, сала, мыла, цыновокъ, сырыхъ и выдѣланныхъ кожъ, войлоковъ, особенно выгоднаго сбыта богатыхъ и дорогихъ мѣховъ, мы получали тонкія издѣлія суконъ, парчи, бархата и атласа.

Выдѣлка кожъ была у насъ извѣстна, еще въ первые вѣки политическаго бытія нашего отечества, и кожевники назывались тогда *усмарями*.

земляхъ черноморскаго войска.— Никифоръ Григорасъ, византійскій летописецъ половины XIV вѣка, говоритъ, что въ Константинополь не только въ древности, но и въ его время вывозили изъ устьевъ Азова цѣлые грузы хлѣба и соленой рыбы, и что медленное ихъ доставленіе производило иногда голодъ въ столицѣ.— На таврическомъ полуостровѣ Пантикапея (Керчь), столица и главный портъ босфорскаго царства, славилась рыболовными промыслами, особенно балыками. Знаменитые эллинскіе поэты: Гезіодъ, Антифанъ и Аристархъ, говоря, что Пантикапея была славна своими осетрами, описывали, что ихъ ловили зимою въ прорубяхъ, сдѣланныхъ на льду. Ассиряне и Римляне не вѣрили имъ и считали это за сказку, потому что не имѣли понятія ни о зимѣ, ни о льдахъ. Демосфенъ, въ одномъ изъ своихъ краснорѣчивыхъ филиппикъ, описываетъ съ восторгомъ о нагруженной на корабль соленой рыбы въ Пантикапее. Эллинская Θεодосія, на развалинахъ коей Гегуззцы основали въ XIII в. знаменитую Кафу, была извѣстна торговлею рыбы. Тилигульскій лиманъ (одесскаго узда), одно изъ большихъ здѣшнихъ озеръ, былъ извѣстенъ Грекамъ и Римлянамъ своей рыбной торговлею.—Рыба, ловимая древними промышленниками для соленія, икры, визиги и балыковъ, была почти тѣхъ же родовъ, какъ и нынѣ, а именно: осетръ, стерлядь, кефаль (*mugil cephalus*), составлявшая особую роскошь у римскихъ гастрономовъ, скумбрія (*scomber gus*), бычокъ (*gobius*), сельди, анчоусы и сардели.—Перехода отъ столь глубокой древности къ позднѣйшимъ временамъ,

Бумагу и стекло ввозили иноземные купцы. Бумага появилась у насъ при В. К. Симеонѣ, около половины XIV в.—До этого времени у насъ писали на пергаментѣ, но доселѣ не доказано: въ Италиі ли, или въ Германіи изобрѣтена бумага? Известно только, что она появилась не ранѣе XIII в. (*). Въ началѣ XVIII столѣтія была заведена въ Москвѣ игольная фабрика (въ 1718 г.). Около половины XVII вѣка Италиянецъ Миньетъ первый завелъ въ селѣ Измайловѣ, близъ Москвы, стеклянный на казенномъ иждивеніи заводъ, на

мы находимъ частыя упоминанія о нашихъ рыболовныхъ промыслахъ, у многихъ писателей съ XIII—XVI в. При владѣтельствѣ Генуэзцевъ на берегахъ чернаго и азовскаго морей въ XIV вѣкѣ, они продавали рыбу не только по всей Тавридѣ и нынѣшнему новороссійскому краю, но въ Польшу и Литву, и въ эти страны доставляли чрезъ Кіевъ.—По занятіи Русскими нынѣшнихъ мѣстъ новороссійскаго края и таврическаго полуострова, занялись рыбнымъ промысломъ степные жители, домскіе казаки и переселенцы Малороссіяне, а потомъ нахлынули сюда толпы разныхъ торговцевъ.—А. А. Скальковский: Древнее и нынѣшнее рыболовство въ новороссійскомъ краѣ, помѣщ. въ журн. мин. вѣдъ 1846 г. N 9. с. 412 — 426. *Tağıkoş* ou recherche sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale, par Koehler, помѣщ. въ *Mémoir. de l'academ. imper. des sciences de St. Petersburg*, 1832 года vol. IV—V. Изъ древнихъ писателей см. Геродота кн. IV гл. III., Страбона кн. I гл. IV., Птоломія: *Histog. geogr.* LXXXI. с. 24, Никеевска Григораса: *Hist. Byzant.* кн. IX гл. V., Арриана Перинилъ поэта ахсінскаго, стр. Фабріа.

(*) *Essai sur l'origine de la gravure*, т. I, с. 332; *Шесть столъ Фабріа*, т. I с. 173—320.

коемъ приготовлялись весьма чистыя стекла. Нѣсколько лѣтъ спустя былъ устроенъ Юлиемъ Кожегомъ другой стеклянный заводъ, въ Душанинѣ, въ 40 вер. отъ Москвы, на собственномъ его иждивеніи. Матеріалы для стекла онъ получалъ изъ Германіи, пока не открылъ ихъ въ Россіи. Съ его фабрики доставлялось въ Москву ежегодно стеклянной посуды и бутылокъ, отъ 80 до 90,000 штукъ (*).

Кристалльная посуда въ прежнія времена была столь рѣдкая, что завѣщивали ее послѣ смерти. В. К. Василій отказалъ сыну своему Василю (1455 г.) кристалльный кубокъ, который ему подарилъ польскій король. Англинскій посолъ представилъ отъ своего короля Іакова, въ 1604 г., Царю Борису Годунову кристалльный сосудъ, обдѣланный золотомъ (**). Фаянсовая посуда получалась, еще въ XVII в., отъ Китайцевъ, но первая частная фаянсовая фабрика заведена въ Москвѣ 1724 г.; потомъ первая казенная въ 1756 г., въ восьми верстахъ отъ Петербурга (***) ; другая въ 1765 г. близъ гор. Дмит-

(*) Шторкъ: *Gemälde des Russisch. Reichs*, ч. III, с. 290.

(**) Нов. Древ. рос. вивл. ч. I, с. 15; кн. Щербатовъ: *Рос. ист.* ч. VII, с. 183, 194. Посолъ, пріѣзжавшій къ Борису Годунову, былъ англичанинъ Шмидъ.

(***) Нынѣ эта фабрика за шлиссельбургской заставой, гдѣ доселѣ выдѣляютъ стеклянные и кристалльные произведенія, отлично превосходной и высокой работы.

рова (московской губ.) английскимъ купцемъ Гарнеромъ (*).

Украшеніе внутренности покоевъ зеркалами, долго не было извѣстно нашимъ предкамъ; но нѣтъ сомнѣнія, что женскій полъ давно употреблялъ ихъ. Если не ставили ихъ въ покоехъ, то этому было причиной суевѣрное мнѣніе, будтобы зеркала изобрѣтены дьяволомъ, и что зеркала представляютъ образъ челоуѣка двуличнымъ. (**). Суевѣры не знали, что двуличныхъ всегда много и безъ зеркалъ.

Предубѣжденіе къ зеркаламъ начало искореняться, мало по малу, заведеніемъ зеркальной фабрики, которую первый учредилъ кн. Меншиковъ около Петербурга, въ 1716 г.

Говорятъ, что въ древности стояло на александрійской башнѣ зеркало, которое отражало свѣтъ по плоскости морской на 500 миль, и плывшіе корабли изъ Греціи и западныхъ частей свѣта, были предостерегаемы отъ подвод-

(*) Шторхъ: *Gedächtnis des Ruffisch. Reichs.* ч. IV, с. 344.

(**) На востокъ первоначально употребляли металлическія зеркала: изъ мѣди, стали и серебра. Предъ ними убирался и наряжался. Въ храмѣ, построенномъ Вездѣсущему Соломономъ, стены были украшены стальными зеркалами. Богатыя Римлянки употребляли серебряныя зеркала, которыя были нечто иное, какъ плоскія выполированные доски, вставленныя въ рамы. — Изобрѣтеніе стекла приписываютъ Финикійцамъ, но дѣланіе зеркальныхъ стеколъ принадлежитъ Венеціанамъ.

ныхъ камней зеркальнымъ освѣщеніемъ (*). После смерти Александра македонскаго, непріатели его разбили.

Разработка металовъ началась у насъ въ концѣ XV в., когда Іоаннъ III послалъ двухъ иностранцевъ на рѣку Печору, для отысканія серебряныхъ рудъ; они открыли, въ 1491 г. (**). Золота, серебро и драгоценныя каменья, мы получали, до открытія рудъ, чрезъ торговлю (***). Къ намъ доставляли изъ Европы серебро въ слиткахъ, сученое золото, ножи, иглы; изъ Азіи: шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ и драгоценныя камни. Въ замѣнъ шли отъ насъ лучшіе печорскіе мѣхи: за соболь намъ платили отъ 20—30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу

(*) Voyage de Benjamin, путешествовавшій въ 1193 году; помин. въ собр. Бержер., ed. 1735 in 4 с. 64.

(**) Шеделий, летописецъ половины XV вѣка, говоритъ, что Новгородъ наполненъ серебромъ, что нѣмецкіе купцы преимущественно вѣдутъ съ нимъ торгъ, и что ввечевей колоколъ управляетъ имъ. *Alda ist die Gross statt Rogarte, dahin die Teutsche Kaufleute mit grosser arbeitsreissen. Alda ist grosse habe, vil silbers, und Kdstliche rauhe war lawfende und verkauffende, das silber gewegen und nit gepregt geprauchende. Alda mitten auff den margt ist ein vieregketer stain, welche auff denselben steggen mag und nit herab geworffen wirdt der erlangt die herschung der statt.* — *Samuel Schebell: Alter Welt oder Chronik anno 1498, ed. Nürnberg, in f. въ статьѣ: Von Russen Land л. CCLXX.IX.*

(***) Paul. Jov. De leg. Moscov.

15 зол. флор., за горностаи отъ 3—4 зол. фл., а за бѣлку 2 деньги (*).

Въ половинѣ XVI в. заключено было условіе съ Англичанами (1569 г.): о дозволеніи имъ отыскивать и плавить желѣзныя руды, но съ тѣмъ, чтобы они обучали Русскихъ добывать этотъ металлъ, и при вывозѣ его изъ Россіи, платили бы по одной деньги съ фунта.—До открытія у насъ благородныхъ металловъ, мастера золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ занимались не только дѣланіемъ посуды столовой, но женскихъ украшеній: ожерельевъ, сергѣ, колець и пр.

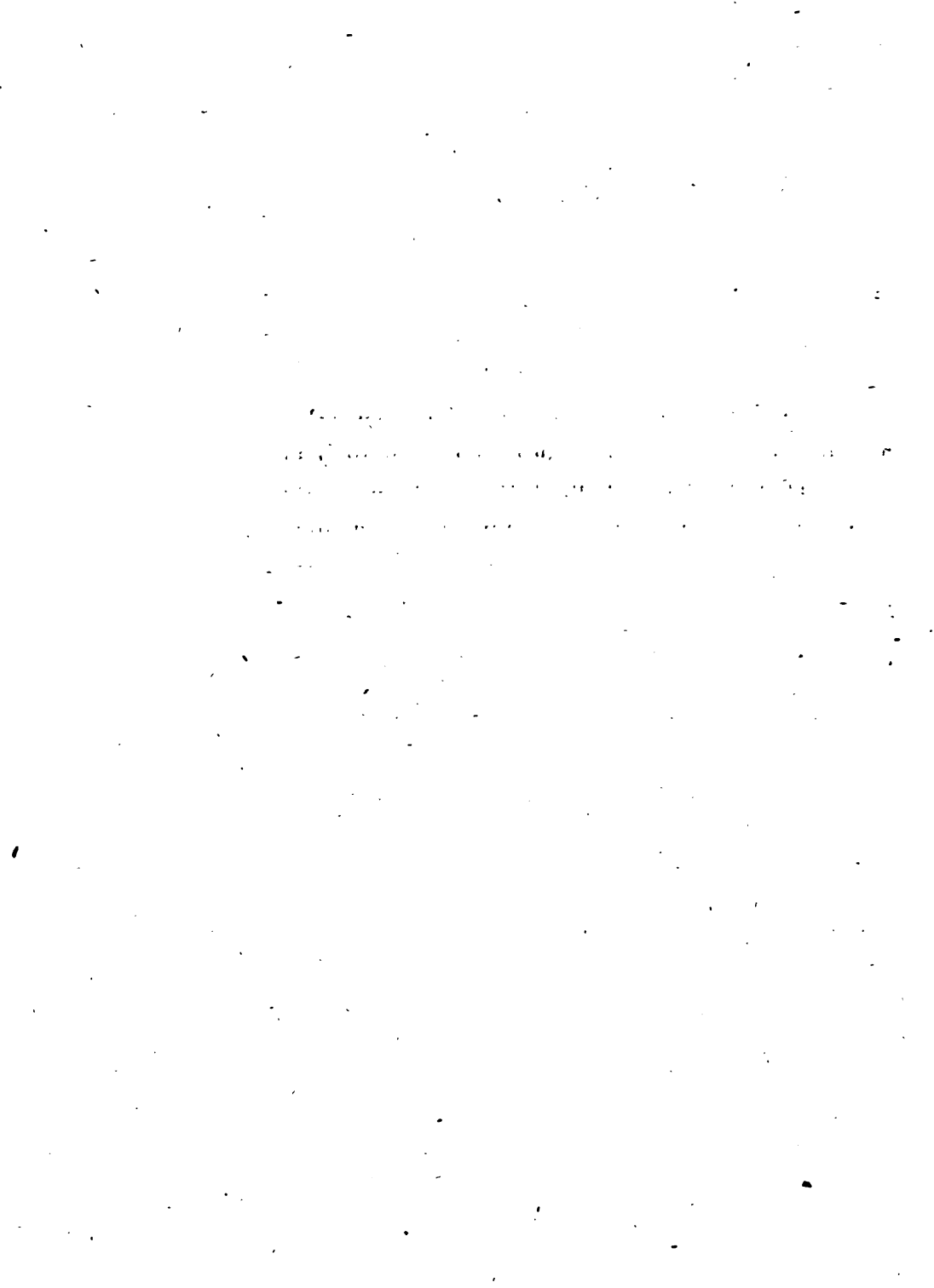
При всемъ сильномъ измѣненіи старинныхъ одеждъ и нарядовъ, поселяне и жители не большихъ городовъ, доселѣ приготавливаютъ сами для себя одежду и деревянную посуду, которая окрашивается желтою и красною краскою или испещряется по произволу. Для изготовленія кушанья употребляютъ глиняныя сосуды.

Единообразіе въ жизни, платьи и одеждѣ, между простолюдными.

Покрой платья простолюдиновъ едва ли не тотъ самый, что былъ за нѣсколько столѣтій, исключая древнихъ названій, которыя почти всѣ исчезли. Употребительный всеобщій нарядъ: бѣлая рубашка поверхъ spodняго платья и кафтанъ синій, шапка круглая низенькая съ маленькими полями, пряжкой и перомъ. — Зажиточ-

(*) Herber. Rer. Moscov. com. c. 42 — 59; Korb: Diar. itiner. in Moscov. ed Vien. in f. c. 191.

ные носятъ красныя рубашки, съ цвѣтнымъ бумажнымъ платкомъ на шеѣ; широкое споднее платье изъ чернаго плиса или бархата: оно подбирается въ сапоги, которые бываютъ лоснящіяся, или хорошо смазанные; кафтанъ изъ хорошаго сукна, болѣе синяго; шапка пуховая и съ блестящей пряжкой. Развѣвающееся павлиное перо, или любимый цвѣтокъ по какому нибудь воспоминанію, украшаютъ шапку.—Образъ жизни несравненно улучшился: здоровая пища, красивая и даже щегольская одежда, просторная и опрятная изба, составляютъ нынѣ потребность каждаго хорошаго хозяина-поселянина.

У. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Племя Славянъ издревле отличалось почитаніемъ старшихъ себя. Глава семейства былъ отецъ и его начальникъ; все прочее: жена, дѣти, родственники и слуги, повиновались ему безпрекословно. Славяне добрые сердцемъ, мужественные и гостепріимные, были восхваляемы самими врагами, всегда находившими у нихъ пріютъ.—Отказать гостю непріятелю, защиту въ своемъ домѣ, или въ хлѣбѣ-солѣ, было осуждаемо самими соотечественниками. Обиженный въ ихъ землѣ иноземецъ, или заблудившійся путникъ, былъ отомщаемъ сосѣдами.—Русскіе Славяне были кроткіе и тихіе, ихъ стыдливость украшала брачную жизнь, спокойствіе и цѣломудріе господствовали въ домахъ семейныхъ. Мужья цѣнили супружескую вѣрность, жены повиновались имъ раболѣпно. Мать, воспитывая дѣтей, вселяла въ нихъ любовь къ отечеству и часто народная любовь превращалась въ неумолимую месть къ врагамъ (*). Дѣти, слѣдуя древнему обычаю уважать старшихъ, славилась особымъ почтеніемъ къ родителямъ, и заботились объ успокоеніи ихъ на старости лѣтъ (**).

*Похвалы
ныя свой
ства Сла-
вяны.*

(*) Anton: Versuch. с. 54.

(**) Helmold: Chron. Slavor. с. 202.

Наши предки были трезвые и умеренные, довольствуясь тѣмъ, что производила природа; наслаждались долголѣтностію, были крѣпкіе и веселые, любили пляски, музыку, хороводы и пѣсни; не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, переносили холодъ и зной въ равной степени; легкія одежды простого сословія, бывъ единообразными, въ чемъ повинѣ служить живымъ примѣромъ нашъ народъ, носились безъ украшеній: они искали прочности и теплоты въ одеждахъ. Неутомимые въ трудахъ и привязанные къ земледѣльчеству, они были вознаграждаемы собираемъ обильной жатвы, молока и шкуръ, которыя въ домашней жизни служили покровомъ отъ непогодъ. — Доброта сердца, обнаруживавшаяся повсемѣстнымъ гостепріимствомъ, была отличительною чертою нашихъ предковъ, и самое отдаленное потомство не измѣнило ихъ умилятельныхъ чувствъ хлѣбосольтва.

*Хлѣбо-
сольтво.*

Донынѣ между поселянами, живущими въ отдаленіи отъ столицъ и большихъ городовъ, существуетъ обычай, чтобы проѣзжаго или прохожаго пригласить къ себѣ въ домъ, накормить и успокоить его по возможности. Хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ и провожаютъ такого гостя съ радостнымъ лицомъ, поклонами и пріѣтствіемъ; подаютъ на столъ, что имѣютъ, и не берутъ никакой съ него платы, думая, что

братъ съ прохожаго деньги за хлѣбъ-соль, есть великій грѣхъ. Въ Малороссіи преимущественно господствуетъ это добродушіе. Тамъ считаютъ еще за великую обиду, если приглашенный путникъ на хлѣбъ-соль откажется посѣтить домъ. Хлѣбъ, говорятъ Малороссіяне, есть даръ Божій; не принять его, значитъ прогнѣвить Бога.— Почти во всей Россіи еще владычествуетъ гостеприимство, особенно между простымъ сословіемъ и помѣщиками, которые ничего не щадятъ для угощенія званыхъ и незваныхъ гостей, и хозяйны были бы обиженными, если бы ихъ гости мало пили и ѣли. Таковыхъ обыкновенно просятъ неотступно, и часто заставляютъ пить и ѣсть противу силъ. Сначала проситъ хозяинъ, потомъ хозяйка. Если пируетъ у нихъ какой нибудь почетный гость, то употребляютъ всѣ возможные пощеченія, чтобы подчивать его непрерывно, — и это впрочемъ ведется между поселянами, мѣщанами и купцами, и къ чести помѣщиковъ, еще сохранилась между нами эта прекрасная прагматовская черта. Когда почетный гость уже не въ состояніи не только ѣсть, но и пить; тогда хозяинъ съ своей женою и дѣтьми становится предъ нимъ на колѣна, и умоляетъ его: еще хоть немножко! чего нибудь! И дотолѣ всѣ стоятъ на колѣнахъ и кланяются ему въ ноги, пока упросить.

*Набож-
ность.*

Въ древнія времена вставали до восхожде-
нія солнца, молились тотъ часъ Богу, испра-
шивая Его святой помощи на всѣ добрыя дѣла,
и не помолясь, никакого не начинали дѣла.
Отправлялись ли въ дорогу, строили ли домъ,
застѣвали ли поле, ходили прежде въ церковь
помолиться. Въ опасныхъ же предпріяті-
яхъ исповѣдывались и причащались. Вы-
ступая въ походъ, или осаждая приступомъ
городъ, всѣ войны исповѣдывались и при-
нимали святыя тайны, и тогда они или без-
страшно на смерть. Сражаясь за отечество,
охотно умирали мучениками, бывъ убѣждены,
что ихъ души пріймутъ ангелы и отнесутъ въ
царство вѣчнаго блаженства. Такое дѣйстви-
е вѣры, укрѣпляло нашъ народъ среди величай-
шихъ его несгодъ. Эти достохвальныя свойства
благочестія, не истребились: онѣ доселѣ укра-
шаютъ престолудиновъ, и понынѣ наши вой-
ны съ чистой молитвой отправляются на добле-
сти геройскія. Предъ выступленіемъ въ походъ
никакой полкъ не двинется впередъ, не отслу-
живъ молебна и не бывъ окропленъ освящен-
ною водою.

Садился ли кто за столъ или вставалъ изъ-за
него, освящалъ свое чело крестнымъ знаменіемъ (*).

(*). На востокъ было во всеобщемъ обыкновеніи не си-
дѣть за столомъ а возлегать, т. е. находиться въ полулежащемъ

Спать ложились послѣ солнечнаго захожденія, отъ того были крѣпкіе и жили по столѣтію. Здоровая пища, скажутъ многіе, весьма много содѣйствовала ихъ долгоденствію. Правда, но не болѣе ли правильная жизнь? Могутъ ли быть тѣ здоровыми, которые превращаютъ ночь въ день, а день въ ночь? Посмотрите на столичную жизнь, и вы убѣдитесь. Едва разцвѣвшія дѣвицы, уже чахлыя и безцвѣтныя, а усыпленные рокомъ дамы, отживаютъ въ 30 л. свой вѣкъ: онѣ дѣлаются дряхлыми и безжизненными. Самые мужчины, изнуряемые свѣтскостію, сохнутъ и въ 40 л. старики.

Владиміръ Мономахъ прекрасно изобразилъ въ своемъ поученіи набожныя свойства, которыя руководили имъ во всю жизнь, и желалъ, чтобы всѣ подражали примѣру благочестивыхъ мужей. Это доказываетъ, что въ его время было общемою принадлежностію отличаться христіанскимъ благочестіемъ. Слезы у него текли изъ глазъ, когда онъ молился Вседержителю за отечество, и народъ ему любезный. Мономахъ былъ еще рѣдкій сынъ: онъ никогда не шёлъ въ чемъ

состояніи. Когда же истребилось въ Европѣ обывовеніе вставать за столомъ? — На это нѣтъ достоверныхъ свѣдѣній. Знатные Римляне держались восточнаго обычая почти до паденія своей имперіи, до 480 года, и этотъ обычай доселѣ между азіатцами. — Наши предки не слѣдовали восточному образу жизни.

не ослушивался своего отца « Приближаясь ко гробу » пишетъ онъ « благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ!—Кто будетъ читать это писаніе, наблюдайте въ немъ правила. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія, но скажите: старецъ уже ослабѣлъ разумомъ. О дѣти мои! хвалите Бога и любите человѣчество. Ни постъ, ни уединеніе, ни монашество не спасутъ васъ, но благодѣянія.—Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: это противно христіанству. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ, не нарушайте. Не оставляйте больныхъ, не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тлѣнны, нынѣ живы а завтра въ гробѣ.—Бойтесь всякой лжи, пьянства, любострастія; чтите старыхъ людей, какъ отцевъ; любите юныхъ, какъ братьевъ. Въ хозяйствѣ сами прилежно смотрите за всѣмъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего. Всего болѣе чтите гостя, и знаменитаго и простого, и купца и посла; если не можете одарить его, то удовольствуйте брашномъ и питіемъ: ибо гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу. Привѣтствуйте всякого человѣка, когда идете мимо. Любите женъ своихъ, но не да-

вайте имъ власти надъ собою. Все хорошее помните; чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ пятью языками: за это хвалить насъ чужестранцы. Лѣньность, есть мать пороковъ: берегитесь ее. вмѣсто суетныхъ мыслей, читайте молитву, хотя самую краткую, но лучшую: Господи помилуй! Не засыпайте никогда безъ земнаго поклона. Когда чувствуете себя нездоровыми,—поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ мой отецъ; такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили Господа съ радостію: просвѣтилъ еси, очи мои,—Христе Боже! и далъ ми еси свѣтъ твой красный» (*). Мелецій, писатель XVI вѣка, говоритъ, что всѣ спѣшили во храмъ прежде помолиться Богу, а потомъ принимались за работу (**). Никто не садился за столъ, не совершивъ молитвы, и никто не вставалъ изъ-за обѣда, не принеся благодаренія Богу. Лжедмитрій не думалъ слѣдовать нашимъ древнимъ обычаямъ, и желая быть во всемъ Ляхомъ и Нѣмцемъ, онъ не хотѣлъ креститься предъ ико-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 2. с. 152—156.

(**) Meletii: De Russor. relig. et ritib. ed. 1584 г.; Philippi: The Russian Catechism.

нами, не велѣлъ благословлять Царской трапезы, садился за обѣдъ не съ молитвою а съ музыкою, за что народъ сначала осуждалъ его, но, не видя въ немъ исправленія, возсталъ противу него.

Праздники отправляли въ старину, какъ и нынѣ, съ благоговѣйными обрядами, потому что Русскіе всегда отличались, при встрѣчѣ священныхъ дней: истинной набожностію, умилительными обычаями, простосердечной, нелицемѣрной и братской радостію. Во время празднествъ всѣ забывали свои вражды и составляли одно общество (*).

(*) Для лучшаго объясненія, о встрѣчѣ празднества, приводимъ для образца Рождество Христово. — На канунъ Рождества Христова, Государь выходилъ утромъ въ столовую избу или золотую палату, къ царскимъ часамъ, въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ, думныхъ, ближнихъ, приказныхъ, стольниковъ и стряпчихъ. Во время службы благовѣщенскій дяконъ *кшикала* многолѣтіе Государю и всему Царскому семейству. По отходѣ часовъ протопопъ благовѣщенскій, Царскій духовникъ, *здравствовалъ Государю* (поздравлялъ). Потомъ Царь принималъ поздравленіе отъ бояръ: *первекстующій* изъ нихъ подходилъ къ нему и отъ лица всѣхъ говорилъ *штло* (рѣчь). — Вечеромъ, въ тотъ же день, приходили къ Государю *славить*: соборные протопопы и попы; *пѣвчіе дяки* и *подъяки* царскіе, патриаршіе, митрополичьи и другихъ духовныхъ властей. — Государь принималъ всѣхъ ихъ въ столовой избѣ или передней палатѣ, и жаловалъ имъ по ковшу *благое* и *краснаго меду*. Отславивъ у Государя, они ходили *славить* къ Царицѣ и патриарху. — Кромѣ того Государевы пѣвчіе дяки пользовались, въ теч-

Зная, что проклятіе совершается, наши предки вѣрили, что благословіе и доброе слово сбываются. Всякій человекъ, встрѣтившійся съ знакомымъ, или проходившій мимо

ниъ всего праздника тѣмъ преимуществомъ, что они имѣли право славить у всѣхъ дворовыхъ и служилыхъ людей. Когда некоторые изъ нихъ не пустили къ себѣ этихъ пѣвчихъ (въ 1677 г.), тогда велѣно сказать имъ отъ имени Государя: что они то учинили дуростью своею не гораздо, и таково безстрашія никогда не бывало. За это безстрашіе дьяки въ свою очередь лишились, по указу Царя, всякихъ свѣтлыхъ и даже темныхъ доходовъ, т. е. помниковъ и взятокъ, соединенныхъ со службою въ приказѣ.

Въ праздникъ Рождества Христова, послѣ заутрени во второмъ часу дня, патриархъ въ предшествіи соборныхъ ключарей, несшихъ крестъ на мисѣ и св. воду, и въ сопровожденіи митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, приходилъ къ Государю въ золотую палату: славить Христа и здравствовать Государя съ праздникомъ. Потомъ патриархъ и власти, ходили славить къ Царицѣ и ко всему Царскому семейству. По совершеніи славленія, Государь торжественно выходилъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ.—Всѣмъ сановникамъ, призваннымъ ко двору, указано было (1680 г. дек. 19.) явиться въ золотыхъ есерегахъ, потому можно вообразить себя, какинъ блескомъ сопровождался Царскій выходъ.

Праздничный столъ у Государя былъ въ столовой избѣ или золотой палатѣ, и начинался обыкновенно въ послѣднемъ часу дня (въ сумерки). У стола были по приглашенію: патриархъ, власти духовныя, несколько бояръ и окольничихъ; но чтобы звать къ себѣ лавба. власть, то Государь посылалъ къ патриарху окольничаго, а къ властямъ и боярамъ дьяковъ. Иногда самъ Государь приглашалъ ихъ въ соборъ, послѣ обѣдни.

Приглашеніе къ Царскому столу бояръ и окольничихъ, основывалось на ихъ родословномъ старшинствѣ, а иногда на

незнакомаго, но чѣмъ нибудь отличаемаго, привѣтствовалъ его снятіемъ своей шапки и наклоненіемъ головы. Это дѣлается понынѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ. Какъ прежде со-

ихъ родствъ съ Государемъ. Люди неродословные приглашались или по особенному къ нимъ благоволенію Государя, или когда онъ хотѣлъ наградить ихъ за службу: обыкновенно всѣ награды объявлялись тогда послѣ Царскаго стола.—Къ столу выходилъ Государь всегда въ предшествіи страпчачаго, который несъ Царскій скипетръ.

Если по какому либо случаю не готовился столъ для патріарха, духовныхъ властей и бояръ, то посылали къ патріарху цѣлый обѣдъ, подѣ надзоромъ ближняго человека или околыничаго.—Послѣ стола дарили патріарха кубкомъ, камкою и другими предметами. Митрополиту Діонисію было подарено (въ 1584 г. дек. 26) *Государева шелковатля 40 ари. ламки венедицкой багровой, цѣна по 40 алтынъ аршинъ и того шесть рубл., и кубокъ индѣйскаго орѣха (кокоса), окованный серебромъ, но вмѣсто кубка было выдано ему девять рублей.*—Точно такъ дарили патріарховъ, изъ нихъ самыя богатые дары получалъ одинъ Никонъ. Въ числѣ первыхъ подарковъ всегда былъ кубокъ изъ индѣйскаго орѣха, окованный серебромъ. Изъ рукъ митрополита и патріарха онъ переходилъ снова въ Царскую казну, изъ которой выдавали за него неизмѣнные девять рублей.—Отъ стола Царскаго посылались еще *подачи* боярамъ, думнымъ и ближнимъ людямъ. Если подача не доходила по назначенію, то этимъ наносилось оскорбленіе тому лицу, которому было послано. Крайчій кн. П. С. Урусовъ разослалъ однажды боярамъ, околыничимъ, думнымъ дворянамъ, думнымъ дякамъ и ближнимъ людямъ по двѣ подачи съ кубка, т. е. съ винами, и сверхъ того отдѣльно боярамъ *корки* (родъ пирожного.)

Въ день Рождества Христова (какъ и въ другіе большіе праздники), Цари не садились за столъ, не вкушали прежде *иоремныхъ сидлицъ.*—Такъ въ 1668 г. было кори-

блюдались, такъ и нынѣ соблюдаютъ усладительные обряды набожности и чистосердечія. Посторонній человѣкъ, вошедшій въ избу или въ пышныя палаты, обращалъ впервые свои глаза на икону и молился; потомъ кланялся и привѣтствовалъ: *будьте здоровы или здравствуйте.*—Когда посторонній входилъ во время обѣда, тогда онъ, помолясь Богу, говорилъ: *хлѣбъ-соль*, хозяинъ отвѣчалъ: *добро пожаловать хлѣба-соли кушать*; проходившій мимо работающаго, говорилъ: *Богъ съ помочъ!* тотъ отвѣчалъ: *спасибо*, выражая этимъ: спаси тебя Богъ за доброе твое желаніе. При провожаніи кого либо въ дорогу, говорили: *щастливый путь*; при

лено, на большомъ тюремномъ дворѣ, 964 тюремныхъ сидѣльца.

Независимо отъ всѣхъ церемоній, происходившихъ въ Царскихъ палатахъ, приносилась дань обычаямъ того времени въ отдаленіи дворца Царицы. Окруженная дворовыми боярынями, она принимала въ своей золотой палатѣ духовенство, приходившее къ ней славить Христа, и *пріѣзжихъ боярынъ*, которыя являлись къ ней съ поздравленіями и по особому приглашенію обѣдали за ея столомъ.— Каждая пріѣзжая боярыня подносила Царицѣ и Царевнѣ по тридцати перепечей. Царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ и Царевнамъ, поднесли 14 пріѣзжихъ боярынъ (въ 1663 г.) 426 перепечей.—Послѣ обѣдни Царица посылала патриарху, отъ себя и каждой Царевны, по 5 перепечей.—Ив. Забылинъ: Нѣкоторые придворн. обряды и обычаи Царей московскихъ въ правдикъ Рождества Христова, см. Вѣдом. С. Петерб. городск. полиціи 1847 года N 5.

встрѣчѣ съ знакомымъ: *здорово братъ*, или *здравствуй братъ*, желая ему, чтобы онъ былъ здоровъ. — Раставаясь другъ съ другомъ, говорятъ: *прощай* или *прости братъ*, т. е. въ чемъ я тебя оскорбилъ или какое я тебѣ сдѣлалъ не-удовольствіе, забудь нынѣ все, и не вспоминай лихомъ даже заочно; не кляни, но благослови.— Проходя мимо церкви, или увидя издали крестъ, всякій снималъ шапку и молился (*). Нынѣ только дѣлаютъ: кунцы, мѣщана и простолю-дныи. Многіе при звукѣ колокола вечерняго, или во время благовѣста, дѣлаютъ крестное знаменіе. Другіе, когда зѣваютъ, осѣняютъ свой ротъ крестнымъ знакомъ, не менѣе трехъ разъ, — надъ этимъ простодушнымъ обрядомъ издѣ-ваются нѣкоторые. Когда кто чихнетъ, тогда считаютъ невѣжествомъ, если не пожелаютъ исполненія желанія, или не скажутъ: на здо-ровье, мое почтеніе, или: встать и поклонить-ся (**). Иные думаютъ, кто чихнетъ при разго-ворѣ, тотъ подтверждаетъ истину сказаннаго.

(*) Herber. *Res. Moscov. com.*, Marger. *Etat de l'emp. de Russie*; Petrejum: *Histor. und Besch. von dem Großfürstent. Russl.* с. 648—669.

(**) Въ Архангельскѣ дѣлаютъ привѣтствіе чихнувшему: *салфетъ вашей милости!* Чихнувшій благодаритъ: *красота вашей честности.*

Другіе замѣчаютъ еще: чихнуть въ воскресенье, значитъ быть въ гостяхъ; въ понедѣльникъ, — будетъ прибыль въ этотъ день; во вторникъ, — будутъ ходить за долгами; въ среду, — будутъ хвалить; въ четвергъ, — разсердитъ кто нибудь; въ пятницу, — получатся письма или будетъ неожиданная встрѣча; въ субботу, — получатся вѣсти о покойникѣ. Есть на свѣтѣ люди, для коихъ обычаи, освященные временемъ, кажутся невѣжествомъ (*).

Наши свойства казались наблюдателямъ худыми и добрыми, а обычаи любопытными и странными. Контарени пишетъ, что Москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ и рынкахъ: глазѣютъ и шумятъ, а день заключаютъ въ медовыхъ домахъ (**). Герберштейнъ говоритъ съ удивленіемъ, что онъ видѣлъ работающих въ будніе дни, что имъ запрещалось тогда пить, что одни иеземные воины, слу-

Отзывы иностранцевъ о свойствахъ Русскихъ.

(*) Папа Григорій I имѣлъ привычку креститься, когда зѣвалъ. Тертуліанъ научаетъ, чтобы мы при всѣхъ нашихъ движеніяхъ, при входѣ и выходѣ изъ дома и умываніи, равномерно когда садимся за столъ или встаемъ изъ за него, когда ложимся и просыпаемся, должны креститься. Оригенъ говоритъ, что крестное знаменіе прогоняетъ чародѣйство. Импер. Юліанъ, бесѣдуя съ магикомъ, который являлъ ему духовъ, всегда крестился при ихъ появленіи, чтобы не пристала къ нему вызываемая нечистая сила. Diction. des origines. Par. 1777 г.

(**) Contareni: Voyage, с. 53. пом. въ собр. Бержер.

жившіе за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмѣльныхъ напитковъ, для чего слобода за рѣкою Москвою, гдѣ они жили, называлась *наливайкою*, отъ слова наливай.—В. К. Василій, опасаясь худаго примѣра отъ иностранцевъ и дурныхъ отъ нихъ послѣдствій, запрещалъ Русскимъ жить вмѣстѣ съ ними. У всякой рогатки на улицѣ стояли часовые; никто не смѣлъ ходить ночью безъ надобности и фонаря. Тишина царствовала въ городѣ.—Русскіе не злы, не сварливы, но Москвичи склонны къ обманамъ. Славли честность Новгородцевъ и Псковитянъ. Пословица: *товаръ лицомъ продать*, оправдывала тогдашнія времена. (*). Произнесенныя слова: *да будетъ мнѣ стыдно*,—замѣняли клятву. Имя Божіе не смѣли призывать напрасно, боясь Его праведнаго гнѣва. Клялись предъ св. Крестомъ и Евангеліемъ, но съ трепетомъ, зная, что за нарушеніе клятвы, душа погаснетъ, какъ свѣча. Не божились по произволу, зная заповѣдь: не произноси напрасно имени Господа Бога Твоего!—Эти достохвальныя свойства измѣнились отъ угнетенія татарскаго, посему неудивительно, если иностранцы осуждали нашихъ предковъ прямодушныхъ, клявшихся и въ язычествѣ: *да будемъ золоты, ако*

(*) Herber. Reg. Moscov. com.

золото, и да будемъ изслѣчены своимъ оружіемъ, не дерзая призывать во свидѣтели даже своего идола Перуна.—Флечеръ укоряетъ тогдашніе нравы. Москвитяне не вѣрятъ чужимъ словамъ, говоритъ онъ, ибо никто не вѣритъ ихъ слову. Воровство и грабежъ, весьма частые, отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, требуя неотступно милостыни, говорятъ: дай мнѣ, или убей меня! Днемъ просятъ, ночью воруютъ, а вечеромъ нельзя выходить изъ дома. Не смотря на это, онъ сознается, что искренняя набожность царствуетъ между Русскими (*). Петрей говоритъ, что Русскіе крѣпкіе, сильные и не страдаютъ никакими зловредными болѣзнями; но Москвитяне лукавые и обманчивые. Мечъ пишетъ, что Русскіе одарены смѣтливостію, изобрѣтательностію и острою ума. Корбъ, восхваляя добродушіе, говоритъ: «достоинно удивленія, что въ Московіи никогда не было возстанія.» Капитанъ Шлейссингъ, бывшій нѣ-

(*) Флечер. *Com. Wealth.* пом. въ собр. Гакл., с. 446; *Mach. Relat. of three embas. of Carlisle* с. 43; *Korb. Diar. itin. in Moscov.*, ed. Vien. in f. с. 189; *Schleissing: Regements Stab*, с. 13; *Petreyum: Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb. Ruschow* с. 617—620. Флемингъ написалъ стихами слово похвальное, которое во многихъ мѣстахъ довольно грязное для имени Русскаго. Его сочиненіе напечатано подъ заглавіемъ: *Pontische Wälder*, въ путешествіи Олеарія: *Oft begeh. Beschr. d. Reisen Orient. Reise* с. 199 ed. 1647 г.

сколько лѣтъ въ службѣ Царей: Алексѣя, Теодора, Иоанна, Петра I и правительницы Софіи, отзывается съ особенной похвалою о вѣрности Русскихъ: «я никогда не слыхалъ и никогда не читалъ», пишетъ онъ, «чтобы Русскіе возставали когда нибудь противу своихъ Государей, развѣ только противу самозванцевъ.»

Иностранцы съ удивленіемъ описываютъ еще строгость постовъ нашихъ предковъ, и говорятъ всѣ единодушно, что въ самыхъ отчаянныхъ болѣзняхъ не рѣшались употреблять мясного; что всѣюсты встрѣчали съ набожными чувствами, ознаменовывали ихъ добрыми дѣлами, чистосердечнымъ раскаяніемъ и братскимъ угощеніемъ (*).

(*) При дворѣ нашихъ Царей встрѣчали первую недѣлю великаго поста, съ особыми обрадами. Въ субботу иногда во вторникъ, пріѣзжали къ Государю послѣ обѣда, изъ 35 монастырей стряпчіе и подносили ему и каждому члену Царскаго семейства, отъ каждого монастыря: по хлѣбу, блюду капусты и кружкѣ квасу. Привнявъ эту обычную дань, Царь жаловалъ монастырскихъ стряпчихъ *погребомъ*, т. е. приказывалъ ихъ поить виномъ, пивомъ и медами своего погреба. — Вотъ исчисленіе особъ, кому подносили, и названія тѣхъ монастырей, откуда пріѣзжали монастырскіе стряпчіе. — Въ 1665 г. въ недѣлю православія въ субботу, подносили по хлѣбу, блюду капусты и кружкѣ квасу, на каменной лѣстницы у мастерской палаты: Царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ, Царевнамъ: Иринѣ и Аннѣ Михайловнамъ, Евдокіи, Марѣ, Софіи, Екатеринѣ, Марьѣ и Θεодосіи Алексѣевнамъ — Названія монастырей, отъ коихъ подносили, это суть: 1. Изъ Троицко-Сергіева монастыря. 2. Владиміра Рождественскаго. 3. Чудова м. 4. Спасскаго, что на новомъ. 5. Спасскаго. 6. Спасскаго

Женскій полъ въ семейномъ быту, всегда *Занятіе*

былъ кротокъ и послушенъ. Мужъ обрабатывалъ *женскаго*

землю, плотничалъ и строилъ; жена прядла, ткала,

пола.

Андроньева. 7. Изъ Звѣнигорода Сторожевскаго. 8. Изъ Ко-

строма Ипатскаго. 9. Изъ Переславлѣ-Залѣскаго, Горица-

го. 10. Новаго двѣвчьяго. 11. Вознесенскаго двѣвчьяго. 12.

Изъ Суздаля Покровскаго двѣвчьяго. 13. Изъ Можайска Лу-

жецкаго. 14. Изъ Ростова Богоявленскаго. 15. Изъ Костро-

мы Богоявленскаго. 16. Изъ за-торгу Богоявленскаго. 17.

Знаменскаго, что на старомъ дворѣ у Государя. 18. Изъ

Ярославлѣ Спасскаго. 19. Изъ Боровска Пашнутаева, 20. Изъ

Волоколамскаго Юсифова. 21. Изъ Суздаля Спаса Ефимьева.

22. Изъ Переславлѣ-Залѣскаго Давилова. 23. Изъ Ростова

съ устья Борисоглѣбскаго. 24. Изъ Никольскаго Угрѣнскаго.

25. Изъ Кашина Колязина. 26. Изъ Переславлѣ—Залѣскаго Ни-

китскаго. 27. Изъ монастыря Пречистыя Богородицы доискаго.

28. Давилова. 29. Новинскаго. 30. Златоустовскаго. 31. Изъ Пе-

реславлѣ-Залѣскаго Теодоровскаго. 32. Изъ Серпухова Вла-

дычина. 33. Изъ Серпухова Высоцкаго. 34. Изъ Бѣжецкаго

вверху Никольскаго Антоњева и 35. Изъ Дмитрова Николь-

скаго Пастышскаго. — Въ послѣдствіи подносили еще изъ

Воскресенскаго что на Истрѣ.

Отъ тѣхъ же самыхъ монастырей подносили хлѣбы, ка-

пусту и квасъ: патриарху, боярамъ, окольничимъ, думнымъ

и ближнимъ людямъ, думнымъ дьякамъ, кравчему, страпче-

му съ ключемъ и всѣмъ приказнымъ людямъ.

Можетъ быть обычай, собираться изъ монастырей въ

Москву и собирать монастырскую великопостную дань, при-

своилъ и первому воскресенію великаго поста, наименованіе

сборнаго воскресенія.

Монастыри тогда славились, и нынѣ славятся, искуснымъ

печеніемъ хлѣбовъ и отличнымъ приготовленіемъ капусты и

квасовъ. При Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ славился своими

квасами монастырь Антонія Сѣвскаго (архангельской губ.

холмогорскаго уезда), такъ что Государь посылалъ туда

для ученія кваснаго варенья, своихъ хлѣбниковъ и пивоваровъ.

шила, и каждое семейство подчинялось старшему въ домѣ, который раздѣлялъ между ними работы и занятія (*).

У насъ женщины сами шили для себя одежды и отличались искуснымъ вышиваньемъ разными шелками, серебромъ и золотомъ. Знатныя боярыни и дѣвицы, преимущественно занимались этою работою, и щеголяли ею. Анна, супруга В. К. Рюрика II, живя въ монастырѣ св. Андрея въ Кіевѣ (въ исходѣ XII вѣка), обучала дѣтей шить золотомъ и серебромъ.

Въ субботу первой недѣли или въ сборное воскресенье, а иногда въ другой какой либо день послѣ обѣдни, самъ Государь раздавалъ въ столовой избѣ *укрухи*: боярамъ и другимъ чинамъ. Къ патриарху же посылалъ ихъ съ бояриномъ. Въ среду первой недѣли поста (1667 г.) была отправлена къ патриарху *укруха*, съ стольникомъ кн. Петр. Ив. Прозоровскимъ, и она состояла: изъ кубка романи, реваго, малвази, хлѣбца *кругличатаго*, полосы арбузной, горшечка патоки съ нибиремъ, горшечка мазули съ шафраномъ, горшечка мазули съ нибиремъ и трехъ шишекъ ядеръ.

На первой же недѣлѣ великаго поста, въ пятницу, въ Успенскомъ соборѣ патриархъ молитвословилъ надъ коливомъ (кутьюю), которую раскладывалъ на серебрянныя блюда, и съ соборнымъ протопопомъ посылалъ къ Царю и ко всему его семейству. — Смотр. стат. Ив. Забѣлина: Некоторые придворные обряды и обычаи Царей московскихъ — помѣщ. въ московск. вѣд., потомъ перепечатано въ владимірскихъ губернскихъ ведомостяхъ въ 1847 году, N 7.

(*) Орудія, коими шили платья, состояли прежде изъ заостренныхъ костей рыбьихъ и деревянныхъ иглъ. Самыя одежды выдѣлывались, разумѣя во время дикости народовъ, изъ тонкой коры, листьевъ и кожъ; нитки употреблялись очень

Введеніе вышиванія золотомъ, приписываютъ Фригійцамъ. Во время Мойсея (за 1500 л. до Р. Х.) отличались Египтяне шитьемъ по золоту и тканьемъ разноцвѣтныхъ матерій; женщины сидонскія славилась вышиваньемъ. Греки знали оба эти искусства, еще до троянской войны. Елена, по описанію Гомера, прекрасно изобразила на большой ткани кровопролитныя битвы Грековъ и Троянцевъ; Андромаха вышила разными цвѣтами несчастную смерть Гектора (*). Многія простыя и грубыя: сусежные тонкіе ремешки, жилы и конопляныя витыя суровыя нитки. Гренландцы шили кишками выдѣлываемыми изъ морскихъ собакъ; Эскимосцы, Самоды, Американцы, Африканцы употребляли жилы животныхъ. — Гезіодъ говоритъ, что такъ же поступали Греки, пока не получили гражданскую образованность.

Египтянъ научила прясть Изисъ; но Китайцы отдають эту честь Яо, жевъ императора; Лидіице Арахъ, Греки Минерва, Перуанцы Мамъ—оелль, жевъ Монко—Капака, перваго ихъ государя. Пряденіе, тканіе и шитье, приписываютъ изобретеніямъ женскому полу, потому что это свойственно образу его занятій. — Усовершенствованіе иглъ приписываютъ Грекамъ и Римлянамъ. Пряслица изобрѣтена брауншвейгскимъ мѣщаниномъ Юргеномъ, въ 1530 г. Dict. des orig. Par. 1777 г.

(*) Diction. des origines, Par. 1777 г.

Въ теремъ вошла, гдѣ Елена ткань великую ткала,
Свѣтлый, двускладный покровъ, образуя на ономъ сраженъ,
Подвиги конныхъ Троянъ и мѣдянодопъшныхъ Данаевъ.

Ткала одежду она (Андромаха) въ отдаленнѣйшемъ теремѣ дома,

Яркую ткань, и цвѣтные по ней разсыпала узоры.
Гвид. Илиада Гомера, пѣсн. III, ст. 425 — 427, пѣсн. XXII, ст. 440 — 441.

изъ нашихъ боярынь славилась искусствомъ вышиванья. Жена Волынского, оберэгателя посылскаго приказа, славилась вышиваньемъ.

Удоволь-
ствіе въ плъ-
щи.

Пѣніе составляло особое удовольствіе нашихъ предковъ, какъ и понынѣ между народомъ. Пѣсни свадебныя, хороводныя, святочныя, плясовые и церковныя стихи, услаждали ихъ во всякое время. Правильность пѣнія образовалась не ранѣе, какъ около половины XI вѣка, когда выѣхали къ намъ греческія пѣвцы, въ великокняженіе Ярослава. Они первые научили Русскихъ дѣмственной пѣнію на восемь голосовъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ не одно удовольствіе, но услажденіе (*). Княжна Янка или Анна, какъ называетъ Татищевъ, дочь В. К. Всеволода, будучи монахинею въ монастырѣ св. Андрея въ Кіевѣ, учила молодыхъ дѣвицъ грамотѣ, пѣнію и шитью (**). Весьма справедливое замѣчаніе одного иностранца (***) , что Россіянокъ XVII вѣка,

(*) Названіе дѣмственное есть испорченное греческое и оно происходитъ отъ слова *δομστικός*, уставщикъ, потому что онъ первый начиналъ и указывалъ на правильное пѣніе, см. Du Sange: Glossar. med. aev. Въ Никон. лѣт. ч. I. с. 142 сказано, что въ 1051 г. пріѣхали изъ Греціи въ Кіевъ, три пѣвца съ своими семействами, см. Кар. И. Г. Р. т. I. пр. 57.

(**) Она померла въ 1103 г. и въ томъ монастырѣ похоронена. Воскр. лѣт. ч. I. с. 27.; Татищевъ: Рос. ист. кн. II. с. 158; Кар. И. Г. Р. т. 2 прим. 156.

(***) Reutenfel. De reb. Moscov: Mulierculae canticulus fastidia otii pellant.

главнѣйшее увеселеніе состояло въ гнѣніи, коимъ онѣ прогоняли свою скуку, ибо тогда женскій полъ; проводя всю свою жизнь въ затворничествѣ, не могъ участвовать въ собраніяхъ съ мужчинами.—Одна забава считалась имъ позволенною,—начели, однако жъ ее осуждали невѣжы и суевѣры, называя *дьявольскою стѣтїю* (*). Музыкою не занимался женскій полъ (**).

Женщины и дѣвушки, будучи совершенными затворницами, не смѣли показываться чужимъ людямъ, даже не ходили въ церковь съ открытымъ лицемъ. Ни старики, ни родственники, ни братья не могли ихъ видѣть безъ особаго поз-

Уединенная жизнь.

(*) Herberst. Reg. Moscov. com. Объ осужденіи качель см. Синописисъ Гизелъ.

(**) Успен: Оп. повѣсть о древ. русск. ч. I. с. 93, увлекшись изслѣдованіями Татищъ, Рос. ист. т. III. с. 84 и кн. Щербатова тамъ же с. 499, говоритъ, что когда В. К. Изяславъ возвратился въ Кіевъ, 1154 г., и вновь занялъ великокняжескій престолъ при помощи Венгровъ, тогда онъ дѣлалъ великій пиръ, на коемъ играли венгерскіе музыканты, а Кіевляне слушали съ удивленіемъ. *Тогда же Угры на фарьхъ и скокахъ играху на Ярославль дворъ.* Фарями назывались арабскія кови, см. Дюканжа: Gloss. med. aevi. Въ старинной русскои сказкѣ, названной: *Длянїе и житїе Девгенїево Акрита*, сочиненной, какъ можно судить по слогу, въ XII или XIII вѣкѣ, сказано: *кто сему не дивится, како дрѣзость яви уноша (юноша), како нагощи брѣже (скорве) фаря брѣзого.* Въ другомъ мѣстѣ: *Како фарь подѣ нимъ скакаше, а онъ горадно на немъ играетъ.* Скокы значуть скакуны. Венгерцы увеселяли пирующихъ и народъ, искусною скачкою на лошадахъ. Объ этомъ см. Кар. И. Г. Р. т. 2 с. 233 изд. 1816 г.

воленія отца семейства или мужа, ибо, по тогдашнему мнѣнію, тѣ женщины были нечестныя, которыя сами показывались, а особенно когда не сжижали дома. Въ праздники и въ лѣтнее время, мужья бывали къ нимъ снисходительнѣе. Жены и молодыя дѣвушки выходили гулять на лугъ. Тамъ пѣли и качались на качеляхъ, а матери между тѣмъ гадали дочерямъ въ фортунку (*).

Если женамъ и дочерямъ позволяли навѣщать родственниковъ или проѣзживаться, то не иначе какъ подъ покрывалами или въ закрытыхъ возкахъ. Самыя Царицы подвергались такому же порядку. Когда супруга Царя Алексѣя была нездоровою, и къ ней пригласили врача; тогда ему дозволили ощупать ея пульсъ чрезъ тонкое тканье, коимъ была покрыта ея рука (**).

(*) Herber. *Regr. Moscov. com. ed. Antv.* с. 54.; *Petretjum: Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb Ruschlow,* с. 609; *Olear: Ost bekehrte Beschf. der Neuen Orient. Reise* с. 144 и 143. Качели въ это время были круглыя, быть можетъ какъ нынѣ. *Maerb. Voyage en Moscov.* с. 148, изд. Лейден.; *Mach: A relat. of three embass. to the great Duke of Moscov. in the years 1663 and 1664* с. 52—54.

(**) *Maerb. Voyage* с. 88. У Грековъ и богини ходили подъ покрываломъ.

Что ты, Оетыда, покровомъ закрытая, въ домъ нашъ приходишь.

Мать увидала, . . .

Рветъ свдые власы, дорогое съ себя покрывало

Мечеть далеко

Глгд. Ил. Гом. пѣсьв XVIII ст. 385, пѣсьв XXII ст. 405—407.

полъ страдалъ тогда многочисленными болѣзнями. А нынѣ еще жалуются на сидячую жизнь!

Нѣга, принадлежность женского пола, усып- *Постель.*
ляла его на мягкомъ и тепломъ ложѣ. Перины и пуховыя подушки, употреблявшіяся издревле, составляли роскошь знатныхъ боярынь и Великихъ Княгинь. Постели ихъ застилались шерстяными, шелковыми или льняными одѣялами; покрывала вышивались золотомъ и серебромъ и украшали богатую постель; кровати были подвижныя, ставились къ стѣнѣ подъ пышнымъ занавѣсомъ, называвшимся *пологомъ*. У недостаточныхъ и бѣдныхъ дѣлались, вмѣсто кроватей, *примосты*, укрѣпляемые досками на подставахъ, между двумя стѣнами. Донынѣ простой народъ спитъ на примостахъ и на печѣ. Полати дѣлались изъ досокъ, по выше примостовъ, въ уровень съ печью. Часто спали нераздѣваясь, даже на самыхъ печахъ.

Лѣтописцы иностранные хвалятъ непо- *Супружеская вѣрность.*
рочность и вѣрность Россіянокъ. Агнеса, супруга императора германскаго Генриха IV, дочь В. К. Всеволода I, была однажды подвергнута имъ испытанію въ вѣрности, для этого онъ велѣлъ одному изъ своихъ бароновъ, влюбившихся въ нее, искать ея любви. Она презирала его страстныя изъясненія, но выведенная изъ терпѣнія, назначила ему мѣсто и время для тай-

наго съ нею свиданія; но вмѣсто барона явился ночью самъ императоръ, который былъ встрѣченъ переодѣтыми въ женское платье слугами. Они, исполняя приказаніе императрицы, поступили съ нимъ, какъ съ оскорбителемъ ея чести. Узнавъ же въ мнимомъ баронѣ своего мужа, Агнеса сказала ему: для чего жъ ты шелъ къ женѣ подъ видомъ оболъстителя? Раздраженный Генрихъ оклеветаніемъ барона, казнилъ его, а цѣломудренную Агнесу поносилъ грубыми и дерзкими словами (*).

(*) *Chronic Th. Engelhusen*, въ *Лейбниц. Script. Brunsv.* 14; Гебгарди: *Erläuterung der Eur. Kaiserl. und Königl. Hist.*, см. табл. 9, гдѣ приведены свидѣтельства разныхъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ.—Агнеса чрезъ три года развелась съ Генрихомъ.—Любопытныя свѣдѣнія объ Агнесѣ, см. еще *Кар. И. Г. Р.* т. 2 с. 97 примѣч. 157. Она вышла замужъ за Генриха IV въ 1089 г. Императоръ Генрихъ IV замѣчательнъ въ исторіи среднихъ вѣковъ, сильными распрями его съ папою Григоріемъ VII Гильдебрандомъ, за инвеституру. Въ западной Европѣ было тогда обыкновеніе, что государи, возводя духовныхъ особъ въ высшее достоинство и отдавая имъ въ пастырское управленіе земли, вручали жезлъ и перстень, въ знакъ ихъ зависимости отъ государя; но папа Григорій VII, отнимая это право у государей, подъ опасеніемъ отлученія ихъ отъ церкви, объявилъ, что эта власть принадлежитъ римскимъ первосвященникамъ. Вѣсмъ извѣстно несчастное униженіе Генриха IV, которое должно приписать невѣжественному вѣку и владычеству духовенства, хотѣвшему быть властителями и судіями. Но благодаря просвѣщенію, что папская власть, во многомъ пагубная не только для монарховъ, но и государствъ, совершенно-ослабѣла нынѣ, или лучше сказать, сдѣлалась ничтожною.

Россіянки всегда славилась непорочностью въ семействѣ и служили удивленіемъ для иноземцевъ. Скромность и невинность, составляли неразлучную добродѣтель женъ: этимъ гордились мужья и дорожили самые знатные люди (*). Однако, были примѣры невѣрности; но эти примѣры не могутъ быть доказательствомъ безнравственности, въ особенности прекраснаго нашего пола.—Первый разнесъ молву невыгодную, баронъ Герберштейнъ (**). Не принимая и не вѣря его замѣчаніямъ, мы можемъ согла-

(*) Paul. Iov. de Leg. Moscov.

(**) Herber. Rer. Moscov. com.—Paul. Iovius de legat. говоритъ, (онъ писалъ въ 1525 г.), что въ Москвѣ были дома публичныхъ женщинъ, которыя принимали къ себѣ посѣтителей за весьма умѣренную награду: ad venerem omne vulgus foeminaeque facile pollicitur. Должно думать, что введеніе такихъ домовъ современно многоженству.—Французская болѣзнь была намъ известна, въ концѣ XV вѣка по одному слуху. Она, съ американскимъ золотомъ, вывезена въ Европу въ 1493 г. Сначала именовалась неаполитанскою, и до того она была опустошительною, что казалась гнѣвомъ Божиимъ, испосланнымъ за грѣшн. Robertson: Hist. of America, кн. 4 с. 99, и с. 342 прим. 50, изд. 1828 г. Одна женщина занесла ее изъ Рима въ Крѣмовъ: эта болѣзнь вдругъ заразилась тамъ многихъ; отъ нее вскоре померъ кардиналъ Фридерикъ.—Стрыйков. лѣтоп. кн. XXI гл. 1.—Слухъ объ этой болѣзни дошелъ до Москвы, въ 1499. В. К. Іоаннъ III, посылая въ Литву боярскаго сына Ив. Мамонова, велѣлъ ему развѣдать въ Вильнѣ: есть ли еще та болѣзнь или нѣтъ, что болячки мечются (покрываютъ тѣло), а слово въ французск. «Двѣль польскаго двора N 1 с. 684.—Въ договорѣ смоленскаго кн. Мстисла Давыдовича съ городомъ Рыгою, заключеннымъ въ 1228 г., сказано между прочимъ, что за безчестіе женщины пла-

ситься съ нимъ въ томъ только, что мужья, занятые службою, рѣдко бывали дома, и что самое супружество зависѣло отъ воли родителей. Не женихъ выбиралъ себѣ невесту, но отецъ, и онъ назначалъ ее для своего сына. Когда женихъ домогался видѣть свою невесту, тогда родители отвѣчали ему: спроси объ ней у добрыхъ людей. По наступленіи только дня свадьбы, засватанные видѣли другъ друга предъ вѣнцемъ.

тять 40 гривенъ серебра, пока она не была обезславлена,— статья 13, см. собр. госуд. грамотъ. Это доказываетъ, что общественныя женщины давно существовали. Мелецій, писатель половины XVI вѣка, говорить: «тѣ изъ нихъ, кои грѣшать со всеми, изгоняются изъ общества и называются *обими*» т. е. общественными. *Eos quoque, quod publice peccant, communicatione persequuntur, quod eorum lingua obscha vocant.* — De Russor. relig. et ritib. ed. 1584 года. — Петрејум: *Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb Musckow*, с. 595. изд. Лейпц. 1620 г., говорить: *und haben bey sich herlaufen vielen Diener und Knechte, die sie bewachen sollen, чтобы слуги боярскіе присматривали за нихъ женами, auff daß sie mit andern Männer und Gesellen keine haben Lieben und Unkeuschheit treiben, weil sie so frech und geil seyn, daß sie es, wenn sie die geringste Gelegenheit ergreifen können nicht nachlassen, so sie reißen oft die Männer an des Venuspiel mit ihnen zu pflegen, sonderlich mit den Ausländern, zu welchen sie sehr geneigt seyn.* — Далѣе, с. 636: *Also ist die zwar nicht die geringste, nemlich, wenn armen und geringe Edelleute oder Bürger etwa Noth leiden, und kein Geld haben, daß sie etliche Kätz und Gesellen, so Reich und Vermögens seyn, antreffen können, denen bieten sie ihre Betten an, bey ihnen zu schlaffen, und nehmen für ein jedes*

Мужья весьма любятъ своихъ женъ, говорятъ баронъ Герберштейнъ, но безъ частыхъ побоевъ мужа, каждая жена сомнѣвается въ его любви. Одинъ Нѣмецъ, женатый на Русской, рассказывалъ ему, что жена часто докучала ему своими замѣчаніями, что будтобы онъ не любитъ ея и постоянно спрашивала: отъ чего ты не любишь меня?—Напротивъ я тебя очень люблю, отвѣчалъ онъ ей.—Не вѣрю, докажи.—Какого же ты хочешь отъ меня доказательства? — Ты ни

*Доказа-
тельство
любви чрезъ
побои.*

Mal 2 oder 3 Thaler, darnach das Weib häßlich und schön ist, und sie mit einander können übereinkommen. Und gehet der Mann so lange für die Thür, und holt Wacht, damit keiner kömpt, der sie in ihren unerbare Werck und Unzucht hindern und verstoßen. Ja, sie treiben auch, insonderheit, die großen Herren und die von Adel, großen Unzucht und sodomischen Sünden und die Männer selbst mit einander, und solches nicht heimlich, sondern oftmals in gegenwart vieler Personen, meynend, es sey ihnen eine Ehre, solches bequemlich und ränlich zu thun. — Это совершенно нелгое сказаніе Петрея, потому что ни одинъ иностранный писатель не отзывался о женскомъ полѣ съ такой чернотою, какъ онъ. Полагать должно, что частные примѣры нечестности, онъ принялъ за общую безнравственность. — Въ Малороссіи венерическая болѣзнь называется *гостецъ* (гостинецъ подарокъ). Она занесена сюда проходящими войсками, въ родѣ подарка, и должно думать не ранѣе половины XVIII вѣка, когда войска останавливались здѣсь гостить постоємъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи эта болѣзнь известна подъ именемъ *скорби*. О зараженномъ ею говорятъ: *у него большая скорбь въ носу, въ ногахъ и онъ весь въ скорбляхъ.*

когда не билъ меня. Тогда мужъ исполнилъ ее желаніе и, по его словамъ, черезъ чуръ (*).

Обыкновеніе бить женъ позаимствовано отъ Татаръ, и это можетъ быть объяснено только грубостію тогдашнихъ временъ. Любовь чрезъ побой, существовала еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, какъ рассказывали мнѣ. (**). Въ одной пѣснѣ женщина, выражая чувствованія своей любви, напоминаетъ намъ на старый обычай, доказывать любовь хворостиной и кнутомъ :

(*) Herber. Reg. Moscov. com. c. 51, ed Antv. Petrejum : Histor. und Bericht. von dem Großfürstenthumb Musckow. c. 632—634. изд. Лейпц. 1620 г.; Olear: Ostt begehrte Besch. der Neu-en Oriental. Reise, c. 143.

(**) Я однажды слышалъ жаловавшуюся жену на своего мужа, — что онъ не любитъ ее. Когда я спросилъ ее: отъ чего она такъ думаетъ?—тогда она отвѣчала мнѣ, что онъ ее ни разу не билъ.—Да разве въ этомъ любовь? «Э, батюшка, жена не въдаетъ любви мужней безъ битья. Чѣмъ крѣпче и почаще побиваетъ муженѣкъ, тѣмъ-то жена боится мужа и холить его. Бабій волосъ длинень, а уиъ коротокъ. Не потрепили ея косыньки, не оставь синева на плечикахъ и щечкахъ румянныхъ, и что за любовь!»—Случилось еще видѣть, что мужъ билъ свою жену и весьма жестоко. Когда я замѣтилъ, что онъ поступаетъ съ ней безчеловѣчно, тогда онъ отвѣчалъ мнѣ: «вѣтъ, батюшка, это ужъ такая наша поведенція. Не бей жену, она ругается: ты меня не любишь. — Если любишь, то бей меня!» Во время сердечныхъ побоевъ, жена не плачетъ и не кричитъ, она переноситъ терпѣливо, и этимъ еще гордится между своими пріятельницами. — Въ Россіи все измѣняется такъ скоро, что можно думать, что любовь чрезъ побой не существуетъ уже. Въ амери-

Мимо пройдесть, да не взглянетъ,

Какъ морозомъ подерётъ!

Ай люли, ай люли,

Нигдѣ мѣста не найду!

Вдоль спины перепояшетъ,

Хворостиной аль кнутомъ,

Ай люли, ай люли,

Нигдѣ мѣста не найду!

Мяъ то за честь и не больно,

Хоть малиной не корми!

Ай люли, ай люли,

Нигдѣ мѣста не найду! (*)

Еще въ другой пѣснѣ:

Ахъ, что это за мужъ,

Молоду жену не бьетъ!

Бей жену къ обѣду,

Къ ужину снова, да опять,

Чтобы щи были горячи,

Каша масляная.

канской Индіи доселѣ въ обычаѣ доказывать любовь по-
боями. Привязываютъ жену къ дереву и бьютъ прутьями до
безчеловчія, пока она не скажетъ: довольно, доказалъ любовь!
Или пока самъ мужъ не устанетъ, — но это бесчестіе для
мужа. — Правительство англійское нѣсколько разъ предпри-
нимало мѣры къ истребленію варварскаго обычая, но сами
жены возставали противу этого.

(*) Новѣйш. полн. всеобщ. пѣсен. ч. 3. N 297, изд.
Москов. 1822 г. Эта пѣсть начинается такъ:

Мяъ моркотно молоденькъ,

Нигдѣ мѣста не найду!

Ай люли, ай люли,

Нигдѣ мѣста не найду, и проч.

Каждый народъ имѣетъ свой особый духъ и такія качества, которыя только ему одному свойственны. Женскій полъ отличается во всемъ свѣтѣ чувствительностію и нѣжностію сердца, но при этомъ онъ обнаруживаетъ свои наклонности. Нѣмки хорошія хозяйки; Голландки постоянныя, Англичанки вѣрныя, Испанки пламенныя, Португальки страстныя, Швейцарки патріотки, Францужанки любезныя, Италіянки реввивыя, Польки увлекательныя собесѣдницы, а Русскія нѣжныя матери. Мушкетеры же въ своихъ страстяхъ такъ измѣнились, что всѣ они болѣе или менѣе на одинъ ладъ непостоянныя, но этотъ недостатокъ они вознаграждаютъ твердостію воли, глубокомысліемъ и провицательностію.

*Обращеніе
въ общежитіи.*

Дворяне и богатые были спесивые къ бѣднымъ, но между собою гостепріимны и вѣжливы. Гостя встрѣчали съ объятіями и просили садиться, но гость, войдя въ комнату, искалъ глазами Св. яконъ, подходилъ къ нимъ, крестился и клалъ сначала три земныхъ поклона, пронося въ слухъ нѣсколько разъ: *Господи помилуй, Господи помилуй!* Потомъ обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: дай Господи тебѣ здоровья.—Подавши другъ другу руку, они цѣловались, кланялись на нѣсколько разъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ считалось почтительнѣе;

переставали кланяться и снова кланялись, наконец сажались и бесѣдовали (*). Гость садился лицомъ къ Св. образамъ. Тутъ его подчивали медомъ, пивомъ, вишневною, а дорогихъ гостей греческими винами и мальвазією. По окончаніи разговоровъ гость, взявъ свою шапку, подходилъ къ образамъ, крестился, дѣлалъ тѣже поклоны и прощался съ хозяиномъ, желая ему быть здоровымъ. Хозяинъ отвѣчалъ ему взаимнымъ желаніемъ и провожалъ его безъ шапки до крыльца; любимаго провожалъ до самыхъ воротъ, а почетнаго еще далѣе, за нѣсколько шаговъ отъ воротъ.

Путешественникъ Ле-Бренъ, будучи представленъ кн. Меншиковымъ Государынѣ Екатеринѣ, въ селѣ Измайловѣ, говоритъ, что послѣ нѣсколькихъ разговоровъ князя съ Царицей, она велѣла наполнить чашу водкою, и подала изъ своихъ рукъ князю, который выливъ,

(*) Въ разговорахъ употребляли *батюшка*, *милостивецъ*. *Батюшка* есть очень древнее употребленіе и оно встрѣчается уже въ XIII в.; означало отца-покровителя. Нынѣ же оно произносится безъ всякаго значенія, по одному вкоренившемуся обычаю. У мексиканскихъ народовъ существовало обыкновеніе величать, старшихъ себя, съ прибавленіемъ слога къ каждому слову: *шцъ* и *ашцъ*, напр: *татль*, батюшка, *татцинъ* батинька. Монтецума величался Монтецумацинъ и т. п. Все это indicating respect, silavas reverentiales y de cortesia. — Roberts: Hist. of America, кн. 7. с. 226. прим. 146. изд. 1828 г. — Эта самая въжливость похожа на нашу страннѣйшій обычай, чтобы придавать къ каждому слову *ссъ*, — и нѣтъ сомнѣнія, что это позаимствовано отъ лакеевъ.

передалъ одной изъ Фрейлинъ. Эта Фрейлина вновь наполнила чашу, а Государыня^У подала Ле-Брену. Послѣ подавали пить вино и наконецъ пиво, но князь и онъ, отвѣдавъ не много пива, отдали Фрейлинѣ, ибо пить пиво считалось неприличіемъ.

Русскіе не любили придираться къ словамъ, въ обхожденіи были весьма просты, и всякому говорили *ты* (*). Если разговаривали о чемъ нибудь сомнительномъ, или слышали говорящихъ несправедливо, то вмѣсто учтивыхъ выраженій: *это ваше мнѣніе, извините*, отвѣчали прямо: *ты врешь* (**).

Такъ говорилъ и слуга своему господину. Самъ Царь Іоанъ IV не сердился за это, но эта простота въ обхожденіи, стала уже измѣняться въ концѣ XVI вѣка (***) . Самый почтенный

(*) Le-Brun. Voyage par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales, т. 1, с. 30 и 34. изд. Амстерд. 1718 г.

(**) У Грековъ отвѣчали брагью и даже бились, не одни смертныя, но бессмертныя. Богиня Гера, державная супруга Юпитера:

Словами жестокими такъ Артемиду извила:

Какъ, безстыдная псица, и мнѣ уже нынѣ ты смѣешь?

Лишь сказала (Гера) и руки богини своею рукою

Лъвой хватаетъ, а правою, лукъ за плечами сорвавши

Лукомъ, съ усмѣшкою горькою, бьетъ вокругъ ушей

Артемиду.

Глѣд. Иліад. Гомер. гресн. XXI. ст. 480 и 490 изд. 1839 года.

(***) Marger. Éstat de l'emp. de Russie, л. 38 изд. Париж. 1607 г.

и знатный бояринъ не обижался, если поселянинъ называлъ его ты. Великихъ Князей и Государей величали ты; такъ называлъ мужикъ своего барина, а дѣти своихъ родителей. Понынѣ еще называютъ ты; но къ сожалѣнію, эта простота нравовъ исчезаетъ. Греки, Римляне и всѣ народы древняго и новаго міра, говорили ты, изъ особаго уваженія, а не вы. Въ словѣ ты выражается почтеніе къ одной особѣ, а въ вы ко многимъ; послѣднее, приписывая одному лицу многія несвойственныя ему достоинства, лѣстить его страстямъ, а люди крайне любятъ это (*).

(*) Уваженіе къ господамъ и вообще къ старшимъ себя, распространено въ большей степени между простымъ сословіемъ. Если приходите къ чиновнику, барину и т. п., и спрашиваете у горничной или у лакея: дома ли баринъ? то всегда отвѣчаютъ: нѣтъ ихъ дома, и никогда не скажутъ: нѣтъ его дома. — Случается слышать часто подобные отвѣты отъ самихъ чиновныхъ, наприм. спрашиваете: у себя ли его превосходительство? Отвѣчаютъ: у себя, но они заняты. Такая вѣжливость, противная свойству языка, употребляется постоянно въ семейномъ кругу. Спросите у дѣтей, даже взрослыхъ: у себя ли маменька? — У себя, отвѣчаютъ вамъ, но онъ не здоровъ. — А папенька? — Онъ только что вышли. Подобныя выраженія можно допустить одной вѣжности дѣтей, особенно чувствительнымъ дѣвушкамъ, боящимся оскорбить самый слухъ; но никакъ нельзя извинить въ этомъ знающихъ языкъ. Величіе Божіе ни мало не оскорбляется, когда говорить объ Немъ: Онъ могущественнъ, — Его воля святая, а не: Онъ могущественны, Ихъ воля святая. Изъ устъ прекраснаго пола проистекаютъ бодѣ всѣхъ несправедливыя слова.

При подаваній просьбы или какой либо жалобы, обыкновенно писались уменьшительными именами. Духовные подписывались: *богомолецъ твой* или *богомолца твоя*. Знатныя особы: *холопъ твой* или *рабъ твой*. Слово холопъ употреблялось до XVII вѣка, а рабъ до половины XVIII вѣка. Императрица Екатерина II замѣнила слово рабъ, вѣрноподаннымъ. Крестьяне донынѣ употребляютъ рабъ, въ письмахъ къ своимъ господамъ. Кушцы и мѣщане подписывались: *мужикъ твой*, оставшіеся сиротами: *сирота твоя*; женскій полъ: *раба твоя* или *рабца твоя*; крестьяне: *крестьянинъ твой*; слуги: *человѣкъ твой*. Еще до второй половины XVII вѣка, многіе подписывались сокращенными именами, наприм: *Ивашка*, *Андрюшка*, *Федюшка* и т. д. Преступниковъ и простой народъ долго именовали, едвали не до конца XVIII вѣка, сокращенными именами, напр: *Гришка Отрепьевъ*, *Стенька Разинъ*, *Пугачъ*, и т. п. Было особымъ знакомъ уваженія и почести, если боярина величали полнымъ именемъ, напр: *бояринъ князь Василій Андреевичъ*. Окончаніе *вичъ* составляло принадлежность княжескаго достоинства и знатныхъ особъ, но и послѣдніе не смѣли именоваться имъ, безъ соизволенія Великихъ Князей, которые прикладывали это въ ознаменованіе заслугъ или особаго

достоинства. Въ началѣ XVII вѣка уже стали именовать на *сичъ* не только знатныхъ, но всѣхъ дворянъ; въ XVIII ст. назывались полнымъ именемъ чиновные и служащіе, а въ наше время вошло въ употребленіе всеобщее даже между простымъ сословіемъ, въ коемъ нынѣ услышите прибавочное еще названіе: *господа*. Если соберется нѣсколько изъ простолюдиновъ и толкуютъ о чемъ нибудь, а одинъ кто нибудь изъ нихъ не соглашается съ общимъ мнѣніемъ, то онъ говоритъ: *господа!* вы не такъ рядите. Подумайте лучше, *господа*, и т. п.

Простой народъ назывался, почти до конца XVIII вѣка, *подлыми людьми* (*).

Простой народъ, особенно деревенскіе мужики, объясняясь съ старшимъ, говорятъ про-

(*) Непривычному читать сочиненія, въ коихъ встречается слово *подлый*, покажется съ перваго раза не только страннымъ, но непонятнымъ, или просто пріймутъ въ собственномъ его значеніи. Вотъ наприхтеръ выраженіе того времени: «Многіе судьи бѣдныхъ, а особливо *подлыхъ людей*, хотя бы они и крайнюю имѣли нужду, рѣдко предъ свои очи допускали». — Истор. о Ванькѣ Каинѣ, с. 56. изд. Моск. 1788 г. — Между тѣмъ нарицаніе *подлый человекъ*, *подлые люди*, дано крестьянамъ потому, что они жили подлѣ своихъ господъ, тоже самое что дворовый человекъ, дворовые люди, и какъ они отъ вольныхъ людей отличались большею несправедливостію, хитростями, неправдами и бѣдностію, то мѣстное прозваніе обращено было на всѣхъ тѣхъ, кои поступали подобно имъ. Униженіе и нащота, конечно были этому причиною, какъ прозваніе *крестьянкъ*, данное намъ Татарами, потому что мы были христіане, но угнетенные ими.

стодушно и непринужденно. Предъ начинаніемъ своей рѣчи, онъ сначала потупитъ глаза въ землю и думаетъ; потомъ, почесавъ затылокъ, вступаетъ въ разговоръ. Почесываніе затылка повторяется едвали не за каждымъ разговоромъ, какъ бы давая этимъ знать, что все умное вытекаетъ изъ головы.

*Высокомль-
ріе дворянъ.*

Дворяне, какъ бы ни были недостаточные, вмѣняли себѣ за бесчестіе пріобрѣтать хлѣбъ трудами своихъ рукъ, и въ самой бѣдности были недоступны, а бояры еще болѣе: къ послѣднимъ никто не смѣлъ вѣхаться на дворъ; вставалъ съ лошади у воротъ и шелъ пѣшкомъ.—Благородные не имѣли знакомства съ мѣщанами; любили сѣдячую жизнь и дивились, какъ можно стоя или ходя, заниматься разговорами и вестъ дѣла. Они имѣли кругъ своихъ знакомыхъ, ради были гостю, но крайне не любили, если гость не сѣдя разговаривалъ. Сажали на почетное мѣсто того, у кого было значительное брюхо и самъ былъ дородный (*). Дочинъ осталась между Русскими старинная при-

(*) Herber. Rev. Moscov. com.; Marger. Éstat de l'emp. de Russie; Флечеръ: Com. Wealth; Turbeville: Certaine letters in verse, помѣщ. въ собр. Гакл. т. 4 с. 432; Muscov. Reise помѣщ. въ магаз. Бишинг. ч. VII с. 274; Petrejum: Syst. und Bericht. von dem Grossfürstent. Muschow с. 619, изд. 1620 г.

вычка, не считать того за гостя или порядочнаго челоуѣка, который не сядя разговариваетъ. Если онъ встаетъ, то просятъ его присѣсть; вошедшаго же въ комнату, но не сядящагося, просятъ немедленно сѣсть, говоря: *будьте гостемъ, просимъ покорно присѣсть.*

Всякій дворянинъ, даже не много достачный, ѣздилъ въ гости верхомъ, хотя бы Верховая пѣда. растояніе къ дому знакомаго было въ нѣсколькихъ шагахъ. Ходить пѣшкомъ считалось за стыдъ, исключая случаевъ, когда являлись ко двору и отправлялись въ церковь.— Не ѣздили зимой, потому что лошади не были подкованы. Женщины не ходили далѣе воротъ: онѣ ѣздили верхомъ, сядясь на сѣдла, сдѣланныя на подобіе шотландскихъ стульевъ, которыя дѣлались гладкими изъ березоваго дерева; узды не блистали роскошью. Мужъ рѣдко ѣздилъ съ своей женой, развѣ въ церковь или въ день свадьбы. Въ концѣ XVI столѣтія верховая ѣзда была любимымъ гуляньемъ женскаго пола. Когда Царица Ирина, супруга Царя Θεодора, выѣзжала изъ Кремля, тогда всѣ знатныя дамы провожали ее верхомъ: въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ на епископскіе клобуки и обшитыхъ тафтою тѣлеснаго цвѣта, съ лентами вокругъ;

въ фереяхъ съ золотыми пуговицами и длинными висачими до плечъ кистями (*).

*Звѣриная
и птичья
охота.*

Самымъ лучшимъ увеселеніемъ не только дворянъ и бояръ, но Великихъ Князей, была звѣриная и птичья охота. Звѣриная ловля приучала юношей къ перенесенію голода, зноя и холода; подвергала ихъ трудностямъ, опасностямъ и часто смерти. Владиміръ Мономахъ самъ говоритъ о себѣ: «любя охоту, мы ловили звѣрей. Я вязалъ своими руками въ густыхъ лѣсахъ дикихъ коней, вдругъ по нѣсколько. Два раза буйволъ металъ меня рогами, олень бодалъ, лось топтала ногами; вепрь сорвалъ мечъ съ моего бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и сбилъ съ ногъ коня подо мною; нѣсколько разъ я падалъ съ лошади, два раза разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги. Я самъ все то дѣлалъ, что могъ приказать другимъ: смотрѣлъ за конюшнею, охотою, ястребами и соколами (**).»

Андроникъ Комнинъ, императоръ греческій, перенималъ многіе русскіе обычаи: онъ любилъ нашу звѣриную ловлю и бѣганіе въ за—
(*) Mager: *Estat de l'emp. de Russie*, на об. л. 45, изд. Пор. 1607 г.; Herber: *Res. Moscov. com.*; Petrejum. *Hist. und Besch. von dem Großfürsten. Rußland*, с. 649 изд. 1620 г.

(**) Духовное его завѣщаніе, напечатан. въ пушкинскомъ харатейномъ спискѣ Нестора, и еще напечатано особенно въ 1793 году. — Владиміръ Мономахъ княжилъ съ 1113 — 1125 г.

пуски (*). Довля звѣрей была у насъ любимымъ занятіемъ, въ самой еще древности. Великія Князья съ удовольствіемъ проводили праздное и скучное время въ охотѣ, изъ нихъ В. К. Василій, даже былъ пристрастенъ къ звѣриной травлѣ. Увидѣвъ Государя въ полѣ, говорятъ Герберштейнъ, мы оставили своихъ лошадей и подошли къ нему. Онъ сѣдѣлъ на гордомъ конѣ въ терликѣ парчевомъ, въ кофпакѣ высокомъ, осыпанномъ драгоцѣнностями и украшенномъ золотыми листьями, которыя развѣвались какъ перья; на бедрѣ его висѣли кинжалъ и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Съ правой его стороны находился казанскій царь Шигъ-Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой двое молодыхъ князей: одинъ изъ нихъ держалъ сѣкиру, другой булаву или шестоперъ; вокругъ ихъ находилось болѣе 300 всадниковъ. Сначала охотились ловлею зайцевъ въ лѣсу, неподалеко отъ Москвы. Государь предоставилъ первую честь спустить собакъ, важнымъ сановникамъ и посламъ: императорскому Герберштейну, и польскимъ: Кишкѣ и Богушу. На каждого зайца нападало по четыре собаки. Государь былъ веселъ и хвалилъ ловцевъ. Въ короткое время поймали

(*) Кар. И Г. Р. т. 2 с. 307. Алароникъ царствовалъ съ 1159—1167 г.

болѣе 300 зайцевъ. Потомъ послѣдовала соколиная охота. Для этого пускали кречетовъ: бить лебедей, журавлей и другихъ птицъ. Кречеты, по тонкому своему чутью, открывали, гдѣ летали ловимыя ими птицы.—Пускали ястребовъ и соколовъ, изъ породы орловъ, и тетерей, которые были замѣчательны тѣмъ, то они по крику узнавали фазановъ и преслѣдовали ихъ съ быстротой. Они черныя, величиною съ гуся и брови у нихъ красныя. За тѣмъ вызывали охотниковъ бить медвѣдей. Отважные ловцы бросались на звѣря съ деревянной рогатиною. Если медвѣдь его ранилъ, то онъ являлся къ Государю, и показывая ему свои раны, говорилъ смѣло: Государь! я раненъ. — Я тебя награжу, отвѣчалъ Великій Князь.—Онъ приказывалъ его вылѣчить и щедро обдаривалъ платьемъ.—Вечеромъ мы всѣ сходили съ коней и для насъ разбивали шатры на лугу. Государь, перемѣнивъ свою одежду, разговаривалъ весело съ боярами, въ своей палаткѣ: объ удачной и неудачной ловлѣ того дня. Слуги разносили коріандеръ, миндаль, орѣхи и сахаръ; всѣ преклонялись предъ Государемъ и брали; потомъ пили за его здоровье медъ и вино (*).

(*) Herber: *Reh. Moscov. com.*; Paul. Jovii: *de leg. Moscov.* с. 177. Исторіографъ Карамзинъ замѣчаетъ, что В. К. Василій едвали не первый завелъ псовую охоту, ибо въ старину считали собакъ животными нечистыми и гнушались ими.

дора былъ медвѣжій бой.— Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ тенетами или въ ямахъ, держали въ клеткахъ. Въ назначенный день для забавы, собирався дворъ и множество народа, къ тому мѣсту, гдѣ предстоялъ бой. Мѣсто обводилось глубокимъ рвомъ, для безопасности зрителей, и чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Являлся отважный боецъ съ рогатиной, и тотъ часъ выпускали медвѣдя, который, увидя своего врага, становился на заднія лапы, ревѣлъ и съ отверстою пастью бросался на него. Охотникъ стоялъ неподвижно: онъ наблюдалъ его движенія, и однимъ сильнымъ размахомъ вонзалъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея прижималъ ногою къ землѣ, чтобы разъяренный медвѣдь не рынулся на него. Яростный звѣрь лѣзъ грудью на желѣзо, которое орошалъ своею кровію и пѣною, грызъ, и если не одолѣвалъ, то падалъ на бокъ съ страшнымъ стономъ и обливался кровью. Народъ провозглашалъ радостными восклицаніями имя побѣдителя; его представляли къ Царю и потомъ пили виномъ изъ Царскихъ погребовъ. Каждый охотникъ билъ звѣря въ грудь; въ случаѣ промаха, онъ былъ имъ изуродоваемъ, и это случалось часто. Счастливецъ былъ доволенъ тѣмъ, что оставался въ живыхъ, и не получалъ никакого награжде-

ніа, кромѣ того, что его поили. Раневнымъ выдавалось награжденіе, а жены и дѣти растерзанныхъ, содержались на Царскомъ вѣдывеніи (*).

Пристрастіе Русскихъ къ охотѣ, считалось благороднымъ занятіемъ, и потому оно содѣлалось всеобщею потребностію. Въ половинѣ XVII вѣка было сочинено даже особое наставленіе для охотниковъ *сокольничаго пути* (**).

Были особые чиновники, которые смотрѣли за охотою, а именно: ловчіе и сокольничіе. Ловчіе раздѣлялись на ловчихъ рязанскаго и московскаго пути; послѣднему были подчинены городовые. Ловчій равнялся вышнему егерь-мейстеру.—Сокольничій смотрѣлъ за кречетниками, ястребами и другими охотниками; его званіе равнялось оберъ егерь-мейстеру.

Бояры много разъ силились отклонить Петра I отъ воинскихъ забавъ, коими онъ занимался съ любовіею, еще въ малолѣтствѣ. Выхваляя псовую и птичью охоту, они хотѣли его прирастити къ ней. Малолѣтній

(*) Флечер. *Com. Wealth.* с. 409, помѣщ. въ собр. Гилл.

(**) Миллеръ: Книга гоголема урядникъ, или возов уложеніе и устроеніе чина сокольничаго пути,—помѣщено Новиковымъ въ древн. вѣст. ч. III. изд. 1788 г. с. 430—463. Тутъ описаны обряды возведенія и помалованія изъ рядовыхъ въ начальныя сокольники.

Государь не любилъ этой забавы, но въ угодность имъ, согласился однажды поохотиться. Въ назначенный день собрались любители охоты. Государь благодарилъ ихъ за усердіе къ нему, и сказалъ, что онъ желаетъ поохотиться съ ними одними, но для этого они должны отпустить своихъ слугъ, съ коими неприлично имъ раздѣлять удовольствіе. Бояры одобрили. Государь, повелѣвъ отдать собакъ своимъ господамъ, приказалъ прислугѣ удалиться съ поля. Вельможи, принявъ собакъ, пришли въ крайнее разстройство: собаки, коими они не умѣли управлять, подбѣгали подъ ноги лошадей и ихъ пугали. Испуганныя лошади носили всадниковъ по полю, другихъ сбивали, а иныхъ, державшихъ на сворѣ собакъ, сбрасывали съ себя. — Позабавившись Государь, возвратился въ село Преображенское. На другой день онъ назначилъ птичью охоту, для этого пригласилъ прежнихъ охотниковъ; но нѣкоторые изъ нихъ были изувѣчены и лежали въ постелѣ, а другіе не явились. — Царь спросилъ у явившихся: не хотятъ ли они еще поохотиться съ нимъ? Они всѣ отказались. Тогда Государь сказалъ имъ: не лучше ли намъ быть воинами, нежели псовыми охотниками? — Я Царь, а слава Царя въ благоденствіи народа; охота же есть слава псарей (*). Хотя Петръ I иско-

(*) Гол. Дѣяв. Петр. В. с. 475.

ренялъ эти забавы, отнимавшія полезное время отъ занятій; однако вельможи не отставали отъ охоты. Петръ II былъ съ намѣреніемъ увлекаемъ къ псовой охотѣ. Гр. Остерманъ, его наставникъ, бывшій потомъ государственнымъ вице-канцлеромъ, много разъ жаловался на князей Долгоруковыхъ, что они поселили въ Государя страсть къ псовой забавѣ; отвлекали его отъ государственныхъ дѣлъ, чтобы только самимъ управлять. — Послѣ смерти Петра II навсегда исчезла охота въ Царственномъ домѣ: она осталась между любителями-помѣщиками, которые, живя въ деревнѣ, занимаются ею отъ нечего дѣлать. — Тамъ охотники, отправляясь на ловлю звѣрей, поютъ съ неизъяснимой радостію любимую ими пѣснь, которую помѣщаемъ здѣсь по ея пріятному голосу и плавному звуку:

По колкимъ дубравамъ,
Охотники рыщутъ;
Набвгомъ удалымъ,
Волковъ, лисицъ ищутъ.

Ту ево, ту ево, ту ево, ту ево, ту ево!
Ихъ шапки красѣютъ,
Кафтаны желтѣютъ;
Рога серебрятся,
Ножи золотятся.

Ту ево, ту ево, ту ево, ту ево, ту ево!
Вотъ стая помкнула,—
Чу! голосъ слышать.

Лисица мелькнула, —

Прошу не звать!

Ту сво, ту сво, ту сво, ту сво, ту сво!

Охотникъ помчался,

И степь затопилась.

Чай тамъ звѣрь прокрася,

Но чу! — затравилъ.

Ту сво, ту сво, ту сво, ту сво, ту сво!

Ого, го, го, го, го, го.

Есть охотники по обязанности, напримѣръ въ Сибири и другихъ лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ бьютъ пушныхъ звѣрей и вредныхъ дикихъ: медвѣдей, волковъ и пр. — Но это доставляетъ пользу промышленникамъ: отъ нихъ мы получаемъ мѣхи для одеждъ. Существовавшая же прежняя охота, убивала время и отклоняла отъ образованія. — Соколинная охота исчезла еще въ концѣ XVII вѣка.

Не менѣе любимую забаву богачей, вельможъ и Царей, составляли еще игры и пѣніе скормороховъ. Царь Феодоръ тѣшилъ ими въ свободные часы: послѣ обѣденнаго отдыха и предъ ужиномъ. — При дворѣ нашемъ содѣлался въ послѣдствіи шуты необходимыми. Изъ великихъ нашихъ вѣнценосцевъ: Петръ I и Екатерина II держали ихъ, но по другой причинѣ: они многое узнавали отъ нихъ, чего не могли услышать отъ приближенныхъ. Вельможи держали для собственнаго удовольствія шутовъ, которые забав-

ляли ихъ, во время обѣдовъ, смѣшными разсказами и часто кололи и намекали на своихъ господъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Въ старинные годы даже думали, что обѣденная пища скорѣе переваривается, если вдоволь насмѣшатъ записные шуты. Нынѣ это уже не въ обыкновеніи; ихъ мѣста заняли карлики, которые ходятъ съ своими патронами рука объ руку или носятъ за ними зонтики. Карлики замѣнили родъ собачекъ: они то забѣгаютъ впередъ, то отстаютъ назадъ.

Шуты не только у насъ были въ почести, но во всей Европѣ, до половины XVIII вѣка — тогда была на нихъ мода.

Жизнь великокняжескаго дома.

Великокняжеское семейство слѣдовало общему древнему обыновенію: сидѣть дома и заниматься домашними дѣлами, потому оно проводило всю свою жизнь во дворцѣ. Царицы и Царевны выѣзжали въ закрытыхъ колымагахъ или каптанахъ; ихъ никто не могъ видѣть, кромѣ прислуги опредѣленныхъ особъ. Для ускориленія Царевичей и Царевенъ, выбирали кормилицу *честную*, добрую и молокомъ здоровую, которая цѣлый годъ жила въ верху у Царицы. По истеченіи года жаловали ее мужа, если онъ изъ дворянъ, въ городскіе воеводы, или дарили вотчиной; мужьямъ же изъ другаго сословія назначали жалованье и освобождали ихъ отъ оброка. — Потомъ приставляли къ дѣтямъ мамку

изъ *честныхъ* боярынь или изъ старыхъ вдовъ благородныхъ, а изъ другаго сословія назначали няньку и прислужницъ. По достиженіи Царевича пяти лѣтъ, опредѣляли къ нему боярина знаменитаго, умнаго и тихаго; въ товарищи ему назначали окольничаго или думнаго, а въ слуги и стольники, набирали однолѣтнихъ съ Царевичемъ; въ учителя избирали тихихъ и нравственныхыхъ.—Наслѣдникъ престола показывался народу, являясь съ своимъ родителемъ только въ церковь или на игры, и то не прежде пятнадцатилѣтняго его возраста. Тогда нарочно пріѣзжали изъ дальнихъ городовъ, чтобы его увидѣть. Государевыхъ сыновей обучали чтенію, письму, исчисленію, шахматной игрѣ, исторіи, географіи и закону Божіему. Въ послѣдствіи стали учить греческому, латинскому и нѣмецкому языкамъ. Многіе изъ Великихъ Князей славились, еще въ отдаленное время, знаніемъ языковъ. Всеволодъ I (жившій въ концѣ XI вѣка) говорилъ на пяти языкахъ. В. К. Михаилъ I зналъ совершенно греческій и латинскій языки, и говорилъ какъ на природномъ. Онъ любилъ чтеніе книгъ и ученыхъ мужей. В. К. Константинъ I окружалъ себя учеными, собиралъ книги и покровительствовалъ просвѣщенію. Въ столицѣ своей Владимірѣ на Клязьмѣ, онъ основалъ училище, подарилъ для него свой дворецъ и снабжалъ всѣми пособия-

ми. В. К. Михаилъ Юрьевичъ говорилъ на греческомъ и латинскомъ яз.; князя: Ярославъ галицкій, Романъ смоленскій, Святополкъ новгородскій и другіе, служили примѣромъ образованности и ученности. Кн. Владиміръ вольнскій, за особую его ученность прозванъ *философомъ*. Онъ собственноручно списалъ Апостолъ, Прологъ въ 12 мѣсяцахъ, Четью-миною въ 12 мѣсяцахъ, Тріодъ, Октоихъ и служебникъ св. Георгію (*). Іоаннъ IV превосходно зналъ всеобщую исторію и богословію, и въ спорѣ съ хитрымъ іезуитомъ Поссевиномъ: о правилахъ церкви, онъ пристыдилъ его при многочисленномъ собраніи.

Дѣти Царя Алексѣя получили уже воспитаніе европейское, и по совѣту врачей стали ихъ учить: верховой ѣздѣ, стрѣлянцію изъ лука и занимать тѣлесными упражненіями. — Зимой они катались на салазкахъ съ ледяныхъ горъ, устроенныхъ внутри дворца. Со времени Петра I совершенно перемѣнился образъ воспитанія.

Женскій полъ велъ скучную, однообразную и сидячую жизнь, которую разнообразили сѣбныя дѣвушки своимъ гвніемъ и играми. Кромѣ свойственныхъ женскому полу занятій, ихъ ни

(*). Кн. Владиміръ вольнскій померъ въ Любомлѣ въ 1289 году и погребенъ въ Владиміръ на Клязьмѣ, въ церкв. Св. Богоматери. Онъ былъ любитель правды, кротокъ и милостивъ. — Кар. И. Г. Р. т. IV. с. 138 и 140, прим. 175 с. 375; см. еще вольнскую лѣт.

чему не учени; но, онъ любилъ заниматься при-
готовленіемъ притиранья; ежедневно посѣщали
церковь, скрываясь отъ народа. Цари и Царицы
проводили все время своей жизни, въ благочести-
выхъ обрядахъ. Набожный Феодоръ едва успѣ-
валъ одѣться, какъ являлся къ нему священ-
никъ съ крестомъ въ рукахъ: онъ сперва бла-
гословлялъ его, потомъ прикладывалъ крестъ:
ко лбу, щекамъ и наконецъ давалъ ему самому
приложиться. Послѣ приносили для наступив-
шаго дня образъ Святого, и его ставили вмѣстѣ
съ прочими иконами, коими были обставлены
все стѣны внутреннихъ покоевъ. Царь нача-
лъ креститься, и клалъ земные поклоны предъ
всеми образами. По окончаніи этого обряда,
священникъ окроплялъ иконы, а потомъ Царя
освященной водою. Послѣ утренняго моленія
Государь навѣщалъ супругу, и шелъ съ нею въ
предворную церковь, отсюда въ приемную за-
лу, а потомъ, въ девять часовъ, въ другую
церковь для слушанія обѣдни, которая про-
должалась около двухъ часовъ. Послѣ обѣда
онъ ходилъ къ вечернѣ, и ложась спать, молил-
ся. Каждую недѣлю онъ ходилъ въ монастырь.

Никто не могъ похвалиться, говорить Маер-
бергъ, чтобы кто видѣлъ Царицу или Царс-
кую дочь, ибо онъ не оставляли комнатъ до
самой своей смерти; рѣдко обѣдали вмѣстѣ Царь

съ Царицей, придворные служители не смѣли приближаться къ Государынѣ. Если царственные особы кушали вмѣстѣ, то лишь вечеромъ, когда не было придворныхъ. Дочери Царскія оставались безбрачными; имъ запрещалось выходить за мужъ за неправославнаго, потому онѣ поступали въ монашеское званіе, въ коемъ умирали. Никого изъ постороннихъ не пускали во дворецъ, кромѣ родственниковъ, довѣренныхъ особъ и прислуги; внутри и внѣ дворца стояла многочисленная стража (*).

*Поцѣлуй-
ный обрядъ.*

Было великимъ праздникомъ для женскаго пола, когда мужа, изъ уваженія къ почетнымъ гостямъ, дозволяли своимъ женамъ приходить послѣ обѣда въ столовую, и поднести каждому гостю по чаркѣ вина, за что отъ cadaго онѣ получали поцѣлуй (**). Когда же выходило нѣсколько женъ къ гостямъ, еще до обѣда, тогда гости становились у дверей: же-

(*) Reutenfels, гл. X. с. 407; Флечер. Com. Wealth. пом. въ собр. Гакл.; Кошахинъ: О Россіи въ царств. Алекс. Мих. с. 43—44; Korb: Diag. itiner. in Moscov., ed Vien. in f. с. 189; Relat. in Moscoviam, an. 1661—1663 de Aug. Meyern et Guil. Calvucci, с. 346 и 349, пом. въ собр. Вихм.,—ч. I.

(**) У Скандинавовъ женщина считалась первой особою въ обществѣ и она была полною хозяйкою въ домѣ. Для гостя не было лучшей чести какъ рогъ меда, подвешеннаго ему хозяйкою или ея дочерью.—Обидѣнныя женщину, мстились кровью; обольщенную вѣшали надъ костромъ обольстителя и сожигали ихъ вмѣстѣ.

ны привѣтствовали ихъ небольшимъ наклоненіемъ головы (это называлось *малымъ обычаемъ*), а гости кланялись имъ въ землю (*большимъ обычаемъ*). Хозяинъ, кланяясь въ землю гостямъ, билъ имъ челомъ: чтобы они *изволили цѣловать* его жену; но гости просили его, чтобы онъ цѣловалъ прежде. Потомъ гости, одинъ за другимъ, кланяясь женамъ до земли, подходили и цѣловали каждую въ губы; поцѣловавъ же, отступали на нѣскольکو шаговъ назадъ и опять кланялись въ землю; поцѣлованная благодарила каждого наклоненіемъ головы. За тѣмъ жена хозяйна, подносила гостямъ по чаркѣ двойного или тройного зеленчика; чарка бывала мѣрою въ четверть кварты. Хозяинъ между тѣмъ упрощивалъ гостей, чтобъ они *изволили пить* вино изъ рукъ его жены, но по прошенію гостей, хозяинъ приказывалъ выкупать женѣ, послѣ пилъ самъ, а наконецъ подносили гостямъ. Предъ питьемъ и послѣ питья, каждый гость, отдавая чарку, кланялся въ землю. Кто не пилъ водки, тому подносили кубокъ романей или реи ского. Обнесши кругомъ, хозяйка раскланивалась и шла въ покои своихъ гостей.—Женскій полъ никогда не обѣдывалъ вмѣстѣ съ мужескимъ, исключая близкихъ родственниковъ и свадебъ. За обѣдомъ пили, послѣ каждого

кушанья, по чаркѣ водки, романаи, ренского, пива поддѣльнаго, простаго и разныхъ медовъ. Когда подавали на столъ круглые пироги, тогда выходили невѣстки и замужнія дочери или жены ближайшихъ родственниковъ; гости же, вставъ изъ за стола, становились у дверей и кланялись имъ; мужья же кланялись и просили гостей, чтобы они цѣловали ихъ и принимали вино изъ ихъ рукъ. Подцѣловавъ женъ и выпивъ вино, гости садились за столъ, а жены отправлялись въ свои покои. — Дочери не выходили къ гостямъ, и ихъ никому не показывали; онѣ жили въ особыхъ дальнихъ покояхъ. Послѣ обѣда хозяинъ и гости шли за здоровье другъ друга, и потомъ расходились по домамъ. Такимъ точно образомъ обѣдали жены, угощая взаимно напитками; за ихъ столомъ находились дѣвицы, но никого изъ мужескаго пола. (*)

Олеарій и Корбъ говорятъ, что наибольшая честь, какую оказывалъ хозяинъ гостю, состояла въ томъ, когда его жена подносила чарку водки. Бар. Маербергъ пишетъ, что въ его время (1661 г.) женщины стали показы-

(**) Олеарій: *Oft begehrt. Beschf. d. Neuen Orient. Reise*, с. 9 изд. 1647 г.; Маерб. *Voyag. en Mosc.* с. 63 ed. Leid. Кошкинъ: *О Россіи въ царст. Алек. Мих.* с. 119; Корбъ и Маербергъ говорятъ объ этомъ обрядѣ съ некоторыми ошибками и упущеніями.

ваться мушкетерамъ чаще, и всякій разъ, по окончаніи стола, выходила хозяйка къ гостямъ въ сопровожденіи двухъ горничныхъ, въ наилучшемъ одѣяніи. Хозяйка, вошедши въ столовую, подносила сначала чарку водки одному изъ почетныхъ гостей, прикоснувшись къ чаркѣ своими губами. Потомъ она уходила въ свою комнату, переодевалась въ новое платье, пока гость пилъ, и снова выходила подносить другому гостю, и до тѣхъ поръ уходила и выходила, всякій разъ въ другомъ платьѣ, пока всѣмъ не поднесетъ. По окончаніи подчиванія она становилась подлѣ стѣны, потупивъ глаза въ землю, и каждый изъ гостей подходилъ къ ней поочередно и цѣловалъ въ губы. — Таннеръ добавляетъ къ этому извѣстію, что жены выходили, только по сильной просьбѣ гостей, въ богатомъ нарядѣ, и вложивъ руки назадъ, становились у печи. Тогда гости подходили цѣловать, и за это получали отъ нихъ по чаркѣ водки. Во время Таннера были уже примѣры, что жены бесѣдовали съ мушкетерами, въ отсутствіи своихъ мужей (*). Знатные люди дозволяли выходить дочерямъ, и онѣ подносили водку въ серебряной чаркѣ. Отецъ пресидѣлъ своихъ гостей цѣловать ихъ, въ знакъ дружбы къ не-

(*) Tanner: Leg. Mosc. с. 96 и 97.

му. Красавицы стояли неподвижно, гости подходили одинъ за другимъ, кланялись и цѣловали не въ губы, а въ щеку (*). Въ началѣ XVIII столѣтія мушны стали подходить къ рукѣ дамъ и дѣвицъ, кои цѣловали ихъ въ щеку. Это донинѣ въ обыкновеніи, и многія изъ нихъ считаютъ даже за великое себѣ оскорбленіе, если гость не подойдетъ къ рукѣ. Польки подаютъ цѣловать свою руку черезъ перчатку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціи, пришедшій въ гости, долженъ цѣловать сначала руку хозяйки, потомъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и выходя долженъ повторить тоже самое. Мушны привѣтствуютъ другъ друга жатиемъ руки, поклонившись напередъ; нѣкоторые же цѣлуются, слѣдуя польскому *звычайю* (*обычаю*). Между духовенствомъ нашимъ понынѣ мушны и женщины цѣлуются въ губы; тоже самое соблюдается въ свѣтскомъ сословіи между родственниками. Въ высшемъ обществѣ вывелось изъ обыкновенія подходить къ рукѣ; вошедшій въ комнату привѣтствуетъ хозяина и хозяйку поклономъ, не обязывая себя кланяться постороннимъ, исключая знакомыхъ. Хорошо знакомыя дамы жмутъ дружески руку у мушны, и такъ поступаютъ, при нынѣшнихъ привѣтствіяхъ, дамы съ да-

(*) Reutenfels, гл. 3. с. 190.

мами и дѣвицы съ дѣвицами. Идя къ обѣденному столу, мужчины предлагаютъ руку дамамъ, и отправляются всѣ попарно въ столовую, и каждый мужчина, доведя свою даму къ стулу, раскланивается здѣсь. Въ первой парѣ идетъ обыкновенно хозяйка, за нею гости, соблюдая строго первенство въ подаваніи руки; дамы садятся по одну сторону, а мужчины по другую; но хозяинъ и хозяйка напротивъ. После обѣда почти всѣ уходятъ не простившись, за исключеніемъ дамъ, а на вечерахъ и балахъ являются съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ, и потомъ уходятъ безъ прощанія.

Обычай цѣлованія Царственной руки, не должно смѣшивать съ общежителнымъ. Въ первомъ случаѣ онъ выражаетъ торжественное величіе Монарха, а во второмъ дѣйствіе приличія и уваженіе къ женскому полу. Іоаннъ III первый установилъ обрядъ цѣлованія Царской руки (въ концѣ XV вѣка). Иноземные послы, представлявшіеся ему, строго соблюдали это обыкновеніе, которое тѣсно было связано съ знакомъ особой милости. Такое обыкновеніе продолжалось до временъ Петра В., который просто сталъ принимать ихъ въ своихъ аудіенціяхъ, подавая имъ руку.—Подаваніе руки употреблялось уже Іоанномъ III, и едвали не онъ первый ввелъ это. Въ царствованіе Императ-

рицъ: Екатерины I, Анны, Елисаветы и Екате-
рины II, возобновилось цѣлованіе руки: въ тезо-
именитные дни и годовые правдники. Этой честью
пользовались не одни иностранные министры;
но всѣ наши сановники, генералитетъ и при-
дворныя дамы. Съ восшествіемъ на престолъ
Императора Павла Петровича, оно сдѣлалось
почестію Вицценосной Монархини, и соста-
вляетъ нынѣ торжественную пышность двора.

На востокъ привѣтствовали въ древно-
сти: солнце, мѣсяцъ и звѣзды цѣлованіемъ
руки, означавшимъ обожаніе. Бѣдные меж-
ду Греками, будучи не въ состояніи при-
нести жертву богамъ, дѣлали предъ ними зна-
ки лобзанія своею рукою.—Въ Религіи цѣлуютъ
изображенія святыхъ, въ ознаменованіе чество-
ванія. — Соломонъ говоритъ, что льстецы его
времени лобзали руки своихъ патроновъ до-
толѣ, пока не получали отъ нихъ, чего про-
смили. — Пріямъ цѣловалъ руку и обнималъ
колѣна Ахиллеса, умоляя его возвратитъ ему
трупъ сына его Гектора.—Цѣлованіе руки гос-
подствовало повсюду, но оно не столь дравнее,
какъ въ уста и щеку, ибо первый поцѣлуй въ
уста напечатлѣнъ пламенною любовью, потомъ
утвержденъ супругами, а наконецъ родителями.
Въ средніе вѣки, при возведеніи кого либо въ
епископское званіе или при дарованіи вассала зе-

мьями, Государь цѣловалъ его въ чело, въ знакъ подтвержденія его правъ и власти. (*)

Частое посвященіе иностранцевъ и введеніе ими многихъ обрядовъ, измѣняли постепенно строгость уединенной жизни. Когда Царьца Наталія выѣхала однажды въ полуоткрытой колымагѣ, тогда народъ ропталъ на нее. По прибытіи въ Москву цесарскихъ пословъ: фонъ-Боттони и фонъ-Гупмана (въ 1675 г.), Царьца Наталія упростила Царя, дать имъ аудіенцію въ коломенскомъ селѣ, чтобы все происходившее могла сама видѣть. Въ смежности съ пріемной залой находился покой съ дверями, въ коихъ были сдѣланы небольшія отверстія, и чрезъ нихъ она смотрѣла; но малолѣтній сынъ ея Петръ, открылъ по своей рѣзвости дверь въ пріемной, прежде выхода особъ и этимъ обнаружилъ потаенное ея убѣжище.

*Попащеніе
свободы
женскаго
пола.*

Спустя нѣсколько времени, Царь совершалъ съ нею набожное путешествіе въ Троицко-сергіевскій монастырь: она тогда ѣхала въ открытой колымагѣ, чтобы всѣ ее видѣли; но народъ, пораженный этимъ нововозомъ, потупилъ глаза въ землю и не смѣлъ смотрѣть на нее (**). При въѣздѣ польскихъ пос-

(*) Dict. des orig. Par. 1777 г.

(**) Relat eorum quae circa Sacr. caes. Majest. ad magnum Caesarum Moscov. aлегatos, etc. с. 56, 82 и 83.

ловъ въ Москву (1678 г.), были зрителями уже многія постороннія дѣвицы. Эти примѣры дали поводъ Царевнѣ Софіи обходиться съ мужчинами вольно: не закрывая лица и не скрываясь отъ людей. Она не только разговаривала открыто съ сановниками, но назначала аудіенціи иностраннымъ посламъ; выходила къ народу и стрѣльцамъ, принимала лично челобитни и сама судила. Быстрый переходъ отъ затворничества къ свѣтскости, не правился закоренѣлымъ старообычникамъ, но они сами нечувствительно принимали нововведенія, а народъ постепенно привыкалъ къ нимъ. Въ время вѣзда цесарскихъ уполномоченныхъ (1698 г.), уже никому не казалось страннымъ, что Царица и Царевны, стоя у растворенныхъ оконъ, смотрѣли на пышный посольскій вѣздъ. Петръ I, спустя послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ, угощалъ многихъ иностранныхъ министровъ въ домѣ своего любимца Лефорта, и заключилъ угощеніе великолѣпнымъ баломъ. Въ то время Царевна Наталія и многія придворныя дамы, находились подлѣ танцевальной залы и смотрѣли сквозь полуоткрытый занавѣсъ (*).

Свободное обращеніе. Петръ В. зная, что женскій полъ еще стыдится являться въ мужескія собранія, повелѣлъ

(*) Korb: Diar. itiner. in Moscov. с. 143 и далѣе.

въ 1700 году, чтобы обоимъ поламъ имѣть совершенную свободу въ обращеніи, и чтобы замужнія и дѣвицы, ходили не закрываясь; но чтобы усилить это дѣйствіе, завелъ при дворѣ *ассамблеи* (собранія), обѣденные столы, балы, танцы и маскарады; заставилъ бояръ и все дворянство приглашать на пирушки, вечернія собранія и другія увеселенія: замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, русскихъ и иностранныхъ.—Придворныя ассамблеи дѣлились на лѣтнія и зимнія. Первыя давались въ царскомъ и царицыномъ саду (въ нынѣшнемъ лѣтнемъ; царицынъ же садъ не существуетъ, но онъ находился на царицыномъ лугу); послѣднія сначала въ *австеріи*,—царской гостинницы, которая находилась у канала петропавловской крѣпости, недалеко отъ Троицкаго собора; потомъ въ сенатѣ, бывшемъ на петербургской сторонѣ или на почтовомъ дворѣ (на мѣстѣ нынѣшняго мраморнаго дворца). Гостей сзывали барабаннымъ боемъ или афишками, иногда послѣ обѣди въ Троицкомъ соборѣ, или выбрасывали желтый флагъ, съ изображеніемъ двухглаваго орла, который держалъ въ когтяхъ четыре моря: бѣлое, балтійское, черное и каспійское, и развѣвался на одномъ изъ бастионовъ петропавловской крѣпости. Пушечные выстрѣлы возвѣщали жителямъ, что послѣ обѣда должно собираться въ садъ. Чиновники,

дворяне, канцелярскіе служители и корабельныя мастера, имѣли право приходить сюда съ женами и дѣтьми. Въ пять часовъ по полудни, являлся Государь съ своимъ семействомъ. Государыня и Великія Княжны, занимавшія мѣста хозяекъ, подносили знатымъ гостямъ по чаркѣ водки или по кружкѣ вина. Государь, черпая вино большимъ деревяннымъ ковцомъ изъ ушатовъ, которые носили за нимъ два гранадера, угощалъ гвардейскіе полки: преображенскій и семеновскій. Прочимъ полкамъ предоставлено было угощать самихъ себя: пивомъ, виномъ и водкою, которыя стояли въ сторонѣ отъ главной аллеи.—Въ продолженіи собранія иные гуляли въ саду, другіе курили за круглыми столами, разсуждали и угощали себя. Съ наступленіемъ вечера, освѣщался садъ и начинались танцы, которыя заключались *огненной потлѣжою* (фейерверкомъ), зажигаемымъ на судахъ по Невѣ.—Тутъ горѣли прозрачныя картины, съ приличными изображеніями празднеству. Во все празднество были заперты ворота сада, и никто не смѣлъ выйти изъ него, безъ позволенія Государя.

«Вечернія собранія», говорилъ Петръ В., «служать для увеселенія, разсужденія и дружескихъ разговоровъ.—Друзья могутъ видѣться въ собраніяхъ (ассамблеяхъ) и разсуждать о своихъ дѣлахъ; освѣдомляться о до-

машиныхъ и чужестранныхъ, и препровождать такимъ образомъ съ пріятностію время».

У кого приготовлялось вечернее собраніе, тотъ дѣлалъ на своихъ воротахъ надписи, большими буквами, что въ домъ его собраніе. Оно не могло начаться прежде четырехъ или пяти часовъ по полудни, и не могло продолжаться далѣе десяти часовъ вечера. Приглашавшіе на вечеръ, не были обязаны ни встрѣчать, ни провожать своихъ гостей; но должны были освѣщать комнаты, имѣть мебель и напитки, и стараться о доставленіи игръ и забавъ. Никому не воспрещалось: когда пріѣхать и когда уѣхать домой,—довольно, ежели кто посѣтитъ и на нѣсколько минутъ. Всякій могъ садиться, вставать, прохаживаться и играть, и кто помѣшалъ бы ему въ чемъ нибудь, или лишилъ бы его удовольствія; тотъ обязанъ былъ, въ наказаніе, опорожнить большой орелъ (кружка съ водкою, величиною съ четверть ведра). Въ собраніе входили дворяне, гражданскіе чиновники, офицеры, почетные купцы, извѣстные художники, *мастеровые и плотники корабельные*; и всѣ они съ своими женами и дѣтьми. Въ одной залѣ танцовали, а въ другой играли въ карты *на малыя деньги*, въ дамки и шашки; въ отдѣльной же комнатѣ курили табакъ и говорили наединѣ о своихъ дѣлахъ. Еще въ особой комнатѣ собирались

дамы, которыя тамъ забавлялись загадываніемъ и другими играми. (*)—Музыка въ собраніяхъ была духовая. Сначала Петръ В. ввелъ тарелки, литавры и фаготъ; потомъ прибавилъ трубы, валторны и гобой. Онъ выписалъ изъ Германіи капельмейстеровъ съ тѣмъ, чтобы они обучали молодыхъ солдатъ, которые, всякій день предъ полуднемъ съ 11—12 часовъ, играли на адмиралтейской башнѣ. Государь особенно любилъ польскій рожокъ; постоянно держалъ при себѣ музыканта, который, во время занятій Царя, игралъ ему на рожкѣ малороссійскія и польскія пѣсни.

Изгоняя старинные предрасудки, Петръ В. учредилъ театры, въ кои приглашались безденежно не только женскій полъ изъ дворянъ, но купечество и мѣщанство: дамъ и дѣвицъ угощали, во время междудѣйствій, рюмкой сладкого вина (**) и разными лакомствами. Съ тѣхъ поръ, появленіе женщинъ въ кругу мужчинъ, перестали считать за стыдъ и безчестіе; съ тѣхъ поръ завелись благородныя и дружескія собранія и танцевальныя вечера, на коихъ женщины составляли уже украшеніе. Възливость, обходительность и вкусъ, изгнали ложное неприличіе и стыдъ; дамы не только стали быть уважаемы, но содѣлались распространителями изящества,

(*) Духъ Петр. Велик. с. 176.

(**) Голл. Дѣя. Петр. В. ч. II. с. 11—12.

образованія , всего милого и прекрасного. Появленіе нѣжного пола въ обществѣ , истребило невѣжество, смягчило грубость нравовъ и оживило уединенную жизнь, — чрезъ введеніе имъ многочисленныхъ увеселеній, забавъ и удовольствій. Обращеніе мушинъ съ дамами и дѣвицами , дало имъ живость, ловкость, веселость, приличіе и уваженіе, и незамѣтно распространились вкусъ и образованность. Прежде вмѣнялось дѣвицѣ въ безчестіе видѣть мушину, говорить съ нимъ; но послѣ стали почитать оскорбленіемъ и нарушеніемъ всякой благопристойности , — если дѣвица скрывалась, боялась говорить или отказывалась танцовать на балѣ, даже съ незнакомымъ. — Это было такое уже оскорбленіе , что самое общество не извиняло.

Балы даваемы были еще первымъ Лжедмитріемъ , по случаю его свадьбы съ Мариною Мнишкой (въ началѣ XVII вѣка), на коихъ участвовали не одни Поляки, но и Русскіе. Тогда музыка и танцы были польскіе, изъ коихъ польская, краковякъ и мазурка остались доселѣ въ употребленіи. Со смертію Лжедмитрія исчезли было танцы навсегда. Петръ I снова ввелъ ихъ. Тогда же появились нѣмецкіе и французскіе танцы: вальсы, кадрили, галопадъ, пурпур; плясали русскую и казачка; завелись танцевальныя общества ; музыка употреблялась

*Введеніе
баловъ и
танцовъ.*

духовая, потомъ замѣнили ее скрипками. На вечера и балы позволялось прѣзжать наряженнымъ въ шутовскія одежды, въ маскахъ или личинахъ. — Въ тоже самое время устроились маскарады (вечера наряженныхъ), и балы маскарадныя (*). На нихъ не иначе могли бывать, какъ только замаскированными. Въ послѣдствіи было допущено являться безъ масокъ, въ одномъ домино, но наконецъ было дозволено прѣзжать на маскарадныя вечера безъ домино и масокъ, всѣмъ тѣмъ, кои даже не желали маскарговаться.

Каррусель. Наши дамы, давно любившія верховую ѣзду, гордились ловкою скачкой на лошадей и умѣніемъ управлять одноколкой. Потомъ появились у насъ *каррусели*, которыя состояли въ скачкѣ и бѣганіи, и въ искусной ѣздѣ на лошадей (**).

(**) Маскарадъ происходитъ отъ арабскаго слова *moskara*, значить шутка, которое измѣнено въ итальянское *mascarata*. Гранаци, воспитанникъ Микель—Анжела, умер. 1543 г., первый ввелъ на сцену, среди маскарадныхъ забавъ, героическіе подвиги воиновъ съ ихъ одеждою и вооруженіями.

(*) Каррусель, итальянское слово *carra*, отъ него уменьшительное *carrosselo*, значить колесница. Бѣганіе на колесницахъ появилось въ мало-азійской Греціи, еще за нѣсколько столѣтій до Гомера, за 1500 л. до Р. Х. Каррусель былъ извѣстенъ древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, которые любили отличать въ бѣганіи на колесницахъ; искусные изъ нихъ удостоивались на олимпійскихъ играхъ почетной награды, — вѣнча или всеобщаго одобренія. — Эта забава перешла изъ древняго міра въ новоевропейскія государства. Итальянскіе

Каррусель представленъ у насъ въ первый разъ въ присутствіи Екатерины II, на площадѣ зимняго дворца (въ 1766 г. іюня 16). Распорядитель карруселя былъ кн. П. И. Репнинъ, а церемоніймейстеромъ кн. П. А. Голицынъ, отъ коего были розданы билеты всѣмъ желающимъ видѣть рыцарское представленіе. Каррусель состоялъ изъ 4 кадрилей: 1. славянскаго, коимъ предводительствовалъ гр. И. П. Салтыковъ; 2. римскаго, имъ предводительствовалъ генералъ — фельдцейхмейстеръ гр. Г. Г. Орловъ; 3. индѣйскаго, подъ начальствомъ кн. П. И. Репнина, и 4. турецкаго, подъ начальствомъ гр. А. Г. Орлова.—Въ день представленія, въ два часа по полудни, былъ данъ пушечный сигналъ съ крѣпости, чтобы дамы и кавалеры, назначенные дѣйствовать въ кадрилѣ, собирались въ назначенныя мѣста. Славянскій и римскій собирались на царицыномъ лугу въ шатрахъ, а турецкій и индѣйскій въ малой морекой въ своихъ шатрахъ. Ничего не щадили для пышности.—Двѣ богатыя ложи были устроены предъ

принцы и нѣмецкіе рыцари, образовали изъ карруселя воинственныя забавы; во Франціи онъ составляли одню придворное увеселеніе. Первый каррусель, данный въ Парижѣ, былъ въ 1612 г., по случаю брака Людовика XIII съ Анной австрійскою; Людовикъ XIV возобновилъ его въ 1662 и назвалъ *тюльри*, по имени дворца Тюльери, въ коемъ давали каррусель.—Dict. des origines Par. 1777 г.

зимнимъ дворцемъ на концѣ цирка: одна для Императрицы, а другая для Наслѣдника престола. Посреди цирка стоялъ тронъ, на коемъ сидѣлъ главный судья бойцевъ; его окружали 40 офицеровъ, 2 герольдмейстера и 2 трубача. По четыремъ угламъ цирка, играли трубачи и музыка. Вокругъ амфитеатра были устроены мѣста для зрителей. По прибытіи Государыни на свое мѣсто, началось шествіе кадрили. Славянскій и римскій, шли изъ царицына луга по большой милліонной, а индѣйскій и турецкій по малой морской; каждый кадрилъ проходилъ чрезъ свои триумфальныя ворота, сопровождаемый своей музыкою. Стеченіе зрителей было чрезвычайное. Участвовавшіе въ каррусели были въ пышныхъ одѣяніяхъ, покрытыхъ жемчугомъ и драгоценностями. Дамы ѣхали на колесницахъ, конми управляли особые возницы, а кавалеры рисовались на богатыхъ лошадяхъ; всѣ они остановились предъ своими судьями, коихъ было 12, а главнымъ восьмидесятилѣтній старецъ фельдмаршалъ гр. Минихъ.— По данному знаку съ сѣдалища главнаго судьи, трубнымъ звукомъ, начался бѣгъ на колесницахъ, а потомъ на лошадяхъ. Офицеры, занимавшіе мѣста секретарей, записывали по указанію судьи отличившихся. По окончаніи бѣга главный судья съ прочими 12 судьями, и всѣ участвовавшіе, выступили изъ

амонтеатра и отправились стройными рядами въ залу лѣтняго дворца, для разбираиія и назначенія наградъ. Императрица встрѣтила ихъ на крыльцѣ. Когда всѣ прибыли въ залу, тогда вынесли на золотыхъ подносахъ награды, а главный судья, ставъ по срединѣ своихъ судей, произнесъ: «Знаменитыя дамы и кавалеры!—Извѣстно вамъ, что ни одинъ не проходилъ день, въ который бы наша Императрица не прилагала материнскихъ попеченій о славѣ своей Имперіи, благоденствіи ея всѣхъ подданныхъ и возвышеніи знаменитаго дворянства. Безпримѣрная въ исторіи Монархиня, избрала этотъ бессмертный день славы, чтобы отличить и достойно наградить того, кто прославится успѣхами оружія. Кто не раздѣлитъ со мною чувство удивленія къ повелительницѣ нашей, которая, со свойственною ей проникательностію и нѣжностію матери, назначила каррусель, чтобы видѣть въ немъ отличія знаменитаго дворянства. Дамы и кавалеры! съ высокимъ рожденіемъ вашимъ, неразлучны возвышенныя достоинства; они служатъ вѣрнымъ залогомъ вашихъ побѣдъ, милостей нашей Императрицы, благосклонности Наслѣдника престола и всеобщихъ похвалъ.» Потомъ, обратясь къ меньшей дочерѣ гр. П. Г. Чернышева, Наталіи Петровнѣ, сказалъ: «Графиня!—Императрица уполномочила меня вручить вамъ

первую награду. Позвольте мнѣ поздравить васъ съ этимъ высокимъ отличіемъ, и съ тѣмъ правомъ, какое предоставлено вамъ раздавать всѣмъ дамамъ и кавалерамъ остальные награды. Я, открытый съдвинами шестидесятипятилѣтней службы, старѣйшій воинъ въ Европѣ, водившій много разъ русскихъ героевъ къ побѣдамъ, я считаю единственной себѣ наградой, что былъ свидѣтелемъ и судьей вашихъ блестящихъ доблестей.»—Послѣ этого вкривѣтствіи, онъ вручилъ ей богатыя брилліантовыя пукли.— Она стала по правую его руку и раздавала награды: 1. фрейлинѣ Ан. Вас. Паниной, золотую табакерку съ брилліантами. 2. гр. Ек. Ал. Бугурлиной, брилліантовый перстень. 3. кн. Ив. Ан. Шаховскому, брилліантовую петлицу и брилліантовую луговицу на шляпу. 4. полк. Ребндеру трость съ брилліантовой головкой. 5. гр. фонъ-Штейнбоку брилліантовый перстень.— Возницамъ, за ихъ искусное управление: 1. поручику конной гвардіи фонъ-Ферзину, золотую записную книжку съ фиניфтью; 2. секундъ-ротмистру конной гвардіи Щепотьеву, золотую табакерку съ финифтью; 3. камергеру гр. Дм. М. Матюшкину, золотую готовальню съ финифтью.—Потомъ читанъ былъ приговоръ, подписанный главнымъ в 12 судьями, а именно: 1. фельдмаршаломъ гр. Батурлинымъ; 2. оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ; 3. гене-

ралъ-вицеами: кн. Голицынымъ. 4. Глазбовымъ.
5. гр. Чернышевымъ 6. Панинымъ. 7. Олицемъ. 8.
генералъ-поручиками: Веймарномъ. 9. Бергомъ.
10. Дицемъ. 11. Бибиковымъ и 12. маіоромъ кон-
ной гвардіи кн. Голицынымъ. Приговоръ былъ
слѣдующаго содержанія: «Ничто не можетъ быть
такъ лестно для рожденныхъ отъ благородной
крови, какъ предъ лицомъ Монархини и много-
численныхъ зрителей, отличиться искусствомъ въ
бѣганіи, заслужить всеобщую похвалу и награ-
ду. Изъ исторіи храбрыхъ народовъ извѣстно,
что они учреждали въ мирное время военныя
забавы, чтобы не заразиться праздностію. Эти
забавы воспаляютъ похвальное стремленіе
къ битвамъ, возвышаютъ душу и укрѣпляютъ
тѣло, и съ тѣмъ вмѣстѣ открываютъ путь къ
геройскимъ подвигамъ. Наша Монархиня, воз-
величенная во всемъ свѣтѣ своимъ миролюбі-
емъ, исполнена истиннымъ геройскимъ духомъ.
Она, воодушевляя сердца храбростію, желаетъ
заблаговременно пріучить самую мысль къ во-
инственнымъ доблестямъ, чтобы, при необходи-
мости ополченія за вѣру, отечество и престоль,
умѣли поражать враговъ. Каррусель есть школа
для воиновъ: онъ, соединяя пріятное съ полез-
нымъ, доставилъ нынѣ дорогой случай къ отли-
чіямъ и прекрасному полу.—Мы ожидали, что
въ этомъ карруселѣ пріймутъ участіе прівзміе

иноземцы, изъ дальнихъ предѣловъ царствъ, чтобы показать свое искусство; но они не явились,—хотя еще въ прошедшемъ году было объ этомъ объявлено,—не явились безъ сомнѣнія потому, что не надѣялись восторжествовать надъ нами. Отличившіеся въ бѣгу, достойно почтены наградами и мы поименовали ихъ безпристрастно.» За этимъ слѣдовали имена награжденныхъ подарками. По прочтеніи приговора, Императрица угощала участвовавшихъ въ каррусели, обѣденнымъ столомъ, за коимъ играла духовая и инструментальная музыка. Послѣ обѣда начался маскированный балъ, который продолжался до пятого часа утра. Этимъ заключился первый каррусель. Второй, возобновленный чрезъ нѣсколько недѣль, происходилъ въ томъ же самомъ порядкѣ, предъ зимнимъ дворцемъ (іюл. 11), и первую награду снова получала гр. Нат. Петр. Чернышева, которая раздавала остальные: 1. фрейлдамъ: Елизав. Ник. Чеглоковой, 2. гр. Ан. Петр. Шереметевой, 3. гр. Штейнбоку, 4. Ферзину, 5. подпоручику Жеребцову, 6. камергеру бар. Алек. Ив. Черкасову. Но какъ между братьями Орловыми открылось соперничество, доходившее до явной ссоры, и главный судья не зналъ, кому изъ нихъ отдать первенство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и награду, потому положено было рѣшить соперничество взаимнымъ ратоборст-

вомъ. На другой день явились графы Орловы въ броняхъ, и съ прежнимъ пышнымъ шествіемъ кадрилей. По данному знаку трубою, они оба начали бѣгъ съ такою стремительностію, искусствомъ и ловкостію, что долго не знали, кого предпочесть. Однако главный судья отдалъ преимущество Григ. Григор. Орлову, поднесъ присужденную ему награду, и другую тайно заготовленную, по собственному его распоряженію, лавровую вѣтвь. — Это всѣхъ изумило. — Дамы подносили ему букеты цвѣтовъ, поздравляли его съ побѣдою, и потомъ съ торжествомъ проводили его въ театръ, въ которомъ давали тогда оперу Дидона. Государыня и весь дворъ, бывъ свидѣтелемъ торжества Орлова, присутствовали въ театрѣ. Тутъ встрѣтило его рукоплесканіе и оно раздавалось непрерывно. Гр. Алексѣя Григорьевича почтили одними лестными адресами (*).

Съ тѣхъ поръ не возобновлялся каррусель, и теперь онъ совершенно забытъ.

Въ наше время лучшее удовольствіе, кромѣ танцевъ, доставляютъ театры, которые были уже извѣстны въ царствованіе Государя Алексѣя. Бояр. Арт. Серг. Матвѣевъ, будучи любителемъ театра, первый выписалъ труппу ко-

Театры.

(*) Castera: Hist. de Catherine II. т. 2. с. 27—36; С. Петербургск. вѣд. 1766 года N 51 и 58, въ прибавленіяхъ.

медіантовъ, которые играли въ преображенскомъ и кремлевскомъ дворцахъ: комедіи и трагедіи, и сверхъ этого увеселяли танцами и балетами. Изъ игранныхъ въ то время комедій, извѣстны: 1. Притча о блудномъ сынѣ. 2. О Навуходонсорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о трехъ отроцѣхъ, въ печи сожженныхъ. 3. Навуходонсоръ, Мемуханъ, Моавъ, Амонъ, Нееманъ, Корей, Лапидъ, четыре протазанщика, четыре спальника. 4. Артаксерксъ и Аманъ. 5. Омофернъ и Іудея (*). Въ разрядныхъ запискахъ 1676 года, сказано о комическихъ играхъ: «тѣшили Великого Государя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева», далѣе: «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли, и на фіолахъ, и на инструменты и танцовали», далѣе: «тѣшили Великаго Государя на заговѣнье Нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича на органахъ и фіолахъ и на инструментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами разными» (**). Народъ смотрѣлъ на это съ изумленіемъ. Онъ долго никакъ не могъ вѣрить, чтобы все это дѣлалось людьми: онъ думалъ, что нечистый духъ вселился въ нихъ и забавлялся зрителями. Многіе изъ простолю-

(*) Древ. рос. нивл. ч. VIII с. 31. 58. 187. и д.

(**) Успенскій Опытъ повѣств. о древност. русскихъ ч. 1. с. 98.

диновъ боялись говорить съ актерами, полагая, что въ нихъ поселился дьяволъ; не смѣли ѣсть изъ одной съ ними чаши, почитая оскверненнымъ; хлѣбъ, одежду и деньги неизменно принимали отъ нихъ, какъ по прочтеніи молитвы; избѣгали всякаго сообщества съ играющими на театрѣ, даже чуждались самихъ зрителей; душу актеровъ считали погибшею. Такое мнѣніе въ народѣ господствовало долго, до начала XIX вѣка. Тѣла актеровъ часто не предавали погребенію, считая ихъ за богохульниковъ и за людей живущихъ, въ дружбѣ съ чертями (*).

Царевна Софія, искореняя старинныя причуды, сама играла съ благородными дѣвицами комедію Мольера: *врачъ противу воли*. Петръ I, вводя иностранные обычаи, открылъ театральныя представленія въ Москвѣ и Петербургѣ (1700 г.); въ царствованіе Елисаветы учрежденъ въ Петербургѣ (1736 г.) театръ, со всеми правилами вкуса и дирекжировки; директоромъ его назначили Сумарокова. По прошествіи трехъ лѣтъ, былъ открытъ театръ въ Москвѣ (1759 г.). При Екатеринѣ II, проявилось желаніе посѣщать театры, во всѣхъ сословіяхъ; въ началѣ XIX вѣка оно распространилось по многимъ городамъ,

(*) Шестымъ вселенск. соборомъ, состоявшимся въ Трулѣ, опредѣлено: отлучать отъ церкви и тѣхъ, которые занимаются плясками, зрелищами и звѣриной ловлею. — Иннокентій: Начерт. церков. исторіи, ч. 4. с. 377., изд. 1838 г.

гдѣ уже устроились свои театры; завелись переходныя труппы актеровъ, которыя стали появляться на значительныхъ ярмонкахъ и въ большіе праздники, въ большихъ городахъ. Труппы балаганщиковъ, фигляровъ, комедіантовъ и фокусниковъ, разъѣзжаютъ нынѣ повсюду и показываютъ народу *свои возвышенныя представленія*. Они обыкновенно разбиваютъ на площадъ или рынкѣ, преольшую палатку, и устроивъ въ ней мѣста для зрителей на подмосткахъ, представляютъ *неслыханныя и никогда ни къмъ не виданныя игры*. До представленія объявляютъ афишками. Вотъ образецъ изъ невиданныхъ комедій: *какъ жена надѣваетъ мужу золотые рога, какъ жена сидитъ подлѣ мужа и цѣлуетъ своего дружка, какъ дѣвушка-душка, нечаянно зашла къ ненаглядному молодцу*, и пр. Какъ ни странныя таковыя представленія, но онѣ заставляютъ почтенную публику хорошенько подумать: какъ вырастаютъ рога? какъ жена цѣлуетъ дружка? и т. п.

Странствованіе труппъ по городамъ, еще въ большемъ употребленіи въ Европѣ, нежели у насъ.

Театры въ Петербургѣ, въ коемъ нынѣ три: александрійскій, большой и Михайловскій, особенно отличаются водевилями и операми, и не

уступаютъ лучшимъ иностраннымъ; но музыкой и балетами, они превосходятъ всѣ иноземныя. Всѣ наши театры (съ 1842 г.), находятся нынѣ въ вѣдомствѣ директора петербургскихъ театровъ, съ названіемъ: директора Императорскихъ російскихъ театровъ.—Наши театры поддерживаются правительствомъ, иностранные держатся содержателемъ, который, изъ вырученныхъ имъ денегъ за представленіе, платитъ актерамъ и имѣетъ еще свою прибыль.

Въ старину проводили время въ разныхъ родахъ забавъ и увеселенійхъ: въ катаніи съ ледяныхъ горъ, по льду, на конькахъ, санкахъ, качеляхъ, гаданіи и хороводныхъ забавахъ. Другіе занимались шахматами, шашками, зернами или костями; забавлялись бѣганіемъ въ запуски, борьбою, скачкою и т. п. (*)

У насъ, въ самой древности, предпочитали *Тѣлеги и сани.* экипажамъ верховую ѣзду. Такое обыкновеніе было общее всѣмъ восточнымъ народамъ, пока роскошь не выдумала удобныхъ и покойныхъ экипажей. Тѣлеги и сани, появляются у насъ съ основаніемъ нашего Государства. Бар. Герберштейнъ, бывшій у насъ въ началѣ XVI вѣка,

(*) Объ забавахъ, а именно: играхъ и хороводахъ, помѣщено въ своемъ мѣстѣ, въ IV ч. Иностранныя писатели: Герберштейнъ, Маржеретъ, Олеарій, Мечъ и другіе, говорятъ о некоторыхъ забавахъ, но списывая другъ у друга.

пишетъ (*), что въ провоздѣ его чрезъ Новгородъ, онъ слышалъ отъ жителей, что въ Новгородѣ еще хвалятся сани В. К. Ольги. — Несторъ пишетъ, что въ его время, въ концѣ XI вѣка, еще стояли сани В. К. Ольги (**). Купцы новгородскіе упросили Герберштейна, чтобы онъ оставилъ имъ въ память свою повозку (***) . При отъѣздѣ его изъ Москвы, онъ получилъ отъ Великаго Князя въ подарокъ: сани, прекрасную лошадь, съ бѣлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ, чепракъ, копченную бѣлугу, осетръ и стерлядь; а въ другой разъ: 42 соболя, 300 горностаевъ и 1,500 кунницъ. — Францискъ да Колло пишетъ, что въ отдаленныхъ странахъ Россіи, гдѣ ловятъ соболей, — тогда ловили ихъ и около Печоры, — впрягаютъ въ сани собань (****). Знатные люди ѣздили лѣтомъ въ закрытыхъ возкахъ, обитыхъ внутри краснымъ сукномъ, а зимой обрацали ихъ въ сани. Жены первостепенныхъ сановниковъ, выѣзжали въ пышной одеждѣ; величавясь знатностію, онѣ имѣли у своихъ ногъ горничную; по бокамъ шло отъ 30 до 40 слугъ. — Лошадей убрали дѣсьми

(*) Herber. Reg. Mosc. com.

(**) Нестор. лѣт. по кенгсб. сп. с. 52.

(***) Herber. Reg. Moscov. com. с. 79 ed. Antv. 1557 г.

(****) Franc. da Collo: II Trattamento и пр., пом. у

Крестами, какъ въ поѣздъ невѣсты (*). Петръ, митрополитъ сарскій и подонскій, жившій въ половинѣ XVII вѣка, ѣздилъ зимою и лѣтомъ въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, на коей сидѣлъ верхомъ кучеръ; посохъ митрополита несли впереди его. Архимандриты ѣздили въ лубочныхъ саняхъ, сидя на медвѣжьей полости, и покрывались коврами. — Царица Наталія являлась къ народу съ особой пышностію: ея сани, обитыя красной матеріею, были украшены вызолоченными двухглавыми орлами и были возимы 12 бѣлыми лошадьми, съ строусовыми перьями на головахъ; позади шли чиновные люди. Царь Алексій ѣздилъ въ перювъ, въ день своего тезоименитства, въ обитыхъ красной матеріею саняхъ, запряженныхъ одной гнѣдой лошадью; на запяткахъ его стояли бояры: кн. Я. К. Черкасскій и И. Д. Милославскій, его тесть; напередѣ стояли два комнатные стольника; впереди саней шли стрѣльцы, а по сторонамъ придворные (**).

Съ старыхъ временъ ѣздили въ рыдванъ, *Каптанахъ,* каптанахъ и колымагахъ. Каптаны были *рыдваны и*

(*) Олеар: *Oft begehr. Beschf. d. Neuen Oriental. Reise.* с. 442.

(**) Рисунки къ путешествію барона Маерберга, С.-Петербург. 1827 г., см. рисунки XLVI—XLIX; издаваемые на счетъ государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева.

к олымаги. земніе возки, обитые бархатомъ или краснымъ сукномъ; у дверецъ вставлялись слюдяныя окошкы, съ тафтяными занавѣсками. — Рыдваны были длинныя и безъ ресоръ; покрывались сукномъ. Колымаги, какъ рыдваны, дѣлались на четырехъ колесахъ и отличались отъ простой телеги тѣмъ, что внутри обивались сукномъ; въ нихъ входили по лѣстницѣ. Колымаги и каптаны дѣлались о двухъ оглобляхъ, безъ дышлага; запрягались въ одну лошадь, а другіе были столь просторныя, что въ нихъ свободно вомѣщали постель, подушки, тюфяки и теплыя одѣяла (*).

*Кареты и
коляски.*

Возокъ, который послалъ въ подарокъ Царь Борисъ Годуновъ, датскому принцу Іоанну, жениху Ксеніи, былъ похожъ на карету. Его везли шесть сѣрыхъ лошадей, убранныхъ въ красныя шлеи; все желѣзо было посеребренное; верхъ обтянутъ лазоревымъ сатъаномъ, внутренность покрыта пастрою камкой; подушки лазоревыя и темнокрасныя; по сторонамъ росписано золотомъ и красками, колеса и дышло крашенныя.

Во всей Европѣ долгое время ходили пѣнкомъ, по неимѣнію экипажей. Только принцевъ

(*) Коших: О Росс. въ царствован. Алексѣя Михайловича. с. 14.; Miege: La relat. des trois embas. de Carlisse, с. 49 ed. 1672 г.

носили на помочахъ, а вельможи и самовники ѣздили на мулахъ. Первые Французы издумали кареты, въ половинѣ XV столѣтія. При Францискѣ I, королѣ французскомъ, жившемъ въ XVI вѣкѣ, находились въ Парижѣ двѣ кареты: одна королевы, а другая Діаны, дочери Генриха II. Но придворныя дамы не заботились объ каретахъ, и только въ началѣ XVII вѣка, кареты начали входить въ употребленіе. Говорятъ, что первый изъ придворныхъ ѣздить началъ Іоаннъ де Боа-досенъ, и то по причинѣ чрезвычайной его тучности, препятствовавшей ѣздить верхомъ. Въ кареты запрягали лошадей, но въ Испаніи еще долгое время употребляли муловъ (*).

Борисъ Годуновъ, въ челѣ многихъ подарковъ, полученныхъ имъ отъ королевы Елисаветы, получилъ еще отъ нея карету, обитую бархатомъ. — Карета Маріи Мнишекъ была обита снаружи алымъ сукномъ, внутри краснымъ бархатомъ; подушки были нарчевыя, унизанныя жемчугомъ; ее запрягали въ двѣнадцать лошадей. — Съ появленіемъ каретъ, вошли въ употребленіе коляски, и онѣ запрягались въ шесть лошадей.

(*) Diction. des origines. Par. 1777 г. ч. I, с. 317, in 8.
Французское *carrosse*, обращено нами въ карету.

Распространившееся тщеславіе на богатую упряжь, заставило Царя Феодора ограничить ее: онъ указалъ, чтобы впредь съ 1682 года, бояры, околицкіе и думные впрягали въ кареты и сани по двѣ лошади, въ праздничные дни по четыре; для стоговоровъ и свадебъ въ шесть лошадей. Стольниковъ, стряпчимъ и дворянамъ велѣно ѣздить лѣтомъ верхомъ, а зимою на саняхъ въ одну лошадь. Кареты стоили весьма дорого, и потому въ началѣ еще XVIII вѣка онѣ были очень рѣдкія. Въ Петербургѣ находилась при Петрѣ I, одна наемная, которую употребляли для иностранцевъ; прочіе ѣздили въ одноколкахъ или верхами. Въ половинѣ XVIII столѣтія размножились кареты и коляски. Нарядныя кареты запрягались пугомъ въ шесть и четыре лошади; впереди ѣхали вершники, одѣтые по гусарски или по казацки; иногда шли по бокамъ скороходы и гайдуки,—последніе были одѣты по гусарски или по казацки и исполняли обязанность лакеевъ. Тогда же появились брички, дорезы, фаетоны съ кожелными фартухами и дрожки; — послѣдній экипажъ есть собственно русскій и его иностранцы не знаютъ (*).

(*). Хотя по всей Россіи употребляютъ единообразные экипажи, однако въ саратовской губерніи и смежныхъ съ нею есть совершенно отличные отъ прочихъ,—это дроги. Своимъ видомъ онѣ похожи на повозки ломовыхъ извозчиковъ, съ тою разницею, что по обимъ бокамъ приделываютъ крылья и кузовъ

Въ концѣ XVIII вѣка стали ѣздить при дворѣ на линейкахъ, при коемъ онѣ повинѣ остались въ употребленіи. Во внутренности Россіи долго не знали ни колясокъ, ни каретъ, которыя стали появляться тамъ въ концѣ XVIII вѣка, какъ диковника. Между многими тому примѣрами, это земля донскихъ казаковъ. Тамъ въ первый разъ появился тяжелый рыдванъ, въ половинѣ XVII столѣтія, при атаманѣ Данилѣ Ефремовѣ. Когда атаманша ѣздила въ рыдванѣ, тогда всѣ жители Черкаска выбѣгали на улицу, и кричали: *сама ѣдетъ!* — У этой атаманиши былъ зимній возокъ, роеписанный яркими красками и обитый: войлокомъ, цвѣтвой шелковой матерією и бархатомъ; дверцы были со стеклами и внутри стояла *посрединѣ жаровня* (*):

Русскія повозки, сани и тѣлеги служатъ доселѣ съ пользою; но сани дѣлаются нынѣ съ изысканной роскошью, въ одной только Россіи, и именно въ Петербургѣ. Ямскія почтовые повозки славятся своей прочностію и удобствомъ,

безъ рессоръ, а иногда дѣлаютъ безъ крыльевъ и кузова; мѣста для сидѣнія застилаютъ ковромъ и садятся по обѣимъ сторонамъ, часто на голой доскѣ. Запрягаютъ парой и въ одну лошадь. На этихъ дорогахъ помѣщаются до 10 душъ, мушеры и дамы вмѣстѣ; тряска во время ѣзды нестерпимая.

(*) Корнил: Русск. старина, с. 293 и 294, изд. С.П.Б. 1825 г.

а ваддайскіе колокольчики серебрянымъ звонимъ и крѣпостію. Упряжь наша отличается отъ европейской: дугами и всей збруей; нашъ кучеръ правитъ съ большой ловкостію и самоудовольствіемъ. Ямщики отличаются быстрой ѣздою; во время дороги они свистятъ, поютъ, крича на свою тройку: эй! соколики мои.— За границей, даже въ царствѣ польскомъ и Литвѣ, впрягаютъ лошадей цугомъ и безъ форейтора; одинъ кучеръ правитъ и поминутно хлопаетъ бичемъ, который несносно поражаетъ непривычный слухъ.— Въ сави, которыя испещряютъ разноцвѣтной краскою, запрягаютъ лошадей гуськомъ и привѣшиваютъ на шею колокольчики, напоминающіе своимъ трезвонимъ нашихъ маймистовъ, называемыхъ въ простонародіи чухонцами.— Въ Берлинѣ даже щеголяютъ трезвонимъ.

Омнибусы и дилижансы заведены у насъ въ недавнее время, для облегченія проѣзжающихъ изъ Петербурга въ Москву и обратно, а внутри столицы для отправляющихся въ лѣтнее время на гулянье. Весьма жаль, что они не учреждены во всей Россіи, и даже въ нашей столицѣ начали употреблять ихъ для всенедельной ѣзды недавно, кажется не болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ.— Въ Парижѣ разѣзжаютъ нѣсколько тысячъ ежедневно, и за весьма

умѣренную цѣну. Изъ одного конца столицы въ другой, тамъ можно проѣхать не болѣе за 15 в. сер., и проѣзжающихъ всегда полный omnibusъ.

Коляски и кареты дѣлаются у насъ такъ хорошо, что онѣ своей обдѣлкой не уступаютъ многимъ иностраннымъ, и сверхъ того отличаются изысканностію до расточительности. — При Петрѣ I находилась въ Петербургѣ одна наемная карета, а теперь, по вѣществіи столѣтій, уже тысячи; колясокъ и дрожекъ еще болѣе. Положеніемъ Петра I дозволено всѣмъ дворянамъ и съ званіемъ высокоблагороднымъ, ѣздить въ каретѣ парей; превосходительнымъ въ четыре лошади съ фореѣторомъ, а въ шесть высшимъ придворнымъ чинамъ. Императорскій домъ ѣздитъ въ каретѣ въ четыре лошади съ фореѣторомъ, а во время народныхъ гуляній и торжественныхъ выѣздовъ, запрягаютъ въ шесть и восемь лошадей, и весь блистательный дворъ сопутствуетъ ему въ экипажахъ придворныхъ. — Дамы одѣваются въ красное платье, шитое золотомъ; сбруя лошадей ослѣпляетъ глаза сіяніемъ.

Кромѣ дворянства, никакое другое сословіе не имѣетъ права ѣздить въ каретахъ и коляскахъ. Высшее черное духовенство, начиная отъ епископовъ до митрополита, пользуется правомъ

ѣздить четверней, а митрополиты шестерней. Кучера и ихъ лакеи ходятъ безъ бородъ, подѣваются въ черное платье. — Городской голова въ столицѣ, одинъ пользующійся правомъ являться ко двору въ каретѣ, можетъ запрягать ее въ четыре лошади. Прочее купечество и мѣщанство, можетъ разѣзжать на дрожкахъ и ѣздить въ богатѣйшихъ саняхъ, даже тройкой.

Верховая ѣзда дворянъ, сановниковъ и женскаго пола не употребляется болѣе у насъ, какъ это было прежде, и нынѣ она составляетъ щегольство однихъ охотниковъ и амазонокъ русскихъ. — Ее вытѣснили экипажи, — на все свое время. — Но можетъ быть скоро наступитъ то время, когда снова станутъ ѣздить верхомъ, какъ это нынѣ въ Англіи, по причинѣ дороговизны содержанія лошадей и экипажей. Напрасно думаютъ, что Англичане ввели у насъ верховую ѣзду: она давно была у насъ извѣстна. Англичане только сдѣлались лучшими коннозаводчиками, и любятъ верховую ѣзду потому, что дешевле имѣть одну или двѣ лошади, нежели содержать ихъ много, и еще имѣть: кучеровъ и нѣсколько экипажей и т. п. Мы не нуждаемся въ верховой ѣздѣ, потому что богаты, — но въ самомъ ли дѣлѣ богаты? Нѣтъ, мы болѣе расточительны, небережливы.

Когда проживемъ, тогда пріймемъ доказы-
вать, что ходить пѣшкомъ весьма полезно.

Съ незанятныхъ времянь употребляли *Бани.*
на востокѣ ванны. — Въ Греціи и Римѣ
онѣ вѣжли прихотливостъ сбаритокъ. Тамъ
женщины проводили все утро въ распочи-
номъ омовеніи: прислужницы натирали ихъ
благовонными мазями и сирьскивали духами; го-
ловные волосы умащивали душистыми веществ-
вами, расчесывали, переплетали и убгали; потомъ
одѣвали изнѣженныхъ красавицъ въ дорогіа тка-
ни. Теплыя ванны знали малоазійскіе Греки, еще
до времянь Гомера. Въ европейской Греціи по-
явились бани около половины VIII вѣка до Р. Х.
Посреди комнаты была устроена печь; нагрѣ-
ванная смежныя двѣ комнаты, въ конхъ пари-
лась. У Лакедемонянъ мужескій и женскій полъ,
ходилъ вмѣстѣ въ одну баню; Римляне устраи-
вали отдѣльныя для обонхъ половъ. — Они ходи-
ли въ баню до ужина; богачи натирались благо-
вонными маслами и духами. По солнечномъ закатѣ,
возвѣщали звономъ колокола объ открытіи
бань. — Въ Малороссіи и во многихъ мѣстахъ
Великороссіи, баньщикъ, ходя по улицамъ, кли-
четъ народъ: *въ баню! въ баню!* — Во время
Помпея, за 70 л. до Р. Х., полицейскіе чиновники
смотрѣли за порядкомъ и благопристойностію,
даже отецъ не могъ быть въ банѣ вмѣстѣ съ сво-

ими дѣтьми; но когда развратъ изгналъ стыдъ, тогда женщины начали мѣшаться съ мужчинами. Содержатели бань заманивали сюда молодыхъ людей, окружая ихъ красавицами; старики ходили сюда единственно для пресыщенія своихъ любострастныхъ взглядовъ (*).

Въ Россіи были извѣстны бани въ самой глубокой древности. Нашъ летописецъ Несторъ относитъ ихъ къ первому вѣку по Р. Х., когда Св. Апостолъ Андрей, проповѣдуя въ Кіевѣ Евангельское слово, отправился потомъ въ Новгородъ, гдѣ онъ увидѣлъ чудо, — парившихся въ банѣ. Въ ней, по описанію его, всѣ превращались въ цвѣтъ сваренныхъ раковъ. Накаливъ печь въ деревянныхъ баняхъ, говоритъ Несторъ, входили туда нагими и тамъ обливались водою; потомъ брали розги и начинали сами себя бить, и до того сѣкли, что едва выходили живыми; но потомъ, окатившись холодной водою, оживали. Такъ дѣлали ежедневно, и при этомъ заключаетъ Несторъ: нежѣмъ не бывъ мучимы, сами себя мучили, и совершали не омоуеніе, а мученіе. (**). Нѣкоторые обливались еще

(*) Diction. des origines, Par. 1777 г.

(**) Несторъ по кенігсб. сп. с. 8. И тако творять повся дни, ни мучимы ни чимъ же, но сами ся мучать, и тако творять не мытву себя, но мученіе.

квасомъ (*). Самъ Апостолъ Андрей разсказы-
валъ объ этомъ обрядѣ, по прибытіи его въ
Римъ. Его извѣстіе невѣрное и оно невольно
рождаетъ вопросъ: существовалъ ли тогда Нов-
городъ? Даже самый Кіевъ? Въ первомъ вѣѣ
мы никакихъ не знаемъ славянскихъ племенъ,
жившихъ на этихъ мѣстахъ. Откуда же взялись
эти города?—Нашъ лѣтописецъ конечно хотѣлъ
выставить давность бань, и не смотря на эту
погрѣшность, его преданіе уже тѣмъ важное,
что до него были въ употребленіи бани.—Онъ
между прочимъ разсказываетъ за достоверное,
что В. К. Ольга, желая наказать Древлянъ,
убившихъ ея мужа Игоря (въ 945 году), пове-
лѣла сготовить баню для древлянскихъ пословъ,
которые бы омывшись, представились къ ней.
Во время ихъ омовенія зазгли, по приказанію
Ольги, баню, въ коей сгорѣли послы (**).

У насъ долго было въ обычаѣ, чтобы для
гостей топить баню.

Намъ не извѣстно, когда появляются тор-
говья бани, но знаемъ, что онѣ были давно въ
употребленіи. — Въ древности всѣ любили ба-
ни.—Бенедиктъ, предводитель венгерскаго вой-
ска, осадивъ городъ Галичь (1211 г.), схватилъ

(*) Русская лѣтопись съ воскресенскаго списка: в *облиномъ*
квасомъ кислымъ, ч. I. с. 62 и 63, изд. 1793 г.

(**) Несторъ по кенигсб. сп. с. 49.

въ ней беззачтно мывагося кн. Романа Игоревича. — Въ старину строго наблюдали, чтобы женикъ предъ брачнымъ днемъ мылся въ банѣ, а послѣ первой супружеской ночи, ходили бы вмѣстѣ молодые. Этому обычаю слѣдовали Великіе Князья и Цари, до начала XVIII вѣка. — Лжедмитрій, бывъ уже не любимъ народомъ, за неуваженіе къ обычаямъ, былъ осуждаемъ, что онъ ни однажды не мылся въ банѣ съ своею *паганой* царицею.

Въ Греціи также было въ обыкновеніи, мыться вмѣстѣ въ банѣ. Гомеръ, описывая прелестную Полиастію, говоритъ, что юная дочь Нестора сама провожала Телемака въ баню, а невинная Эврикиссъ находилась въ банѣ съ Улиссомъ.

Нѣкоторые иностранные писатели (*) рассказываютъ еще, что если супруги проводили ночь вмѣстѣ; то они не смѣли войти въ церковь, не омывшись прежде. Во время служенія они могли стоять за дверьми церковными, но тогда подвергались посмѣянію молодыхъ людей.

Въ баню ходили инокини безъ разбора. При Екаторинѣ II правительство старалось искоренить общія бани (**), и только въ царствованіе

(*) Герберштейнъ: *Reſ. Moscov. com.*, Paul. Jov. de leg. Mosc.; Meletii: *de Russor. relig. et ritib.* ed 1584 г., Олеарій. Корбъ, Моттли и другіе.

(**) Устав. Благодѣнія.

Александра благословеннаго, онъ уничтожены навсегда, устроениемъ отдѣльныхъ бань для обохъ половъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думали, что переяславскій епископъ Еремъ, бывшій потомъ митрополитомъ, первый повелѣлъ строить торговыя бани при церквяхъ, въ 1090 г.— Епископъ, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, заложилъ *строение каменное банное*, чего прежде не было, а церкви воздвигалъ съ банями.— Баня на малороссійскомъ языкѣ значитъ куполь, верхъ церкви, а *строение каменное банное*, означаетъ крестильницы, которыя онъ утреждалъ при каждомъ храмѣ.

Бани въ такомъ нынѣ употребленіи между нашимъ народомъ, что всякій жилищный поселеницъ въ деревнѣ, имѣетъ свою собственную. (*) Иностранцы съ изумленіемъ пишутъ въ XVI и XVII вѣкахъ, что поселене ваннъ, выходя изъ бани красными, какъ раки, каталась по снѣгу или кидались въ ледянную прорубь;

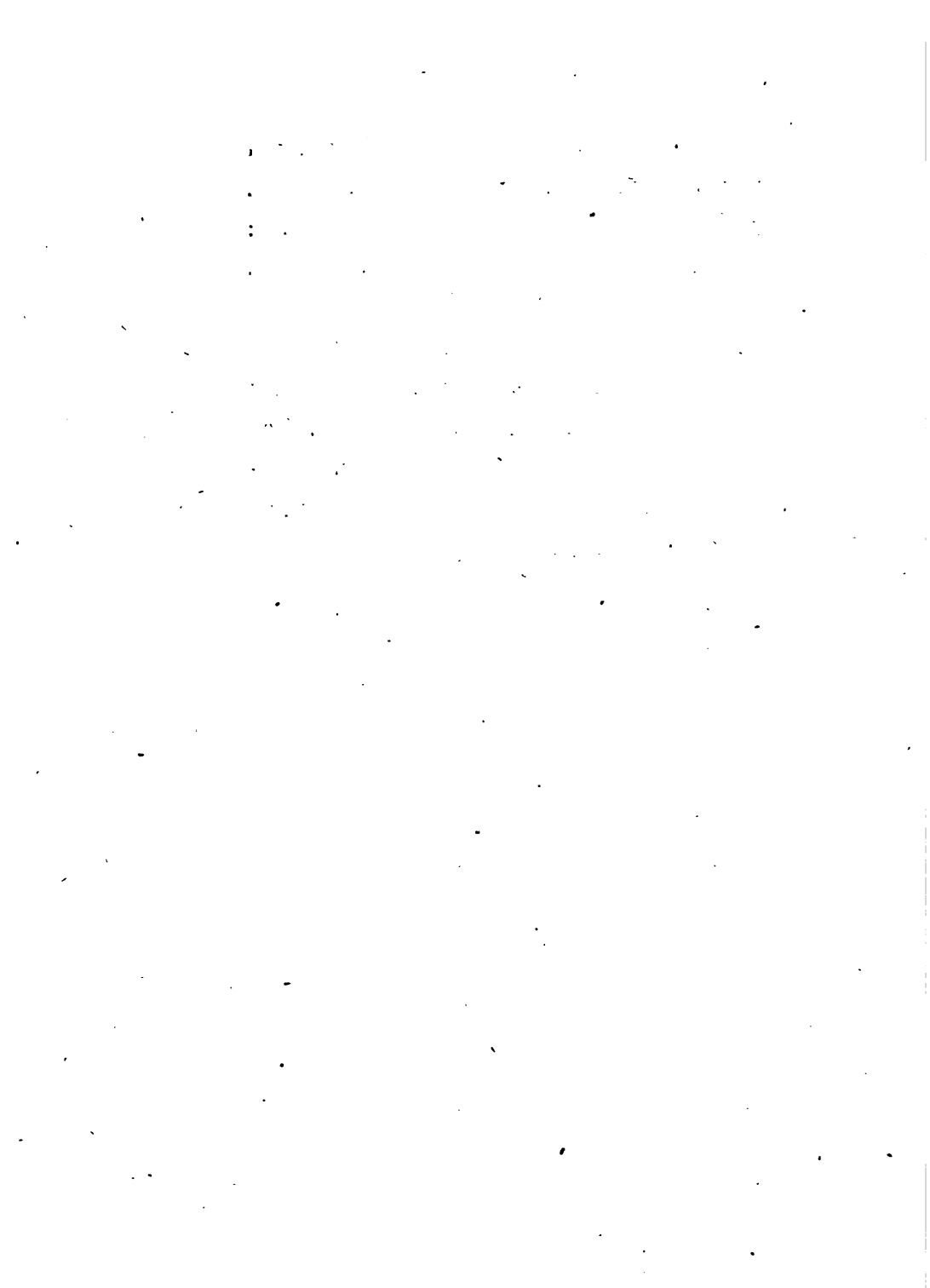
(*) Многіе парятся въ банѣ въ самомъ крѣпкомъ духу, а другіе даже въ раскаленныхъ печахъ.—И это ужъ истинные любители, которые, кувыркаясь на разостланной соломѣ, приказываютъ еще закрыть за собою заслонкою, и такъ парятся, что вылетаетъ душенька вонъ. Не смотря на это, Русской любить душныя бани, и не попариться ему въ саботу, какъ-то ему стыдно и совѣстно, и чего-то недостаетъ ему.

потомъ вновь напались, не подвергаясь никакимъ болѣзнямъ. Эта крѣпость, свойственная Русскому, нынѣ измѣнилась. Хотя встрѣчаются эти примѣры по деревнямъ, однако они не всегда проходятъ удачно. Теперь только выходятъ на колоды, чтобы нѣсколько освѣжиться, и потомъ тутъже оказываются теплой водою.

Бани неизвѣстны въ Европѣ. Въ Вѣнѣ и Парижѣ учреждены русскія бани, но онѣ далеко отстоятъ отъ настоящихъ нашихъ: тамъ не знаютъ париться вѣшниками, а только обмываются и потѣютъ; самый паръ не крѣпкій и даже слабый, и за всѣмъ тѣмъ Нѣмцы и Французы не могутъ выдержать его. Они ходятъ въ устроенныя наши бани только во время сильной простуды, ревматизма и озноба. Въ Варшавѣ учреждены очень хорошія русскія бани и онѣ, какъ говорятъ, появились тамъ въ настоящемъ видѣ съ 1852 г.

Бани, какъ средство потогонное, весьма полезны; но употреблять въ такой степени, какъ у насъ, онѣ очень вредны. Тѣло расслабляется и мозговые органы тупѣютъ; наружность теряетъ природную краску и она скоро покрывается морщинами. Этому примѣромъ служатъ женщины: онѣ старѣются ранѣе своего возраста и вянутъ; лица ихъ преждевременно блѣд-

нѣютъ и часто желтѣютъ. — Омываніе теплою водой, и въ легкомъ парѣ, весьма здорово. Мыться же холодной, несравненно здоровѣе: такое омываніе укрѣпляетъ тѣло и оживляетъ его; румянецъ бываетъ постоянно свѣжій и естественный; морщины проглядываютъ не скоро, и что важно: гораздо рѣже подвергаться можно простудамъ и головнымъ болямъ. Самая привычка къ банямъ съ дѣтства, не спасаетъ отъ ослабленія и постоянныхъ простудъ, особенно во время сыростей.

VI. МУЗЫКА.

Музыка, пѣніе и пляска, выраженіе радо-Любовь Сла-
сти, были извѣстны нашимъ предкамъ еще ^{вѣкъ къ му-}
задолго до основанія политическаго бытія Рос- ^{зыкъ.}
сін. По берегамъ балтійскаго моря жили, по из-
вѣстію византійскихъ историковъ, мирные и сча-
стливые Славяне, коихъ не могъ вооружить про-
тиву восточной имперіи самъ Балгъ, сильный
и свирѣпый аварскій ханъ. Когда Греки, воюя
съ этимъ ханомъ (въ 590 году), взяли въ
плѣнъ трехъ балтійскихъ Славянъ; тогда они
нашли у нихъ, вмѣсто оружія, киверы или гу-
сли, и узнали отъ нихъ, что въ ихъ странѣ
нѣтъ желѣза; что они не знаютъ войны, лю-
бятъ музыку и ведутъ мирную жизнь (*).
Нельзя думать, чтобы балтійскіе Славяне не
знали войны и оружія, иначе земля ихъ давно
была бы разорена; но можно допустить, что
они предпочитали миръ войнѣ; что плѣнные
три Славянина съ гуслими, находились въ ста-
нѣ хана, по обычаю восточному: одушевляя
воиновъ игрою и пѣніемъ къ битвамъ. — Если
бы всѣ прибалтійскіе Славяне занимались му-

(*) Кар. И. Г. Р. т. I, с. 26—27; Strit: Memor. popul.
т. II. с. 53 — 54, У Θεοφιλάκτα, Анаστασία и Θεοφάνα, подъ
590 году.

зыкой, то кто бы обрабатывалъ ихъ земли? Преданіе Византійцевъ можетъ подтверждать только то, что всѣ Славяне любили музыку и увеселенія: ибо изъ исторіи извѣстно, что они въ виду многочисленныхъ враговъ веселились, пѣли и забывали оцасности. Однажды Греки, напавъ ночью на станъ Славянъ, разбиди ихъ, единственно потому, что бывъ отвлеченны пѣснями, они не приняли никакихъ предосторожностей (*).

*Древнѣй-
шая музы-
ка Славянъ.*

Какіе музыкальные инструменты, прежде всего были извѣстны нашимъ предкамъ? Этого невозможно рѣшить, но слѣдуя за ходомъ образованія, мы знаемъ, что всѣ народы употребляли первоначально самые простые музыкальные инструменты, потомъ измѣняли ихъ съ постепеннымъ усовершенствованіемъ, и наконецъ дошли до того, что первоначальная музыка или осталась въ употребленіи между простымъ сословіемъ, или совсѣмъ она исчезла. Самая естественная музыка появлялась у всѣхъ полудикихъ, одноствольнымъ орудіемъ, дѣланнымъ изъ тростей и роговъ животныхъ. Первоначальная игра состояла изъ подраженій свисту вѣтровъ и пѣ-

(*) Прокопій у Стритера: *Мет. рору.* т. II. ст. 61. Прокопій называетъ ихъ пѣсни аварскими, ибо Аваровъ и Славянъ онъ считаетъ за одинъ народъ: этому мнѣнію послѣдовалъ Венелингъ, — см. его Болгары, и пр. Явились даже защитники этого мнѣнія, единственно изъ желанія противурчить историографу Карамзину.

нїю птицъ; потомъ, своими особыми звуками, они начали выражать горестъ и радость. Последовательные переходы, усовершенствуя прїятность созвучїй и согласїе тоновъ, изобрѣли многосложные инструменты, требовавшіе не одного искусства, но особаго изученїя.

Древнѣйшая наша музыка была простая, и судя по необширному образованїю нашихъ предковъ, полагать можно, что дудка и рожокъ были у нихъ самые первые инструменты; потомъ желейка, рогъ и свирѣль; наконецъ волынка, гудокъ, балалайка, ложка и гусли.

Дудка, похожая на флейту, есть весьма обыкновенный и простой инструментъ по своему устройству. Пастухи преимущественно играютъ на ней, а потому можетъ назваться пастушескимъ. Въ Россїи часто ее смѣшиваютъ съ свирѣлью; въ Малороссїи она называется сонялкою (*).

Рожокъ, древнїй пастушескїй инструментъ, употребляется понынѣ. Его звуки, въ рукахъ искуснаго музыканта, довольно хорошіе, и онъ замѣняетъ заувынный кларнетъ.

(*) Въ храмѣ, построенномъ царемъ Соломономъ, употреблялись сопки, гусли, кимвалы, трубы, органы, свирли, самвики и псалтыри, и всякаго рода музыкайска. Кн. пророка Давїда, гл. 3, с. 5—15; кн. 11. параллѣмень, гл. 5, с. 12—14; кн. 3 царствъ гл. 10, с. 12.

Жилейка или сиповка, образуетъ двойную дудку; издастъ голосъ сипеватый, отъ чего она получила настоящее названіе. — Она теперь выходитъ изъ употребленія.

Рогъ дѣлается изъ двухъ деревянныхъ согнутыхъ стволовъ, похожихъ на военные трубы; употребляется на охотѣ. Музыка роговая имѣла свою эпоху и свою моду. При Екатеринѣ II она была въ обыкновеніи. Особенно любилъ ее оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, у котораго роговая музыка разыгрывала трудные ноты и веселила гостей за изобильными пирами. — Со смертію Нарышкина, роговая музыка исчезла.

Свирѣль состоитъ изъ семи вмѣстѣ сложенныхъ дудокъ или стволовъ, такимъ образомъ, что отверстія, по которымъ пробѣгаетъ играющій касаніемъ губъ, расположены равно, и концы каждаго ствола сръзаны въ соразмѣрной постепенности, въ такомъ отношеніи, что большой или первый стволъ, превосходитъ послѣдній вдвое. Это есть древнѣйшій греческій инструментъ, коего усовершенствователемъ почитается богъ Панъ. Онъ употреблялся долгое время пастухами въ Украинѣ и во всей Малороссіи. Въ Россіи его употребляли въ сельскихъ пирушкахъ и хороводныхъ играхъ.

Вольтына дѣлается на подобіе раздувательнаго мѣха, съ тою разницею, что кожа, часто сырая, недавно снятая съ барана, какъ это бываетъ у Финновъ, надувается прирѣзленною вверху деревянной трубкою; внизу, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, прирѣзляются двѣ разной величины и разныхъ отверстій деревянные трубки, чрезъ кои, проходя воздухъ, выжимаютъ басистые голоса, а третья небольшая верхняя дудочка, имѣетъ на своемъ стволѣ нѣсколько отверстій, которыя, по волѣ играющаго, прижимаются пальцемъ и открываются, производя этимъ разные голоса и звуки. Музыка вольтыны однообразная: она безпрестанно гудеть и реветъ. Употребляется повсюду въ Россіи.

Гудокъ похожъ на скрипку: онъ о трехъ струнахъ и съ смычкомъ; рукоятка его вверху загнутая, какъ у баса, съ тремя волышками; но струны водятъ смычкомъ, который издаетъ одно гуденіе, отъ коего онъ получилъ свое названіе. Онъ употребляется донынѣ на сельскихъ шуткахъ и забавахъ.

Балалайка состоитъ изъ длинной рукоятки, на коей подѣланы лады, и изъ круглаго корпуса. На нее навязываютъ двѣ струны, кои настраиваются довольно высоко. Балалайка есть любимѣйшій инструментъ Рус-

скихъ. Ни одинъ праздникъ, ни одинъ свободный вечеръ отъ работъ, не упускается охотниками, чтобы не поиграть на ней. Самъ игрокъ и поетъ и танцуетъ. Любители веселія, услышавъ звукъ балалайки, немедленно сюда сходятся и начинаютъ разгульную пляску.

Ложки.— Два деревянные инструмента, похожіе на обыкновенныя ложки, складываются вмѣстѣ. Рукоятки ихъ унизываютъ сквозными небольшими шариками, кои бываютъ металлическіе, и оставляютъ ихъ висячими, подобно винограднымъ кистямъ. Во время музыки трясутъ ложками, которыя отъ движенія шариковъ, издаютъ многообразныя звуки. Тоны ихъ пріятнѣе бубенъ.

Гусли.— Они имѣютъ видъ легкой ручной арфы, съ мѣдными струнами; строй ихъ свободный: можно поднимать высоко и очень низко; они служатъ пріятнымъ спутникомъ для пѣнія. Это самый древнѣйшій и былъ любимѣйшій инструментъ у Евреевъ. Давыдъ прославился игрою на гусляхъ. Будучи оруженосцемъ при царѣ Саулѣ, онъ усыплялъ его гнѣвъ кнеарамъ и воспѣвалъ славу Божию (*). Въ Малороссіи долгое

(*) Исповѣдайтеся Господевы въ гусляхъ, во псалтири десятиструннѣмъ пойте Ему. . . . каѳис. 5, ст. 2. Востани слава моя, востани псалтиру и гусли. . . . каѳ. 8 ст. 9. Воспою Тебѣ въ гусляхъ, Святый Израилевъ. каѳ. 10, ст. 22. Пріймите псаломъ, и дадите тимпанъ, псалтырь красенъ съ гуслями.

время любилъ играть на гусляхъ, но нынѣ и тамъ они исчезаютъ. Въ Россіи ихъ не употребляютъ.— У Сербовъ доселѣ гусли занимаютъ первое мѣсто. Отъ береговъ Савы и Дуная до внутреннихъ владѣній Черногоріи, вездѣ слышите раздающіеся ихъ звуки, сопровождаемые восхитительнѣйшимъ напѣвомъ отечественныхъ пѣсней. Нѣтъ тамъ уголка въ деревнѣ, гдѣ бы ихъ не было, или правильнѣе сказать, нѣтъ дома, гдѣ бы они не звучали. Бывшій владѣтельный князь Сербіи, Милошъ Обреновичъ, любилъ, въ досужное время отъ государственныхъ занятій, играть на гусляхъ и пѣть подъ ихъ сладкозвучный

Вострубите въ новомѣсячій трубою, во благознаменитый день праздника вашего. каѳ. 11, ст. 3—4. И во псалмѣхъ воскликнемъ Ему: яко Богъ велий Господь, и Царь велий по всей землѣ,— каѳ. 13, ст. 3—4. Воскликнете Богови вся земля: воспойте и радуйтесь и пойте. Пойте Господеву въ гуслѣхъ, въ гуслѣхъ, и гласъ псаломствъ, въ трубахъ кованыхъ и гласомъ трубы рожаны: вострубите предъ Царемъ Господемъ. Да подвижется море и исполненіе Его, вселенная, и вси живущіи на ней. Рѣки восплещутъ рукою вкупе: горы возрадуются отъ лица Господня, яко грядеть, яко идетъ судити земля: судити вселенній въ правду и людемъ правостию. Каѳ. 13, ст. 4—9. Да восхвалятъ имя Его въ лицѣ, въ тимпанѣ и псалтири да поютъ Ему.— каѳ. 20, ст. 3. Хвалите Его во гласъ трубъ, хвалите Его во псалтири и гуслѣхъ, хвалите Его въ тимпанѣ и лицѣ, хвалите Его во струнахъ и органѣ, хвалите Его въ кимвалѣхъ dobroglasныхъ, хвалите Его въ кимвалѣхъ восклицанія. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа. — каѳ. 20, ст. 3—6. Псалтырь съ толкованіемъ, изд. Кіев. печер. лав. 1814 г.

наивъ, доблестные подвиги своихъ единоземцевъ. Любимая пѣснь сербскаго народа для русскихъ, это есть свадьба Максима Черноовича. Имя сочинителя неизвѣстно, но она красотою и силою чувствованій такъ превосходна, что не уступаетъ во многомъ простотѣ Гомера и восторгу Оссіяна. Сохраненіемъ своимъ она обязана народной памяти; переходя многія столѣтія отъ поколѣнія къ поколѣніямъ, она наконецъ въ XIX вѣкѣ сдѣлалась извѣстною въ печати, по изустнымъ преданіямъ (*).

Простой народъ употребляетъ, въ пылу веселія: табы и сквороды, въ которые онъ бьетъ палочками, согласуясь съ музыкой.

Грубная музыка, и мнѣніе о музыкѣ и пѣніи.

Ни при дворѣ Великокняжескомъ, ни въ кругу благороднаго сословія, мы не встрѣчаемъ никакой музыки. Хотя иностранецъ Контарени говоритъ, что у намѣстника Помартина была за обѣдомъ музыка; однако мы не знаемъ: какая это была музыка? При Іоаннѣ IV мы встрѣчаемъ скомороховъ и шутовъ, которые забавляли его разными играми и музыкой. Во время перваго Лжедмитрія раздавалась польская музыка, на его пиршествахъ. Должно думать, что не раньше этого времени стала появляться у насъ правильная музыка.

(*) Объ этой пѣсни см. Вука Стефановича: Народнае српске пјесме.

По извѣстію одного иностранца, употребляли для пляски и во время свадьбы, между прочими музыкальными инструментами, *псалтырь*.—Его держали на колѣняхъ и пальцами перебирали струны, какъ на арфѣ (*)—нынѣшній торбанъ. Этотъ псалтырь есть гусли царя Давида, которыя доселѣ называются въ простонародіи псалтыремъ, отъ того что вдохновенный пѣснопѣвецъ воспѣвалъ славу Божию на своихъ гусяхъ по псалмамъ (**).

Духовенство строго воспрещало забавляться музыкой (***), но однако ее употребляли на свадьбахъ и въ веселіи.

За обѣдомъ Царя Михаила Феодоровича, когда онъ угощалъ пословъ голштинскихъ, играли на арфѣ и скрипкѣ; потомъ плясали русскую искусные танцоры. Дѣвушки держали въ рукахъ пестрыя вышитыя ширинки, коими онѣ

(*) Olear: *Niel vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebesch.* ed. 1696 г. in. f. c. 109.

(**) Псалтырь Давида была десятиструнная. — Во псалтыри десятиструнномъ пойте Ему. кае. 5. ст. 2. Въ некоторыхъ мѣстахъ пѣснопѣнія Давида, гусли и псалтырь показаны какъ бы отдельными. Востани слава моя, востани псалтырю и гусли,—кае. 8 ст. 9 и др. У него псалтырь разумется собраніе псалмовъ, пѣсней, слѣдов. его сочиненіе, а не самый инструментъ.

(***) Herber. *Reg. Moscov. com. ed. Antv. 1657. г.*

махали, при выраженіи ловкихъ своихъ движеній (*).

Свадьба Царя Алексѣя Михайловича праздновалась музыкою: на дворѣ и въ передней комнатѣ, играли въ трубы и суренки и били въ литавры.

Еще въ половинѣ XII вѣка употреблялись у насъ трубы и бубны. При осадѣ Кіева, въ 1151 г., князьями: Георгіемъ суздальскимъ и Владиміромъ галицкимъ, осажденные и осаждаемые трубили въ трубы и били въ бубны. При собираніи войска для Новгородъ-сѣверскаго князя Игоря (въ 1185 г.), трубили въ трубы. Во время междоусобія Новгородцевъ съ Владимірцами (въ 1216 г.), первые имѣли 60, а послѣдніе 40 трубъ и 40 бубенъ. Во время похода Русскихъ противу волжскихъ Болгаръ, (въ 1220 г.), въ нашемъ стану были трубы, бубны, сурны и сопели (**). Въ это время были уже извѣстны флейты; въ XVI столѣтіи онѣ дѣлаются повсемѣстными, какъ видно изъ пѣсни того же вѣка.

То Лахи въ бубны вдаряють,

У свистилки да у трубы выгрываютъ,

Усе войско свое до купы у громаду скликають.

(*) Олеар: *Öftt begehrtte Beschfr. der Neuen Oriental. Reise*, с. 16 ed. 1647 г.

(**) Кіевск. лѣт.; Слово о полку Игоря; Кар. И. Г. Р. ч. III. пр. 165; Русск. лѣт. по никон. сп. ч. II. с. 343; Лѣтоп. съ воскр. сп. ч. II. с. 172.

Усе хоробрыя товарищи Запорожцы.

На коникахъ выгрывають, шабельками блискають, у бубны ударяють (*).

Въ томъ же столѣтїи появляются набаты, литавры, флейты и сиповки.

Первоначальный видъ трубъ намъ неизвѣстенъ, но должно думать, что онѣ были прямыя, какъ у древнихъ народовъ, и состояли изъ одного колѣна, и потомъ, измѣняясь въ устройствѣ, онѣ получили настоящій видъ: т. е. трехколѣнные и прямыя. — Къ трубамъ привѣшивали шнуры съ кистями и *завьсы* четверугольныя: изъ парчи, камки и тафты, съ серебряной и золотой бахромою (**). Въ походахъ, для предохраненія отъ пыли и сырости, надѣвали суконныя чехлы, называвшіеся *нагамищами*, *ольстрами* и *чемоданами* (***).

Бубны небольшая мѣдная чаша, съ натянутою на верху ея кожею. Конные прикрѣпляли ихъ къ сѣдлу, а пѣшіе держали лѣвой рукою и били воцгагою, плетеной изъ толстаго ремня на подобіе палки, съ прикрѣпленнымъ на концѣ ея ременнымъ шаромъ. У каждаго воеводы былъ привѣшанъ къ

(*) Максим. Украин. народ. пѣсн. с. 22 и 27 изд. 1834 г.

(**) Въ рисункахъ къ путешествію бар. Маерберга, изд. госуд. канцл. гренамъ Н. П. Румянцовымъ, въ 1827 году, показаны трубачи играющими на трубахъ съ завьсами.

(***) Историч. опис. одеждъ и вооруженій, ч. I. с. 106.

его съдлу *тулумбазъ* или *жулумбасъ*, поменьше бубень, въ который онъ самъ былъ во время надобности.

Бубны часто принимаются у нашихъ старинныхъ извѣстїяхъ, за одно съ *накрыми* (*).

Сурны, длинная узкая и прямая труба, съ загнутымъ нижнимъ отверстїемъ.

Къ ратному строю принадлежитъ еще *набатъ*. Это большой величины мѣдный барабанъ, который укрѣплялся на деревянномъ щитѣ, поощїю цѣпей: его утверждали на четырехъ рядомъ поставленныхъ лошадяхъ. Для ударенїя въ него, употребляли восемь человекъ (**). Каждый воевода имѣлъ свой набатъ, въ который, по его распоряженїю, производили тревогу въ войскѣ, отсюда произошло выраженїе: *бить въ набатъ* (***)).

Селившїеся у насъ Нѣмцы, вводили постепенно разнообразныя инструменты. Духовен-

(*) Кар И. Г. Р. т. X пр. 404. Въ словарь рос. акад. *накры* названы старинными бубнами.—Накры, названїе франконскихъ Славянъ, употребляется доселѣ между Французами.—*La Combe: Diction. de vieux langage François, ед. 1762 г., см. pasaire.*

(**) Флечеръ: *The ambassage her Maj. to the Theodor of Emper. of Russia, с. 547.* помѣнъ въ сбрав. Галл. ed Lond. 1809 г.; Marger. *État de l'empire de Russie, ed. Par. 1607 г.*

(***) Некоторые думаютъ, что *набать* перешелъ къ намъ отъ Татаръ, см. Истор. опис. одеждъ и оружія, ч. 1. с. 107.

ство осуждало Русскихъ, пристрастныхъ къ музыкѣ, и оно запрещало имъ веселиться ею. Патриархъ, говоритъ Олеарій, запретилъ всѣ музыкальные инструменты, употреблявшіеся Русскими во время пиршествъ и увеселеній. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, онъ велѣлъ обыскать всѣ дома частныхъ людей, и найденные инструменты, бывъ сложены на пяти большихъ возахъ, приказалъ свезти за рѣку Москву и сжечь. Однимъ только Нѣмцамъ дозволялось имѣть музыку и веселиться (*). Это однакожъ не воспрепятствовало многимъ боярамъ держать музыку и веселиться ею. Бояринъ Матвѣевъ, былъ страстный ея любитель, и онъ не только имѣлъ своихъ музыкантовъ, но выписалъ еще иностранную труппу актеровъ, которые представляли комическія пьесы и балеты, сопровождавшіеся музыкой. Такое нововведеніе столь было непріятное всѣмъ поклонникамъ старины, что во время изгнанія Матвѣева, ему ставили въ вину, между многими несправедливыми на него обвиненіями, что онъ любилъ музыку и занимался чернокнижіемъ. Тогда это считали преступленіемъ государственнымъ. — Бояринъ Язымовъ, первый министръ и любимецъ Царя Θεодора, не препятствовалъ распространенію музыки и не обра-

(*) Олеар: Voyage en Moscovie, с. 350 и 360.

щаль вниманія на тѣхъ, которые считали ее дьявольскимъ увеселеніемъ. Царевна Софія, вопреки невѣжественному мнѣнію, поддерживала любителей музыки, такъ что въ началѣ XVIII столѣтія Петру В. менѣе уже стоило трудовъ ввести музыку, хотя и тогда простой народъ и нѣкоторые изъ бояръ смотрѣли на нее съ негодованіемъ, и избѣгали слушать ее, боясь нечистой силы, будтобы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на томъ свѣтѣ; раскаившихся не допускали къ причастію безъ покаянія.

Входившее въ обыкновеніе пѣніе, равно было осуждаемо: думали, что разнообразное измѣненіе голоса и по нотамъ, нельзя выполнить человѣку безъ содѣйствія злыхъ духовъ. Такое мнѣніе, поддерживаемое гонителями добраго и полезнаго, невольно укрѣпляло невѣжество въ ложномъ мнѣніи; за всѣмъ тѣмъ многіе уже любили музыку и пѣніе, и если не смѣли открыто заниматься ими, то и не упустили случая участвовать во время игръ и пѣнія (*). Петръ В.

(*) Korb: Diar. itiner. in Moscov., c. 205 ed. Vien. in f.--Ludendi periti externi adsunt, quos fovent, dum canunt, concertu enim satis delectatis.

Гюи-Аретини приписываютъ соединеніе музыкальныхъ тоновъ въ одно цѣлое, называемое гаммою. Каждому изъ звуковъ оны далъ приличное названіе, извлеченное имъ изъ гимна св. Іоанна:

успѣлъ разсвѣять нравъ невѣжества, успокоить совѣсть старовѣровъ и убѣдить, что музыка, доставляя веселіе невинное, смягчаетъ грубость нравовъ, возвышаетъ чувство и ведетъ непосредственно ко всему изящному.

Въ продолженіи XVII столѣтія вошли уже *Появленіе*
многіе музыкальные инструменты. Барабанъ, *другихъ*

Ut — queant laxis,
Re — sonare fibris;
Mi — ra gestorum
Fa — muli tuorum!
Sol — ve polluti
La — bi reatum.

О времени введенія прибавочнаго *si*, неизвѣстно. — Гюн-Аретинъ род. въ Ареццо, во Флоренціи въ 995 г.; померъ послѣ 1030 г. Онъ былъ бенедиктинскій монахъ. Папа Іоаннъ XX, призвалъ его къ своему двору, и поручилъ ему образовывать пѣвческую съ музыкою. Примѣчательныя его сочиненія, о музыкѣ и пѣніи: 1. Antiphonarium. 2. Micrologus, sev de disciplina artis musicæ. 3. Musicæ regulæ rhythmicæ in antiphonarij, sev prologum prolate. 4. Regulæ de ignoto cantu identidem in antiphonarij sui prologum prolatæ. 5. Epistola Guidonis Michaeli monacho, de ignoto cantu directa. 6. Tractatus Guidonis correctorius multorum errorum, qui fiunt in cantu gregorianò in multis locis. 7. Quomodo de arithmetica procedit musica. — См. Diction. des origin. — Par. 1777 года.

Korb: Diar. itiner. in Moscov. ed. Vien. in f. c. 32. Circa decimam diei autem Smolenscium pulcherimo ordine ingressi clangentibus tubicum nostrorum tubis ipsa fortaliti moenia intravimus, quæ ante resonare non cessarunt, quam dominus ablegatus ad assignatam sibi habitationem sibi reciperet. — Такъ описываетъ Корбъ музыку, сопровождавшую посланника.

инструментовъ. Литавры, гобой, тарелки, варганъ, кларнетъ и скрипки, забавляли уже веселившихся.

Первоначальная наружность барабана была также самая, какая и нынѣ: Деревянное лукошко, вызолоченное или выкрашенное, два вокругъ его обруча и двѣ натянутыя кони, составляли все его устройство. Въ полкахъ носили барабанъ на широкой тесьмѣ или на кожанномъ ремнѣ, повѣшаномъ чрезъ правое плечо; хранили въ суконныхъ чехлахъ, называвшихся нагалищемъ и чемоданомъ.

Барабанъ не былъ извѣстенъ Грекамъ; Римляне его употребляли для созыванія солдатъ на войну. Иные думаютъ, что введеніе барабана принадлежитъ Сарацинамъ. Эдуардъ III, король англійскій, при въѣздѣ его въ Кале, въ первый разъ услышалъ барабанный звукъ, въ 1347 г. (*).

Литавры тоже самое, что бубны, дѣлались по больше ихъ и притомъ мѣдныя; бывали и серебряныя. Къ нимъ привѣшивали для украшения *застѣжки*: суконныя и камчатныя изъ яркихъ цвѣтовъ, съ серебряными и золотыми шнурами, кистями и бахромой. Въ литавры

(*) Diction. des origines ed. Par. 1772 года.—Барабанъ древнее названіе франкоискіеъ *Sarrasinъ* & *bagaban*, *bassin de cuivre*, sur lequel on frappe pour annoncer quelque chose.— La Combe: Diction. du vieux langage François, изд. 1762 г.

блин-небольшими шарочками, съ закругленнымъ на концѣ шарикомъ.

Варганъ, занесенный въ намъ изъ Польши, которая получила его изъ Германіи, есть небольшое металлическое орудіе, съ тонкимъ по срединѣ язычкомъ. Приложивъ его на зубы и вдыхая въ себя воздухъ, бьютъ слегка пальцемъ по язычку, который, по мѣрѣ измѣняемаго воздуха, издаетъ довольно пріятные звуки. Имъ забавляются дѣти и дѣвушки. Въ Малороссіи онъ употребительнѣе, нежели въ Россіи, и должно думать, что въ Малороссію онъ зашелъ прежде, потому что она находилась очень долгое время подъ вліяніемъ Польши, которая измѣнила самый языкъ ея.

Органъ, отъ него испорченное слово варганъ, введенъ католическимъ духовенствомъ при богослуженіи, не ранѣе IV столѣтія; употребляется нынѣ почти во всѣхъ христіанскихъ церквяхъ, кромѣ греко-россійской (*). Изъ духовнаго органа образовались танцевальныя и застольныя органы, а эти послужили въ употребленію клавировъ или фортепьянъ.

(*) Въ псалмѣ царя Давида встрѣчается названіе органа: хвалите Его во струнахъ и органа, — кае. 20. ст. 4. — Давидъ жилъ за 1050 л. до Р. Х., а органъ введенъ въ IV столѣтія по Р. Х. Органъ Давида былъ духовой инструментъ, совсемъ другого образованія, нежели нынѣшній, — но какой именно? — объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Военная и духовая музыки, образовались у насъ не прежде половины XVIII вѣка, Императрица Елизавета, до возшествія своего на престолъ, часто проводила время въ кругу любителей музыки; поощряла высокимъ своимъ вниманіемъ искусныхъ артистовъ и вводила музыкальные вечера.—Въ концѣ XVIII столѣтія музыка проникла во все сословія гражданъ; тогда распространились фортепяны, арфы, гитары и скрипки. Хотя арфа давно употреблялась на пирахъ, однако она была забыта весьма долгое время, и теперь появляется изрѣдка. — Изъ всехъ инструментовъ, скрипка господствовала предъ всеми: не было ни одного веселія, не проходило ни одной пирушки, гдѣ бы она не раздавалась.—За всемъ тѣмъ наши предѣды предпочитали духовую музыку многострунной.—На балахъ и свадьбахъ, гремѣли уже повсюдные оркестры, во второй половинѣ XVIII вѣка. *Громъ победы раздавался*, веселилъ сердца русскихъ, потому что въ немъ выражалась слава Екатерины Великой, которую народъ любилъ, какъ свою нѣжную мать, и теперь не можетъ забыть ее. Наша Матушка, говорилъ простолюдинъ, тѣшила насъ и сама тѣшилась. То-то была радость! то-то было веселье на Руси!—Императрица Екатерина устроила однажды, на голось *громъ победы*, изумительную музыку. Тамъ, гдѣ слѣдовало выдѣ-

лывать звуки грома, струнами и голосомъ, она замѣнила ихъ пушечными выстрѣлами, которые съ необыкновеннымъ согласіемъ сопровождали чудный оркестръ музыкантовъ и пѣвчихъ. Небо и земля, казалось, внимали восторженному грому Великой Монархини.

Фортепьяно и арфа, заняли въ послѣдствіи почетныя мѣста въ кругу благородныхъ; стали учиться не только игрѣ, но и пѣнію подъ звукъ этихъ инструментовъ, и страсть къ нимъ до того распространилась, что женскій полъ сталъ было предпочитать музыку умственному образованію. Нынѣ арфа не въ употребленіи, но фортепьяно господствуетъ повсюду, такъ что съ знаніемъ фортепьяной музыки, тѣсно слилось образованіе дѣвушекъ, для конхъ: говорить по французски, играть на фортепьяно и танцовать, составляютъ необходимое условіе воспитанія.—Гитарь долгое время употреблялась женскимъ и мужескимъ поломъ, какъ пріятный и легкій инструментъ для музыки и пѣнія; теперь она изгнана изъ высшаго круга; ею занимаются одни любители, барскіе и вольнонаемные слуги: гитарь доставляетъ имъ пріятное услажденіе. Многіе изъ слугъ играютъ на ней самоучкой, и разыгрываютъ съ такою правильностію, какъ по нотамъ; игру свою всегда сопровождаютъ пѣніемъ изъ любимыхъ русскихъ пѣсень.

Императоръ Павелъ I началъ устроить духовую музыку при полкахъ, и по употребленію ея въ полкахъ, она называется военною. Хотя при Екатеринѣ II существовала кавалергардская музыка, или трубачи; однако она не простиралась далѣе гвардіи. Императоръ Александръ повелѣлъ завести духовую музыку при всѣхъ полкахъ, и нынѣ она неразлучна съ потребностію вкуса: по городамъ она замѣняетъ оркестры артистовъ, веселитъ застольное радостіе и оживляетъ вечернія собранія. Съ повсюднымъ распространеніемъ музыки, не болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, чрезвычайно измѣнились нравы и образъ жизни: во всѣхъ сословіяхъ проникли вкусъ и сознаніе изящнаго. Императорская гвардія славится военной музыкою, которая часто раздаётся при Царскихъ пируествахъ, и она участвуетъ въ оркестрахъ отличныхъ артистовъ. Приѣзжающіе къ намъ самые прославленные виртуозы, не обходятся безъ музыки гвардейской.

*Природное
свойство
Русскихъ
къ веселію.*

Русскіе отъ природы имѣютъ склонность къ музыкѣ и пѣнію. По городамъ и деревнямъ, не бываетъ ни одного веселія безъ музыки: скрипки, басъ и бубны, непрестанно находятся повсюду; они играютъ по одному слуху. Образовалось даже сословіе музыкантовъ, подъ именемъ

скрипачей, которые всегда извѣстны въ своемъ околоткѣ и приглашаются на вечеринки.

Въ Малороссіи и юго-западной Россіи, страсть *Бандуристы.* къ музыкѣ сдѣлалась наслѣдственною, такъ что она отъ отца переходитъ къ сыну. Бандуристы малороссійскіе, отличные пѣснопѣвцы и музыканты, издревле славившіеся, нѣжили долгое время слухъ и чувство. Бандуристы, преимущественно изъ слѣпцевъ и стариковъ, гомеровскіе пѣвцы, ходили изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, и своей музыкою и пѣніемъ отечественныхъ пѣсней, приводили въ восторгъ самыхъ знатоковъ. Они ходили съ повѣшенной на шеѣ бандурой, родъ арфы, настроенной 12 и даже 28 металлическими струнами; трогали слухъ богатымъ согласіемъ звуковъ и восхищали душу и сердце. Во время возстанія Малороссіи противу угнетенія Польши, они находились въ военномъ станѣ казаковъ и воспаляли ихъ къ битвамъ.

Вотъ образцы заунывныхъ пѣсней, сопровождавшихся печальнымъ звукомъ бандуры.

Ой! беда, беда

Чайцы небози,

Що вывела дитокъ

При битой дорози.

Киги! киги! зметивши въ гору,

Прійшло втопыцца у чорнымъ морю!

Жито поспило,

Приспало діло;

Идутъ жевъцы жаты,
Дитокъ забираты.

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлоь втопыцца у чорнымъ морю!

Ой дити, дити!
Де васъ подиты?
Чи мени втопыцца,
Чи зъ гора убыцца?

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлоь втопыцца у чорнымъ морю!

И куликъ чайку,
Взявъ за чубайку!
Чайка кигиче:
Згнѣть ты, куличе!

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлоь втопыцца у чорнымъ морю!

А бугай бугу,
Гне чайку въ дугу:
Не кричи чайко,
Бо буде тязко!

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлоь втопыцца у чорнымъ морю!

Якъ не кричаты,
Якъ не литаты!
Дитки маленьки,
А я ихъ маты!

Киги! киги! злетивши въ гору,
Прійшлоь втопыцца у чорнымъ морю!

Маты взпорхнула,
Крыльцемъ взмахнула!

Женьцы ворожиты.

Гайда! втыкаты.—

Киги! киги! застивши въ гору,

Прійшлось втопыцца у чорнымъ морю!

Эта пѣсня поется весьма жалобнымъ голосомъ, и думаютъ, что она сочинена гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. Чайка или рыболовка, изображаетъ здѣсь плачъ угнетенной Малороссіи; ея дѣти, это казаки; битая дорога, Малороссія, которую окружали со всѣхъ сторонъ Татары и Поляки; чрезъ нее они проходили для взаимныхъ опустошеній, и ее грабили во время своихъ переходовъ. Женьцы, ея враги; куликъ, польское правительство; бугай, болотная птица (баранъ), которая, сидя между тростникомъ и рѣчной травой, издаетъ тяжкій голосъ бугу,— означаетъ здѣсь угнетеніе, согнувшее Малороссію въ дугу.

Ой спавъ путачъ на могилн,

Да и крикнувъ винъ: пугу!

Чи не дасть Богъ козачинькамъ,

Хоть теперъ потугу!

Що день, що нить, усе ждемо,

Поживы не маемъ!

Давно була!— Не разъ

Хмельниченька згадаемъ!

Ой колись мы воевали,

Да бильши не будемъ!

Того щастья и той доли,

Повинъ не забудемъ!

Даже сабли зржались,
 Мушкеты без курявъ;
 Аще сердце козацьке,
 Не боцца Ляхивъ! (*)

Пугачъ,—сычъ, представляетъ здѣсь казака, уснувшаго на могилѣ своей страны; вдругъ онъ встрепенулся и закричалъ гробовымъ голосомъ, по своей родинѣ: пугу! не дастъ ли Богъ хоть теперь отрады казакамъ!—Послѣ смерти Хмельницкаго, Малороссія была тревожна внутренними смутами честолюбивыхъ своихъ гетмановъ, и отъ нихъ она погибла.—Вся эта пѣсня выражаетъ печаль и она поется весьма грустно.

Воспоминаніе о славѣ козацькой:

Полягла козацька молодецка голова,
 Якъ одъ втру на степу трава!
 Слава не помре, не поляже,
 Лицарство козацьке всякому розкаже.

Объ уманьскомъ полковникѣ Максимѣ Жидизнякѣ:

Лита орель, лита сизый
 По пидъ небесами;
 Гуля Максимъ, гуля батько,
 Степами, лисами.—
 Лита орель сизокрилий,
 А за нихъ орляте.

(*) Окончательный стихъ: не боцца Ляхивъ, иные поютъ *Туркивъ*. Первое окончаніе должно быть справедливѣе, потому что Богданъ Хмельницкій защищалъ Малороссію отъ Поляковъ.

Гуля Максимъ, гуля батько,
А за нимъ хлопьята.
Запорожцы ти хлопьята,
Сыны его диты.
Помиркуе, загадае:
Чи быты, чи пнты?
Чи тавьцоваты? —
Тай ушкварить,
Ажъ земля трасецця.
Заспивае, заспивае,
Ажъ лыхо сміеця.
Горилку, медъ не чаркою,
Поставцемъ черкае;
А вороги заплююцившись,
Ката не мивае.
О такій то нащъ отаманъ,
Орелъ сязокрылый,
И воюе и гарцюе.
Зъ усіей силы.
Нема въ его ни осели,
Ни саду, ни ставу;
Степь и море скрызъ битый шляхъ,
Скрызь золото, слава.
Шагуйтея жъ вражи Лахи,
Скажени собаки.
Иде Зилзнякъ чорнымъ шляхомъ,
За нимъ гайдамаки (*).

(*) Шевченко: Гайдамаки, С. П. Б. 1844 г. с. 52. 53. Жилзнякъ жилъ около половины XVIII вѣка. — Мнѣ не удавалось слышать, чтобы ее пѣли; но здѣсь она приведена по особой своей красотѣ и силѣ выраженій.

Въ другихъ мѣстахъ бандуристы называются *слылыми кобзарами* (*). Они укрѣпляли духъ народный, среди неволи и томленія; оживляли его напоминаніями о доблестныхъ своихъ мужахъ, и воспѣвали счастливую свободу. Заунывные звуки бандуры, нерѣдко исторгали слезы у казаковъ, клявшихся умереть за свою родину.— Съ успокоеніемъ Малороссіи, бандуристы сохранили въ своихъ напѣвахъ дѣянія предводителей казаковъ, коихъ имена дошли до насъ въ немногихъ пѣсняхъ: въ нихъ превосходно изображаются удаельство вождей и казаковъ, даже самый вѣкъ, и поясняются историческія событія малороссійскаго края.

Цимбалы
или кимс-
алы.

Другой употребительный инструментъ, не менѣе любимый между Малороссіянами, это цимбалы. Они родъ фортепьяно, съ металлическими струнами, безъ клавишей. На нихъ играютъ помощію ударенія по струнамъ, стальною небольшою палочкою, или надѣваніемъ на пальцы металлическихъ наперстковъ. Цимбалы или кимвалы, сопровождаются духовымъ инструментомъ и пѣніемъ. Звукъ ихъ громкій и весьма пріятный, но онъ болѣе издаетъ кручину тоскующей души.

(*) *Кобза* по малороссійски значитъ бандура, а *кобзарь* бандуристъ.

Племена славянскія очень любятъ музыку, *Музыкаль-
ная извѣст-
ность Чеховъ.*
изъ нихъ преимущественно славятся наши еди-
ноплеменники Чехи, кои изъ среди себя произве-
ли многихъ превосходныхъ артистовъ.—Знаме-
нитые Моцарты, Бетговеты и другіе, сами от-
давали имъ преимущество. Моцартъ не хотѣлъ
никогда разстаться съ Прагою, называя ее сто-
лицею музыки. Вѣнскій театръ состоялъ, и ны-
нѣ составленъ, изъ лучшихъ богемскихъ музы-
кантовъ и пѣвцовъ.

ПОГРЪШНОСТИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Страница.	Строки.	Напечатано.	Чтати.
Въ предувѣдомленіи			
1.	4.	; но,	, а
30.	24.	говорять	говорилъ.
38.	16.	Струйса	Струйса
42.	22.	Ипатьевскій	ипатьевскій
—	24.	Сусанивъ, извѣстилъ	Сусанивъ извѣстилъ,
43.	23.	съ золотою гривною ;	съ золотою гривною,
46.	4.	когда пировали, богатырь	когда пировали, тогда бо- гатырь
68.	18.	зверей	звѣрей
85.	12.	цѣсяи 2.	цѣсяи?
119.	7.	днп.	днями.
138.	24.	проиттекають	пронотекающіа
168.	23.	въ Башниг.	въ Бишинг.
173.	32.	nouvelle	nouvelle
144.	7.	цѣльа города	цѣльае города.
207.	24.	ви въ кусныхъ	ви вкусныхъ
223.	18.	безумія :	безумія:
228.	13.	Татарами	Татарами
234.	16.	запросятъ, —	запросятъ. —
241.	25.	зерна, кушали	зерна кушали.
243.	3.	золотыхъ сосудовъ	золотыхъ сосудовъ
250.	5.	многіа подарки	многіе подарки
—	12.	на крестъ	на крестъ
259.	25.	по полулки	по полулки
266.	21.	каравановъ	каравановъ
277.	1.	не прежде	не прежде
285.	3.	съ прикуской	въ прикуску
—	27.	не видеть	не видеть
292.	25.	ниѣна	ниѣна
301.	9.	инженера	инженера
314.	2.	исподнія	споднія
—	9.	и войны	и войны
315.	6.	кругаме	круглыми
—	23.	распространились	распространились
16.	33.	короткіе	короткіа

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Чтеть.
322.	2.	Юаннъ III,	Юанна III,
—	3.	писала:	писалъ:
323.	16.	особенныя	особенные
330.	16.	кадита	кадита
333.	23.	черныя	черные
334.	12-13.	покойницъ	покойницы
—	20.	hïstoïren	hïstorien
336.	18.	роскошь, давно знакомая па- шамъ предкамъ,	роскошь, давно была знакома нашимъ пред- камъ; что
339.	7.	положить	допустить
343.	3.	рмяги	сермяги
—	24.	рмяги	сермяги
353.	1.	скій	скій
361.	11.	стоящими	стоящими
—	21.	вышевались	вышивались
381.	29.	для соленія, икры,	для соленія и приобрѣ- тенія икры,
439.	4.	обычаемъ	обычаемъ.

YD 196

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8001000562

913284

DK 32
TA
v. 1

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY